

INSPIRIA

Люсинда
Райли
Оливковое
дерево

INSPIRIA

Annotation

Есть поверье, что каждый, кто посетит Пандору, непременно влюбится.

Пандора – старинный дом на Кипре, который Хелена, профессиональная балерина, получила в наследство от крестного. В юности она провела там отпуск, который изменил ее жизнь и о котором она никогда не рассказывала близким.

Проходят годы, Хелена приезжает в особняк с мужем и сыном. Но дом не зря имеет такое название. Вернувшись, Хелена словно бы открывает Ящик Пандоры, что хранит все ее беды и секреты. Она вновь встречает свою первую любовь – и это грозит сломать всю ее жизнь. Более того, ее сын Алекс, кажется, в шаге от того, чтобы повторить судьбу матери. Хелене предстоит заново найти с ним общий язык и решить для себя, что в ее жизни верно, а что нет.

Роман от автора цикла "Семь сестер" Люсинды Райли, чьи книги проданы в мире тиражом более 44 млн экз. Новая масштабная история о любви, семейных тайнах и ошибках юности. Это "самостоятельный" роман, что не входит ни в какие циклы.

- [Люсинда Райли](#)
  -
  - [Алекс](#)
  - [Июль 2006 года](#)
    - [ДНЕВНИК АЛЕКСА](#)
    - [α](#)
    - [ДНЕВНИК АЛЕКСА](#)
    - [β](#)
    - [ДНЕВНИК АЛЕКСА](#)
    - [γ](#)
    - [ДНЕВНИК АЛЕКСА](#)
    - [δ](#)
    - [ДНЕВНИК АЛЕКСА](#)
    - [ε](#)

- ДНЕВНИК АЛЕКСА
- ζ
- ДНЕВНИК АЛЕКСА
- ζ
- ДНЕВНИК АЛЕКСА
- η
- ДНЕВНИК АЛЕКСА
- θ
- ДНЕВНИК АЛЕКСА
- ι
- ДНЕВНИК АЛЕКСА
- $\iota\alpha'$
- ДНЕВНИК АЛЕКСА
- $\iota\beta'$
- ДНЕВНИК АЛЕКСА
- $\iota\gamma'$
- ДНЕВНИК АЛЕКСА
- $\iota\delta'$
- ДНЕВНИК АЛЕКСА
- $\iota\epsilon'$
- ДНЕВНИК АЛЕКСА
- $\iota\zeta'$
- ДНЕВНИК АЛЕКСА
- $\iota\zeta'$
- ДНЕВНИК АЛЕКСА
- $\iota\eta'$
- Август 2006 года
  - ДНЕВНИК АЛЕКСА
  - $\iota\theta'$
  - ДНЕВНИК АЛЕКСА
  - κ'
  - ДНЕВНИК АЛЕКСА
  - $\kappa\alpha$
  - ДНЕВНИК АЛЕКСА
  - $\kappa\beta$
  - Хелена
  - $\kappa\gamma$

- [ДНЕВНИК АЛЕКСА](#)
- [кδ](#)
- [Хелена](#)
- [кє](#)
- [ДНЕВНИК АЛЕКСА](#)
- [кζ](#)
- [ДНЕВНИК АЛЕКСА](#)
- [кζ](#)
- [кη](#)
- [ДНЕВНИК АЛЕКСА](#)
- [кθ](#)
- [λ](#)
- [ДНЕВНИК АЛЕКСА](#)
- [λα](#)
- [ДНЕВНИК АЛЕКСА](#)
- [Алекс](#)
  - [19 июля 2016 года](#)
  - [ЗАПИСКИ АЛЕКСА](#)
  - [λβ](#)
  - [ЗАПИСКИ АЛЕКСА](#)
  - [λγ](#)
  - [ЗАПИСКИ АЛЕКСА](#)
  - [λб](#)
- [Слова благодарности](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)

- [13](#)
  - [14](#)
  - [15](#)
  - [16](#)
  - [17](#)
  - [18](#)
  - [19](#)
  - [20](#)
  - [21](#)
-

Люсинда Райли

Оливковое дерево

*«Настоящему
» Александру*

*Идешь за
тенью —
ускользает,
Уходишь прочь
— бежит вослед.*

Бен Джонсон

*(перевод Евг.
Фельдмана)*

Алекс

«Пандора», Кипр

19 июля 2016 года

Дом я вижу еще с дороги, пока объезжаю опасные рытвины, не только не засыпанные за прошедшие десять лет, но ставшие глубже. Еще немного тряски на ухабах, и я останавливаю машину и просто сижу, глядя на Пандору. В реальности дом не такой уж очаровательный – ничего общего с гляцевыми фотографиями на сайтах элитной недвижимости. Если не считать фасада, он скорее чопорный, практичный, почти аскетичный – точно такими я всегда представлял его прежних обитателей. Построенный из светлого местного камня и квадратный, как домики из «лего», которые я строил в детстве, он вырастает из окружающих его безводных известняков, пышно заросших, насколько хватает глаз, неяркими виноградниками. Я пытаюсь совместить эту реальность с картинками из памяти – снятыми и сохраненными десять лет назад – и решаю, что память меня не подвела.

Припарковав машину, иду вдоль крепких стен ко входу и вступаю на террасу, благодаря которой Пандора из разряда заурядных попала в высшую лигу. Пройдя по террасе, я направляюсь к краю, к балюстраде, установленной как раз там, где земля начинает отлого скатываться вниз. А там – пейзаж все с теми же виноградниками, разрозненными выбеленными домиками и купами олив. И вдали мерцающая аквамариновая линия, разделяющая небо и землю.

В небе проводит показательные выступления заходящее солнце: желтые лучи проникают в синеву, превращая ее в темный янтарь. Интересно, я-то всегда думал, что из желтого и синего получается зеленый. Смотрю направо, на сад под террасой. За красивыми внутренними изгородями, которые так аккуратно высадила моя мать, десять лет никто не ухаживал, и, лишенные внимания и воды, они

были поглощены безводной землей и вытеснены уродливыми колючими сорняками – сорт неизвестен.

Там, в центре сада, со все еще привязанным обрывком от гамака, в котором любила лежать моя мать – его веревки похожи на старые разломаченные спагетти, – стоит олива. Когда-то я прозвал ее «Старица», потому что все взрослые вокруг говорили, какая она старая. За прошедшие годы все вокруг умерло и разложилось, а она только стала выше и величественнее, очевидно твердо решив выжить за счет более слабых ботанических соседей.

Как это прекрасно: метафорический триумф над невзгодами, и каждый миллиметр корявого ствола как гордое свидетельство борьбы.

Вот интересно, почему люди ненавидят карту своей жизни, которая появляется на их собственных телах, и при этом восхваляют дерево вроде этого, или выцветшую картину, или почти заброшенное, необитаемое здание за их древность.

Размышляя таким образом, поворачиваюсь к дому и с облегчением вижу, что по крайней мере снаружи Пандора выдержала небрежение последних лет. У главного входа достаю из кармана железный ключ и открываю дверь. Проходя по темным комнатам, спрятанным от света закрытыми ставнями, осознаю, что мои эмоции притупились... и это, пожалуй, к лучшему. Я не смею начинать чувствовать, потому что это место – вероятно, больше, чем какое-либо другое, – хранит ее дух...

Полчаса спустя я уже открыл ставни нижнего этажа и убрал чехлы с мебели в салоне. Стоя в тумане пылинок, танцующих в свете заходящего солнца, вспоминаю, каким старым все здесь казалось в тот первый раз. И глядя на продавленные кресла и потертую кушетку, думаю, что, может быть, как с оливой, после определенного момента «старый» – это просто старый и с виду больше не стареет, как седые бабушка и дедушка для маленького ребенка.

Разумеется, единственное в этой комнате, что изменилось до неузнаваемости, – это я. У нас, людей, львиная доля нашей физической и умственной эволюции происходит в первые наши годы на планете Земля: от младенца до взрослого в мгновение ока. После этого, по крайней мере внешне, мы всю жизнь до самого конца выглядим более или менее так же, просто становясь более оплывшей и менее привлекательной версией себя же молодых, по мере того как гены и

гравитация делают свое черное дело. Что до эмоциональной и интеллектуальной стороны... ну, остается верить, что существуют какие-то бонусы, компенсирующие медленную деградацию наружной упаковки. И возвращение сюда, в Пандору, четко показывает наличие таких бонусов. Выйдя в коридор, я посмеиваюсь над «Алексом», каким был когда-то. И поеживаюсь, вспоминая себя прежнего: тринадцатилетний, занятый только собой и, если подумать и вспомнить, вообще сущее наказание.

Открываю дверь в «Кладовку для метел» – так я нежно прозвал комнату, в которой обитал в то долгое жаркое лето десять лет назад. Потянувшись к выключателю, сознаю, что не ошибался по поводу миниатюрных размеров помещения, которое, кажется, сжалось еще больше. Все мои шесть футов один дюйм ступают внутрь... интересно, если закрыть дверь и лечь, придется высовывать ноги в крохотное окошко, как Алисе в Стране чудес?

Поднимаю взгляд на полки по обеим сторонам этого вызывающего клаустрофобию помещения и вижу, что все книги, которые я скрупулезно расставил в алфавитном порядке, по-прежнему на месте. Инстинктивно достаю одну из них – «Награды и феи» Редьярда Киплинга – и листаю в поисках знаменитого стихотворения. Читаю строки «Если» – мудрые слова, написанные отцом сыну, – и вдруг чувствую, как на глаза наворачиваются слезы по подростку, каким я был тогда: мне так отчаянно хотелось найти отца. А потом я нашел его – и понял, что у меня уже был отец.

Возвращая Редьярда на полку, замечаю рядом книжку в твердом переплете. Это же дневник, который мать подарила мне на Рождество за несколько месяцев до моего первого приезда в Пандору. Семь месяцев я каждый день писал в нем прилежно и, зная меня тогдашнего, высокопарно. Как все подростки, я считал, что мои идеи и чувства уникальны и революционны, что такие мысли никогда не приходили в голову ни единому человеческому существу до меня.

Печально качаю головой и по-стариковски вздыхаю над этой наивностью. Я не взял дневник с собой, когда мы вернулись в Англию после того долгого лета в Пандоре. И вот он, десять лет спустя, снова у меня на ладонях, только руки гораздо больше. Записки о последних месяцах детства, перед тем как жизнь затащила меня во взрослость.

Забрав дневник с собой, выхожу из комнаты и поднимаюсь наверх. Неуверенный, в какой из комнат устроиться, брожу по довольно темному, душному коридору и, глубоко вздохнув, направляюсь к ее комнате. Собрав все мужество, каким обладаю, открываю дверь. Возможно, это игра воображения – что еще может быть после десяти лет отсутствия, – но я убежден, что меня окутывает аромат духов, которыми она когда-то пользовалась...

Плотно закрыв дверь, еще не в силах заглянуть в шкатулку Пандоры, переполненную воспоминаниями, которые разлетятся из любой из этих спален, отступаю вниз. Оказывается, уже спустилась ночь, за окном кромешная тьма. Смотрю на часы, добавляю разницу во времени и понимаю, что здесь почти девять вечера. И пустой желудок урчит, требуя пищи.

Забираю вещи из машины и раскладываю в кладовой припасы, купленные в деревенском магазине, потом несусь хлеб, фету и очень теплое пиво на террасу. Сидя там в тишине, чистоту которой иногда нарушает разве что сонная цикада, прихлебываю пиво и размышляю, такой ли уж хорошей была идея приехать на два дня раньше остальных. Даром что у меня диплом с отличием по специальности «созерцание пупка». Мне даже предложили работу, где этим надо заниматься все дни напролет. Эта мысль, по крайней мере, вызывает у меня смешок.

Чтобы как-то отвлечься, открываю дневник и читаю надпись на первой странице.

«Дорогой Алекс, с Рождеством! Постарайся вести его регулярно. Возможно, интересно будет почитать, когда станешь старше.

Крепко целую, мама».

Что ж, мама, будем надеяться, ты права.

С легкой улыбкой бегло проглядываю страницы напыщенной прозы, добираясь до начала июля. И при свете тусклой лампочки, висящей под навесом у меня над головой, начинаю читать.

Июль 2006 года

Прибытие

ДНЕВНИК АЛЕКСА

10 июля 2006 года

У меня совершенно круглое лицо. Уверен, можно начертить круг циркулем, и только очень редко его края и мое лицо не совпадут. Я его ненавижу.

Еще внутри круга пара румяных, «как яблочки», щек. Когда я был младше, взрослые часто щипали их: брали пальцами и сжимали. Они забывали, что мои щеки – не яблоки. Яблоки неодушевленные. Они твердые, они не чувствуют боли. Если они помяты, это только на поверхности.

У меня, впрочем, красивые глаза. Они меняют цвет. Моя мать говорит, что, когда я живой внутри, полон энергии, они ярко-зеленые. Когда я напряжен, они становятся цвета Северного моря. Лично я считаю, что они скорее серые, но они довольно большие и формой напоминают персиковую косточку, и брови (темнее волос, по-девчоночьи блондинистых и прямых как солома) красиво их дополняют.

В данный момент я смотрюсь в зеркало. Слезы пощипывают глаза, потому что, когда я на себя не смотрю, в воображении могу быть кем угодно. Свет здесь, в крохотной туалетной кабинке, резкий и сияет вокруг моей головы, как нимб. Зеркала в самолетах хуже всего: в них ты похож на свежевыкопанного двухтысячелетнего мертвеца.

Под футболкой видна плоть, выпирающая над шортами. Захватываю ее в горсть и сжимаю, превращая в нечто вроде пустыни Гоби. Вот дюны, а между ними складочки-распадки, из которых могли бы прорасти пальмы, как в оазисе.

Потом я тщательно мою руки.

В принципе, мои руки мне нравятся, потому что они, кажется, не присоединились к походу в Пузырьландию, куда в настоящее время решило перебраться почти все мое тело. Мать говорит, что это «щенячий жирок», что гормональная кнопка с надписью «тянуться

вширь» сработала с первого нажатия. К несчастью, кнопка «тянуться вверх» одновременно дала сбой. И, похоже, залипла.

Кроме того, сколько жирных щенков мне встречалось? Обычно они стройные – постоянное возбуждение изматывает их.

Может быть, мне пригодилось бы возбуждение.

Есть и положительный момент: полет дает ощущение невесомости даже жирным. И в этом самолете много людей гораздо жирнее меня. Я смотрел. Если я – Гоби, то мой нынешний сосед – самая настоящая Сахара. Его предплечья свисают с подлокотников, кожа, мускулы и жир проникают в мое личное пространство, как мутирующий вирус. Меня это конкретно раздражает. Я держу свою плоть при себе, в отведенном мне пространстве, даже если это приводит к мышечному спазму.

Отчего-то в самолетах мне думается о смерти. Объективности ради, о смерти я думаю, где бы ни находился. Вероятно, смерть чем-то похожа на невесомость, ощущаемую здесь и сейчас, в этой металлической трубе. Во время прошлого полета моя младшая сестра спросила, умерла ли она, потому что кто-то сказал ей, что бабушка живет на облаке. Увидев в иллюминаторе облако, она решила, что летит к нему.

Почему взрослые рассказывают детям такие нелепые сказки? Это всегда плохо кончается. Лично я никогда в них не верил.

Родная мать давным-давно перестала их на мне испытывать. Она любит меня, моя мать, хотя я и превратился в мистера Пузырь за последние несколько месяцев. И она клянется, что когда-нибудь мне придется присесть на корточки, чтобы увидеть свое лицо в забрызганном водой зеркале вроде этого. Очевидно, я происхожу из семьи высоких мужчин. Успокаивает это не особо. Я читал, что гены перескакивают через поколения, и – с моим-то везением – буду первым за сотни лет жирным гномом среди мужчин-Бомонтов.

Кроме того, она игнорирует противостоящую ДНК, которая поучаствовала в моем создании...

Об этом я твердо решил побеседовать во время каникул. И пофиг, сколько раз она пытается слиться и как бы случайно сменить тему. Куст крыжовника вместо отца больше не сгодится.

Мне надо знать.

Все говорят, что я похож на мать. Но что им еще говорить-то? Едва ли можно сравнить меня с неопознанным сперматозоидом.

Вообще говоря, факт, что я не знаю, кто мой отец, возможно, также дополняет уже заведшуюся у меня манию величия. Что очень вредно, особенно для ребенка вроде меня... если я еще ребенок. Или был им когда-то, в чем я лично сомневаюсь.

В этот самый миг, когда тело мое с грохотом проносится над Центральной Европой, мой отец мог быть кем угодно, кого я решу вообразить, – любим, кто подойдет мне в данный момент. Например: вдруг мы вот-вот разобьемся, а у командира только один запасной парашют. Я представлюсь ему как его сын, и ему надо будет спасти меня, ведь правда?

Однако, если подумать, возможно, лучше не знать. Мои стволовые клетки могли зародиться где-нибудь на Востоке, и тогда для общения с отцом мне пришлось бы учить северокитайский, каковым языком сверхтрудно овладеть.

Иногда мне хочется, чтобы мама была больше похожа на других матерей. В смысле, она же не Кейт Мосс какая-нибудь, потому что она довольно старая. Но ужасно неловко, когда мои одноклассники и учителя, да и любой мужчина, который приходит к нам в дом, смотрят на нее вот так. Все ее любят, потому что она добрая и веселая и умеет и готовить и танцевать. Кажется, ее хватает на всех, но мне мало моей доли и бесит сам факт, что приходится делить ее с другими.

Потому что я люблю ее больше всех на свете.

Она родила меня без мужа. Сто лет назад я бы родился в ночлежке и мы оба, наверное, через несколько месяцев умерли бы от туберкулеза. Нас похоронили бы в бесплатной могиле для нищих, и наши скелеты вечность лежали бы вместе.

Я часто задумываюсь: не смущает ли ее живое напоминание о своей аморальности в моем лице? Не из-за этого ли она отсылает меня в школу?

Проговариваю «аморальность» перед зеркалом. Люблю слова. Я коллекционирую их, как одноклассники коллекционируют футбольные карточки или девочек – в зависимости от уровня зрелости. Мне нравится брать слова и складывать в предложение, чтобы выразить свою мысль как можно точнее. Возможно, когда-нибудь я захочу

сделать эту игру профессией. Скажем прямо, мне никогда не играть за «Манчестер Юнайтед», учитывая мои нынешние физические данные.

В дверь колотят. Как обычно, я потерял счет времени. Смотрю на часы и понимаю, что провел здесь больше двадцати минут. Теперь мне придется выйти к очереди сердитых пассажиров, которым не терпится пописать.

Еще раз смотрюсь в зеркало – последний взгляд на мистера Пузырь. Потом отвожу глаза, делаю глубокий вдох и выхожу из кабинки, как Брэд Питт.

а

Один

– Мы заблудились. Придется остановиться на обочине.

– Господи, мама! Тьма кромешная, и мы повисли над утесом!

Здесь *нет обочины*.

– Перестань паниковать, дорогуша. Я найду безопасное место.

– Безопасное? Ха! Я бы захватил с собой ледоруб и крюки, если бы знал.

– Вон там дальше карман. – Хелена рывком прошла крутой поворот на незнакомой машине и резко затормозила. Заметив, что сын зажмурился, она положила руку ему на колено. – Можешь смотреть. – Потом она глянула через окно в долину с крутыми склонами, на огоньки, мерцающие на побережье далеко внизу, и выдохнула: – Какая красота!

– Нет, мама, это не «красота». «Красота» – это когда мы не затеряны в глубинах чужой страны и нам не грозит верная смерть от низвержения с высоты две тысячи футов. Здесь что, никогда не слышали об отбойниках?

Хелена, не обращая на него внимания, нащупала над головой переключатель подсветки салона.

– Передай мне карту, дорогуша.

Алекс повиновался, и Хелена принялась ее рассматривать.

– Она вверх ногами, мама, – заметил сын.

– Подумаешь, – она перевернула карту. – Имми еще спит?

Алекс обернулся посмотреть на пятилетнюю сестру, раскинувшуюся на заднем сиденье с плюшевой овечкой Лэмби под мышкой.

– Угу. Оно и к лучшему. От этой поездки у нее могла бы остаться травма на всю жизнь. Мы никогда не затащим ее на Башню свободного падения в «Элтон-тауэрс», если она увидит, где мы сейчас.

– Так, я знаю, где ошиблась. Нам надо развернуться и спуститься с холма...

– Горы, – поправил Алекс.

– И повернуть налево у указателя на Катикас. Вот, – Хелена отдала карту Алексу и переключила ручку, давая, как она считала, задний ход. Машина дернулась вперед.

– МАМА! Господи!

– Прости.

Хелена неуклюже развернулась в три приема и вывела машину на дорогу.

– Я думал, ты знаешь это место, – пробормотал Алекс.

– Дорогуша, я была всего на пару лет старше тебя, когда приезжала сюда в последний раз. К твоему сведению, это почти двадцать четыре года назад. Но я уверена, что сориентируюсь, когда мы доберемся до деревни.

– Если доберемся.

– О, перестань ныть! Тебя не влекут приключения? – Хелена с облегчением увидела указатель на Катикас и повернула. – Все окупится, когда мы приедем, вот увидишь.

– Там даже пляжа нет. И я ненавижу оливки. И Чандлеров. Руперт тот еще козе...

– Алекс, прекрати! Не можешь сказать ничего хорошего – просто заткнись и не мешай вести.

Алекс погрузился в угрюмое молчание, пока Хелена заставляла «Ситроен» карабкаться вверх по крутой дороге, досадуя, что самолет задержался и приземлился в Пафосе уже после заката. К тому времени, как они прошли паспортный контроль и взяли напрокат машину, совсем стемнело. Она предвкушала, как поедет в горы, как снова переживет яркие воспоминания детства и увидит их заново глазами собственного отпрыска.

Но жизнь часто не оправдывает ожидания, думала Хелена, особенно когда доходит до жизненно важных воспоминаний. И она признавала, что память о лете, которое она пятнадцатилетней девочкой провела здесь, в доме крестного, была присыпана волшебным порошком.

И пусть это смехотворно, но ей было надо, чтобы Пандора была такой же идеальной, как ей помнилось. Умом она понимала, что это невозможно, что увидеть ее снова, наверное, будет все равно что встретить первую любовь двадцать четыре года спустя: запечатленную

мысленным взором, сияющую силой и красотой молодости, но наяву седеющую и медленно разлагающуюся.

И Хелена знала, что *это тоже возможно...*

Да будет ли он еще там?

Она крепче сжала руль, решительно оттолкнув эту мысль.

Дом, носящий имя Пандора, который в те времена казался особняком, наверняка будет меньше, чем ей помнилось. Старинная мебель, привезенная из Англии Ангусом, ее крестным отцом, еще когда тот возглавлял остатки Британской армии, дислоцированные на Кипре, производила впечатление изысканной, элегантной, недоступной. Кушетки, обитые зеленовато-голубой камкой, в затемненной гостиной (ставни обычно закрыты, чтобы не впускать свет заходящего солнца), георгианский письменный стол в кабинете, где Ангус сидел по утрам, вскрывая письма тоненьким миниатюрным мечом, и громадный обеденный стол красного дерева, гладкая поверхность которого напоминала каток... все стояли в ее памяти, как стражи.

Пандора пустовала уже три года, с тех пор как проблемы со здоровьем вынудили Ангуса вернуться в Англию. Постоянно ворча, что медобслуживание на Кипре ничуть не хуже, а то и лучше, чем государственная служба здравоохранения на родине, даже он нехотя признал, что отсутствие пары надежных ног и постоянные поездки в больницу (сорок пять минут в одну сторону) не особенно приемлемы для жизни в горной деревушке.

В конце концов он сдался и уехал из любимой Пандоры, а шесть месяцев назад умер от пневмонии и тоски. Уже хрупкое тело, которое провело большую часть своих семидесяти восьми лет в субтропическом климате, так и не сумело приспособиться к беспросветной влажной серости шотландского пригорода.

Он оставил Хелене, своей крестнице, все – включая Пандору.

Она расплакалась, когда узнала; слезы, смешанные с виной, что она так и не удосужилась почаще навещать его в доме престарелых.

Звонок мобильного из глубин сумочки ворвался в ее мысли.

– Дорогуша, ответь, пожалуйста, – попросила она Алекса. – Это, наверное, папа. Хочет узнать, как мы доехали.

Алекс безуспешно, как обычно, порылся в маминой сумочке и выловил мобильник, как раз когда тот перестал звонить. Он проверил

СПИСОК ЗВОНКОВ.

– Это таки был папа. Перезвонить ему?

– Нет. Позвоним, когда доберемся.

– Если доберемся.

– Разумеется, доберемся. Я начинаю узнавать окрестности. Нам осталось не больше десяти минут.

– Была здесь «Таверна Гэри» в ту пору? – осведомился Алекс, когда они миновали светящуюся неоновую пальму перед аляповатым ресторанчиком, заполненным игровыми автоматами и белыми пластмассовыми креслами.

– Нет, но это новая связующая дорога, рассчитанная на обслуживание проезжающих. В мое время к деревне вела дорога чуть лучше грунтовки.

– В той кормушке есть «Скай-ТВ». Может, сходим как-нибудь вечером? – спросил он с надеждой.

– Возможно, – представление Хелены о сладостных вечерах, которые они будут проводить на чудесной террасе Пандоры с видом на оливковые рощи, попивая местное вино и лакомясь сорванным прямо с ветки инжиром, не включало телевидение или неоновые пальмы.

– Мама, насколько примитивен дом, куда мы направляемся? В смысле, электричество там есть?

– Конечно есть, глупыш. – Хелена молилась, чтобы его переключили на местную жительницу, у которой хранились ключи. – Послушай, мы как раз поворачиваем в деревню. Еще несколько минут, и мы на месте.

– Наверное, я мог бы доехать до того бара на велосипеде, – пробормотал Алекс, – если было бы на чем.

– Я ездила до деревни из дома почти каждый день.

– Это был велосипед-паук?

– М-да, очень смешно! Это был старомодный дорожный велосипед с тремя передачами и корзиной спереди. – Хелена улыбнулась воспоминанию. – Я забирала хлеб из пекарни.

– Вроде того велосипеда, на каком ведьма в «Волшебнике из страны Оз» проезжает мимо окна Дороти?

– Точно. А теперь тихо, не мешай. Из-за новой дороги мы подъезжаем с другого конца улицы, и мне надо сориентироваться.

Впереди уже были видны огни деревни. Хелена притормозила, когда дорога начала сужаться и под колесами заскрипела щебенка. Наконец по обеим сторонам дороги выстроились дома из светлого кипрского камня.

– Смотри, вон впереди церковь, – Хелена указала на здание, которое было душой маленькой общины Катикас. Во внутреннем дворике несколько юнцов облепили скамейку, на которой лениво развалились две темноглазые девочки. – Это центр деревни.

– Настоящее злачное место, сразу видно.

– По-видимому, за прошедшие несколько лет здесь открылась пара хороших таверн. И смотри, вон магазин. Они расширились на соседний дом. Здесь продается абсолютно все, что можно пожелать.

– Я загляну за самыми последними дисками «Олл америкэн риджектс», хорошо?

– Ну знаешь! – терпение Хелены лопнуло. – Все уже поняли, что ты не хотел ехать, но ради бога, ты еще даже не видел Пандору. По крайней мере, дай ей шанс – ради меня, если не ради себя самого!

– Ладно. Прости, мама, прости.

– Деревня когда-то была очень живописной, и, судя по тому, что я вижу, это не сильно изменилось, – сказала Хелена с облегчением. – Но завтра мы могли бы отправиться на разведку.

– Мама, мы уже выезжаем из деревни, – нервно заметил Алекс.

– Да. Тебе сейчас не видно, но с обеих сторон у тебя виноградники. Когда-то фараоны возили отсюда вино в Египет – таким хорошим оно было. Вот наш поворот, я уверена. Держись крепко. Эта дорога довольно тряская.

Оказавшись на разбитой грунтовке, петляющей среди виноградников, Хелена переключилась на первую передачу и включила дальний свет, чтобы преодолеть коварные ухабы.

– И ты ездила здесь на велосипеде каждый день? – удивился Алекс. – Ого! Удивительно, что ты не оказалась в винограде.

– Иногда оказывалась, но тут надо знать, где худшие места. – Хелену, как ни странно, успокоило, что ухабы никуда не делись. Она боялась асфальта.

– Мы почти приехали, мамочка? – раздался сонный голос с заднего сиденья. – Очень трясет.

– Да, дорогуша, почти. Буквально еще несколько секунд.

Да, почти...

Смесь возбуждения и смятения струилась в крови Хелены, когда они свернули на узкую дорожку и впереди показался темный массивный силуэт Пандоры. Машина въехала в ржавеющие кованые ворота, неизменно открытые все эти годы и теперь уже почти наверняка неспособные двигаться.

Хелена остановилась и выключила двигатель.

– Приехали.

Никто из двоих детей не отозвался. Оглянувшись, она увидела, что Имми снова уснула. Алекс сидел рядом, глядя прямо перед собой.

– Пусть Имми поспит, а мы поищем ключ. – Хелена открыла дверцу, и ее окутал теплый ночной воздух. Выбравшись, она остановилась и вдохнула полузабытый крепкий запах олив, винограда и пыли – бесконечно далеко от асфальтовых дорог и неоновых пальм. Воистину, обоняние – *самое* сильное из чувств, подумала она. Оно воссоздает какой-либо особенный момент, атмосферу, с ювелирной точностью.

Хелена удержалась и не спросила Алекса, что он думает о доме, потому что думать еще было *ничего* и она не вынесла бы отрицательной реакции. Они стояли в полном мраке позади Пандоры с заколоченными, как в военном городке, ставнями.

– Ужасно темно, мама.

– Я снова включу фары. Ангелина сказала, что оставит заднюю дверь открытой. – Хелена потянулась в машину и включила свет. Потом подошла к двери, Алекс следом. Латунная ручка легко повернулась, Хелена толкнула дверь и нащарила выключатель. И, задержав дыхание, нажала. Прихожую внезапно залило светом.

– Слава богу, – пробурчала она, открывая еще одну дверь и щелкая выключателем. – Это кухня.

– Вижу. – Алекс прошелся по большой душевой комнате, вмещавшей раковину, древнюю духовку, большой деревянный стол и кухонный буфет во всю стену. – Здесь очень примитивно.

– Ангус редко сюда наведывался. Всеми домашними делами занималась домработница. Сомневаюсь, что он хоть раз в жизни готовил сам. Кухня была практически местом работы, а не зоной комфорта, как в наши дни.

– Где же он ел?

– На террасе, разумеется. Здесь все так делают, – Хелена повернула кран. Струйка воды сначала неохотно брызнула, потом превратилась в поток.

– Здесь, кажется, нет холодильника, – заметил Алекс.

– Он в кладовой. Ангус так часто принимал здесь гостей, а до Пафоса так долго ехать, что он установил холодильную установку внутри кладовой. И скажу сразу: нет, в те времена здесь не было морозильника. Дверь слева от тебя. Пойди проверь, там ли еще холодильник, хорошо? Ангелина сказала, что оставит нам молоко и хлеб.

– Конечно.

Алекс ушел, а Хелена, включив по дороге свет, прошла в главный коридор в передней части дома. Ее шаги гулко отдавались от потертых каменных плит, уложенных в шахматном порядке. Она посмотрела на парадную лестницу – тяжелые резные перила сооружены искусными мастерами из дуба, который, как она помнила, Ангус специально привез из Англии. Позади нее, словно часовые, стояли старинные часы, но больше не тикали.

«Время здесь остановилось», – подумала она, открывая дверь в гостиную.

Голубые камчатые кушетки были покрыты чехлами. Хелена стянула один и опустилась в пуховую мягкость. Ткань, все еще безусловно чистая, казалась хрупкой под пальцами, словно ее материя медленно истиралась. Хелена встала и подошла к одному из двух французских окон, выходящих на переднюю часть дома. Открыла деревянные ставни, защищавшие комнату от солнца, отомкнула тугую железную ручку и вышла на террасу.

Алекс нашел ее там несколько секунд спустя.

– Судя по звукам, у холодильника тяжелый приступ астмы, – сказал он, – но молоко, яйца и хлеб в нем есть. И нам определенно хватит вот этого, это уж точно, – Алекс помахал перед ней огромной розовой палкой салями. Хелена не ответила. Сын облокотился на балюстраду рядом с матерью. – Красивый вид, – добавил он.

– Впечатляюще, правда? – она улыбнулась, радуясь, что ему нравится.

– Крохотные огоньки там внизу – это побережье?

– Да. Утром ты увидишь за ним море. А еще оливковые рощи и виноградники, уходящие вниз в долину, и горы с обеих сторон. Вон там в саду есть великолепная олива, очень старая. По преданию, ей больше четырехсот лет.

– «Старица»... как и все здесь, – Алекс посмотрел вниз, потом налево и направо. – Это место, оно очень, э-э-э, на отшибе, да? Я не вижу других домов.

– Я думала, здесь могли все застроить, как на побережье, но нет. – Хелена повернулась к сыну: – Обними меня, дорогуша, – она обвила его руками. – Я так рада, что мы здесь.

– Я рад, что ты рада. Если ты не против, давай сходим за Имми? Я боюсь, что она проснется, испугается и убежит куда-нибудь. А я умираю от голода.

– Давай сначала сбегает наверх и найдем, где ее уложить. Потом я попрошу тебя помочь мне отнести ее в спальню.

Хелена повела Алекса обратно через террасу, помедлив под увитой виноградом перголой, предоставляющей желанное укрытие от полуденного солнца. Длинный чугунный стол – белая краска облупилась, поверхность покрыта гниющими виноградными листьями – все еще одиноко стоял под ней.

– Вот здесь мы ели днем и по вечерам. И все должны были одеваться прилично. Купальники или мокрые плавки за столом Ангуса не допускались, как бы жарко ни было, – добавила она.

– Ты же не заставишь нас одеваться как тогда, да, мама?

Хелена взъерошила густые волосы сына и поцеловала его в макушку.

– Я буду считать, что мне повезло, если сумею хотя бы собрать вас всех за столом, что бы вы ни носили. Как изменились времена, – вздохнула она, потом протянула ему руку. – Идем разведем, что там наверху.

* * *

Уже ближе к полуночи Хелена наконец устроилась на маленьком балконе в спальне Ангуса. Имми крепко спала на огромной кровати из красного дерева. Хелена решила, что завтра устроит дочь в одной из

комнат с двумя кроватями – когда найдет, где хранится постельное белье. Алекс улегся прямо на голом матрасе в одной из комнат дальше по коридору. Он закрыл все ставни, чтобы защититься от комаров, – пусть даже в результате комната превратилась в настоящую сауну. Ночь была совершенно безветренной.

Хелена залезла в сумочку, вытащила мобильник и мятую пачку сигарет. Положила оба предмета на колени и уставилась на них. Сначала сигарета, решила она. Ей не хотелось, чтобы чары рассеивались. Она знала, что Уильям, ее муж, не скажет специально ничего, что вернет ее обратно к реальности, но, скорее всего, так и будет. И в этом не будет его вины, ведь совершенно логично рассказать жене, приходил ли мастер починить посудомойку, и спросить, куда она спрятала мусорные пакеты, потому что завтра вывозят мусор и его надо вынести. Конечно, она же будет рада услышать, что у него все под контролем.

Да... она будет рада. Просто не *сейчас*...

Хелена закурила, вдохнула дым и задумалась, почему есть что-то такое чувственное в курении жаркой средиземноморской ночью. Ее самая первая затяжка случилась всего в нескольких ярдах от места, где она сидела сейчас. Тогда она виновато наслаждалась нарушением закона. Двадцать четыре года спустя она все так же чувствовала себя виноватой, мечтая избавиться наконец от этой привычки. Тогда она была слишком молода, чтобы курить; теперь, под сорок, слишком стара. Эта мысль вызвала улыбку. История ее молодости – между последним разом, когда в этом доме она выкурила первую сигарету, и сегодняшним вечером.

Тогда было столько надежд, перед ней раскинулась взрослая жизнь. Кого она полюбит? Где будет жить? Куда уведет ее талант? Будет ли счастлива?...

И теперь почти на все эти вопросы были получены ответы.

– Пожалуйста, пусть этот отпуск будет близок к идеалу, – прошептала она дому, луне и звездам. Последние несколько недель ее охватило какое-то чувство обреченности, которое она, как ни пыталась, просто не могла стряхнуть. Вероятно, из-за того, что быстро приближалась круглая дата... или просто потому, что она знала, что возвращается *сюда*...

Хелена уже чувствовала, как волшебная атмосфера Пандоры охватывает ее, будто дом счищает с нее защитные слои и обнажает до самой души. Совсем как в прошлый раз.

Погасив недокуренную сигарету и выбросив окурок в ночь, она взяла телефон и набрала домашний номер в Англии. Уильям ответил на втором гудке.

– Привет, дорогуша, это я, – сказала она.

– Значит, вы прибыли благополучно? – спросил он, и Хелена мгновенно успокоилась, услышав его голос.

– Да. Как дела дома?

– Прекрасно. Да, прекрасно.

– Как там трехлетний террорист-стажер? – спросила она с улыбкой.

– Фред наконец-то угомонился, слава богу. Он очень сердит, что вы все уехали и бросили его со стариком отцом.

– Я скучаю по нему. Вроде бы, – Хелена тихо рассмеялась. – Но по крайней мере, когда со мной только Алекс и Имми, у меня будет шанс привести дом в порядок до того, как вы с ним приедете.

– Дом пригоден для жилья?

– Думаю, да, но утром разгляжу получше. Кухня очень примитивная.

– Кстати о кухне: сегодня приходил мастер для посудомойки.

– Правда?

– Да. Все починил, но за такие деньги мы вполне могли бы купить новую.

– Да уж. – Хелена сдержала улыбку. – Мусорные пакеты во втором ящике слева от раковины.

– Я собирался спросить, где они лежат. Мусорщики приедут завтра, ты же знаешь. Позвонишь утром?

– Обязательно. Крепко целую Фреда и тебя. Пока, дорогуша.

– Пока. Спокойной ночи.

Хелена посидела еще немного, глядя на восхитительное ночное небо – усыпанное мириадами звезд, которые, кажется, сияли здесь гораздо ярче, – и почувствовала, как волна утомления сменяет адреналин. Она тихо скользнула в комнату и легла рядом с Имми. И в первый раз за много недель сразу же уснула.

ДНЕВНИК АЛЕКСА

11 июля 2006 года

Я слышу его. Кружится где-то надо мной в темноте, точит зубы, готовясь закусить.

Мною.

У комаров есть зубы? Наверное, иначе как бы они вгрызались в кожу? Однако когда я достигаю главной цели и ухитряюсь раздавить одного из мелких мерзавцев о стену, хруста не слышно, только хлюпанье. Нет треска ломающейся эмали, какой я услышал, когда в четыре года свалился с лазалки и сломал передний зуб.

Иногда им хватает наглости спуститься и зудеть прямо над ухом, предупреждая, что тебя сейчас будут есть. И ты лежишь, размахиваешь руками, а они, невидимые, танцуют над тобой, возможно истерически хихикая над горемычной жертвой.

Я вытаскиваю из рюкзака Би и кладу под простыню рядом с собой. Он будет в полном порядке, потому что ему не надо дышать. Кстати сказать, это плюшевый кролик, мой ровесник. Его зовут Би, в честь кролика Банни. Так я назвал его, когда был совсем крохой (по словам мамы, это было одно из моих первых слов), и имя прижилось.

Еще мама сказала, что «кое-кто особенный» подарил его мне, когда я родился. Думаю, она, наверное, имеет в виду отца. И пусть это совсем не круто – в тринадцать лет спать с древним плюшевым кроликом, – мне плевать. Би – мой талисман, моя поддержка и мой друг. Я рассказываю ему все.

Я часто думал, что если бы кто-нибудь смог собрать и расспросить все миллиарды мягких игрушек-утешителей, от них можно было бы узнать о ребенке, с которым они спят, гораздо больше, чем от родителей. Хотя бы потому, что они по-настоящему слушают, не перебивая.

Как могу, прикрываю обнаженные части тела (особенно толстые щеки, которые обеспечили бы комару завтрак, ланч и ужин в один присест) различными предметами одежды.

Наконец я засыпаю. Мне так кажется. То есть я надеюсь, что это сон, потому что я в горячей печи, языки пламени лижут тело, от жара оплавленная плоть стекает с костей.

Просыпаюсь в темноте, осознаю, что не могу дышать, и обнаруживаю, что лицо накрыто трусами... вот почему темно и невозможно дышать. Сбрасываю их, жадно хватаю ртом воздух и вижу полоски света сквозь ставни.

Утро. Я весь в поту, но оно того стоило, если этот мелкий зудящий мерзавец не добрался до меня.

Отклеиваю себя от матраса, срывая с тела промокшую одежду. Над комодом висит маленькое мутное зеркало, и я ковыляю к нему, чтобы осмотреть лицо. И вижу огромный красный след укуса на правой щеке.

Ругаюсь, используя слова, которые очень не понравились бы маме, и пытаюсь понять, как этот гад ухитрился пробраться под трусы. Но все комары состоят в спецназе и в совершенстве владеют искусством проникновения на охраняемые объекты.

Не только место укуса – все лицо красное, краснее самых красных яблок. Я поворачиваюсь к окнам, открываю ставни и, жмурясь как крот, выхожу на маленький балкон. Жар утреннего солнца опалает, как печка из сна.

Когда зрение приспособливается, вижу, что вид изумительный – точно как обещала мать. Мы где-то очень высоко, прилепились к горному склону. Желтый, коричневый и оливково-зеленый ландшафт подо мной пересохший и страдает от жажды, как я. Где-то далеко-далеко мерцает на солнце синее море. Потом я опускаю взгляд и сосредотачиваюсь на маленькой фигурке на краю террасы.

Мать использует балюстраду как балетный станок. Золотистые волосы струятся вниз, когда она прогибается назад, как акробатка, мне видны четко выступающие под трико ребра. Она занимается балетными экзерсисами каждое утро. Даже на Рождество или после очень долгой ночи и нескольких бокалов вина. Собственно, в тот день, когда она перестанет, я буду знать, что с ней что-то стряслось. У других детей шоколадные хлопья и тосты на завтрак с прямостоячими родителями. Меня мать просит поставить чайник, глядя на меня снизу вверх, изогнувшись в мостик.

Как-то она пыталась уговорить меня заняться балетом. Это единственное, в чем мы определенно не похожи.

Внезапно мне невероятно, невыносимо хочется пить. И мне дурно. Мир слегка кружится, я вваливаюсь в комнату, падаю на матрас и закрываю глаза.

Похоже на малярию. Не иначе как тот комар загубил меня и мне осталось жить несколько часов.

Что бы то ни было, мне срочно нужны вода и мать.

В

Два

– Обезвоживание. Вот и все. Растворите содержимое этого пакетика в воде и дайте ему раствор сейчас и еще раз перед сном. И пейте побольше жидкости, молодой человек.

– Доктор, вы уверены, что это не малярия? – Алекс подозрительно смотрел на тщедушного киприота. – Не скрывайте от меня правду.

– Разумеется, не малярия, Алекс, – раздраженно бросила Хелена. Потом повернулась к врачу, закрывавшему медицинскую сумку. – Спасибо, что приехали так быстро, и простите, что пришлось вас потревожить. – Она проводила его из спальни и повела вниз на кухню. – Он был словно в бреду. Я перепугалась.

– Разумеется! Это естественно, и ничего страшного. Я много лет лечил полковника Макклэддена. Его смерть... так печально... – Он пожал плечами и подал Хелене визитную карточку. – На случай, если я снова понадобится. В будущем вам лучше посетить мой кабинет. Боюсь, сегодня я должен запросить с вас плату за вызов.

– Ой, сомневаюсь, что мне хватит наличных. Я собиралась позже зайти в банк в деревне, – смущенно ответила Хелена.

– Неважно. Мой кабинет там по соседству. Просто оставьте деньги у секретаря.

– Спасибо, доктор, Обязательно.

Он вышел через парадную дверь, и Хелена следом. Потом доктор обернулся и посмотрел на дом.

– Пандора, – задумчиво произнес он. – Вы, наверное, слышали миф?

– Да.

– Такой чудесный дом, но, как шкатулка из легенды, в честь которой его называли, закрытый много лет. Интересно, не вам ли суждено ее открыть? – он лукаво улыбнулся, показывая ровные белые зубы.

– Надеюсь, не так, чтобы все беды и несчастья мира могли разлететься, – усмехнулась Хелена. – Вообще-то, теперь это мой дом. Ангус был моим крестным. И оставил дом мне.

– Ясно. И вы будете любить его, как любил он?

– О, я уже люблю. Подростком я приезжала сюда и никогда его не забывала.

– Тогда вы знаете, что этот дом – старейший в наших краях. Говорят, будто тысячи лет назад здесь уже жили люди. Будто Афродита и Адонис однажды пришли попробовать вино и провели здесь ночь. В деревне много болтают...

– О доме?

– Да, – он посмотрел ей прямо в глаза. – Вы очень сильно напоминаете мне другую леди, которую я как-то встретил здесь, в Пандоре, много лет назад.

– Правда?

– Она гостила у полковника Макклэддена, и меня вызвали к ней. Она была красавица, как и вы, – улыбнулся он. – Так вот, проследите, чтобы мальчик пил побольше жидкости. *Adio, мадам.*

– Обязательно. До свидания. И спасибо вам.

Он уехал в облаке меловой пыли. Хелена смотрела ему вслед, потом подняла взгляд на Пандору, и, несмотря на обжигающую жару, по спине пробежал холодок, и ее снова охватил странный трепет. Она заставила себя сосредоточиться на составленном в уме списке. Первым делом следовало проверить состояние бассейна, так что Хелена быстро обошла дом и пересекла террасу, отметив, что ее украсят какие-нибудь яркие растения в ныне пустующих каменных урнах, и добавила эту задачу к мысленному списку. Бассейн, куда с террасы вели разбитые ступени, с виду был на удивление в хорошем состоянии, но, безусловно, понадобятся чуть ли не годы, чтобы вычистить въевшуюся грязь, прежде чем им можно будет пользоваться.

Повернувшись, чтобы вернуться в дом, Хелена глянула вверх, заметив, насколько по-другому Пандора выглядит в этом ракурсе. Главный вход производил довольно аскетичное впечатление, без каких-либо украшений, но фасад был положительно живописным. Его не только смягчала длинная терраса с перголой – к окну каждой спальни был приторочен вычурный кованый балкончик а-ля Джульетта, создавая причудливое впечатление виллы в итальянском стиле. Хелена удивилась, почему об этом не помнила, но потом сообразила, что после своего последнего пребывания здесь прожила несколько лет в Италии и теперь могла сравнивать.

Она вернулась в дом и поднялась в спальню Имми. Дочь стояла перед зеркалом в своем парадном розовом платье. Хелена не удержалась от улыбки, незаметно наблюдая, как малышка Имми любуется собой, крутится, перекидывая великолепные льняные волосы то так, то эдак и с удовольствием окидывая отражение взглядом больших невинных голубых глаз.

– Мне казалось, я оставила тебя разбирать вещи, дорогуша.

– Я разобрала, мамочка. – Досадливо вздохнув, Имми оторвалась от зеркала и махнула рукой, показывая, что одежда, раскиданная по всей комнате, больше не в чемодане.

– Я имела в виду разобрать по *ящикам*, а не разбросать. И сними это платье. Его сейчас нельзя носить.

– Почему нельзя? – Имми надула розовые губки. – Оно мое любимое.

– Я знаю, но оно для праздника, а не для того, чтобы бегать в жару по пыльному старому дому.

Имми наблюдала, как мать собрала ее одежду в кучу на постели и начала раскладывать.

– И вообще, в ящиках странно пахнет.

– Это запах старины, – возразила Хелена. – Мы оставим их открытыми, они проветрятся, и все будет прекрасно.

– Что мы сегодня будем делать? Здесь в телевизоре есть «Канал Диснея»?

– Я... – Время приближалось к полудню, и от утра осталось смазанное пятно панических поисков врача для явно бредящего сына. Хелена буквально упала на постель, внезапно тоже затосковав по «Каналу Диснея». – У нас сегодня слишком много дел, дорогуша, и нет, здесь нет телевизора.

– А его нельзя купить?

– Нет. – Хелена тут же пожалела о своей резкости. Имми была такой хорошей и по дороге сюда, и сегодня утром, тихо играя в одиночестве. Хелена потянулась к дочери и прижала к себе. – Мамочке просто надо кое с чем разобраться, и потом мы отправимся на разведку, ладно?

– Да, но я, может быть, немножко голодная. Я не завтракала.

– Раз ты не завтракала, то, думаю, нам лучше побыстрее отправиться за покупками. Я только проведу Алекса, а потом мы

отправимся.

– Я знаю, мамочка! – лицо Имми засветилось. Она слезла с колен Хелены и начала рыться в маленьком рюкзаке, который брала с собой в самолет. – Я сделаю Алексу открытку «Поправляйся!», чтобы подбодрить его.

– Чудесная идея, дорогуша, – согласилась Хелена. Имми триумфально помахала бумагой и фломастерами.

– Или... – Имми задумчиво сунула в рот ручку. – Если он не поправится, я могла бы собрать цветы, чтобы положить на его могилу?

– Могла бы, но уверяю тебя, он не умрет, так что, по-моему, идея с открыткой лучше.

– О. Он сказал, что умирает, когда я зашла к нему утром.

– Ну, это он преувеличил. Начинать рисовать открытку, а я вернусь через пару минут.

Хелена вышла в коридор и направилась в комнату Алекса, отчасти желая, чтобы сын превратился в *нормального* подростка из тех, что носят худи, обожают футбол, девочек и болтаться по вечерам в торговых центрах с корешами, пугая бабулек своими выходками. Вместо этого у него был запредельный IQ, что звучало хорошо в теории, но на практике вызывало больше проблем, чем его высоковольтный мозг мог решить. Он вел себя скорее как старик, чем как подросток.

– Как ты? – она осторожно заглянула в комнату. Алекс лежал в трусах, закинув одну руку на лоб.

– М-м-м, – раздалось в ответ.

Хелена присела на край постели. Древний вентилятор, который она пока притащила из спальни Ангуса, чтобы остудить горячий лоб сына, лязгал, вращаясь с натугой.

– Не лучшее начало, а?

– Не-а, – Алекс не открыл глаза. – Прости, мам.

– Я поеду с Имми в деревню, чтобы купить кое-какие продукты и заплатить доктору. Обещаешь пить много воды, пока меня нет?

– Угу.

– Хочешь чего-нибудь?

– Что-нибудь от комаров.

– На самом деле, дорогуша, кипрские комары абсолютно безвредны.

– Я их ненавижу независимо от гражданства.

– Ладно, найду тебе что-нибудь. И, если завтра тебе полегчает, поедем в Пафос. У меня целый список покупок, включая вентиляторы для всех спален, постельное белье, полотенца, новый холодильник с морозилкой и телевизор с DVD-плеером.

Алекс открыл глаза.

– Правда? Я думал, телевизор здесь снят с повестки дня?

– По-моему, DVD-плеер как раз пригодится для Имми и Фреда, особенно жаркими вечерами.

– Ого, жизнь налаживается.

– А то. – Хелена улыбнулась сыну. – Сегодня отдыхай, и надеюсь, завтра ты будешь готов к поездке.

– Уверен, я буду в порядке. Это же всего лишь обезвоживание, да?

– Да, дорогуша, – она поцеловала его в лоб. – Постарайся поспать.

– Обязательно. И прости за бред насчет малярии.

– Ничего. Пока.

Хелена спускалась вниз, когда на кухне зазвонил мобильник. Пробежав по коридору, она успела вовремя.

– Алло?

– Хелена, ты? Это Джулз. Как вы?

– Нормально, да, мы нормально.

– Здорово. Как дом?

– Чудесно. Совсем такой, как я помнила.

– Двадцать четыре года спустя? Боже, надеюсь водопровод с тех пор обновили!

– Вообще-то, нет. – Хелена не могла отказать себе в удовольствии мягко поддразнить Джулз. – Здесь определенно нужны косметический ремонт и пара новых сидений в сортирах, но трубы, по-моему, исправны... не текут, по крайней мере.

– И на том спасибо. Рада, что крыша не упадет на головы, пока мы спим.

– Кухню тоже не помешало бы обновить, – добавила Хелена. – Думаю, мы будем больше пользоваться мангалом, чем духовкой. Честно говоря, возможно, это не то, к чему ты привыкла.

– Как-нибудь справимся. И разумеется, я привезу с собой постельное белье. Ты же знаешь, я так и так предпочитаю свое. Если тебе надо что-нибудь еще, только скажи.

– Спасибо, Джулз, обязательно. Как дети?

– О, Рупс и Виола нормально, но я потратила, кажется, несколько недель на вручение призов, речи заведующих и раскляканный клубнику. Саша ухитрился отвертеться от всего этого, везучий негодник.

– Ясно. – Хелена знала, что Джулз втайне любит такую жизнь. – Как Саша? – вежливо спросила она.

– Работает все часы, какие посылает Господь, пьет слишком много... ты же его знаешь. Последние несколько недель я его почти не вижу. Господи, Хелена, боюсь, мне надо бежать. У нас тут сегодня званый ужин, так что я просто сама не своя.

– Значит, увидимся через несколько дней.

– Обязательно. Не слишком опережай меня с загаром, ладно? Здесь льет как из ведра. Сiao, дорогуша.

– Сiao, – убитым голосом пробормотала Хелена, сбрасывая звонок, и положила телефон на кухонный стол. – О господи, – простонала она, всей душой жалея, что поддалась напору Джулз, захотевшей приехать на две недели. Она использовала все отговорки, какие могла придумать, но Джулз просто не слушала возражений. В итоге четверо членов семейства Чандлер: Джулз, двое детей и муж Саша – должны были нагрянуть в Пандору через неделю.

И Хелена знала, что обо всех своих опасениях насчет приезда Чандлеров она должна помалкивать. Саша был лучшим и старейшим другом Уильяма, его дочь Виола была крестницей Уильяма. Ей оставалось только смириться с ситуацией.

«Как я справлюсь?...» – Хелена помахала на себя в удушающей жары, окидывая кухню и ее плачевное состояние орлиным взором Джулз и зная, что не вынесет критики. Взяла забытую вчера ночью на кухонном столе резинку, скрутила волосы и завязала узлом на макушке, упиваясь внезапной прохладой на открытой шее.

«Справлюсь, – сказала она себе. – Должна».

– Мы уже едем? – спросила за спиной Имми. – Я есть хочу. Можно мне в ресторане жареную картошку с кетчупом? – маленькие ручки обхватили мать за талию.

– Да, едем. – Хелена встала, обернулась и выжала слабую улыбку. – И да, можно.

* * *

Полуденное солнце палило через окна машины, которую Хелена вела по дороге, петляющей среди виноградников. Имми противозаконно стояла на коленях на переднем сиденье рядом с ней – ремень висел поперек, напоминая бесформенный модный аксессуар, – и смотрела в окно.

– Мамочка, можем мы остановиться и нарвать виноград?

– Да, давай, хотя вкус будет не такой, как у нормального винограда. – Хелена остановила машину, и они обе вышли.

– Вот, – Хелена нагнулась и из-под веера виноградных листьев показала тугую гроздь красновато-лилового винограда. Она отломил гроздь с ветки и сорвала несколько ягод.

– Их можно есть, мамочка? – спросила Имми, с сомнением глядя на них. – Они ведь не из супермаркета.

– Они еще не очень сладкие, потому что не дозрели. Но смелее, попробуй одну, – подбодрила ее Хелена, кладя ягоду себе в рот.

Белые зубки Имми с опаской впились в плотную кожуру.

– Они ничего. Наверное. Можем мы взять немножко для Алекса? Больные любят виноград.

– Хорошая идея. Мы возьмем две грозди. – Хелена начала отламывать еще одну гроздь, потом выпрямилась, инстинктивно почувствовав, что за ней наблюдают. У нее перехватило дыхание: он стоял всего в двадцати ярдах и смотрел на них.

Хелена заслонила глаза от слепящего солнца, вопреки здравому смыслу надеясь, что ей мерещится, потому что это не мог быть он... просто не мог...

Но это был он – точно такой, каким она его помнила, и стоял почти на том же месте, где она увидела его впервые двадцать четыре года назад.

– Мамочка, кто это? Почему он на нас смотрит? Это потому, что мы украли виноград? Нас отправят в тюрьму? Мамочка?! – Хелена стояла как вкопанная, мозг тщетно пытался осмыслить бессмыслицу, которую показывало зрение.

Имми дернула ее за руку.

– Ну же, мамочка, быстро, пока он не привел полицию!

Хелена с трудом оторвала взгляд от его лица и позволила Имми утащить себя к машине. Девочка сама забралась на пассажирское сиденье и выжидающе села рядом с матерью.

– Ну давай же. Поехали, – приказала Имми.

– Да, прости. – Хелена на автомате нашла зажигание и повернула ключ.

– Кто это был? – спросила Имми, когда машина снова запрыгала по дороге. – Ты его знаешь?

– Нет, я... не знаю.

– А мне показалось, будто знаешь. Он очень высокий и красивый, как принц. Солнце стояло, как корона у него на голове.

– Да. – Хелена сосредоточилась на преодолении дороги среди виноградников.

– Интересно, как его зовут?

Алексис...

– Не знаю, – прошептала она.

– Мамочка?

– Что?

– Мы так и не взяли виноград для Алекса.

* * *

Деревня изменилась удивительно мало по сравнению с уродливой Страной Лего, беспорядочно выросшей на побережье. Узкая главная улица была пыльной и безлюдной, жители прятались в прохладных каменных домах, избегая палящего солнца, царившего в самой вышине над ними. В единственном магазине добавился прокат DVD, что, как знала Хелена, порадует Алекса, но, не считая пары новых баров, все остальное выглядело почти как прежде.

Заглянув в банк, а затем отдав немного наличности секретарю доктора по соседству, Хелена повела Имми на ланч в симпатичный внутренний дворик таверны «У Персефоны». Они сидели в тени оливы, и Имми очаровало семейство тощих котят, которые вились вокруг ее ног, жалобно мяукая.

– Ой, мамочка, можем мы забрать одного домой? Пожалуйста, пожалуйста, – умоляла Имми, скармливая котенку последний кусочек

жареной картошки.

– Нет, дорогуша. Они живут здесь со своей мамочкой, – твердо ответила Хелена. Дрожащей рукой она поднесла к губам бокал местного молодого вина. Вкус не изменился: чуть кисловатый и в то же время сладкий – как ей всегда помнилось. Она словно провалилась в зазеркалье, обратно в прошлое...

– Мамочка! Так можно мне мороженое или нет?

– Прости, дорогуша, я замечталась. Конечно, можно.

– Как ты думаешь, у них здесь есть «Фиш фуд» от «Бен энд Джерри»?

– Сомневаюсь. Думаю, только простые ванильное, клубничное или шоколадное, но давай спросим.

Имми призвала юного официанта, они договорились о мороженом, а для Хелены заказали кипрский кофе и немного сахара, чтобы разбавить бокал вина.

Через двадцать минут они вышли из таверны и по пыльной улице направились к машине.

– Мамочка, смотри, вон монахини сидят, – Имми указала в сторону церкви. – Им, наверное, очень жарко в таких платьях.

– Это не монахини, Имми, это деревенские старушки. Они носят черное, потому что их мужья умерли и их называют вдовами, – объяснила Хелена.

– Они носят черное?

– Да.

– А розовое? Хоть когда-нибудь?

– Нет.

Имми пришла в ужас.

– Мне ведь не надо будет так делать, когда мой муж умрет, правда?

– Нет, дорогуша. На Кипре такая традиция, вот и все.

– Ну, тогда я никогда не перееду сюда, – заявила Имми и побежала к машине.

Они вернулись в Пандору с багажником, нагруженным провизией. Алекс встретил их у задней двери.

– Привет, мама.

– Привет, дорогуша, тебе лучше? Можешь помочь мне с этими пакетами?

Алекс помог Хелене разгрузить багажник и забрал пакеты на кухню.

– Уф, ну и жара. – Она вытерла лоб. – Мне надо выпить воды.

Алекс нашел стакан, открыл холодильник и налил холодной воды из кувшина.

– Держи.

– Спасибо. – Хелена благодарно выпила.

– Пойду наверх, отдохну. Все еще голова покруживается, – объявил Алекс.

– Ладно. Спустишься потом на ужин?

– Да. – Он пошел к двери, потом остановился и обернулся. – Кстати говоря, тут к тебе кое-кто пришел.

– Правда? Почему ты не сказал мне сразу, когда я приехала?

– Он на террасе. Я говорил, что не знаю, когда ты вернешься, но он настаивал, что подождет.

Хелена с трудом сохранила нейтральное выражение на лице.

– Кто это?

– Откуда мне знать? – пожал плечами Алекс. – Кажется, он тебя знает.

– Серьезно?

– Да. По-моему, он сказал, что его зовут Алексис.

ДНЕВНИК АЛЕКСА

11 июля (продолжение)

Стою у окна спальни и подсматриваю из-за ставней, чтобы меня не было видно с террасы.

Я наблюдаю за человеком, который пришел встретиться с матерью. Прямо сейчас он нервно расхаживает взад и вперед, засунув руки в карманы. Высокий, хорошо сложенный, загорелая кожа орехово-коричневая. Густые черные волосы слегка серебрятся на висках, но он определенно не старый. Я бы предположил, что он, наверное, чуть старше мамы. И моложе отчима.

Увидев его вблизи, я обратил внимание, что у него синие, очень синие глаза, так что, вероятно, он не киприот. Если только, конечно, не носит цветные контактные линзы, в чем я сомневаюсь. Вывод: все вместе это означает, что он определенно очень хорош собой.

Смотрю, как мать выплывает на террасу. Она идет так грациозно, что ноги будто не касаются земли, потому что верхняя часть туловища не двигается, только ноги. Останавливается в нескольких футах от него, опустив руки по бокам. Я не вижу ее лица, но вижу его. И вижу, как на нем проступает выражение чистого восторга.

Сердце колотится быстрее, и я знаю, что это уже не от обезвоживания. Или малярии. Это от страха.

Они оба молчат. Стоят, не сходя с места, кажется, несколько часов, словно упиваясь друг другом. Во всяком случае, такое впечатление, что он не прочь выпить маму. Потом он протягивает руки, подходит и останавливается перед ней. Берет ее маленькие ручки в свои большие и почтительно целует их, словно святыню.

Фу, как пошло. Не хочу смотреть, но не могу отвернуться.

Наконец он останавливает хрень с губами-руками, потом обхватывает мать мускулистыми руками и обнимает ее. Она такая крохотная и беленькая на фоне его темной силы, что напоминает мне фарфоровую куклу, которую душит в объятиях большой бурый медведь. Ее голова откинута назад под странным углом, когда он

прижимает ее к огромной грудной клетке. Его локти, кажется, обхватывают ее шею, и я только надеюсь, что голова не отломится, как однажды у фарфоровой куклы Имми.

Наконец, когда в глазах уже начинает темнеть оттого, что я задерживал дыхание так долго, он отпускает ее, и я хватаю ртом воздух. Слава богу. Не поцеловались, потому что это было бы уже просто за пределами.

Но это еще не конец.

Ему все еще необходимо держаться за какую-либо часть ее анатомии, и потому он снова берет ее за руку. Ведет к увитой виноградом перголе, и они исчезают под ней, пропадая из виду.

Черт! Я медленно возвращаюсь к постели и бросаюсь на нее.

Кто он? И кто он *ей*?

Я знал, как только увидел его на террасе, – стоит будто хозяин, явно кто-то важный. Мне позвонить папе? Ну, то есть папа мне не папа, но другого у меня никогда не было. Я знал, что когда-нибудь он для чего-то пригодится.

Папа, понятно, не обрадуется, если его жену растерзает на террасе большой кипрский медведь. Я тянусь за мобильником и включаю его. Что я скажу?

«Папа, БЫСТРО сюда! Мама в смертельной опасности под перголой!»

Господи. Я просто не могу. Он так и так считает меня чокнутым. Я прекрасно знаю, что он вынужден терпеть меня, потому что любит маму, а я иду в комплекте. К несчастью, я никуда не гожусь в большинстве игр с мячом, хотя и полон энтузиазма. Когда я был младше, он пытался учить меня, но я всегда в итоге чувствовал, что подвожу его, потому что никогда не попадал в основной состав. А потом оказался золотой уткой, когда он пришел посмотреть крикетный матч, потому как нервничал. Имей я способности к таким вещам, это бы очень помогло нашим отношениям, но он, по крайней мере, любит и защищает маму от всех других, кто ее домогается.

Вроде того типа под перголой в данный момент.

Но вообще-то забавно. Вот я все мечтал побыть с ней наедине без папы, рядом с которым у меня всегда ощущение, что я мешаюсь под

ногами... и вот пожалуйста: не прошло и двадцати четырех часов, а я уже хочу, чтобы он был здесь.

Может, все же лучше послать ему сообщение?... Проверяю телефон и обнаруживаю, что там всего восемнадцать пенсов на счету. Не получится. А если бы и получилось, что бы он мог сделать-то?

Здесь больше никого, кроме меня. И Имми, но она не в счет.

Так что... остается одно: придется мне справляться в одиночку.

Я вступлю в бой за честь моей матери.

У

Три

– Ты выглядишь... точно так же.

– Нет, Алексис, разумеется, нет. Я старше на двадцать четыре года.

– Хелена, ты прекрасна – так же, как тогда.

Жар прихлынул к уже пылающим щекам Хелены.

– Как ты узнал, что я здесь?

– Услышал слухи в деревне. Потом около полудня мне позвонил Димитриос и сказал, что видел золотоволосую леди и ребенка на дороге из Пандоры, и я понял, что это, наверное, ты.

– Кто такой Димитриос?

– Мой сын.

– Ну конечно! Конечно! – Хелена рассмеялась, успокаиваясь. – Мы с Имми остановились по дороге сорвать виноград, и я увидела, как он уставился на меня. Я подумала, что это ты... как глупо... он совсем как ты.

– Ты хочешь сказать, он совсем как я *был раньше*.

– Да. Да.

Они помолчали.

– Ну и как ты, Хелена? – решил он. – Как ты жила все эти годы?

– Жила... хорошо, да, хорошо.

– Ты замужем?

– Да.

– Я знаю, что у тебя есть дети, Хелена, потому что уже видел твоего сына и слышал о дочери.

– У меня трое, но младший, Фред, дома в Англии с отцом. Они присоединятся к нам через несколько дней. А ты?

– Я был женат на Марии, дочери старого мэра нашего Катикаса. Она родила мне двух мальчиков, но погибла в автокатастрофе, когда Мишелю, младшему, было восемь. И теперь мы, трое мужчин, живем вместе, собираем виноград и производим вино, как мой отец, дед, прадед и прапрадед до нас.

– Мне очень жаль, Алексис. Это просто ужасно, – Хелена знала, как банально это звучит, но не могла придумать, что еще сказать.

– Бог дал, бог взял. И, по крайней мере, мои мальчики выжили. И Димитриос, которого ты видела на винограднике, собирается жениться, так что род продолжится.

– Да. Я... Кажется, здесь так мало изменилось.

Выразительное лицо Алексиса нахмурилось.

– Нет, на Кипре многое изменилось, как и повсюду. Но это прогресс. Иногда это хорошо, иногда не очень. Некоторые становятся очень богатыми и, как всегда, алчут еще больше. Однако здесь у нас, в Катикасе, – по крайней мере пока – оазис. Но когда-нибудь застройщики запустят свои жадные пальцы и в наши плодородные земли. Они уже засматриваются.

– Неудивительно. Здесь идеальное место.

– Знаю. И не думай, что никто в нашей деревне не поддастся соблазну, особенно молодежь. Они хотят быстрые машины, спутниковые тарелки и американский образ жизни, который им показывают по телевизору. А как же иначе? Мы тоже хотели большего, Хелена. Так что давай сменим тему и перестанем говорить как наши родители, – хмыкнул он.

– Мы и *есть наши родители*, Алексис.

– Тогда давай побудем детьми, какими мы были, просто совсем немного, – он потянулся за ее рукой, но тут на террасе появился Алекс. Хелена поспешно убрала руку.

– Где Имми? – резко спросил Алекс.

– По-моему, на кухне. Сынок, ты уже познакомился с Алексисом.

– У нас одинаковое имя. Оно означает «защитник», – Алексис доброжелательно улыбнулся.

– Знаю. Мам, я надеюсь, Имми не ушла куда-нибудь, пока ты не смотрела. Ты же ее знаешь.

– Уверена, она никуда не ушла. Почему бы тебе не найти ее и не привести сюда познакомиться с Алексисом? И поставь, пожалуйста, чайник. Душа просит чаю. – Хелена осела на стуле, чувствуя себя эмоционально опустошенной.

Алекс бросил на нее вызывающий взгляд, повернулся и ушел в дом.

– Красивый мальчик, – заметил Алексис. – Хорошо сложен.

Хелена вздохнула.

– Он... необычный, это уж наверняка. А еще очень умный, и несносный, и упрямый, и... я люблю его до безумия, – она вымученно улыбнулась. – Возможно, когда-нибудь я расскажу тебе о нем.

– Возможно, когда-нибудь мы расскажем друг другу о многих вещах, – тихо сказал Алексис.

– Вот она, – Алекс вывел заплаканную Имми на террасу. – За ней гонялся по кухне кто-то большой и полосатый, вроде осы. Возможно, с убойным жалом, – добавил он.

– О, дорогуша, почему ты не позвала меня? – Хелена открыла объятия, и Имми побежала к ней.

– Я звала, но ты не пришла. Алекс спас меня. Типа того.

– Она вылитая ты, Хелена, – улыбнулся Алексис. – Просто, как вы говорите... твой двойник.

– Я ее так и называю: «мини-мама»! – рявкнул Алекс. – Хотя вам, наверное, не понять.

– Хочешь чаю, Алексис? – вмешалась Хелена, чтобы разрядить обстановку.

– Да, пожалуйста. Замечательная английская традиция – пить горячее в жаркую погоду, – с улыбкой добавил гость.

– Всем известно, что горячий чай охлаждает. Поэтому его и пьют в Индии, – заметил Алекс.

– И это, конечно, никак не связано с тем, что все они живут за счет чайных плантаций, – пробормотала Хелена, состроив гримасу сыну. – Идем, Имми, ты мне поможешь. Мы мигом.

Алекс сел на освободившийся стул, скрестил руки на груди и с вызовом посмотрел на Алексиса.

– Ну и откуда вы знаете мою мать?

– Мы познакомились много лет назад, когда она в последний раз гостила у полковника Макклэддена.

– Это Ангус, ее крестный? И с тех пор вы маму не видели?

– Ну, вообще-то видел, – улыбнулся Алексис, – но это другая история. Итак, Алекс, тебе нравится Кипр?

– Еще не знаю. Когда мы приехали, было темно, и я провел весь день в постели в связи с возможной малярией. Здесь очень жарко и повсюду москиты и полосатые осы. А я их не люблю.

– А дом?

– Дом ничего. В смысле, жара адская, но я люблю историю, а здесь ее уйма, – признался Алекс.

– Это очень исторический край. Если ты любишь историю, то, наверное, знаешь греческие мифы. В них говорится, что Афродита родилась в Пафосе и жила с Адонисом на острове. Можно полюбоваться на его купальню – отсюда всего несколько миль.

– Будем надеяться, он вытащил пробку, иначе вода будет совсем затхлая, – пробормотал под нос Алекс.

– Это красивый водопад среди гор, – продолжал Алексис. – Там можно прыгнуть со скалы в воду, которая прозрачная, чистая и очень освежает в жару. Если захочешь, я тебя туда отведу.

– Спасибо, но экстремальные виды спорта – не моя стихия. И вообще, – Алекс посмотрел на гостя в упор, – чем вы здесь занимаетесь?

– Моя семья вот уже сотни лет возделывает здесь виноградники. Мы производим вино. Оно обеспечивает нашей семье хорошую жизнь. И мы начинаем все больше и больше экспортировать за границу. А вот и твоя мама.

Хелена вышла на террасу и поставила на стол поднос.

– Я уложила Имми отдохнуть наверху. Жара и оса утомили ее. Алекс, будешь чай?

– Да, – он встал. – Присаживайся, мама, я налью. Я как раз слушал про Биде Адониса.

– Это ты про водопад? О, он такой красивый, правда, Алексис? – Хелена улыбнулась общему воспоминанию.

– Вероятно, папа отвезет туда нас всех, когда приедет, – громко объявил Алекс. – Когда он приезжает, кстати говоря?

– В пятницу, о чем тебе прекрасно известно, Алекс. Молока, Алексис?

– Нет, спасибо.

– Но мог бы и раньше, правда ведь, мама? В смысле, папа мог бы устроить нам сюрприз и просто появиться здесь в любой момент.

– Сомневаюсь, Алекс, ему надо работать.

– Но он так по тебе скучает. Всегда звонит на твой мобильник. Знаешь, я бы не удивился, если бы он приехал раньше.

Хелена подняла бровь, передавая Алексису чашку.

– Ну, надеюсь, он не станет торопиться. Я бы хотела сделать дом поуютнее до его приезда.

– Тебе нужна помощь, Хелена? – спросил Алексис. – Дом долго пустовал.

– Вообще-то было бы кстати, если ты знаешь кого-нибудь, кто мог бы привести в порядок бассейн. Его надо почистить и заполнить.

– Какой бассейн? – оживился Алекс.

– Здесь есть роскошный бассейн, если пройти вон в те ворота и спуститься по лестнице, – Хелена махнула рукой в ту сторону. – К несчастью, там, кажется, скопилось много оливок, и возможно, надо будет заменить несколько разбитых плиток.

– Тогда я пришлою Георгиоса, – сказал Алексис. – Он кузен моей жены и строитель.

– Вы женаты? – спросил Алекс, внезапно оживившись.

– К сожалению, больше нет, Алекс. Моя жена умерла много лет назад. Я сейчас позвоню Георгиосу, – Алексис достал из кармана мобильник, набрал номер и быстро заговорил по-гречески. Потом убрал телефон и улыбнулся. – Он приедет вечером, и, может быть, к приезду мужа ты уже сможешь купаться в бассейне.

– Это было бы чудесно, – сказала с благодарностью Хелена. – Еще я хотела бы знать, где в Пафосе можно купить новый холодильник с морозилкой, плиту, микроволновку... в общем, все-все-все для кухни. На будущей неделе к нам приедет масса народу. Хотя меня беспокоит, сколько времени уйдет на доставку.

– Доставка не нужна. У меня есть грузовой автофургон, чтобы развозить вино по отелям и ресторанам в округе. Я возьму тебя, и мы все привезем сами.

– Ты правда не против?

– Ничуть. Я буду рад помочь, Хелена.

– А ты знаешь кого-нибудь в деревне, кто мог бы помочь мне по хозяйству? Время от времени, с уборкой и готовкой?

– Конечно. Ангелина, которая оставила тебе ключи, работала у полковника последний год, что он жил здесь. У нее найдется время, я уверен, и детей она любит. Я с ней свяжусь, и она зайдет поговорить.

– Спасибо, Алексис, ты спаситель, – благодарно произнесла Хелена, сделав глоток чая. – Может быть, я спрошу ее, согласится ли

она иногда посидеть с детьми, чтобы мы могли куда-нибудь пойти вечером.

– Я могу посидеть с Имми, мама, – вставил Алекс.

– Да, я знаю, дорогуша, спасибо.

– А как насчет самого дома? – спросил Алексис.

– С виду хорошо, – пожала плечами Хелена. – С другой стороны, я не специалист.

– Я попрошу Георгиоса взглянуть, когда он придет смотреть бассейн. Например, канализация и проводка... их никто не касался много лет, и мы должны убедиться, что они надежны.

– Знаю, – вздохнула Хелена. – Это и правда Шкатулка Пандоры. Я почти не смею ее открыть.

– Ты знаешь легенду об этом доме? – спросил Алексис мальчика.

– Нет, – буркнул тот в ответ.

– Это хорошая легенда. Говорят, будто любой, кто приезжает пожить в Пандоре в первый раз, влюбляется, находясь под ее кровом.

– Правда? – Алекс поднял бровь. – К пятилетним это тоже относится? Я заметил, что Имми сегодня как-то мечтательно посматривала на своего игрушечного ягненка.

– Алекс! Не груби! – прикрикнула Хелена, у которой наконец лопнуло терпение.

– Ах, он мальчик и боится любви, – Алексис снисходительно улыбнулся. – Но когда она придет, он встретит ее радостно, как все мы. Ну, мне пора, – он встал, и Хелена следом.

– Счастлив видеть тебя, Хелена, – сказал он, тепло целуя ее в обе щеки.

– Я тоже, Алексис.

– Я зайду завтра в девять утра, и мы поедем в Пафос, да? *Adio*, Алекс. Приглядывай за матерью.

– Всегда, – насупился Алекс.

– До свидания, – Алексис кивнул ему, пересек террасу широкими шагами и исчез из виду.

– Ей-богу, Алекс, – раздраженно вздохнула Хелена, – обязательно было хамить?

– Но я же не хамил, мам?

– Хамил, и знаешь это! Почему он тебе не понравился?

– Откуда ты знаешь?

– Ой, да ладно, Алекс, ты изо всех сил старался противоречить.

– Прости, но я ему не доверяю. Пойду посмотреть бассейн, если ты не возражаешь.

– Ладно.

Хелена смотрела, как сын неспешно идет по террасе, радуясь, что он хоть ненадолго оставил ее в покое... что они *оба* ушли, эти двое мужчин, которые носят одно и то же имя и вершат суд в ее сердце. Когда потрясение от появления Алексиса начало утихать, она подумала, что тогда он был почти мальчиком, всего на несколько лет старше ее сына. А теперь он стал зрелым мужчиной, но сущность его осталась неизменной.

Хелена задумчиво потерла нос. Никто не забывает первую любовь, и каждый верит, что его личный опыт уникален, не имеет равных по мощи, страсти и красоте. И разумеется, то первое лето здесь с Алексисом двадцать четыре года хранилось у нее в памяти, как бабочка, навеки застывшая в янтаре.

Они были *так* молоды... ей почти шестнадцать, ему почти восемнадцать, и все равно он ничего не знал о последствиях их отношений или о ее жизни с тех пор. И о том, как их любовь изменила всю ее жизнь.

Внезапный страх сжал сердце Хелены, и она вновь усомнилась, стоило ли сюда приезжать. Уильям появится через несколько дней, а она никогда не рассказывала ему об Алексисе. Какой смысл говорить о человеке, который был всего лишь тенью из прошлого?

Но Алексис перестал быть тенью. Он был очень даже живым и настоящим. И никуда было не деться от факта, что ее прошлое и настоящее вот-вот столкнутся.

* * *

Телефон Хелены зазвонил, как раз когда она ставила ужин перед Алексом и Имми.

– Алекс, ответь, пожалуйста, – попросила она, ставя перегруженный поднос на стол на террасе.

– Алло, – сказал тот. – Ага, привет, пап. У нас полный порядок. За исключением того, что мама, судя по всему, собирается накормить нас

с Имми маринованными козлиными яйцами в соусе из рыбьих какашек. Наслаждайся пиццей, пока можешь, вот мой совет. Ага, передаю трубку маме. Пока.

Хелена подняла брови и устало вздохнула, беря у сына мобильник.

– Привет, дорогуша. Все хорошо? Нет, я их не травлю. Они пробуют сыр фету, хумус и тарамасалату. Как Фред? – Зажав телефон между плечом и подбородком, Хелена разгрузила поднос. – Хорошо. Побеседуй с Имми, а мы поговорим позже. Ладно, пока. Это папочка, – Хелена передала мобильник дочери.

– Привет, папочка... да, все хорошо. Алекс умирал сегодня утром, а мы с мамочкой видели принца в поле, когда рвали виноград, но нас могла арестовать полиция, поэтому пришлось его оставить, но потом мы все-таки нарвали ягод на обратном пути, и папочка принца пришел повидать нас, и выпил чаю, и был очень славным. А на ланч я ела кетчуп и картошку, и здесь очень жарко, и... – Имми остановилась, чтобы вдохнуть воздуха, и прислушалась. – Да, я тоже люблю тебя и немножко скучаю. Ладно, папочка, скоро увидимся. – Она почмокала губами, изображая поцелуй, и опытной рукой нажала правильную кнопку, чтобы закончить разговор. Потом посмотрела на тарелку. – Алекс прав. На вид фу-у-у.

Хелена еще ежилась из-за разговора Имми с отцом. Она положила два кусочка питы на тарелку и добавила чайную ложку хумуса.

– Попробуй.

– А можно добавить кетчуп, мамуся?

– Нет, нельзя. – Хелена скормила Имми маленький кусочек хлеба с хумусом. Подождала, пока вкусовые рецепторы дочери вступят в действие, и в конце концов еда заслужила чуть заметный одобрителный кивок. – Так-то лучше. Я знала, что тебе понравится.

– Из чего это сделано? – спросила Имми.

– Бараний нут.

– Нут барана? Бр-р. – Имми содрогнулась. – Ты имеешь в виду их какахи?

– Не глупи, Имми, – возразил Алекс, который еще ничего не положил в рот. – Бараний нут – это вроде гороха, только он не зеленый. Прости, мам, – Алекс поднял руки, словно признавая поражение. – После сегодняшнего утра аппетит еще не вернулся.

– Ладно. – Хелена была не в боевом настроении. – Ну, бассейн – это хорошо, правда? К папиному приезду его должны будут наполнить. Вот, Имми, попробуй тарамасалату. А завтра в Пафосе мы можем купить лежаки и...

– Фу-у-у! – Имми неизящно выплюнула содержимое рта на тарелку.

– Имми!

– Праасти, но это нусь!

– Гнусь, Имми. И не повторяй за мной, пожалуйста, – пожурил ее Алекс, стараясь сохранить серьезный вид. – Тебе всего пять.

– Да, тебе пять. И принцессы не произносят такие слова, как «гнусь». Правда же, Алекс? – Хелена тоже давилась от смеха. – А теперь, пока я перезвоню папе, давай Алекс отведет тебя наверх и уложит? Потом я приду и расскажу одну из твоих любимых историй?

– Ладно. Я хочу о том, когда ты танцевала балет в Вене и принц повез тебя к себе во дворец на бал.

– Договорились, – согласилась Хелена. – А теперь марш отсюда.

Дети скрылись в доме, а она взяла мобильник и позвонила домой.

– Привет, дорогуша, – сказал Уильям. – Ужин прошел успешно?

– Оставляю это на милость твоего воображения.

– Оно, пожалуй, к лучшему. Ну как, хороший день?

– Насыщенный.

– Похоже на то. О каком принце говорила Имми?

– О, просто сын старого друга.

– Понятно. – Пауза. – Хелена, дорогуша, – медленно начал Уильям, – я хочу попросить тебя кое о чем.

– Что?

– Я... ну, не уверен, как сказать тебе, но... это Хлоя.

– Она здорова?

– Да-да, она в порядке, по-видимому. Хотя я могу полагаться только на то, что говорит мне директриса пансиона, как тебе известно. Сегодня я получил письмо от ее матери.

– Письмо? От Сесиль? Силы небесные! – выдохнула Хелена. – Она на самом деле взялась за перо и бумагу? Настоящее чудо для твоей бывшей жены, не правда ли, дорогуша?

– Пожалуй, но дело в том...

– Да?

– Она хочет отправить Хлою к нам на Кипр.

ДНЕВНИК АЛЕКСА

11 июля (продолжение)

Этот отдых, цитируя мою младшую сестренку, с каждой секундой становится все гнуснее.

Комары, жара, старые дома посреди засушливых полей, где никогда не слышали о широкополосных сетях, и давилщик винограда, мечтающий придавить мою мать. Не упоминая уже, что Джулз, Саша, Виола и Рупс – этот безмозглый неандерталец – приезжают на следующей неделе.

Хорошо бы начать кампанию в защиту всех Детей, Родители Которых Лучшие Друзья, чтобы привлечь внимание к их положению. Только потому, что предки в детстве делились конфетами и секретами, потом перешли к алкоголю и, со временем, совместному приучению к горшкам, не обязательно означает, что дети Лучших Друзей будут испытывать такие же чувства к отпрыскам другой стороны.

У меня внутри все обрывается, когда я слышу эти вечные слова: «Алекс, дорогуша, Чандлеры приезжают. Ты будешь любезен с Рупсом, правда же?»

«Ну да, – отвечаю я, – постараюсь, дражайшая матушка». Но когда Рупс якобы случайно бьет меня по яйцам при захвате во время «товарищеского» матча по регби или бежит к мамочке с воплем, что я сломал его игровую приставку, когда сам же уронил ее на пол, а я наступил на нее, потому что не знал, что она там, это может быть непросто.

Рупс практически мой ровесник, отчего еще хуже. И мы – как день и ночь. Он, возможно, именно такой сын, какой понравился бы моему отчиму Уильяму: прекрасный спортсмен, шутник, всеобщий любимец... и настоящий злобный поганец, когда никто не видит. А еще он туп как пробка, считает, что Гомер – это звезда «Симпсонов» и потому-то и знаменит своей философией.

У нас мало общего, у Рупса и меня. У него есть младшая сестра по имени Виола: сплошь рыжие волосы, веснушки и кроличьи зубы, и

такая бледная, что чуть ли не прозрачная, как маленький призрак. Мама как-то сказала мне, что Виола приемная. Будь я на месте Чандлеров, то потребовал бы ребенка, который имел хоть какое-то сходство с моим генофондом, но, может быть, больше никого в тот момент под рукой не оказалось. И с учетом ее робости и подавляющей личности Рупса, не берусь утверждать, что ее знаю.

И в довершение ко всему мама только что сообщила мне, что сюда собирается и моя сводная сестра Хлоя. Я помню ее очень смутно, потому что не видел шесть лет. ЧС (Чертова Стерва), как ее ласково называют в нашем доме, она же бывшая жена моего отчима, запретила Хлое видеться с отцом, когда мама забеременела Имми.

Бедный папа. Он делал все, что мог, чтобы видеться с дочерью, вот правда. Но ЧС внушила Хлое, что ее отец – исчадие ада, потому что не будет покупать ей мороженое, которое стоит больше фунта (если подумать, он и нам не покупает), и в конце концов папе пришлось отступить. После многочисленных и разорительных судов, когда он пытался получить к ней доступ и проиграл, даже социальный работник сказала, что так, возможно, лучше, потому что мать жутко изводила Хлою, стоило той хотя бы упомянуть папу, и борьба вредила ее психике. Так что ради Хлои папа отступил. Он редко говорит об этом, но я знаю, что он очень по ней скучает. Самое большее, что ему позволено, это писать ей открытки на день рождения и Рождество и выписывать чек на очень дорогой пансион, где она учится.

Так... почему она вдруг появляется?

Очевидно, как говорит мама, у ЧС появился кавалер. Бедняга. Она устрашающая женщина. Я, признаться, испугался в тот единственный раз, когда видел ее, потому что она злющая и, возможно, исключительно хорошо выглядит в черном. Она, должно быть, что-то намешала в своем котелке и напоила этого своего бедного кавалера, потому что он хочет увезти ее на юг Франции на лето. Очевидно, он хочет побыть с ней наедине.

Надеюсь, его ноги не окажутся на тарелке с лапками других лягушек, вот и все, что я могу сказать.

В общем, в результате Хлоя достается нам.

Мама явственно нервничала, когда рассказывала мне, но не показывала виду, говоря, как здорово это будет для папы после стольких лет разлуки с дочерью. Больше всего меня встревожило,

когда она сказала, что будет тесновато, потому что Хлое нужна отдельная комната. И «некоторым» придется ужаться.

Я знаю, на что она намекает.

Мне очень жаль. Но я ни за что, ни при каких обстоятельствах не буду жить в одной комнате с Рупсом. Я буду спать в ванной, или, если потребуется, на улице, или где угодно, только не с ним. Я могу вытерпеть вторжение в мое личное пространство в течение дня, если буду твердо уверен, что оно останется неприкосновенным ночью.

Так что, дражайшая матушка, это исключено.

Еще она сказала, что мы должны оказать Хлое радушный прием, помочь ей почувствовать себя частью нашей семьи. Нашей как-назвать-полную-противоположность-нуклеарной семьи.

Господи. Дисфункциональная, что ли? Кому-нибудь следовало бы написать о нас диссертацию. Может, взяться самому?

Едва не отравившись кипрским спреем от комаров, который мама купила мне в магазине и который так переполнен запрещенными пестицидами, что наверняка убьет заодно и меня, я лежу в постели, глядя в потолок, и пытаюсь разобраться, сколько кровей намешано в нашей семье.

Вот только...

Хотел бы я знать все о своей.

8

Четыре

После беспокойной ночи Хелена проснулась рано. Время медленно тащило к рассвету, а разум ее метался от одной тревожной мысли к другой. Несмотря на утомление, она была благодарна за возможность отвлечься благодаря поездке в Пафос и длинному списку покупок.

Алексис приехал на грузовом фургоне в девять, и они вчетвером залезли на широкое переднее сиденье. Имми пришла в восторг, что сидит впереди и так высоко, но Хелена видела, как Алекс молча дуется, глядя в окно, когда они спускались по извилистой дороге из своего орлиного гнезда. Она предлагала сыну остаться в Пандоре и помочь Георгиосу привести в порядок бассейн, но он настоял, что поедет. Хелена не испытывала иллюзий о причине: она была под надзором.

– Ух ты, мамочка, это как на спиральной горке, правда же? – сказала Имми, когда они зигзагами спускались по серпантину к побережью.

– Ты не узнаешь Пафос, Хелена, – заметил Алексис по дороге. – Это больше не тихий рыбацкий порт, как когда-то.

На въезде в город Хелену потрясли бесконечные неоновые вывески, сверкающие с уродливых бетонных зданий вдоль дороги. Большие придорожные щиты рекламировали все – от роскошных автомобилей до таймшерных апартаментов и ночных клубов.

– Мамочка, смотри! Там «Макдоналдс»! Возьмем там чизбургер с картошкой? – жадно спросила Имми.

– Печальное зрелище, да? – пробормотал Алексис, бросая взгляд на Хелену.

– Ужасное, – согласилась она, заметив паб в английском стиле с кричащей растяжкой снаружи, объявляющей футбольные трансляции и ланч – шведский стол по воскресеньям.

Они припарковались возле огромного магазина товаров для дома, и Хелена осознала, что Алексис прав: Пафос вырос в торговый центр, каким гордился бы любой британский город.

– Ненавижу глобализацию! – пробормотала она, вылезая из машины.

Несколько минут спустя в магазине Хелена выбрала кружевную скатерть из стопки и прочитала этикетку.

– Сделано в Китае, – заметила она Алексису. – Когда я была здесь в прошлый раз, кружева плели местные женщины и продавали на рынке. И покупатель сам предлагал цену.

– Просто тебе грустно, потому что мы больше не «самобытные». Но мы научились всему, что знаем, у вас, британцев, за время оккупации, – добавил Алексис с ироничной улыбкой.

Два часа спустя, после символической остановки в «Макдоналдсе», чтобы задобрить Имми, фургон Алексиса (нагруженный крупной бытовой техникой и горой всего прочего, что накупила Хелена) вернулся в Пандору. Поход за покупками обошелся в небольшое состояние, но она использовала деньги, завещанные Ангусом, и надеялась, что крестный одобрил бы, что они потрачены на обустройство Пандоры. Дом определенно нуждался в обновлении.

Алекс, который за весь день едва произнес пару слов, молча помог Алексису и его родственнику-строителю Георгиосу перетащить коробки из фургона на тележку, которую Алексис оставил у дома утром.

Когда она разложила симпатичные покрывала, заменила кремовыми шелковыми абажурами засиженное мухами оранжевое стекло и развесила тоненькие муслиновые занавески на окнах спален, Хелена неохотно призналась себе, что у глобализации есть свои преимущества.

– Морозильник включен, новая духовка смонтирована и старая убрана, а посудомойка и стиральная машина ждут водопроводчика, который придет завтра, – Алексис появился у двери спальни Хелены и остановился, наблюдая, как она застилает старую деревянную кровать крахмаленными белыми простынями. Он оглядел комнату и улыбнулся. – Ах, женская рука... она незаменима.

– Впереди еще долгий путь, но это начало.

– И возможно, начало новой эры для Пандоры? – рискнул он.

– По-твоему, Ангус был бы не против?

– По-моему, семья – именно то, что нужно дому. Всегда было нужно.

– Мне бы хотелось покрасить эту комнату, немного смягчить ее, – заметила она, глядя на простые беленые стены.

– Почему бы нет? Мои сыновья могут начать завтра. Они все сделают в два счета, – предложил Алексис.

– О Алексис, ты очень добр, но у них же наверняка есть работа?

– Ты забываешь, что они работают на меня. И потому, – ухмыльнулся он, – сделают, как я скажу.

– Как летит время! – воскликнула Хелена. – Мой муж приедет в пятницу с Фредом.

– Правда? – Алексис помедлил, потом продолжил: – Короче, ты выбираешь цвет, а мы работаем.

– Ну, в благодарность за всю твою помощь, пусть это и ничтожно, я открою бутылку вина, которую ты принес.

– Хелена, ты побледнела. Устала? – Алексис осторожно положил руки ей на плечи. – Ты – английская роза и плохо переносишь жару. Никогда не переносила.

– Я в порядке, Алексис, правда. – Хелена высвободилась и поспешила вниз по лестнице.

Позже, когда Алексис и Георгиос ушли и Алекс устанавливал DVD-плеер, а Имми оживленно прыгала вокруг, Хелена виновато забралась в новый гамак, который Алексис подвесил между красивой старой оливой, гордо стоявшей в центре сада перед террасой, и еще одной, молодой выскочкой.

Приятный ветерок шелестел в ветвях, ласково шевелил пряди волос на лбу. Цикады устроили репетицию перед ночным концертом, и солнце умерило полуденный ослепительный блеск до мягкого рассеянного света.

Хелена думала о скором приезде незнакомой падчерицы. Уильям вчера вечером явно нервничал и явно чувствовал, что просит слишком много. Она тоже беспокоилась. Все-таки в их гнезде уже был кукушонок – Алекс. Найдется ли место для еще одного? Хелена не знала, как *он* отреагирует на приезд Хлои, не говоря уже о двух младших, которые даже никогда не встречали сестру. Но как она могла лишить Уильяма шанса провести драгоценное время с дочерью, несмотря на риск, что присутствие Хлои нарушит равновесие в семье?

И сама Хлоя... как она отнесется к тому, что ее подбросили в семью, которую учили ненавидеть? Впрочем, Хелена знала, что Хлоя –

настоящая жертва ситуации: ребенок, захваченный водоворотом скандального развода, превращенный в оружие «женщиной, которую отвергли». И хотя Сесиль утверждала, что защищает дочь от очевидно опасных лап отца, на самом деле, из-за низменнейшего эмоционального шантажа, Хлоя почти наверняка была глубоко ранена запретом иметь в детстве нормальные отношения с отцом.

Сейчас ей было почти пятнадцать – трудный возраст для любой девочки, но особенно для той, которую принудили отвергнуть любовь к отцу, чтобы утешить мать, которая не приняла бы меньшего. Еще Хелена знала, что ее сердцу, которое любило мужа и детей, придется увеличиться еще немного, чтобы включить Хлою. Пространство уже было растянуто, обеспечивая эмоциональную поддержку, требуемую от любой жены и матери. Теперь от нее требовалось еще больше из-за сложных последствий второго брака.

Она была майским деревом, вокруг которого танцевала вся семья. И этим вечером Хелена чувствовала, что ленты вокруг ее груди натянулись очень туго.

* * *

– Прости, мам, но нет. НЕТ! НЕТ! НЕТ! Ладно?

– Ради всего святого, дорогуша, это большая спальня! Там вполне хватит места для двоих. Вы все равно не будете проводить там время, только спать.

Алекс сидел, скрестив руки, и Хелена чувствовала, как у него из ушей валит метафорический дым.

– Мама, не в этом дело. И ты это знаешь. Ты *знаешь*.

– Ну, я просто не вижу другого выхода, Алекс.

– Я лучше уж буду спать с Имми и Фредом или на террасе, и пусть меня до смерти закусуют комары. *От Рупса жутко воняет*.

– Да-да, мамочка. Он все время пукает, – поддержала Имми, отнюдь не помогая делу.

– К твоему сведению, Имми, ты тоже, но не в этом суть, – продолжал Алекс. – Независимо от того, что он воняет, а он воняет, я его ненавижу. Он гей.

– Что за глупости, Алекс! Ну и что с того? – вышла из себя Хелена.

– Гей не в смысле *гей*, мам, а «гей». Другими словами, полный муди...

– Хватит, Алекс! С меня хватит! Тебе это может не нравиться, но другого выхода нет. Хлое нужна отдельная комната. Она девочка-подросток и не знает никого из нас, кроме папы и...

– Так пусть с ним и спит!

– Ох, Алекс, ради всего святого! Не паясничай. – Хелена встала и начала собирать грязные тарелки. – Я стараюсь делать все возможное для всех и надеялась, что могу рассчитывать на твою поддержку. Спасибо большое.

Отнеся тарелки на кухню, она с грохотом опустила их в раковину, потом стукнула кулаком по сливу, чтобы снять напряжение.

– Вот, мамочка. – У нее за спиной появилась Имми, размахивая чайной ложечкой. – Я помогаю тебе убраться.

– Спасибо, дорогуша, – устало сказала Хелена. – Можешь попросить Алекса принести остальное?

– Нет, потому что он ушел.

– Куда ушел?

– Не знаю. Он не сказал.

Час спустя Хелена уложила Имми спать, потом разрешила себе долго понежиться в древней, но чудесно глубокой ванне Ангуса. Вытершись новым пушистым полотенцем из купленных в Пафосе, она надела халат и снова спустилась вниз посидеть на террасе. Она как раз собиралась достать из кармана пачку и украдкой выкурить сигарету, когда из темноты появился Алекс.

– Привет. Я пришел извиниться, – сказал он, тяжело опустившись на стул. – Честное слово, это не из вредности, но я готов на все, только бы не жить с Рупсом. Я просто... – Алекс провел рукой по волосам, – не могу.

– Ладно, – Хелена сдалась. – Дай мне подумать. Я уверена, мы что-нибудь придумаем.

– Спасибо, мам. Ну что ж, наверное, пойду попользуюсь личным пространством, пока могу. лягу пораньше.

– Бассейн должны заполнить завтра к вечеру. Здорово, правда?

– Наверное, – вяло кивнул Алекс. – Так мистер Я-могу-решить-для-тебя-любую-проблему-моя-дорогая-Хелена-только-скажи завтра снова вернется?

– Алекс, прекрати! – Хелена невольно покраснела. – Я не его «дорогая», и кроме того, я правда не знаю, что бы без него делала.

– Ты его «дорогая», мама. Он сохнет по тебе, и ты это знаешь, – сухо сказал Алекс. – Мне тошно смотреть, как он глядит на тебя. Ему лучше быть осторожнее, когда придет папа. Не думаю, что ему сильно понравится, если мистер Я-все-устрою будет постоянно болтаться неподалеку.

– Алекс, хватит! Алексис просто старый друг.

– И все?

– Да, все.

– И ты не видела его с тех пор, как была здесь последний раз?

– Нет.

– А он сказал мне, что видел тебя с тех пор, значит, кто-то из вас лжет.

– Так, хватит! Я отказываюсь сидеть здесь и терпеть допрос с пристрастием от моего тринадцатилетнего сына. То, что было в прошлом, остается в прошлом. Сейчас настоящее, и я счастливо замужем за твоим отчимом. Алексис по доброте помогает Пандоре – дому, который он тоже очень любит, – вернуться к жизни. И точка. Ладно?

Алекс пожал плечами.

– Ладно. Но не говори, что я тебя не предупреждал. Мне он не нравится.

– В этом никто не сомневается. Предупреждаю тебя, Алекс, я больше не потерплю от тебя грубости в его адрес. Это понятно?

– Да, мам. Спокойной ночи, – пробормотал Алекс. Он повернулся в сторону дома, потом остановился и посмотрел на нее, словно что-то сообразив. – Мам?

– Да?

– А как насчет этого общего имени?

– Прости?

– Я имею в виду... это же просто совпадение, что у нас одно имя, да? У меня и... Алексиса?

– Ну разумеется, дорогуша. Мне нравилось это имя тогда, когда я знала его, оно мне нравилось, когда родился ты, и по-прежнему нравится сейчас.

– И больше ничего? – уточнил Алекс.

– А что тут еще может быть? В мире тысячи людей по имени Алекс.

– Угу, конечно, просто... ничего. Спокойной ночи, мама.

– И тебе тоже, дорогуша.

Когда Алекс наконец исчез наверху, Хелена пошла на кухню, сделала себе чашку чая, потом вернулась на террасу и долго созерцала ясное звездное небо, пытаясь успокоить разбушевавшиеся эмоции.

Она знала, что с каждым днем приближается тот самый миг, которого она боялась со дня рождения старшего сына.

Настоящее чудо, что Алекс никогда не задавал прямого вопроса с тех пор, как понял, что биологически в создании ребенка участвует не только мать, но и отец. Уильям исполнял эту роль с тех пор, как они поженились, когда Алексу было три. Они оба поощряли Алекса называть его «папой», и ее сын, казалось, принял статус-кво, не подвергая его сомнению.

Вероятно, думала Хелена, отчасти Алекс и *не хотел* знать, страшась ответа. И не зря. Разумеется, размышляла она, прихлебывая чай, можно было бы солгать – сказать, что его отец умер. Придумать имя, прошлое... как она влюбилась в чудесного человека и они зачали Алекса, потому что так хотели его...

Хелена обхватила голову руками и глубоко вздохнула. Эгоистка в ней хотела бы, чтобы этот человек действительно был мертв, но на самом деле он был очень даже жив... и был рядом.

Она знала, что ее сын, возможно, достаточно развит интеллектуально, чтобы понять разумное объяснение, но эмоционально совершенно не готов узнать правду. Особенно в этом непростом возрасте, на тернистом пути от мальчика к мужчине.

Алекс всегда был трудным ребенком. Хелена почти с самого начала знала, что это необычный мальчик: такой умный, такой *взрослый* в том, как он обрабатывал информацию. Он мог рассуждать и манипулировать, как искушенный политик, а потом, круто развернувшись, вернуться к своему хронологическому возрасту и снова стать ребенком. Он помнила, как его внезапно осенила идея

смерти и четырехлетний малыш заснул в слезах, пытаюсь примириться с мыслью, что не будет «здесь» вечно.

– Но все мы здесь не навечно, – печально шепнула Хелена ночному небу, пылающему сегодня миллионами звезд. «Они-то видели все, – подумала она, – однако держат свои знания при себе».

Уильям говорил ей, что она балует Алекса, потакает его капризам, и, вероятно, был прав. Она одна понимала его уязвимость, зная, что ему приходится справляться с одиночеством из-за ощущения, что он «другой». В школе восьмилетнему Алексу предложили пройти тестирование, когда он обогнал всех одноклассников в учебе. Хелена неохотно согласилась, не желая навешивать на сына ярлык, пока он еще так молод. По результатам он был признан «одаренным ребенком» с запредельным IQ.

Хелена оставила его в местной начальной школе, желая обеспечить ему по возможности нормальное детство. Потом, на втором году учебы в средней школе, ее вызвал директор и сказал, что Алексу следовало бы подать заявку на академическую стипендию, чтобы поступить в самую престижную школу-пансион в Англии.

– Откровенно говоря, миссис Кук, я думаю, мы оба окажем Алексу дурную услугу, если не дадим ему хотя бы возможность попробовать. Мы тут делаем все, что в наших силах, но, чтобы выкладываться по максимуму, ему, без сомнений, будет лучше с мальчиками подобного интеллекта.

Она обсудила это с Уильямом, который согласился с директором, но Хелена, которую саму в детстве отослали в школу-пансион, колебалась.

– Никто не гарантирует, что Алекс получит стипендию, а без стипендии мы при всем желании не можем позволить себе обучение, – возразил Уильям. – Так почему не дать ему хотя бы попробовать? Если он не захочет ехать, отказаться всегда успеем.

А потом Алекс выиграл, и все были так воодушевлены, что Хелена даже устыдилась того, что не выказывала воодушевления. В конце концов, это было огромное достижение. И чудесная возможность для мальчика.

Когда Хелена спросила самого Алекса, тот пожал плечами и отвел взгляд, так что понять его выражение лица было сложно.

– Если ты довольна, мама, то и я доволен. Во всяком случае, папа, кажется, счастлив.

Яснее от этого не стало.

Уильям был взволнован и горд, но Хелена не могла избавиться от мыслей – пусть и несправедливых, – что радость мужа частично связана с тем, что Алекс уедет из дома.

Она прекрасно осознавала, что Уильям принял Алекса, потому что полюбил ее, а сын шел с ней в комплекте. Хотел он на самом деле Алекса или нет, ему ничего не оставалось, как согласиться, что тот будет жить с ними под одной крышей. Таковы были факты, как их ни приукрашивай. И Алекс, будучи Алексом, разумеется, все осознавал.

Сын тоже понимал *ее*... вероятно, лучше, чем кто бы то ни было. Он словно видел ее сквозь кожу до самого нутра, как бы крепко она ни окутывалась густой вуалью, пряча самые сокровенные мысли.

Хелена вытащила из кармана сигарету и закурила.

Алекс знал, что ее возражения насчет мотивов Алексиса лживы.

Знал, все не так просто, как она говорит. И, честно говоря, был прав.

* * *

К следующему закату сыновья Алексиса Димитриос и Мишель покрасили хозяйскую спальню в нежно-сизый цвет.

Они приехали утром в фургоне Алексиса, и Хелена, которая вышла им навстречу, не могла не заметить, насколько по-разному проявляются гены. Оба молодых человека были одарены густыми темными волосами, смуглой кожей и атлетическим сложением, но если Димитриос унаследовал добрый взгляд и мягкость Алексиса, то младший, Мишель, ни много ни мало напоминал греческого бога. Что-то неуловимое делало его еще красивее отца.

Братья взялись за работу с малярными кистями и валиками, а Хелена продолжила распределять по дому покупки, смягчая женственностью острые мужские грани Пандоры. Имми помогла ей нарезать цветов и оливковых ветвей в саду, и они расставили их в больших глиняных кувшинах. Окна во всех комнатах были

распахнуты, открывшись полыхающему солнцу, и затхлый запах пустоты начал выгорать, уходя в прошлое. Пандора начала оживать.

Еще раньше в то утро на кухне появилась яркая черноволосая девушка, и Хелена с удивлением обнаружила, что это и есть Ангелина, бывшая домработница Ангуса. Образ суровой кипрской версии миссис Дэнверс оказался весьма далеким от истины: Ангелина энергично терла полы и пылесосила и, сверкая полными смеха темными глазами, игриво пикировалась на греческом с сыновьями Алексиса.

– Мама, бассейном можно будет пользоваться через час, – объявил Алекс, найдя Хелену в гостиной, где та выбивала пыль из подушек камчатых кушеток. – Георгиос заполняет его водой.

– Превосходно! Тогда пойдем и обновим его все вместе.

– Будет очень холодно. Солнце не успеет прогреть воду, но, может, это нас освежит, – добавил Алекс с надеждой.

– Как раз то, что нужно: охладиться после тяжелой работы.

– Ага, до сих пор так себе отдых, да? У меня ощущение, будто мы только что переехали.

– Пожалуй, – согласилась Хелена. – Но оно того стоит, тебе не кажется? Я так хочу, чтобы папе здесь понравилось.

– Конечно, ему понравится, – Алекс подошел к ней и внезапно обнял. – Я страшно рад бассейну.

– Вот и хорошо. – Хелена вздохнула с облегчением, видя, что вчерашнее мрачное настроение Алекса исчезло и яркое солнце растопило и сына.

– Я собираюсь плавать каждое утро до завтрака и набрать форму, – добавил он. – Пока.

– Да, дорогуша.

– Чашечку чая, мадам? – Ангелина несла тяжелый поднос через гостиную на террасу, а Имми следовала за ней, как служанка.

– О да, пожалуйста! И, Ангелина, зови меня Хеленой.

– Ок-кей, Хелена, я стараться, – ответила та на ломаном английском.

– Мамочка, мы испекли бисквиты в новой духовке, чтобы ее опробовать, – Имми осторожно обхватила тарелку маленькими ручками. – Все должны попробовать, потому что они вку-усные.

– Не сомневаюсь. – Хелена была рада, что Имми поладила с Ангелиной. С ордами, нашествие которых ожидалось в следующие

несколько дней, ей понадобится любая помощь. Она вышла следом за ними на террасу и плюхнулась на стул под навесом. – Спасибо, Имми. – Она взяла бисквит и откусила кусочек. – М-м-м, очень вкусно.

– Ну, Ангелина мне помогала, но на самом деле их делала я, правда же?

– Правда, Имми, – согласилась Ангелина, ласково потрепав девочку по щеке.

Час спустя все собрались у бассейна на первое купание. Хелена, Имми и Алекс взяли за руки и прыгнули с бортика, дружно взвизгнув.

Через десять минут, оставив детей плескаться, Хелена выбралась из воды и легла возле бассейна, отогревая мурашки на вечернем солнце.

– Привет, Хелена.

На нее упала тень, и она подняла голову.

– Привет, Алексис.

– Вижу, вам здесь весело? – Он присел рядом на корточки, и Хелена внезапно почувствовала себя обнаженной в своем скудном бикини. Она села и, словно защищаясь, прижала колени к груди.

– Все благодаря тебе и твоим детям. Я так признательна, Алексис, серьезно.

– Это всего лишь мой долг. Ведь Пандора принадлежала моей семье больше двухсот лет, пока твой крестный не уговорил отца с ней расстаться.

– Тем более очень мило с твоей стороны, что ты нам помогаешь.

– Пф-ф! Не надо этих церемоний, не будь такой... англичанкой! Ты говоришь так, будто мы едва знакомы.

– Так и есть. – Хелена помедлила и добавила: – Мы больше не знакомы.

– Так давай познакомимся снова. Приходи сегодня ко мне на ужин.

– Я... Алексис, я не могу оставить Имми и Алекса.

– Я спросил Ангелину. Она с удовольствием с ними посидит.

– Ах вот как? – Хелена внезапно рассердилась. – Не лучше ли было сначала спросить меня?

Алексис немедленно начал извиняться:

– Мне следовало бы спросить тебя. Прошу прощения, Хелена.

– Ну, я все равно не могу пойти. Слишком много дел здесь. Завтра приезжают Уильям с Фредом.

– Мамочка! Я замерзла. Хочу вылезать, и мне нужно полотенце!

– Иду, дорогуша, – Хелена встала, собираясь уходить. Алексис успел поймать ее за руку.

– По крайней мере, давай как-нибудь поговорим, наверстаем упущенные годы.

Она посмотрела на него в упор, открыла было рот, потом молча покачала головой и отстранилась.

ДНЕВНИК АЛЕКСА

13 июля 2006 года

Я лежу на спине посреди холодного бассейна и не слышу никаких земных звуков, потому что уши под водой. Отсюда, с моей водяной кровати, если смотреть вверх, виден темный изогнутый купол, являющий округлость земли и неба. Он не плоский, а как в пещере, свод которой сверкает нетронутыми бриллиантами. Я слушаю вязкие шумы в ушах, закрываю глаза и воображаю, что это почти как вернуться в материнскую утробу. За исключением того, что нет готовых к употреблению чипсов, шоколада и углерода... или что там матери передают детям поесть по пуповине.

Это удивительный процесс – творение, правда-правда.

Сегодня мне спокойнее, потому что у меня есть новая утроба... в смысле комната – собственная. Да, в ней мне придется сворачиваться калачиком: если раскинуть руки, то можно коснуться полок из красного дерева по обеим сторонам, уставленных сотнями книг в кожаных переплетах, но мне все равно. Комната моя, и только моя, и, самое главное, это безрупсовая зона.

К тому же в ней достаточно печатной продукции, чтобы продержаться все каникулы, ибо мое новое жилище – то, что, учитывая обстоятельства, мать довольно торжественно именуется «библиотекой». Это, по сути, всего лишь кладовка для метел (и, готов спорить, возможно, когда-то ею и была), расположенная рядом с гостиной. Я не смогу – из соображений здравоохранения и безопасности – никого сюда пригласить, поскольку здесь может не хватить кислорода для двух пар легких. Кроме того, гостю придется лечь на меня, поскольку стоять здесь негде.

Мама сказала, что она не возражает, если я свалю часть книг на верхние полки, чтобы было где разложить вещи.

А еще там есть такая роскошь, как дверь, которая запирается, и окошко под потолком. Противный мистер Я-все-устрою ухитрился запихнуть сюда раскладушку, чтобы мне было где спать.

Переворачиваюсь и плыву к краю бассейна, потом выбираюсь и стряхиваю избыточную воду. Беру полотенце, которое мокрее меня после предыдущего использования, и набрасываю эту сырость на плечи. Плюхаюсь на лежак и вытираюсь на все еще смехотворно горячем ночном воздухе, надеясь, что не из-за меня мать сегодня выглядит такой удрученной.

За пару часов после ухода мистера Я-все-устрою она практически не сказала мне ни слова. Впрочем, с Имми она тоже была немногословной, так что, возможно, мы оба оказались в немилости по неизвестным нам причинам.

Надеюсь... ну, надеюсь, это не из-за того, что завтра приезжает папа. И потревожит их любовное гнездышко с мистером Я-все-устрою. Не думаю, что дело в этом, потому что я уверен, что она любит папу, но знаю, как трудно понять женщин. Где они учатся быть такими противоречивыми?

Имми уже осваивает всю эту женскую хрень. Она шантажом заставляет меня играть с ней в какую-нибудь скучную игру, где она всегда принцесса или фея, и носит кусок розового тюля поверх джинсов, а я – все остальное: от злого дяди до озорного эльфа. Потом внезапно, без предупреждения топает ножкой, говорит, что больше не играет, и убегает.

Как будто... она думает, меня это колышет?!

Встаю на колени на лежаке и заглядываю за линию олив, окружающих бассейн. Если вытянуть шею, мне видно сидящую на террасе маму. На ней длинный белый халат; лунный свет выбеливает белокурые волосы и смывает слабый загар.

Она похожа на алебастровую статую.

Или призрак.

И глядя на нее, я понимаю, что она сейчас в прошлом, вновь проживает другую жизнь.

€

Пять

Фред наконец не выдержал и уснул: маленькая головка покоилась на коленях Уильяма, липкие ручки все еще крепко сжимали новый самолетик. Уильям облизнул палец и неуклюже попытался стереть шоколад с перемазанной мордашки сына. После приземления надо будет отвести Фреда в туалет и как следует отмыть, прежде чем показывать Хелене. Кожа их сына, казалось, притягивала грязь.

Уильям закрыл глаза, радуясь передышке. Полет с Фредом оказался поучительным опытом. Обычно это он был человеком в костюме, пытающимся сдержать раздражение, когда какой-нибудь мелкий монстрик долбил ногами по спинке сиденья, вопил, кривлялся и совал голову между сиденьями, пока издерганный родитель изо всех сил старался унять ребенка. Уильям попытался дремать, но фредо-прилив адреналина еще кипел в крови, так что он сдался и вместо сна сосредоточился на прибытии в мир Хелены. Он был так занят подчисткой хвостов на работе, что ему было особо некогда об этом подумать.

Пандора... он понимал по отсутствующему выражению на лице жены каждый раз, когда она говорила об этом доме, как много он для нее значит. И Уильям знал, что не должен обижать ее какими-либо негативными замечаниями по приезду. Даже если дом и место окажутся довольно заурядными, а Кипр – именно таким засушливым скоплением крутых склонов, как он себе представлял, он поклялся, что не покажет виду.

Последние дни Хелена казалась особенно отчужденной и странной. Не иначе как возвращение в мысленно отполированную версию идеала принесло разочарование. Хотя он не знал наверняка. Во всем, что касалось жены, он ничего не знал наверняка.

Хелена... приближалась десятая годовщина их свадьбы, а жена в чем-то так и осталась для Уильяма загадкой. Ее вечно окружала аура отчужденности, и даже в постели, в моменты самой интимной близости, она будто находилась где-то далеко.

При этом Хелену нельзя было назвать холодной. Она источала такую любовь и тепло, на которые только способна женщина. Дети боготворили ее. Он боготворил ее. Уильям не знал, что вызывает отстраненность и благоговение. Красота? Многие годы он наблюдал, как реагируют на нее другие: и мужчины, и женщины. Люди не привыкли сталкиваться с физическим совершенством: они мирились со своими недостатками, видя их отражение в окружающих. Хелена, с ее золотистыми волосами, бледной безупречной кожей и восхитительно пропорциональным телом, была воплощением его идеала женщины. А материнство только прибавляло ей очарования, делая ее настоящей, а не недоступной ледяной девой. Из-за этого он часто чувствовал – хотя и не по ее вине, – что он простой смертный, а она богиня. Из этого рождалось чувство неуверенности, потому что иногда он не мог поверить, что эта изумительная женщина выбрала *его*.

Он всегда успокаивал себя тем, что обеспечивал ее всем, что ей нужно, что вместе они составляли инь и ян: она – артистичная, утонченная, мечтательная, а он приземленный, надежный и логичный. Они происходили из совершенно разных миров – и, однако, последние десять лет были счастливейшими в его жизни. Уильям надеялся, что она тоже была счастлива.

Однако с тех пор, как прибыло письмо с известием, что жена унаследовала старый дом в каком-то богом забытом захолустье на Кипре, она стала более отстраненной. И за последние недели он действительно ощущал, что Хелена отдаляется. Прямых доказательств не было, ничего убедительного, что подтверждало бы это ощущение. В целом Хелена была такой же, как всегда: занималась домом, заботилась о детях, поддерживала его и еще великое множество людей, тянувшихся к теплу и человечности его жены.

Когда самолет коснулся взлетной полосы в аэропорту Пафоса, обычно не склонному к самокопанию Уильяму трудно было подавить тревогу.

* * *

– Ох, Имми, это *та-акая* безвкусица. Я не встану рядом с тобой, если ты собираешься держать этот плакат.

– Алекс, не вредничай, – вмешалась Хелена. – Имми работала все утро. Очень славно, дорогуша. И папочке тоже очень понравится.

У Имми, тащившей плакатик с надписью «С ПРЕЕСДОМ НА КЫПР ПАПОЧКА И ФРЕД» в зону прилета, дрожала нижняя губа.

– Ненавижу тебя, Алекс. Ты самый вонючий брат на свете.

– Самый вонючий у нас Фред, не забывай, – заметил Алекс, когда они нырнули за Хеленой в толпу, окружающую выход из зоны прилета, откуда с минуты на минуту должны были появиться еще двое членов их семьи.

– Так, пока мы ждем, я пойду разберусь в прокате, как поменять мою машину на минивэн, – Хелена уже чувствовала себя издерганной. – Вы двое стойте здесь и высматривайте папу и Фреда. Их самолет приземлился двадцать минут назад, так что они должны скоро выйти. И Алекс, глаз не своди с Имми, – предупредила она и исчезла в толпе.

– Ох, я так волнуюсь, – пискнула Имми, размахивая плакатом над головой, как фанатка на поп-концерте. – О, смотри! Вон они... ПАПОЧКА-А-А!

Из-за дверей появился Уильям, толкающий тележку с чемоданами, на которых сверху сидел Фред. Имми подбежала к нему и бросилась в объятия отца.

– Привет, Имми, дорогуша, – пропыхтел Уильям, осыпаясь поцелуями дочери. Он выглянул из-за ее длинных белокурых волос и улыбнулся Алексу. – Привет, как ты?

– Отлично, пап. – Алекс взялся за ручку тележки и опустился на колени, чтобы взглянуть на Фреда. – Приветик, братишка. Дай пять.

– Ривет, Алекс. – Фред шлепнул ладошкой по руке брата, потом поднял игрушечный самолетик. – А у меня вот это от папы.

– Да ну? Ого, ты, наверное, хорошо себя вел. – Алекс подхватил Фреда на руки.

– Не-а. Плохо.

– В самолете? Тебе понравился самолет?

– Угу, – кивнул Фред и потер наморщенный веснушчатый нос. – Где мамочка?

– Да, где мамочка? – Уильям тоже высматривал в зале жену.

– Вон там, возле проката машин. – Алекс помахал Хелене, заметив, что та идет в их сторону.

Фред вывернулся из рук и побежал к матери.

Уильям смотрел на жену как всегда, когда не видел ее какое-то время, пораженный ее красотой. В синей футболке и джинсовых шортах, с длинными белокурыми волосами, небрежно завязанными в хвост, она выглядела не старше подростка.

Хелена подошла к ним, держа Фреда за руку.

– Привет, дорогуша. – Он обнял ее одной рукой за плечи и поцеловал.

– Привет. – Она улыбнулась ему снизу вверх. – Хорошо долетели?

– Не без приключений, – вздохнул он, – но мы добрались сюда целыми и невредимыми, да, Фред?

– Угу. Можем мы теперь пойти в Кыфр, мамочка? – спросил Фред.

– Дорогуша, это и есть *Кипр*, и мы можем ехать домой.

– Но я только приехал! – растерялся Фред.

– Я имела в виду наш дом здесь, на Кипре. Машина вон там, – Хелена указала на выход.

– Тогда давайте двигаться, – сказал Уильям.

* * *

– Хелена, как здесь прекрасно, действительно прекрасно, – восхищался Уильям, стоя на балконе второго этажа Пандоры.

– Правда?

– Правда. И дом... ну, ты совершила чудо, учитывая, что провела здесь всего несколько дней. Все выглядит таким свежим и ярким. – Он шагнул обратно в спальню, потом остановился и принюхался. – Это запах краски?

– Да.

– Когда ж ты все успела?

– Я бы не справилась. Мне помогли.

– Я впечатлен, – сказал Уильям. – В Англии я неделями ищу мастера, чтобы починить трубу, а уж покрасить дом за пару дней... Тем не менее мило, очень мило. И дом совсем не такой, как я себе вообразил.

– А что ты воображал?

– Не знаю. Он очень... средиземноморский, что ли. Простой, чуточку спартанский... и, однако, этот дом можно поместить в глухую английскую деревушку, и он не будет казаться неуместным. Это скорее дом приходского священника, чем кипрская вилла. И с характером.

– Это очень старый дом.

– И с чудным старым карнизом. – Уильям окинул взглядом архитектора пропорции комнаты. – И высокими потолками. – Он провел руками по полированной крышке большого комода из красного дерева. – Я бы сказал, мебель здесь тоже довольно ценная.

– Ангус хотел создать здесь кусочек Англии, – объяснила Хелена. – Оттуда привезли все, вплоть до напольных часов в коридоре.

– И теперь это все твое.

– Наше, – с улыбкой поправила его Хелена.

– И, наверное, стоит немало.

– Я бы никогда не продала этот дом. – Ответ прозвучал резковато.

– Нет, но не мешало бы знать, чтобы прикинуть, сколько он стоит. Хорошо бы его оценить.

– Там видно будет. – Хелена заставила себя не сердиться, что муж мог даже думать о Пандоре в контексте фунтов, шиллингов и пенсов. – Идем, дорогуша, я покажу тебе сады.

* * *

На закате они все вместе искупались в бассейне, а на ужин Хелена предложила отправиться в таверну «У Персефоны».

– Я покажу тебе деревню, – сказала она, пока Уильям преодолевал ухабистую дорогу. – И дети могут для разнообразия взять жареную картошку и куриные наггетсы.

Пройдя по улице (Уильям заявил, что обязательно должен как-нибудь зайти в симпатичную православную церковь), они зашли в «Персефону».

– Очень уютное местечко, – заметил Уильям, когда они сели за стол. Он усадил Фреда себе на колени, пытаясь усмирить ребенка, у которого усталость перешла в гиперактивность.

– Папа, можно мне подуть на свечку? – спросил Фред.

– Нет, нельзя. Вот, держи свою машинку. – Хелена достала из сумки игрушку и, зарывав, запустила ее по столу к Фреду. – Таверна практически не изменилась с тех пор, как я здесь была, и еда – пальчики оближешь.

– Мы же больше не будем есть бараньи какахи, да, мамочка? – вставила Имми.

– Нет, но папочка и я возьмем мезе. Тебе надо попробовать, – сказала Хелена, когда им принесли вино. Она сделала заказ для всех. – О, Уильям, еще я нашла уборщицу, которая также может сидеть с детьми. Да, Фред, твою еду сейчас принесут. Вот, Имми, возьми немножко хлеба, пока ждешь. – Хелена умело вела три разговора одновременно.

– Так или иначе, думаю, она нам понадобится, – устало ответил Уильям и повернулся к Алексу: – Ну, а что ты думаешь о Пандоре? Тебе нравится?

– Бассейн сказочный, – кивнул Алекс.

– А дом?

– Тоже ничего.

– Англия выиграла в крикет у Вест-Индии, ты знал?

– Нет. На здешнем телевизоре только кипрские каналы.

Уильям сдался. Когда Алекс отключал режим общения, проще было уступить.

К счастью, заказанное принесли быстро, и дети жадно накинулись на еду.

– Великолепное мезе, – сказал Уильям. – Фред, хочешь попробовать?

– Фу, бя-я-яка!! – Фред закрыл рот руками и яростно замотал головой.

– Надеюсь, он не собирается жить на куриных наггетсах с картошкой весь отпуск, дорогуша, – заметил Уильям, обращаясь к жене.

– Ну, если и собирается, это его не убьет, не так ли? – возразила Хелена, запихивая еще немного еды сыну в рот.

– Ирландцы годами жили на одной картошке, – вставил Алекс.

– И умирали тысячами, – ответил Уильям.

– Это было во время голода, когда картошка была заражена и им нечего было есть. И, между прочим, полмира живет в основном на

рисе, – педантично продолжал Алекс. – А это, по сути, сплошной углевод с небольшим количеством клетчатки.

– Мамочка, мне надо в туалет, пусть меня отведет Алекс, – вмешалась в разговор Имми.

– Везет же мне, – пробормотал Алекс. – Ну пошли.

– Я тоже! – Фред слез с высокого стула и потрусил за сестрой и братом.

За столом наступило затишье, и Уильям налил обоим еще вина.

– Значит, с Алексом все в порядке? – спросил он.

– Да, нормально. Или, по крайней мере, нормально для него. – Хелена чуть улыбнулась Уильяму. – Ты же знаешь, какой он.

– Знаю. А тебе каково – вернуться после стольких лет?

– Чудесно, да, по-настоящему чудесно. Я...

– Мамочка! Смотри, твой друг! – За спиной Хелены появилась Имми. – Я сказала, что ему надо подойти и познакомиться с папочкой.

Хелена обернулась и встретила взгляд синих глаз Алексиса.

– Привет, Хелена, – ему было явно неловко. – Прости, что мешаю вашей семье, но твоя дочь настаивала.

– Разумеется, ты нам не мешаешь, Алексис. Это Уильям, мой муж.

Алексис ухитрился высвободить руку из железной хватки Имми и протянул ее над столом.

– Рад познакомиться, Уильям.

– Я тоже. Алексис, не так ли?

– Да.

Возникла долгая пауза, во время которой Хелена отчаянно перебирала сотню разных способов нарушить молчание, ни один из которых не казался уместным.

– Папочка, Алексис отвез нас в Пафос на большом фургоне, – запищала Имми. – Он ходил с нами за покупками и помог мамочке украсить дом для тебя и Фреда.

– Правда? Тогда, вероятно, мне следовало бы поблагодарить тебя за помощь, Алексис, – спокойно ответил Уильям.

– Мне не трудно. Как тебе Пандора? – спросил он.

– Замечательный дом и прекрасно расположен.

– Семья Алексиса владела домом до того, как его купил Ангус, и Алексису принадлежат все виноградники вокруг. – К Хелене наконец вернулся дар речи.

– Ты делаешь вино? – спросил Уильям.

– Да, – Алексис указал на кувшин на столе. – Вы его пьете.

– Хорошее, очень хорошее. Могу я предложить тебе бокал?

– Нет, спасибо, Уильям. Я должен вернуться к своему гостю. Это виноторговец из Чили, и я хочу, чтобы он покупал у меня.

– Тогда заходи в Пандору и выпей с нами там, – предложил Уильям.

– Спасибо. Буду рад. Приятно познакомиться, Уильям. *Adio*, Хелена, Имми. – Он кивнул и удалился.

Алекс заметил Алексиса, когда вышел из туалета с Фредом, и задержался, пока тот не ушел.

– Что ему было надо? – спросил Алекс, когда они с Фредом снова сели за стол.

Неприязнь в его голосе сообщила Уильяму все, что нужно было знать.

Когда они вернулись в Пандору, Хелена уложила младших спать, потом набрала ванну. Она чувствовала себя разбитой: прошлой ночью уснуть не удалось. Вероятно, причиной послужило напряжение из-за приезда Уильяма и Фреда.

– DVD-плеер установлен в гостиной. – Алекс зашел в спальню, не постучавшись. Хелена знала, насколько эта привычка раздражает Уильяма.

– Хорошо, – ответила Хелена. – Я как раз собираюсь принять ванну. Ты идешь спать?

– Да. По крайней мере, у меня есть несколько книг на выбор в моей новой библиотеке. Спокойной ночи, мам.

– Сладких снов, дорогуша.

– Спокойной ночи, Алекс. – Уильям появился в спальне, когда Алекс уходил.

– Спокойной ночи, пап.

Уильям крепко закрыл за ним дверь и прошел за Хеленой в ванную. Когда она залезла в ванну, он присел на край.

– Наконец-то покой, – сказал он с улыбкой, зевая и проводя рукой по темным волосам. – Думаю, я буду хорошо спать сегодня.

– Пять часов на самолете с Фредом кого угодно выведут из строя, – согласилась Хелена. – Он уснул на середине сказки. Я только надеюсь, что он проспит до утра, иначе мы не доживем до конца дня.

– Будем надеяться, – вздохнул Уильям. – Так откуда ты знаешь Алексиса?

– Мы познакомились, когда я была здесь в прошлый раз.

– Красивый мужчина.

– Пожалуй.

– Он наверняка был неотразим, когда вы познакомились, – намекнул Уильям.

Хелена сосредоточенно намыливалась.

– Признайся, – Уильям перестал прикидываться, – между вами что-то было?

– Дай, пожалуйста, полотенце.

– Вот, – Уильям подал ей полотенце, восхищаясь тем, как ни возраст, ни роды, кажется, не оставили красноречивых отметок на теле жены. Со стекающей по коже водой она напоминала Уильяму нимфу, маленькие груди все еще высокие и полные, а живот плоский. Уильям ощутил шевеление в чреслах, когда наблюдал, как она вылезает из ванны и заворачивается в полотенце. – Ну? Ты не ответила на вопрос.

– У нас был курортный роман, когда я здесь жила, вот и все.

– И с тех пор ты его не видела?

– Нет.

– Так это было... невинно?

– Уильям, – вздохнула Хелена, – это было двадцать четыре года назад. Какое это имеет значение?

– Алексис женат?

– Был, но его жена умерла.

– Так значит, он вдовец.

– Да. – Хелена небрежно вытерла волосы, потом потянулась за халатом.

– Ты знала, что он будет здесь?

– Понятия не имела. Мы не разговаривали двадцать четыре года.

– Ты права. Это очень долгий срок.

– Да. Не хочешь макнуться, пока вода не остыла? А я пойду закрою нижний этаж. И, кстати, о нижнем этаже: завтра с утра я хотела бы поехать в Пафос и выбрать растения для чудных старых урн на террасе и маленькой клумбы возле бассейна. Ангелина здесь, так что она может пару часов посидеть с младшими. Ты поедешь со мной?

– Конечно.

– Прекрасно. До скорого.

Уильям разделся и погрузился в ванну, коря себя за допрос. Он поддался паранойе и обидел Хелену. Как она справедливо сказала, что бы ни произошло почти четверть века назад, это не имеет никакого отношения к настоящему. Но то, как Алексис смотрел на его жену в таверне... Уильям инстинктивно знал, что это взгляд человека, который все еще влюблен.

ДНЕВНИК АЛЕКСА

14 июля 2006 года

Папе: «Привет, дорогу-уша».

Имми и Фреду: «Нет! Дор-рогуши!»

Мне: «Ох, дорогуша!»

Итак, мы все здесь и снова в Стране Питера Пэна. Мы – семейство Дарлинг, и моя мать – миссис Дарлинг. Удивительно, что она еще не взяла нам в няньки собаку, но дайте ей время. Зачем было утруждаться, давая каждому из нас отдельное имя, когда она использует одно слово для всех?

Особенно трудно, когда она кричит собирательное «дорогуша» с кухни и мы сбегаемся со всего дома, а она решает, кто из «дорогуш» ей нужен. В общем и целом, полагаю, она хорошая мать, но эти ее «дорогуши» меня просто бесят. Это, наверное, пережиток тех времен, когда она выступала в балете. Своего рода «театральная» привычка.

У нас семья из пяти человек (скоро будет шесть, когда приедет эта самая Хлоя) – довольно большая по нынешним стандартам. И внутри такой семейной группы каждому из нас, конечно же, приходится защищать свою индивидуальность. А что у нас более личное, чем имя?

Последнее время Фред начал ей подражать. Меня беспокоит, что ему придется весьма туго в школе, если он решит, что можно называть неизбежного хулигана в классе «дорогушей».

Во всяком случае, пока она не включила мистера Я-все-устрою в состав «дорогуш», я как-нибудь справлюсь.

Разумеется, когда-то я был «дорогушей» номер один. Я появился первым, раньше их всех.

И, если честно, иногда мне бывает трудно делить ее с другими. Она как круг мягкого сыра, и, когда я родился, весь круг был только мой. Потом она встретила папу, и большой кусок был отрезан, хотя, полагаю, у меня еще оставалась половина. Потом появилась Имми, которая получила свой ломоть, потом Фред, который получил еще

один. И я уверен, ей придется отрезать еще кусочек для Хлои, так что мой кусок все время становится все меньше и меньше.

Меня серьезно шарахнуло сегодня, когда в аэропорту Имми бросилась в объятия отца, что у меня такого нет. В смысле отца. Уильям очень старается, но скажем так: если случится пожар, готов поставить всю мою коллекцию сувениров с Тинтином, он сначала будет спасать своих родных детей. Что формально еще уменьшает мой ломоть сыра, поскольку у папы, Имми и Фреда есть понемножку друг от друга.

Папа казался по-настоящему счастливым, когда я выиграл стипендию в ту школу. Он открыл бутылку шампанского, и мне тоже позволили выпить бокал. Вероятно, он праздновал то, что в будущем я почти все время буду далеко от дома и ему больше не придется меня терпеть.

Почему я вдруг больше обычного заикнулся на этом деле с отцом?

Возможно, потому, что до сих пор матери всегда было довольно. Мне не нужен был больше никто.

Но последнее время (а я понимаю ее очень хорошо) я чувствую, что она ускользает.

Она сама не своя.

И я тоже.

§

Шесть

Уильям и Хелена провели раннее утро в маленьком садовом центре, который Хелена заметила на окраине Пафоса.

Последнее время им редко удавалось остаться только вдвоем, и, несмотря на относительно прозаическую задачу, Хелена с удовольствием бродила по залитым солнцем рядам растений рука об руку с Уильямом, выбирая яркие герани разных оттенков плюс несколько олеандров и кустов лаванды, которые, как она знала, выдержат засушливый климат. Владелец садового центра также держал при входе маленький ларек, торгующий свежими местными продуктами, так что они накупили с собой благоухающие крупные помидоры, дыни, сливы и душистые травы, загрузили все в багажник и отправились обратно в Пандору.

* * *

– Это тебя. Сэди. – Уильям зашел на кухню и протянул Хелене ее мобильник.

– Спасибо. Привет, дорогуша, как ты? – Хелена привычно зажала телефон между щекой и плечом, чтобы можно было и дальше мыть латук. – О нет, правда?... О, вот же черт! Ты в порядке? Нет, я уверена... Да, здесь славно. Уильям и Фред приехали вчера, и мы все после обеда устроимся у бассейна, наслаждаясь покоем, пока не прибыли Чандлеры. Сэди, подожди пару секунд. – Она повернулась к Уильяму и указала на поднос с тарелками и приборами: – Можешь отнести это наружу и сказать детям, чтобы выбрались из воды и вытерлись перед ланчем?

Уильям ушел с подносом, и Хелена возобновила разговор с подругой:

– Конечно, ты встретишь кого-нибудь еще. Я все равно никогда не думала, что он «тот самый»... Что? Ну, если ты действительно хочешь, только я не знаю, где ты будешь спать. Мы уже трещим по швам.

Ладно, – Хелена вздохнула. – Ну, выше нос. Просто сообщи время твоего рейса, и я встречу тебя в аэропорту. Пока, дорогуша.

Уильям вернулся на кухню.

– Дети вытираются. Надо забрать на стол что-нибудь еще?

Хелена вывалила листья латука в миску с нарезанными помидорами и огурцами, ловко перемешала их пальцами и подала миску Уильяму.

– Ну и, – спросил он, – как Сэди?

– Хочет покончить с собой. Марк сказал ей, что все кончено.

– Ясно.

– Я знаю, тебе он не очень нравился, да и мне, честно говоря, тоже. Но Сэди его любила.

– Я так и понял по тому, как ты часами висела на телефоне и слушала, как она поет ему дифирамбы.

– Да, но Сэди моя лучшая подруга, и я должна ее поддерживать. Проблема в том, что...

– ...она хочет приехать сюда, сбежать на несколько дней, чтобы исцелить разбитое сердце и поплакать на плече лучшей подруги, – закончил за нее Уильям.

– По сути, да, – согласилась Хелена.

– И когда она приезжает?

– Она сейчас звонит в авиакомпанию и пытается купить билет.

– Значит, скоро.

– Вероятно. Прости, дорогуша, но ее страшно слушать.

– Она быстро оправится. Как обычно, – мрачно пробормотал он.

Хелена схватила тарелку с холодным мясом из холодильника, не сводя глаз с Уильяма.

– Я знаю, это выглядит, будто она навязывается, но тебе надо помнить, что Сэди и я как сестры. Мы знали друг друга с начальной школы, и она практически все, что у меня осталось от семьи. Я люблю ее и просто не могу отказать.

– Я знаю, – вздохнул Уильям. – И мне нравится Сэди, правда-правда, но я просто боюсь, что этот так называемый отдых грозит превратиться в несколько недель каторжных работ, дом – в бесплатный отель, а я и, самое главное, ты – в его содержателей.

– В Пандоре и должно быть многолюдно. Тут всегда так было.

– Да, и, готов спорить, здесь еще был и полный штат obsługi, чтобы удовлетворять любые капризы гостей, – сказал Уильям. – Не хочу смотреть, как ты загоняешь себя, вот и все. Ты уже выглядишь измученной.

– Я спрошу Ангелину, сможет ли она помогать больше, особенно с едой. Она когда-то готовила для Ангуса, а он был ужасно привередлив, так что я уверена, что она справится.

– Ладно, – уступил Уильям, зная, что все уже решено. – Идем? – Он предложил жене руку, и она последовала за ним на залитую солнечным светом террасу.

Трое детей уже собрались вокруг стола под перголой в разной степени раздетости, а Фред и вовсе голый.

– Мама, прости, но я не хочу все лето присматривать за Фредом и Имми в бассейне, – пожаловался Алекс, тяжело опускаясь на стул. – Имми просто все время хочет прыгать в воду, и я не могу оставить ее из боязни, что она ушибется или утонет, и это просто... скучно.

– Знаю, Алекс. После ланча я приду сюда и сменю тебя, обещаю, – сказала Хелена, раскладывая по тарелкам салат. – Хотите новость? К нам приезжает тетушка Сэди.

– Еще один ломтик, – пробормотал себе под нос Алекс.

– Что, Алекс? – спросил Уильям.

– Ничего. Имми, передай мне, пожалуйста, питу.

– Это означает, что нам придется в очередной раз перераспределить спальни, – сказала Хелена. – Пожалуй, если расчистить кладовку, забитую вещами Ангуса, Сэди могла бы спать там. Комната небольшая, но там надо будет поработать.

– И найти мусорный контейнер, судя по тому, что я там видел. Он явно был барахольщиком, – добавил Уильям.

– В таких местах можно найти все, что угодно, мама, – обрадовался Алекс. – Я помогу. Люблю копаться во всяком хламе.

– Мы догадались по состоянию твоей спальни, – заметил Уильям.

– Спасибо, Алекс, – сказала Хелена, игнорируя замечание мужа. – Мы могли бы заняться этим во второй половине дня.

– Папочка, а когда ты возьмешь нас в аквапарк? – спросила Имми.

– Скоро, Имми, но, по-моему, нам пока хватит аквапарка в саду.

– Но здесь нет горок, и вообще...

– Ешь ветчину, Имми, а не играй с ней. Папочка только что приехал. Перестань приставать к нему, – сделала замечание Хелена.

– Если только ты не хочешь, чтобы я повез их в аквапарк сегодня, чтобы они не мешали тебе очистить кладовку? – предложил Уильям. – И помни, завтра приезжает Хлоя. Мне надо встретить ее в аэропорту. А на следующий день приезжают Чандлеры, помоги нам Господь.

– Да! Папочка! Сегодня! Сегодня! – Фред присоединился к воплям Имми, синхронно колотя ложкой по тарелке.

– Хватит! – рявкнул Уильям. – Если вы пообещаете все съесть, мы поедем позже, когда солнце немного спустится.

– Ты, наверное, прав насчет мусорного контейнера, – размышляла Хелена. – Но где же его взять, я понятия не имею.

– Мамочка, можно мне апельсинового сока? Я пить хочу, – спросил Фред.

– Я принесу, Фред. – Уильям встал, поглядел на Хелену и криво усмехнулся. – Уверен, твой друг Алексис знает. Позвони ему.

* * *

Хелена и Алекс стояли в дверях кладовки – главным образом потому, что войти было невозможно.

– Господи, мама, откуда начинать? – Глядя на мебель и бесконечные коричневые коробки, Алекс начал жалеть, что не отправился со всеми в аквапарк.

– Принеси стул из спальни Имми и Фреда. Если встать на него, мы сможем вытащить часть коробок и сложить на лестничной площадке. Тогда, по крайней мере, можно будет зайти.

– Ладно.

Алекс принес стул, залез на него и передал Хелене первую коробку сверху. Потом слез, чтобы посмотреть, что внутри.

– Ого! Здесь полно старых фотографий. Ты только глянь! Это Ангус?

Хелена посмотрела на красивого светловолосого военного при полном параде и кивнула.

– Да. И на этой... он на террасе Пандоры с какими-то людьми, которых я не знаю, и... боже, это моя мать с ним!

– Твоя мама красавица. Она похожа на тебя, – заметил Алекс.

– Скорее я похожа на нее, – улыбнулась Хелена. – До замужества она была актрисой. Довольно успешной, играла главные роли в разных пьесах Вест-Энда и считалась настоящей красавицей.

– И отказалась от карьеры, чтобы выйти за твоего отца?

– Да, хотя вышла за него сильно за тридцать. Я родилась, когда ей было сорок.

– Но ведь рожать так поздно в те времена было необычно?

– Очень, – Хелена улыбнулась Алексу. – Мне кажется, я появилась по ошибке. На самом деле она не очень-то годилась в матери, твоя бабушка.

– Я когда-нибудь с ней встречался? – спросил Алекс.

– Нет. Она умерла еще до твоего рождения. Мне было двадцать три, и я тогда танцевала в Италии.

– Ты скучаешь по ней теперь, когда она умерла?

– Честно говоря, Алекс, не очень. Меня отослали в школу-пансион, когда мне было десять, и даже до этого я росла с няней. У меня всегда было ощущение, что я просто мешаюсь под ногами.

– Ох, мам, как ужасно, – Алекс сочувственно погладил ее по руке.

– Вообще-то, нет, – пожала плечами Хелена. – Меня так воспитывали – не ожидать ничего другого. Отец был гораздо старше мамы, почти шестьдесят, когда я родилась. Он был очень богатым, владел поместьем в Кении и месяцами пропадал на охоте. Моих родителей, наверное, можно назвать светскими людьми: всегда путешествовали, устраивали приемы... маленькая девочка совсем не вписывалась в стиль их жизни.

– Дедушку я тоже никогда не встречал, да?

– Нет, он умер, когда мне было четырнадцать.

– Если он был таким богатым, ты получила много денег, когда он умер?

– Нет. Моя мать была его второй женой. У него было двое сыновей от первого брака, и все унаследовали они. А мама была настоящей транжирой, так что после ее смерти осталось немного.

– Похоже, отстойное у тебя было детство.

– Нет, просто другое, вот и все. Хотя я тогда научилась самостоятельности. – Хелена ощутила обычный дискомфорт, как

всегда, когда разговор заходил о детстве. – И твердо решила, что у меня будет настоящая семья. И вообще, давай отставим эту коробку в сторону. Если мы будем разбирать содержимое каждой, что достаем отсюда, мы никогда не очистим комнату.

– Ладно.

Они дружно работали следующие два часа, вытаскивая из комнаты прошлое Ангуса. Алекс раскопал сундук со старыми мундирами и спустился вслед за матерью на кухню в фуражке цвета хаки и с офицерской саблей.

– Тебе очень к лицу, дорогуша. – Хелена налила им обоим воды и жадно выпила свой стакан. – Такая работа на самом деле не для этой нестерпимой жары. Но, по-моему, мы уже сделали больше половины.

– Ага, но что мы со всем этим будем делать? В смысле нельзя же все это просто выбросить, правда? – Алекс махнул саблей, которая оказалась страшно тяжелой.

– Давай повесим ее где-нибудь на стене, а коробки с фотографиями и прочими реликвиями отнесем в сарай, пока у меня до них руки не дойдут. Что до остального... нам нужен мусорный контейнер. Мне лучше позвонить Алексису, как предложил папа, и спросить, знает ли он, где такой найти.

Алекс промолчал, когда Хелена набрала номер и ушла говорить на террасу. Вскоре она вернулась и кивнула.

– Хорошие новости. Он приедет на своем грузовике, загрузит хлам и сам отвезет на свалку. Нам вообще не понадобится контейнер. Давай-ка вернемся к работе. Алексис приедет в пять.

* * *

Остановив машину возле Пандоры, Уильям увидел, как Алексис несет большую коробку в сарай. Кузов грузовика, припаркованного перед домом, был забит сломанной мебелью, старыми абажурами и изъеденными молью коврами. Он оставил Имми и Фреда спать на заднем сиденье, открыв дверь, чтобы впустить вечерний ветерок, и пошел в дом искать жену.

– Привет, дорогуша. – Хелена нашлась наверху. Она стояла возле открытой двери в пустую кладовку с веником, вся в пыли, но

торжествующая. – Правда, здорово? Комната гораздо больше, чем я думала. Здесь легко поместится двуспальная кровать. Алексис говорит, у него в комнате для гостей есть такая и мы можем ее позаимствовать.

– Отлично.

– Стены нужно покрасить, разумеется, но здесь такой чудесный вид на горы, и на полу не плитка, а паркет, так что я подумала, что со временем мы его отлакируем.

– Здорово, – сказал Уильям. – Значит, твой друг помогал тебе.

– Да, он приехал около часа назад. Перетащил все коробки, которые я хочу разобрать, в сарай, а хлам отвезет на свалку.

Уильям кивнул.

– Уверен, он очень помог, но знаешь, ты могла бы попросить меня перенести эти коробки.

– Тебя здесь не было, Уильям, а Алексис предложил свои услуги, вот и все.

Уильям не ответил. Он повернулся и пошел по коридору к лестнице.

– Ты же не сердишься, да? – крикнула она вслед.

– Нет. – Уильям исчез внизу.

Хелена стукнула по дверной раме.

– Ох, ради всего святого! Ты сам посоветовал ему позвонить. – Бормоча под нос, она спустилась по лестнице следом за мужем и обнаружила на кухне Алексиса.

– Все сделано. Теперь я отвезу хлам на свалку.

– Ты не останешься с нами выпить?

– Нет, спасибо. До скорой встречи.

– Пока. И еще раз огромное тебе спасибо.

Алексис улыбнулся, кивнул и вышел через заднюю дверь.

Забрав двоих ворчащих, усталых детей из машины, накормив их и потом устроив на диване в гостиной перед DVD, Хелена налила себе бокал вина и вышла на террасу. Она слышала, как плещется в бассейне Алекс, и видела Уильяма, облокотившегося на балюстраду в конце террасы. Она села под перголой, не настроенная выдавать свое присутствие. Наконец он повернулся к ней, подошел и сел рядом.

– Прости, Хелена, это было грубо с моей стороны. Просто непривычно: другой мужчина делает то, что обычно делаю я. У меня ощущение, будто я вошел в твой мир, где мне не место.

– Дорогуша, ты не провел здесь и дня. Ты еще привыкаешь к этому месту.

– Нет, тут нечто большее, – вздохнул он. – Это твое королевство, твой дом, твоя жизнь из другого времени. Так или иначе, у меня именно такое чувство.

– Тебе здесь не нравится?

– Не в этом дело. Тут прекрасно, но... – Уильям покачал головой. – Мне надо выпить. Минуту. – Он исчез в доме и вернулся с бутылкой и бокалом. – Долить?

Хелена кивнула, и он наполнил ее бокал.

– Весьма неплохое вино. Твой друг явно знает, что делает.

– Его имя Алексис, Уильям, и да, знает, но опять же, его учили с колыбели.

– Ну... полагаю, нам следовало бы пригласить его на ужин, чтобы отблагодарить должным образом.

– Нет никакой необходимости.

– Есть. Откровенно говоря, – он сделал еще глоток вина, – я, наверное, волнуюсь из-за завтрашнего.

– Это ты о приезде Хлои?

– Да. Эта дочь моя, которую я больше не знаю и которую учили только, какая я дрянь... понятия не имею, какой она будет, но чертовски уверен, что приехать сюда было не ее идеей. Она, должно быть, злится, что ее отправили к нам, чтобы мать могла на свободе крутить любовь во Франции. С ней может быть очень трудно, Хелена. И... – Уильям снова пригубил вино, – это не ее вина.

– Уверена, мы справимся, дорогуша. И здесь будет много народу, что должно разрядить любое напряжение.

– Которого здесь просто обязано быть много и с самых разных сторон.

– Мы справимся. – Хелена потянулась к нему и сжала его руку. – Мы всегда справляемся.

– Да, но... – Уильям вздохнул. – Я надеялся, что мы сможем не просто «справиться». Что это лето станет для нас возможностью *развлечься*.

– И я не понимаю, почему это невозможно. У нас тут определенно интересные персонажи в списке гостей.

– Кстати, Сэди уже проявилась?

– Да. Она прилетает тем же рейсом, что и Чандлеры. Я спрошу, смогут ли они привезти ее сюда из аэропорта.

– Господи! – Уильям выдавил кривую улыбку. – Пресловутая Джулз и ее забитый супруг, не упоминая Рупса и Виолу, думающая о самоубийстве Сэди... и дочь, которую я почти не знаю.

– Ну, если так формулировать, звучит совершенно жутко, – согласилась Хелена. – Может, откажемся и сбежим домой?

– Ты права. Прости меня, я все вижу в черном свете. Кстати говоря, ты упоминала о грядущем приезде Хлои Имми и Фреду? – спросил Уильям.

– Нет. Я сказала Алексу, но подумала, что ты предпочитаешь рассказать младшим сам.

– Верно. Тогда мне лучше поторопиться. Есть идеи, как им сообщить? – спросил он.

– Как бы невзначай, будто это ерунда. И помни, кровь не водица. Хлоя их сводная сестра, и у них на пятьдесят процентов общие гены.

– Ты права. Меня просто беспокоят вторые пятьдесят процентов. Что, если она похожа на свою мать?

– Тогда да поможет нам Бог. Хочешь, скажем Имми и Фреду вместе?

– Да, – Уильям благодарно кивнул. – Спасибо, Хелена.

* * *

Младшие, как и ожидала Хелена, спокойно восприняли предстоящий приезд сестры, которую никогда не видели.

– Папочка, она милая? – спросила Имми, устроившись на коленях Уильяма. – Как она выглядит?

– Ну, когда-то все говорили, что Хлоя похожа на меня.

– У нее короткие каштановые волосы и большие уши? Фу-у!

– Спасибо, солнышко. – Уильям поцеловал дочь в макушку. – Она гораздо симпатичнее меня, обещаю.

– А Кокоя к нам навсегда? – спросил Фред из-под стола, где он играл с одной из своих машинок.

– Это Хлоя, Фред, – поправила Хелена. – Нет, только пока мы здесь, на Кипре.

– Значит, она живет одна?

– Нет, она живет со своей мамочкой, – объяснил Уильям.

– Тогда почему я никогда ее не видел?

– У нее другая мамочка, дорогуша. – Хелена знала, что бессмысленно пытаться логично объяснить ситуацию трехлетнему ребенку. – И вообще, детки, пора спать.

Последовал обычный хор жалоб, но в конце концов оба были уложены в кровати. Хелена нежно поцеловала обоих в покрытые сладким потом лбы.

– Баю-баюшки-баю, не ложися на краю. – Она тихо закрыла за собой дверь и на лестничной площадке наткнулась на Алекса, тащившего рюкзак вниз в новый спальный отсек.

– Привет, мам, все нормально?

– Да. А у тебя?

– Ага.

– Тебе не надо переезжать до завтра, ты же знаешь. Папа поедет встречать Хлою только после обеда. Утром будет масса времени сменить простыни и привести комнату в порядок.

– Я хочу сейчас, – он начал спускаться.

– Ладно. Я уже поставила туда вентилятор. Не хочу, чтобы у тебя снова случился тепловой удар.

– Спасибо, – Алекс остановился и посмотрел на нее. – Ты собираешься разбирать те коробки в сарае?

– Да, когда будет время, а значит, определенно не в ближайшие дни.

– Можно мне?

– Если ты ничего не будешь выбрасывать.

– Конечно, не буду. Ты же меня знаешь, мам, я люблю историю. Особенно мою собственную, – добавил он с нажимом.

– Но Алекс, – Хелена пропустила реплику мимо ушей, – многие из этих вещей ничего для тебя не значат. Не забудь, Ангус не был моим родственником. Он был моим крестным отцом.

– И все равно, может быть, я узнаю что-нибудь о нем. Интересно, правда же?

– Да, конечно. – Хелена, разумеется, заметила намек. Алекс искал ответы, но она знала, что он ничего не найдет в коробках Ангуса. –

Берись, но я не хочу, чтобы ты завтра застрял там на весь день. Приезжают гости, и мне понадобится твоя помощь.

– Конечно. Спокойной ночи, мам, – сказал он, когда они добрались до его новой спальни.

– До завтра, дорогуша, – ответила она, и Алекс закрыл дверь.

ДНЕВНИК АЛЕКСА

15 июля 2006 года

Я сижу на кровати в своей камере. Вентилятор, которым меня снабдила мать, так близко, что высохнуть можно ровно за минуту. Я только что притащил из сарая коробку, заполненную письмами и фотографиями, которые могут быть связаны со мной и моим прошлым – а могут и не быть.

Моя мать не глупа. Она знает, что я ищу. Она знает, как сильно я хочу знать...

Кто Я.

Мама, похоже, не беспокоилась, что в этих коробках я найду ключ к великой тайне, поэтому вряд ли в вещах Ангуса попадет что-то стоящее.

Интересно, почему она так скрытничает о своем прошлом? Почти никогда не упоминает своих родителей, или где она росла, или как. Сегодня она выдала неожиданно много информации.

Я тут же осознал, что большинство детей знают своих бабушек и дедушек или хотя бы их помнят. Я же знаю наверняка только, что Хелена Элиза Бомонт – моя мать и что я родился в Вене (этого она не могла скрыть, потому что так написано в моем свидетельстве о рождении) и жил там до трех лет, после чего она встретила папу, мы вернулись в Англию и они поженились. Очевидно, в раннем детстве я был билингвой. Теперь же я с трудом считаю на немецком до десяти.

Ложусь, закинув руки за голову, и смотрю на потрескавшийся, желтеющий потолок. И размышляю, что у моего друга Джейка (я использую этот термин условно, в том плане, что мы эпизодически общаемся и он не такой кретин, как все остальные в моем классе) есть мать, уютно полненькая и какая-то домашняя на вид, какими и бывает большинство мам сыновей-подростков. Она работает на полставки секретарем в медицинской клинике и делает замечательные кексы, когда я заглядываю на чай, и все в ней...

...нормальное.

Вся ее жизнь представлена в фотографиях на буфете, рядом со свежее испеченными сконами. Джейк все знает о своих бабушках и дедушках и кто его отец, поскольку видит его каждый день. Единственная тайна, которую ему надо разгадать, это как уговорить маму одолжить десятку на покупку новейшей игры для игровой приставки.

Так почему же моя мать и мое прошлое такая тайна?

Делаю глубокий вдох и понимаю, что снова начинаю серьезно заикливаться. По-видимому, это нормальное свойство для такого, как я. «Одаренного» ребенка. Ненавижу быть статистической величиной и очень стараюсь не соответствовать, но иногда это сложно. Чтобы отвлечься, сажусь прямо и начинаю вытаскивать из коробки бесконечные коричневатые фотографии неизвестных людей, которые сейчас почти наверняка мертвы. На некоторых проставлены даты на обороте, на некоторых нет.

В молодости Ангус был очень интересным, особенно в мундире. Странно, что он так и не женился. Если только не был геем. На вид непохоже, но по внешности не угадаешь. Я часто размышлял, как узнать, гей ты или нет. Я, может, и не такой, как все, но определенно натурал, как ни странно.

Наконец я добрался до дна коробки, с трудом пробившись через груды фотографий и переписки касательно доставки виски из Саутгемптона и таможенных пошлин на ввоз такой-то картины или такого-то предмета мебели. Потом я вытаскиваю пухлый коричневый конверт, адресованный «полковнику Макклэддену» в Пандоре, и сую руку внутрь.

По кровати разлетается масса тонких голубых конвертов авиапочты. Заглядываю в один и вижу, что содержимое все еще в полной сохранности. Вынимаю письмо и вижу сверху дату, «12 декабря», но ни года, ни адреса.

Читаю первую строчку:

«Моя дорогая, дорогая девочка».

Ну да. Не надо быть Холмсом и Уотсоном, чтобы заключить, что это любовное письмо. Очень красивое: написано чернилами и тем изящным почерком, какому учили в те времена.

Проглядываю его. Это панегирик неизвестной женщине, именуемой «дорогой девочкой». Уйма «дни без тебя бесконечны, и я жажду, чтобы ты вернулась в мои объятия...».

Совершенно не в моем вкусе – вся эта слащавость. Я-то предпочитаю триллеры. Или Фрейда.

Больше всего раздражает, что в конце нет подписи, просто неразборчивая закорючка, которая могла бы быть любой из, наверное, дюжины букв.

Убираю письмо в конверт и открываю еще парочку. Они написаны в подобном духе и дают не больше зацепок насчет времени или личности, чем первое.

Заглядываю в большой коричневый конверт, чтобы проверить, не осталось ли там еще чего-нибудь, и нахожу сложенный листок бумаги.

«Полагаю, эти письма – Ваша собственность.
Посему возвращаю отправителю».

Вот и все.

Итак, автор этих писем явно Ангус. Что также решает одну загадку и подтверждает, что он определенно не был геем.

Зеваю. Как же я устал, таская все эти коробки по жаре. Завтра утром отдам эти письма матери. Они определенно больше в ее вкусе, чем в моем.

Выключаю свет и ложусь на спину, вытаскивая Би из-под подушки и укладывая под мышку. Наслаждаюсь ветерком от вентилятора и размышляю, как такой человек, подобный Ангусу, мог командовать войсками и стрелять в людей – и при этом писать такие письма?

Пока она для меня тайна, эта самая «любовь», но рискну предположить, что однажды все само собой разъяснится.

Когда-нибудь.

ζ

Семь

Где же она, *черт возьми*?

Взволнованный Уильям запустил пальцы в волосы.

Самолет приземлился больше часа назад. Пассажиры высыпали из зоны прилета, и теперь в зале ожидания было зловеще тихо.

Он попытался позвонить жене на мобильный, но та не отвечала. Он высадил ее с детьми возле местной фирмы проката автомобилей в Пафосе, поскольку было решено, что каждому из них определенно понадобится машина. Хелена сказала, что, скорее всего, возьмет детей на пляж. Уильям оставил ей сообщение с просьбой срочно перезвонить, потом, еще раз пройдясь по залу ожидания, направился к стойке информации.

– Здравствуйте, вы не могли бы проверить, прилетела ли моя дочь утренним рейсом из Гетвика. Я ее встречаю, а она до сих пор не появилась.

Женщина кивнула.

– Имя?

– Хлоя Кук.

Женщина пощелкала клавишами компьютера, прокрутила экран и наконец подняла голову.

– Нет, сэр. На рейсе не было пассажира с таким именем.

– Господи. – Уильям выругался вполголоса. – А можно проверить, прилетает ли она сегодня другим рейсом из Англии?

– Я могу попробовать, но у нас несколько рейсов из малых аэропортов по всей стране.

– Был сегодня рейс из Станстеда? – Уильям доверился интуиции.

– Да, он приземлился за полчаса до рейса из Гетвика.

– Пожалуйста, вы не могли бы проверить его?

Снова щелчки клавиш, и женщина наконец подняла голову и кивнула.

– Да, мисс Х. Кук была на рейсе из Станстеда.

– Спасибо.

Уильям отошел от стойки, в крови бурлили облегчение и гнев. Очевидно, его бывшая жена поменяла билет, не сообщив ему. «Для нее это обычное дело», – яростно подумал он и, подавив гнев, отправился на поиски дочери.

Двадцать минут спустя, уже готовый заявить в полицию аэропорта о похищении несовершеннолетней, Уильям заглянул в маленький бар рядом с залом прилета.

Там было пусто, если не считать молоденькой девушки и темноволосого молодого человека, которые сидели рядом на высоких табуретах и курили. Издали Уильям увидел гриву длинных каштановых волос и напоминающую серьфиду фигуру в обтягивающей футболке и мини-юбке. Скрестив бесконечно длинные голые ноги, девушка то снимала балетку с ноги, то вновь надевала. Подойдя ближе, Уильям осознал, что перед ним Хлоя – его дочь, которая за прошедшие несколько лет изменилась до неузнаваемости, превратившись из ребенка в прекрасную молодую женщину.

Уильям заметил привлекательность дочери, как – очевидно – и мужчина, сидящий напротив нее. Его рука легко лежала на голом бедре Хлои. Уильям быстро двинулся к ним, разглядев, что мужчина старше, чем казался издали. Подавив первобытный порыв ударить его, Уильям остановился чуть в стороне.

– Привет, Хлоя.

Она обернулась, увидела его и лениво улыбнулась.

– Привет, папочка. Как ты?

Демонстративно затянувшись в последний раз, она погасила сигарету. Уильям подошел и церемонно поцеловал ее в щеку.

Как и пристало с незнакомкой.

– Это Кристоф. Он составил мне компанию, пока я тебя ждала. – Хлоя снова обратила взгляд огромных оленьих карих глаз на ухажера. – Он рассказал мне обо всех крутых здешних клубах.

– Хорошо. А теперь идем.

– Ладно. – Хлоя изящно соскользнула с табурета. – У меня есть номер твоего мобильного, Кристоф. Я позвоню, и ты сможешь показать мне красоты Пафоса.

Мужчина молча кивнул и слегка поклонился, когда Хлоя вышла из бара следом за Уильямом.

– Где твой чемодан? – спросил он, глядя на ее маленькую дорожную сумку.

– Не взяла, – беззаботно ответила она. – Мне здесь все равно понадобятся разве что парочка бикини и несколько саронгов. Путешествовать налегке клево.

– Прости, что не встретил сразу. Твоя мама дала мне неправильные данные, само собой, – сказал он, выходя на яркий солнечный свет к машине.

– Мы думали, что будем в Лондоне, но потом оказались в коттедже в Блэки, и мама обнаружила, что я могу улететь сюда из Станстеда. Она пыталась сообщить тебе, но не смогла дозвониться.

Уильям постоянно держал мобильник при себе на случай обычных изменений в последнюю минуту, тесно связанных со встречей Хлои. Он сглотнул, зная, что это, вероятно, только первый из многочисленных случаев, когда ему придется прикусывать язык ради *détente*^[1].

– Знаешь, я искал тебя повсюду в аэропорту, когда приехал. Чистая удача, что я заглянул в этот бар. Туда можно только тем, кто старше восемнадцати, Хлоя, на двери висит объявление.

– Ой, да ладно, ты же в конце концов нашел меня. Это твоя машина?

– Да, – Уильям открыл дверь.

– Ого, минивэн.

– Боюсь, что да. Нас много. Залезай.

Хлоя забросила сумку на заднее сиденье, подсунула руки под каштановые волосы, чтобы отвести их от лебединой шеи, и зевнула.

– Я жутко устала. Пришлось встать в половине четвертого утра. Рейс был в семь.

– Мама отвезла тебя в аэропорт?

– Господи, нет. Ты же знаешь, какая она с утра пораньше. Она заранее вызвала мне такси. – Хлоя повернулась к нему и улыбнулась. – Я теперь большая девочка, пап.

– Тебе четырнадцать, Хлоя, еще два года до минимального возраста, когда по закону разрешено курить, позволю себе заметить. – Уильям повернул ключ, завел двигатель и тронул машину.

– На самом деле пятнадцать через месяц, так что остынь, папочка. Я только иногда покуриваю. Не заядлая курильщица.

– Ну тогда ладно, – ответил Уильям, зная, что дочь не заметит иронии. – Как школа?

– О, знаешь, школа есть школа. Жду не дождусь, когда закончу.

– И что тогда? – Уильям с горечью сознавал, что нормальный отец знал бы ответ на этот вопрос. От этой мысли стало еще хуже.

– Пока без понятия. Может быть, попутешествую, потом стану моделью.

– Естественно.

– Меня уже заметило одно агентство, но мама говорит, что сначала надо получить аттестат.

– Она права. Надо.

– Девочки теперь начинают работать моделями в двенадцать. В шестнадцать я буду перестарком, – вздохнула Хлоя.

Уильям хмыкнул.

– Едва ли, Хлоя.

– Ну, когда-нибудь вы оба пожалеете, что из-за вас я упустила шанс заработать кучу денег и стать знаменитой.

– Твоя мама рассказала тебе об Имми и Фреде? – изменил тему Уильям.

– Ты имеешь в виду моих мелких брата и сестру? Ага, конечно.

– Как ты насчет встретиться с ними?

– Клево. В смысле в этом же нет ничего необычного, да? Моя лучшая подруга Гея – дочка рок-звезды... Майк как-то-там... он был очень знаменитым в ваши дни, и у нее столько сводных и приемных, что она счет потеряла. Ее папе за шестьдесят, и его нынешняя подруга ждет ребенка.

– Я рад, что ты считаешь это нормальным, Хлоя.

– Ага. Как говорит Гея, иметь разведенных и заведших новые семьи родителей особенно хорошо на Рождество, потому что они все покупают тебе подарки, чтобы склонить на свою сторону.

– Необычный подход. – Уильям сглотнул. – Хелена с нетерпением ждет встречи с тобой.

– Да?

– Да, и Алекс, ее сын. Помнишь его?

– Вообще-то нет.

– Только предупреждаю, что Алекс необычный мальчик. По результатам тестов он «одаренный», то есть он может показаться

немножко странным. Но это не так. Просто интеллектуально он развит не по годам.

– Ты хочешь сказать, что он зубрила?

– Нет, он просто... – Уильям пытался подобрать слова, чтобы объяснить пасынка, – другой. Еще приезжают Чандлеры, наши старые друзья, и Сэди, лучшая подруга Хелены, так что дом будет переполнен. Будет весело.

Хлоя не ответила. Уильям посмотрел на нее и увидел, что она крепко спит.

Дома никого не было, когда он остановил машину перед Пандорой. Он мягко встряхнул Хлою.

– Мы приехали.

Хлоя открыла глаза и лениво потянулась. Посмотрела на отца.

– Который час?

– Четыре десять. Пошли, я покажу тебе вид.

– Лады. – Хлоя вылезла из машины и пошла за отцом вокруг дома на террасу.

– Клево, – она одобрительно кивнула.

– Рад, что тебе нравится. Хелена получила дом в наследство от крестного, так что интерьер надо бы обновить, – добавил Уильям, когда Хлоя вошла через стеклянную дверь в гостиную.

– По-моему, все идеально именно так, как оно есть. Будто из фильма по Агате Кристи, – сказала Хлоя. – А бассейн есть?

– Да, за воротами слева от террасы.

– Здорово. Тогда я пойду поплаваю, – Хлоя тут же сняла футболку и юбку, под которыми оказалось откровеннейшее бикини, и выплыла из гостиной.

Уильям посмотрел, как она шествует по террасе, и тяжело опустился на стул под перголой.

Либо Хлоя была непревзойденной актрисой, либо все его страхи насчет ее отношения к нему были безосновательны. Всю прошлую неделю он репетировал, что скажет ей, когда она упрекнет его, что бросил, что не любит ее... готовился к эмоциональным минам, которые наверняка заложила ее мать.

Хлоя была, выражаясь ее словами, «клевой». Такой клевой, осознал Уильям, что ее равнодушие уязвляло его ничуть не меньше,

чем застарелая ненависть, которую он ожидал. Ей, кажется, было *безразлично*, что она не видела его почти шесть лет.

Но, размышлял он, может ли четырнадцатилетний ребенок на самом деле быть таким самоуверенным? Или это игра, чтобы спрятать под личиной самоуверенности испуганную девочку? Уильям с горечью осознал, что ему недоступен механизм работы женского ума. Оставалось только одно: спросить Хелену, когда та вернется.

Через десять минут подъехала ее новая прокатная машина и оттуда на террасу беспорядочно вывалилось все семейство.

– Привет, папочка! – Имми прыгнула ему в объятия. – Я построила большой замок из песка, а Фред его развалил. Противный.

– Я тебя убью! – на террасе появился Фред с пластмассовым водяным пистолетом.

Имми завопила и уткнулась лицом в плечо Уильяма.

– Прогони его!

– Опусти его, Фред. Ты пугаешь Имми.

– Не-не. Она первая убила меня на пляже, – он яростно покивал. – Где Кокоя?

– Хлоя, Фред. – Хелена развешивала мокрые пляжные полотенца на балюстраде. – И действительно, где она?

– В бассейне, – сказал Уильям, опуская Имми на землю.

– Как она? – спросила Хелена вполголоса.

– Прекрасно, просто прекрасно. Полагаю, ты увидишь, что она немного выросла с тех пор, как мы видели ее последний раз. Во *всех* смыслах, – сказал Уильям, поморщившись.

Хелена увидела, что Алекс притаился на краю террасы, пытаясь украдкой разглядеть за оливами бассейн.

– Что ж, может быть, пойдём все вместе и поздороваемся?

– Не надо. Я здесь.

Хлоя появилась на террасе – на гибком теле еще блестели капельки воды после купания – и подошла к Хелене.

– Привет, – девочка поцеловала ее в обе щеки. – Классный у тебя дом.

– Спасибо, – улыбнулась Хелена.

– А эти двое – мои младшие сестренка и братишка, да? Тогда подойдите поздороваться, – подбодрила она.

Имми и Фред оба молча таращились на экзотичное длинноногое существо и не двигались.

– О, они такие милые! Имми – твоя копия, Хелена, а Фред точь-в-точь папочка. – Она подошла к ним и опустилась на колени. – Привет, я Хлоя, ваша старшая и очень плохая, давно пропавшая сестра.

– Папочка сказал, что ты похожа на него, но у тебя нет больших ушей и у тебя красивые длинные волосы, – застенчиво произнесла Имми.

Хлоя улыбнулась Уильяму.

– Ну и хорошо, – она протянула Имми руку. – Ты покажешь мне твой красивый дом?

– Да. Мы с мамочкой поставили цветы в твою спальню, – сказала Имми, беря предложенную руку Хлои.

– Кстати, у меня в сумке, наверное, есть конфеты. – Она оглянулась на Фреда, когда Имми повела ее к дому.

– Можно я тоже пойду? – Фред выскочил из-за Уильяма и побежал к ним на пухлых ножках.

– Ты рядом со мной, Хлоя, – доносился из дома высокий голосок Имми.

– И со мной, – добавил Фред. – Где конфеты, Кокоя?

Хелена глянула на Уильяма и улыбнулась.

– По-моему, начало удачное. Силы небесные, она прелестна.

– Да, прелестна, только чересчур взрослая для четырнадцати лет.

– Ей почти пятнадцать, не забывай. И девочки, как правило, взрослеют быстрее мальчиков, дорогуша. Если не сильно затруднит, принеси чего-нибудь холодного? Умираю от жажды.

– Разумеется, миледи. Мне бы тоже не помешало. – Уильям кивнул ей и пошел в дом.

Хелена повернулась и увидела за спиной Алекса.

– С тобой все в порядке? Выглядишь словно призрак увидел.

Алекс открыл рот, но слова не шли. Он пожал плечами.

– Ты не поздоровался с Хлоей, Алекс.

– Ага, – выдавил он.

– Хочешь пойти наверх с остальными?

Он покачал головой.

– Пойду в свою комнату. По-моему, у меня начинается мигрень.

– Возможно, слишком много солнца, дорогуша. Иди отдохни, я позову тебя к ужину, – предложила Хелена. – Его приготовила Ангелина и оставила для нас в духовке. Пахнет восхитительно.

Алекс что-то буркнул и пошел в дом.

– Что это с ним? – спросил Уильям, принесший два позвякивающих бокала холодного лимонада. Он встретил пасынка на пути из дома. Хелена была единственной, кто мог разгадать настроение Алекса.

– Ничего страшного.

Когда Уильям сел, Хелена подошла к нему сзади и помассировала плечи.

– Кстати, я получила твое голосовое сообщение, только когда мы вышли с пляжа. В аэропорту все было нормально?

– Сесиль поменяла билет Хлои на другой рейс и не потрудилась сообщить мне, вот и все. В конце концов я нашел ее в баре. Она курила с каким-то мерзким киприотом, которого подцепила по дороге.

– Боже мой. – Хелена вздохнула, плюхнулась на соседний стул и сделала глоток лимонада. – Ну вот, теперь она здесь. Похоже, ее совсем не взволновала встреча с нами. Она была совершенно невозмутима.

– Думаешь, искренне или притворяется? – Уильям покачал головой. – Я просто не знаю.

– Не знаю, но она явно любит детей. Имми и Фреду она сразу понравилась. И у меня определенно нет ощущения, что она таит к тебе укоренившуюся ненависть, – добавила Хелена.

– Что подозрительно, учитывая обстоятельства.

– Дорогуша, большинство детей любят родителей безоговорочно, что бы те ни сделали... Хлоя явно смышленная девочка. Если ее мать, образно говоря, поливала тебя грязью, она поймет почему.

– Надеюсь. По крайней мере, за эти несколько недель я смогу наладить с ней отношения, а то когда еще доведется, – мрачно ответил Уильям.

– Хлоя становится взрослой и, что бы ни делала или ни говорила ее мать, начинает сама принимать решения. Например, чтобы ты снова присутствовал в ее жизни, когда этого хочет *она*, а не только когда это мешает романам ее матери.

– Будем надеяться. А теперь мне надо как-то приспособиться к ребенку, которого я почти не знаю. Проблема в том, что она больше не ребенок, и я понятия не имею, как далеко ее мать позволяет ей заходить или какие у нее рамки. Что, если она захочет встретиться с этим киприотом, которого подцепила в аэропорту? Они договаривались о встрече. Я не хочу казаться деспотичным отцом после того, как не видел ее много лет, но, с другой стороны, ей всего четырнадцать.

– Я понимаю, но Катикас едва ли тусовочный центр Европы, – утешающе улыбнулась Хелена. – Сомневаюсь, что она здесь влипнет в слишком большие неприятности.

– Где мужчины, там для Хлои неприятности, – вздохнул Уильям. – Местные мальчишки будут виться вокруг нее, как пчелы вокруг горшка с медом. Мысль, что какой-то мальчишка протянет гнусные лапы к моей дочери... – он содрогнулся.

– Нормальная отцовская реакция, потому что ты знаешь, каким сам был в юности, – хмыкнула Хелена и встала. – Так, пока я разбираюсь с ужином, давай-ка поднимись наверх и загони младшую команду в ванную. Хлоя, наверное, умирает с голода, и было бы мило нам всем поесть вместе.

– Ладно. Я пошел.

* * *

– А Алекс придет? – спросила Хлоя Хелену, когда та ставила горячий сотейник на стол.

– Нет. Говорит, что у него мигрень. С ним такое регулярно. Бедняжка.

– Какая жалость. Он со мной еще даже не поздоровался, – заметила Хлоя, ухитряясь держать и Имми, и Фреда на тонких коленях. – На террасе он просто молча на меня таращился.

– Он выпится как следует и завтра будет в порядке. Пахнет божественно, – Хелена развернула несколько слоев вощеной бумаги, прикрывавшей содержимое сотейника, и начала раскладывать еду по тарелкам. – Ангелина сказала, что это *клефтико*, что-то вроде томленого барашка.

– Барашка вроде Лэмби? – спросила Имми. – Не-а, я не могу это есть. – Она покачала головой и скрестила на груди маленькие ручки. – А вдруг это мамочка или папочка Лэмби.

– Не глупи, Имми, ты прекрасно знаешь, что Лэмби игрушка. Он не настоящий. А теперь сядь и ешь ужин, как большая девочка, – раздраженно сказал Уильям.

Нижняя губа Имми задрожала, и она соскользнула с колена Хлои.

– Лэмби *настоящий, папочка*.

– Конечно, он настоящий, солнышко. – Хлоя погладила сестру по волосам и усадила на стул рядом с собой. – Нехороший папочка.

– Да, нехороший папочка, – торжествующе согласилась Имми.

– Пожалуйста, папочка, налей мне бокал, – попросила Хлоя, когда Уильям открыл бутылку вина.

Уильям неуверенно посмотрел на жену.

– Мама позволяет тебе вино дома? – спросила Хелена.

– Конечно. Она же француженка, помнишь?

– Ладно, тогда совсем немножко, – согласился Уильям.

– Да ладно тебе, пап. Я выиграла чемпионат по питью «Бакарди Бризер» на балу в честь окончания семестра в школе.

– Ну, это, несомненно, лучше премии по географии, – вполголоса пробормотал Уильям. – Хорошо, давайте есть.

После относительно спокойного ужина двое младших настояли, чтобы Хлоя отвела их наверх и почитала сказку.

– После этого я загляну к Алексу, поздороваюсь, а потом отрублюсь, – сказала Хлоя, когда ее тянули в дом за обе руки. – Доброй ночи, народ.

– Доброй ночи, Хлоя. – Хелена встала и начала собирать грязные тарелки на поднос. – Она прелестна, Уильям, и прекрасно ладит с малышами. И я рада дополнительной паре рук.

Уильям зевнул.

– Да, ты права. Давай оставим остальное на завтра. Мне тоже надо «отрубиться». В котором часу прибывают Сэди и Чандлеры?

– Во второй половине дня, так что у нас масса времени.

– Может быть, даже хватит на час у бассейна. Вдруг повезет, да, Хелена... Хелена?

Она посмотрела на мужа.

– Прости, что ты сказал?

– Ничего важного. С тобой все в порядке?

Она ответила самой теплой улыбкой, какую смогла изобразить.

– Да, дорогуша, все просто отлично.

ДНЕВНИК АЛЕКСА

16 июля 2006 года

Беру назад все, что сказано в последней записи.
Все целиком. Все до единого слова, мысли и дела.
«Когда-нибудь» наступило СЕГОДНЯ, 16 июля, примерно в четыре двадцать три.

Миг, когда Я Влюбился.

О черт! Мне плохо. Я явно болен. Сердце, которое все тринадцать лет отлично работало, прокачивая кровь по жилам, взбесилось. В него что-то попало. И это «что-то» коварно. Я чувствую, как оно распухает, растет и раскидывает щупальца по всему телу, парализуя меня, заставляя потеть, дрожать и вообще терять контроль.

Всего через несколько часов после этого «переворота» я осознаю, что сердце больше не следует указаниям мозга. Оно функционирует вне зависимости от того, как быстро или медленно я хожу. Оно откликается яростным стуком, хотя я лежу неподвижно, потому что я подумал о ней – этой самой Хлое.

Забудьте Афродиту, забудьте Мону Лизу (у которой, вообще-то, серьезные залысины) или Кейт Мосс. МОЯ девушка моссовой самой моссовой Мосс.

Оно – мое сердце – снова за свое: колотится, гоня кровь по телу, словно я только что выиграл марафон или сразился с акулой и оставил в ее пасти кусочки себя.

Стоит мне подумать о ней, это происходит.

Точнее, происходит много чего, но, пожалуй, сейчас я не буду углубляться в подробности.

По крайней мере, теперь я знаю наверняка, что я не гей. И не обременен эдиповым комплексом.

Я болен любовью. Мне нужна записка от врача, чтобы освободить меня от жизни, пока я не оправился.

Но это вообще возможно? В смысле оправиться? Я слышал, некоторые не могут. Возможно, я останусь калекой на всю жизнь.

В смысле, ради всего святого, я еще даже рта не открыл, чтобы поговорить с ней. Хотя это отчасти связано с тем, что в ее присутствии губы отказываются двигаться. Не говоря уже о том, чтобы есть перед ней. Немыслимо! Так что, похоже, этим летом придется серьезно поголодать. Или пировать по ночам.

Как я выдержу: видеть ее каждый день, ее мягкую как воск плоть – мучительно близкую, но недосягаемую?

Кроме того, она родственница, хоть и не по крови, так что, вообще говоря, могло быть хуже. Наверное, было бы круто сказать мальчишкам: «Слушайте, я влюблен в сестру» – и посмотреть на их реакцию.

Когда я тарасился на нее сегодня – и началась вся эта хрень с сердцем, – я видел, что она *действительно* похожа на папу. И подумал, какая восхитительная штука гены: преобразиться из него (мужчина, обычная внешность, старый, но хотя бы с волосами) в нее – воплощение женственности. Она само совершенство.

Снимаю футболку и трусы и остаюсь в носках. У меня жутко искусаны лодыжки, но сегодня комары до меня не доберутся. Вытаскиваю одни из десяти капроновых колгот, купленных сегодня в супермаркете возле пляжа, куда нас повела мама. Женщина на кассе смотрела на меня странно, а мне плевать.

Открываю упаковку и растягиваю колготки, страшно довольный своей блестящей идеей. Натягиваю штуку, которую называют ластовицей, себе на голову и дальше на лицо и с торжеством валюсь на подушку. Через них прекрасно дышится, потому что они тоненькие, и это означает, что наконец я сорвал планы этих мелких мерзавцев раз и навсегда.

Нашлось и дополнительное преимущество: как преступники в масках из чулок в фильмах про ограбление банков, я могу еще и видеть сквозь прозрачную ткань. Без промедления роюсь под кроватью в поисках конверта с письмами. Я не отдал их утром маме, потому что она была занята. А теперь мое состояние души изменилось так разительно за последние двадцать четыре часа, что я взгляну на эти письма по-новому.

Выбираю письмо наугад, засовываю наушники под эластичный нейлон, покрывающий голову, и включаю айпод. Потом ложусь, чтобы

хорошо провести время с человеком, чье сердце явно билось так же быстро, как бьется мое, с тех пор как я увидел Хлою.

На несколько секунд, под музыку «Колдплей» (я редко слушаю ее, но она, кажется, подходит к моему настроению лучше, чем «Сам 41»), я закрываю глаза, чтобы побаловать себя, и мысленно представляю ее.

Когда я наконец открываю глаза, то вижу, что не просто мысленно представляю ее. Она стоит прямо здесь, передо мной!

Черт!!!

Ее губы шевелятся, но я не слышу, что она говорит, из-за айпода. Выключаю его и тут с ужасом осознаю, что я полностью обнажен, если не считать носков. Сажусь и заворачиваюсь в простыню.

– Привет, Алекс, я Хлоя. Просто зашла поздороваться, – она лениво улыбается мне.

«Давай же, бестолочь, заставь свои губы шевелиться!» Облизываю их языком, чтобы подбодрить их, и выдавливаю придушенное «м-м-м».

Она смотрит на меня очень странно. Понятия не имею почему.

– Тебе лучше? Голова больше не болит?

Киваю.

– Не-а, – и продолжаю кивать.

– Я хотела поблагодарить за то, что отдал мне свою комнату. Мне Имми сказала. Ты уверен, что тебе здесь нормально? Эта комнатка размером с кладовку для метел.

– Ага, новм, – я опять киваю. Это как неуправляемая, однако успокаивающая судорога.

– Ладно, ну, может быть, мы могли бы завтра поболтать?

– Ага. Супфер.

Ой, блин! Я, как Нодди, не могу перестать кивать! Просто позовите моего друга Большеухого... [2]

– Тогда спокойной ночи, – говорит она.

– Нотши.

Она уже собирается закрыть дверь, но останавливается и спрашивает:

– У тебя что, уши болят?

Уже не пытаюсь говорить, я просто качаю головой, вместо того чтобы кивать.

– Только голова?

Снова киваю.

– Гм.

Теперь она тоже кивает, поворачиваясь уходить, но потом говорит:

– Потому как мне интересно...

– Фто?

– Ты поэтому надел на голову колготки? Спокойной ночи, Алекс.

η

Восемь

На следующее утро Хелена проснулась на рассвете, преисполненная тревоги. Приказала себе заснуть снова, потому что день предстоял долгий, но от непрошенных мыслей, хлынувших в голову, требовалось чем-то отвлечься. Поэтому она вылезла из постели, надела репетиционный костюм и вышла на террасу.

Пока солнце медленно и сонно поднималось, Хелена начала *плие* для разогрева. Она использовала балюстраду как станок, размышляя о том, как неуместно было бы смешение красок рассвета в комнате и, однако, как они кажутся такими восхитительными на небе. Наклонилась вперед, коснувшись каменного пола террасы кончиками пальцев, выпрямилась, потом изогнулась назад, тогда как руки образовали изящную арку над головой. Когда она танцевала на сцене, физические упражнения успокаивали разум, помогая мыслить более рационально.

Сегодня утром она не знала, с чего начать.

Что она *должна думать?*

Несколько недель назад идея приехать в Пандору с семьей казалась чудесной. С тех пор обстоятельства привели к состоянию повышенной нервозности, в котором она проснулась сегодня утром. В данный момент Хелена с трудом удерживалась, чтобы не сбежать: от прошлого, от настоящего и от последствий того и другого для будущего.

Как она жаждала облегчить душу, наконец рассказать Уильяму и Алексу и убрать бремя, которое давило на грудь изо дня в день... но она знала, что это невозможно.

Это уничтожит все.

Так что... она будет делать то же, что и всегда. И справляться с секретами в одиночку.

Хелена исполнила арабеск, мрачно размышляя, как долго еще ее тело будет способно двигаться так плавно и легко. Когда она была моложе, у нее было все, чтобы осуществить мечту стать балериной: сильное и при этом изящное, гибкое тело, которое редко подводило ее,

музыкальность, которая позволяла ей инстинктивно понимать ноты, и более необычные способности, выделявшие ее среди прочих, – немалый актерский талант.

Она быстро пробилась в солистки Королевского балета, ее имя признали по всей Европе как талант, за которым надо следить. Ее обхаживала балетная труппа театра Ла Скала в Милане, потом в двадцать пять она вместе с Фабио, своим партнером, переехала в Вену, чтобы стать прима-балериной в балетной труппе при знаменитой Государственной опере.

А потом...

Хелена вздохнула.

Она полюбила. И все изменилось.

* * *

– Хелена, у тебя какой-то усталый вид. Плохо спала?

Уильям стоял на кухне, задумчиво глядя на жену.

– Я перебирала в уме все, что надо сделать до приезда Чандлеров и Сэди, и в конце концов решила встать и сделать. Еще я хотела пораньше пересадить цветы, которые мы купили в садовом центре, а то потом будет слишком жарко. Как бы они в горшках не погибли. – Хелена достала из шкафа сухой завтрак и начала составлять тарелки на поднос, чтобы унести на террасу.

– Прости, дорогуща. Это я навязал тебе и Хлою, и Джулз со всей компанией.

– Не думаю. Джулз сама позвонила и напросилась, – возразила Хелена.

– Я знаю, она порой невыносима, но Саше сейчас приходится нелегко. У него совсем не ладится с бизнесом. Обещаю тебе, что буду помогать по мере возможностей. Ангелина сегодня придет?

– Да. Я попрошу, чтобы она приготовила ужин и прибрала ванные. Ты же знаешь, какая Джулз придиричивая.

Уильям подошел к жене и помассировал ей плечи.

– Господи, Хелена, ты так напряжена. Постарайся вспомнить, что затевалось все ради отдыха.

– Постараюсь. Просто сегодня все нагрянут, а у нас конь не валялся.

– Знаю, но и нас здесь много. Тебе надо только попросить.

– Да, – ответила она с бледной улыбкой. – Ладно, пойду наверх разберу полотенца. Покормишь Имми и Фреда завтраком? Хотя Фред уже нашел, где хранятся конфеты, – я нашла фантики на полу.

Уильям кивнул.

– Конечно. И если хочешь, я заберу их обоих на время, чтобы не мешались тебе. Мы отправимся в экспедицию. Мне в любом случае любопытно посмотреть окрестности.

– Спасибо, дорогуша, было бы здорово.

– Хелена?

– Да? – она помедлила в дверях.

Уильям посмотрел на жену, потом вздохнул и пожал плечами.

– Ничего.

Она кивнула и ушла наверх.

* * *

К четырем часам дня дом был готов. Хелена даже сумела на скорую руку пересадить герань в урны на террасе и начать пропалывать заросшую клумбу у бассейна, чтобы посадить там лаванду. Она поставила чайник – руки болели от усталости – и, пока тот закипал, пошла искать Алекса. Утром сын объявил, что у него все еще мигрень, и весь день не выходил из комнаты. Она постучала в дверь, потом тихо приоткрыла на случай, если Алекс спит. Он читал в постели.

– Привет, дорогуша. Как ты себя чувствуешь?

– Нормально.

– Стоит ли читать, если у тебя болит голова? – спросила Хелена. – И почему ты не откроешь окно? Здесь невероятно душно.

– НЕТ!

– Незачем кричать. Я только предложила.

– Угу. Прости, мам.

– Если из-за комаров, то это просто смешно. Они не появляются до темноты.

– Я знаю.

– Как голова?

– Примерно семь из десяти, то есть получше.

– Тогда, может быть, выпьешь со мной чаю на террасе?

Алекс бросил на нее нервный взгляд.

– Где Хлоя?

– Внизу, у бассейна.

– Нет, спасибо. Мне и здесь хорошо.

Хелена вздохнула.

– В чем дело?

– Ни в чем. С чего ты взяла?

– Ты с самого приезда Хлои ведешь себя как-то странно. Она тебя напрягает?

– Нет, мам! Правда! Просто голова болит, больше ничего.

– Алекс, я всего лишь хочу помочь.

– Господи, мама, ты сама вся как на иголках.

– Неправда!

– Правда. Что происходит?

– Ничего. Ты лучше позаботься о том, чтобы к приезду Чендлеров быть в строю.

Алекс неохотно кивнул.

– Ладно, пока.

И он снова уткнулся в книгу.

Хелена вышла на террасу с чашкой чая, пытаясь успокоиться. За оливками у бассейна она увидела Хлою – та растянулась на лежаке, наслаждаясь музыкой в наушниках. Девочка действительно была невероятно красива, длинные руки и ноги уже намекали, что ростом она пошла в отца. Хотя внешне, думала Хелена, Хлоя больше походила на мать, от которой унаследовала безукоризненные черты лица и блестящие прямые волосы. Сесиль, бывшая жена Уильяма, обладала врожденными элегантностью и надменностью, что часто идут рука об руку с галльскими корнями.

Не было никаких сомнений, что Уильяма тянет к проблемным женщинам. Хотя он и не производил впечатление человека претенциозного, профессия архитектора выдавала в нем не только стремление к упорядоченности, но и потребность в творчестве и

утонченность вкуса. И хотя сам бы он вряд ли признался, Хелена знала, что он так же, как и она, не выносил посредственности.

Если бы только Уильям знал, какую проблему он, сам того не зная, на себя взвалил, думала она с сожалением. Дай бог, чтобы он так никогда и не узнал...

Хруст щебенки под колесами сообщил ей, что прибыли Чандлеры. Собравшись с духом, Хелена вышла им навстречу.

– Господи боже, ну и жара! – Джулз Чандлер выбралась из-за руля. Это была высокая и крупная женщина, привлекательная, хоть и довольно мужеподобная. – Хелена, дорогая, как ты? – Джулз стиснула хозяйку дома захватом шеи, изображающим объятие.

– Все хорошо. Добро пожаловать, Джулз. – Хелена улыбнулась ей снизу вверх, чувствуя себя, как всегда рядом с ней, слабой и хрупкой.

– Спасибо. Давайте-ка, детки, вылезайте! – рявкнула гостья в сторону заднего сиденья машины. – Чертовски дрянной рейс, полно бритоголовых людей в кроссовках. На мужиках драгоценностей больше, чем на женщинах. – Джулз провела рукой по гриве густых русых волос, которые она всегда стригла коротко, чтобы можно было быстро заскочить в душ после обычной утренней прогулки верхом.

– Привет, солнышко, как ты? – Объятие Сэди, лучшей подруги Хелены, было нежнее.

– Все хорошо, Сэди. А ты выглядишь прекрасно – для человека с разбитым сердцем.

– Спасибо, – она обняла Хелену крепче. – На прошлой неделе я устроила себе сеанс ботокса под девизом: «Пошел к черту, ублюдок!» – шепнула она со смешком.

– Ну, похоже, сеанс был чудодейственным. – Хелену невероятно успокоило присутствие Сэди.

– Привет, тетушка Хелена. – Непривычно низкий голос Руперта, сына Джулз, застал ее врасплох. Как и его рост и атлетическое телосложение, которые создавали впечатление образцового спортсмена.

– Боже! Как ты вырос, Рупс, – сказала она, когда он наклонил пепельную голову, чтобы ее поцеловать.

– Мне уже тринадцать, тетушка Хелена. Я и должен расти.

«Как и мой сын, – подумала она. – Только Алекс физически еще ребенок, а ты уже мужчина».

– Привет, тетушка Хелена. – Тонкие, усыпанные веснушками ручки обвились вокруг ее шеи и крепко обняли.

– Виола, дорогуша, – Хелена обняла ее в ответ. – По-моему, ты тоже выросла!

– Нет. Я точно такого же размера, и в школе меня по-прежнему зовут Рыжиком, но что тут поделаешь? – Виола сморщила веснушчатый носик и улыбнулась, показывая выступающие передние зубы.

– Ну, мы все знаем, что ты рыжеватая блондинка, и все они будут страшно тебе завидовать, когда ты станешь старше и тебе не будут нужны дорогие краски для волос.

– Ой, тетушка Хелена, ты всегда так говоришь, – захихикала Виола.

– Потому что это правда, да, Сэди?

– Абсолютно, – твердо сказала Сэди. – Все бы отдала за такой цвет волос, ей-богу, солнышко.

– Где папочка, Виола? – спросила Хелена, растерянно глядя на машину.

Джулз фыркнула, почти как лошадь из ее конюшни.

– Ты еще спрашиваешь. Очевидно же, что моего дорогого супруга здесь нет.

– Где же он? – спросила Хелена.

– В данный момент? Вероятно, торчит в баре где-то в лондонском Сити.

– В смысле, он не на Кипре?

– Нет. Что-то стряслось на работе, и он отказался в последний момент. В своем репертуаре.

– Он вообще приедет?

– Скорее всего, завтра, но я бы на это не рассчитывала. Мы больше не рассчитываем на папочку, правда, детки?

– Мамочка, не будь такой злой! Папочка не виноват, что ему приходится так много работать, – вступилась за отца Виола, настоящая папина дочка.

Джулз посмотрела на Хелену, подняв брови.

– Короче, ты понимаешь, почему я злюсь.

– Еще бы, – Хелена слабо кивнула.

– А где милейший Уильям? – спросила Сэди.

– Отправился в экспедицию с двумя милейшими детьми, – ответила Хелена.

– Ты его вышколила, однако. Я еле вытаскиваю Сашу на Актный день, – громыхнула Джулз, открывая багажник, чтобы достать чемоданы. – Я вас догоню, – сказала она, когда остальные двинулись за Хеленой в сторону террасы.

Со стороны бассейна появилась Хлоя – крохотный саронг повязан на бедрах, кожа уже покрылась золотисто-коричневым загаром.

– Всем привет, я Хлоя.

– Я знаю. – Сэди подошла к ней и расцеловала в обе щеки. – Я видела тебя однажды, когда тебе было лет шесть, но ты, вероятно, меня не помнишь.

– Не помню, – сказала Хлоя. – Ну разве здесь не клево?

– Здесь прекрасно, – согласилась Сэди, взглядом ценителя окидывая пейзаж.

– А я Руперт, сын Джулз и Саши. Привет, Хлоя.

Хлоя одобрительно посмотрела на Рупса.

– Привет. Ты уже видел бассейн?

– Нет.

– Хочешь, покажу?

– Конечно. С удовольствием бы макнулся.

– Тогда иди за мной.

Когда эти двое прошествовали к бассейну, Сэди повернулась к Хелене и подняла брови. Джулз втащила один из огромных чемоданов на террасу.

– Так, куда мне его девать?

Показав Джулз ее комнату, а Виоле – предназначенную для нее с Рупсом, Хелена оставила гостью, пока та не начала жаловаться на все, что ей не по вкусу, и пошла в комнату Сэди. Подруга стояла на коленях на кровати и смотрела в окно.

– Вид просто восхитительный, – сказала она, с улыбкой поворачиваясь к Хелене. – Вот бы у меня был крестный, который загнулся бы и оставил мне такой дом.

– Знаю. Мне очень повезло. Хочешь выпить и поболтать? – Хелена понизила голос. – Думаю, Джулз будет какое-то время занята, учитывая размер того чемодана.

– Не удивлюсь, если она привезла с собой собственные обои и клей и к ужину отремонтирует спальню, – прыснула Сэди. – В аэропорту Джулз забрала у меня паспорт, – сказала она, когда они шли вниз. – Я чувствовала себя еще одним ее ребенком.

– Ей нравится командовать, вот и все. Чаю? Или чего покрепче? – спросила Хелена, когда они с Сэди вошли на кухню.

– Солнце вот-вот минует нок-рею, так что определенно второе.

Они вышли на террасу и сели, каждая с бокалом вина.

– Господи, как я рада, что уехала. Спасибо большое, что предоставила мне в бурю этот потрясающий порт. – Сэди чокнулась с бокалом Хелены и пригубила вино. – Где Алекс, кстати говоря?

– У себя в комнате, с мигренью.

– Боже мой. А как он вообще?

– Все так же вообще-то, – пожала плечами Хелена.

– Как он относится к отъезду в школу?

– Он просто об этом молчит. Господи, Сэди, я надеюсь, что поступаю правильно.

– Солнышко, он выиграл максимальную академическую стипендию в одну из лучших школ Англии. Как ты можешь сомневаться?

– У Алекса, возможно, ум Эйнштейна, но эмоционально и физически он еще мальчик. Я посмотрела на Рупса, который старше всего на четыре месяца, и перепугалась. Ты же знаешь, как трудно Алексу общаться с ровесниками. Едва ли делу поможет, если они все будут на три фута выше его. Я страшно боюсь, что его затравят.

– Современные школы беспощадны к травле. Кроме того, пусть он и маленький для своих лет, но Алекс не слюняй, Хелена. Не недооценивай его.

– Я также не хочу, чтобы он превратился в надменного раздолбая из высшего общества.

– Ты хочешь сказать, как Рупс? – усмехнулась Сэди.

– Точно. А еще я буду ужасно по нему скучать, – призналась Хелена.

– Я знаю, что вы с ним очень близки, но разве это не еще одна причина его отослать? Ему надо перестать цепляться за мамину юбку для его же блага.

– Вот и Уильям так говорит. И возможно, вы оба правы. Однако хватит обо мне, ты-то как?

Сэди сделала глоток вина.

– Думаю пойти на курсы, где научат, как перестать западать на убежденных холостяков с несложившейся личной жизнью. Честно говоря, Хелена, не знаю, как справиться с этим, правда не знаю.

Хелена посмотрела на алебастровую кожу Сэди, черные как смоль волосы и изящные длинные пальцы, обвившие ножку бокала. Скорее экзотическая, чем прекрасная женщина под сорок, стройное тело которой все еще позволяло хозяйке одеваться как молоденькая девушка. В простом хлопковом платье и вьетнамках она выглядела не старше тридцати.

– Я тоже, Сэди, но, с другой стороны, ты никогда не клюнешь на кого-то скучного, правда же? Ты любишь сложные и необычные задачи.

– Я знаю, знаю, – со вздохом согласилась Сэди. – В сценарии «Я могу все исправить, бедный надломленный песик» определенно есть своя прелесть. Чем больше они покалечены, тем больше я хочу их спасти. Потом они выздоравливают, крепчают и сваливают с кем-то другим!

– И теперь твое последнее бедствие сделало то же самое.

– Вообще-то он вернулся к своей бывшей подружке, той самой женщине, которая вначале бросила его за эмоциональную недоразвитость. Ха! – Губы Сэди дернулись, и она захихикала. – Пожалуй, на этом можно заработать. Немного похоже на тренировочный центр для собак: «Пришлите мне вашего мужчину на двенадцать недель, я приведу его в чувство и верну вам полностью вышколенным: он будет выполнять команду „к ноге“, стоит вам свистнуть». Как тебе?

– Фантастическая идея. Только ты захочешь оставить всех самых милых песиков себе, – улыбнулась Хелена.

– Верно. Так или иначе, я решила, что в обозримом будущем обойдусь без мужчины. А как ты знаешь, я никогда не загадываю больше чем на день вперед, так что на сегодняшний вечер я в безопасности! Как поживает Уильям, мой любимейший мужчина на все времена?

– Отлично. Как всегда.

– Обожающий, состоятельный, уравновешенный, прекрасно справляющийся с детьми, с барбекю и в постели. Угу. – Сэди шумно хлебнула вина. – Он мой, если ты когда-нибудь выкинешь его, обещаешь?

– Обещаю.

– Шутки в сторону, Хелена, знаешь, мне надо пошевеливаться с этим поиском спутника жизни. Мои биологические часы не столько тикают, сколько нуждаются в искусном мастере, который бы их отремонтировал.

– Сомневаюсь. В наше время женщины заводят детей далеко за сорок, – сказала Хелена.

– Может быть, Большой-Босс-Наверху просто не запланировал для меня детей и мне придется довольствоваться сотнями крестников, но без своих собственных, – вздохнула Сэди.

– Имми говорит, что ты – ее любимая крестная, так что ты явно прекрасно справляешься с работой.

– Да, я уверенно засовываю десятки в открытки, но в любом случае спасибо, – сказала Сэди.

– Привет, мама, привет, Сэди.

Алекс незаметно для них вышел на террасу.

– Алекс, солнышко, как ты? – Сэди открыла объятия, и тот послушно подошел и позволил обнять себя. – Как мой милый мальчик?

– Нормально, – пробурчал Алекс, выпрямляясь и нервно оглядывая террасу.

– Если ты ищешь остальных, они у бассейна. Может, пойдешь поплавать? – предложила Хелена. – Уверена, тебе будет полезно размяться.

– Разберусь, мам, спасибо, – он неловко стоял перед ними.

– Тогда будь добр, дорогуша, сходи и принеси из холодильника бутылку белого вина, – предложила Хелена. – Уверена, Сэди хотела бы добавки.

– Да, Сэди не прочь.

Хелена вздохнула, когда Алекс направился в дом.

– К тому же он ненавидит Рупса. Может быть, поэтому он и прятался весь день в комнате.

– Боюсь, в этом я с ним заодно, – прошептала Сэди. – Рупс – высокомерный тип.

– А, вот вы где. – Из дома появилась Джулз, облаченная в ярко-желтый саронг. На Хлое это смотрелось бы восхитительно, но Джулз была похожа на увядающий подсолнух. Она тяжело опустилась на стул. – Все сделано. Мне выделят бокал вина?

– Алекс, дорогуша, принеси, пожалуйста, еще бокал для Джулз.

Алекс, который как раз вышел с бутылкой, скривился и вернулся в дом.

– Ну надо же, он набрал вес с тех пор, как я видела его в последний раз. Чем, черт побери, ты его так раскормила, Хелена? – громко сказала Джулз.

– Это детская пухлость, вот и все. Пройдет, когда он начнет расти, – спокойно ответила Хелена, надеясь, что сын не услышал слов Джулз.

– Остается надеяться. В наше время ожирение так распространено у детей. Тебе надо будет посадить его на диету, если он станет крупнее.

Видя, что Хелене неприятно, Сэди быстро сменила тему:

– Дом просто сказочный, правда, Джулз?

– Ему явно нужен серьезный ремонт и новые ваннные комнаты, но место очень милое. Спасибо, – сказала Джулз, когда Алекс вернулся с бокалом. – Как школа?

– Я из нее ушел.

– Я знаю, Алекс, – резко сказала Джулз. – Я имела в виду, ты радуешься, что поступил в новую?

– Нет.

– Почему нет? Рупс ждет не дождется. Он, знаешь ли, выиграл спортивную стипендию в Аундле.

– А я не хочу уезжать из дома, – пробормотал Алекс.

– Да ладно, привыкнешь. Рупсу очень нравилось в подготовительной школе-пансионе. Он был старостой и собрал уйму спортивных наград в Актовый день. – Взгляд Джулз засветился материнской гордостью. В этот момент со стороны бассейна показались Рупс и Хлоя.

– Привет, Алекс, как делишки? – Рупс увесисто хлопнул Алекса по спине.

– Нормально, спасибо, – кивнул тот.

– Мы с Хлоей собирались попозже сходить в деревню, поглядеть, как там, да? – Рупс улыбнулся Хлое и властно положил руку ей на плечо.

– Я пас, спасибо. У меня голова болит. Увидимся позже. – Алекс резко повернулся и исчез в доме.

Джулз нахмурилась.

– Чтой-то с ним?

– Все в порядке, – ответила Хелена.

– Этот паренек всегда был странным, да? Обязательно поговори с ним насчет пансиона, Рупс, подбодри его. Он очень нервничает, бедняжка.

– Ага, мы оба подбодрим, да, Хлоя? Не беспокойся, Хелена, предоставь это нам, – надул щеки Рупс.

– По-моему, я слышу машину. – Вскочив, пока ее не стошнило в бокал, Хелена пошла навстречу Уильяму с младшими.

ДНЕВНИК АЛЕКСА

17 июля 2006 года

О горе мне, горе!

Я просто сосчитал, сколько дней этот поганец проведет здесь, потом я сосчитал, сколько это часов, и через один миллион двести девять тысяч шестьсот секунд он...

СГИНЕТ.

Две недели, целых две недели Рупс будет помыкать Хлоей, касаться ее идеальной кожи и выдавать шутки, которые даже не смешные, и однако она смеется.

Не может же он ей нравиться, да? Он дуб дубом, если не сказать больше. Я думал, утонченные, умные женщины вроде нее предпочитают мужчин с мозгами, а не ходящие вразвалочку груды высокомерных, примитивных мускулов.

Сегодняшний ужин был сушим адом. Рупс постарался сесть рядом с ней, фирменные солнцезащитные очки по-прежнему на голове, как девчачий ободок для волос, несмотря на кромешную темноту.

И считает, что он (как Хлоя говорит с пугающей регулярностью) ТААКОЙ клевый.

А еще этот его смех: громкий, давящийся звук, словно он поперхнулся орехом и пытается откашляться. Его кадык трясется совершенно отвратительно, а шея и лицо становятся ярко-красными, словно он перепил портвейна.

Я ревную, потому что у него есть кадык?

Потому что он на шесть футов выше меня?

Потому что Хлое он, похоже, нравится?

Да! Да! Да!

Бью кулаком подушку, потом заглядываю под нее и понимаю, что я только что ударил по лицу Би. Целую наполнитель там, где когда-то был нос, и прошу прощения. Беру его маленькие серые лапки в мои маленькие коричневые.

– Ты мой единственный друг, – говорю очень серьезно. Он не отвечает, но ведь он никогда не отвечает, потому что он неодушевленная старая тряпка, набитая ватой.

Когда-то я верил, что он настоящий. Я сумасшедший? Мне часто кажется, что да. Но, с другой стороны, что есть здравый ум? Это белобрысый молодчик, который знает, как убалтывать девчонок? Если так, лучше быть мной...

Наверное.

Я понимаю, что не умею болтать о пустяках, и это недостаток – чувствовать себя неспособным общаться. Возможно, мне следует удалиться в один из тех монастырей, где монахи дают обет молчания. Это подошло бы мне во всех отношениях.

За исключением того, что я не верю в Бога и не хотел бы носить платье.

Мне кажется, папа тоже невысокого мнения о Рупсе, а это уже что-то. Папа одергивал его пару раз, когда Рупс молол чушь за столом, и поправлял его ошибки в географии. «Нет, Рупс, Вильнюс находится не в Латвии, это столица Литвы». Я чуть не расцеловал старика, когда он это сказал. Хотя лично меня удивило, что Рупс хотя бы знает, что Вильнюс – это город, а не какой-нибудь знаменитый футболист, получающий безумно высокую зарплату.

Вообще говоря, он всего на четыре месяца старше меня, а кажется, полагает, что уже вступил в многочисленные ряды взрослых и им будет интересно, что он говорит. Дело в том, что это поощряет его брутальная матушка. Она ловит каждое его слово и совершенно не обращает внимания на бедняжку Виолу, которая оказалась довольно милой. Ей почти одиннадцать, так что она всего на пару лет младше меня, хотя кажется гораздо моложе, больше похожа на Имми и Макса.

Я всегда любил маленьких детей. Мне нравится, как они ни с того ни с сего задают необычные вопросы. Похоже на меня, только я теперь научился задавать их, не произнося вслух.

И она умница, Виола. Сегодня за ужином призналась мне, что недолюбливает лошадей. И это ужасно досадно, потому что ее мать настаивает, чтобы она ездила верхом каждый божий день, и заставляет участвовать в соревнованиях, расчесывать гривы и чистить щеткой надкопытья, чем бы эти надкопытья ни были.

Джулз напоминает мне лошадь. У нее огромные зубы и большой нос, и мне бы очень хотелось вставить удила ей в рот, чтобы заткнуть.

Как бы то ни было, все это не приближает меня к решению главной проблемы: как сказать Хлое, что я ее люблю.

Сегодня вечером она заговорила со мной разок. Спросила:

– Тебе уже лучше, Алекс? – и это было волшебство. Она сказала это с чувством, с полной концентрацией, сделав ударение на «тебе». Что, конечно, должно что-то значить.

Разумеется, я не мог ответить из-за этой хрени с моим ртом, отказывающимся работать в ее присутствии, но, по-моему, я неплохо кивнул. Если я не могу с ней толком заговорить, как сообщить, что я считаю самой чудесной девочкой на свете?

И в этот миг мой взгляд падает на коричневый конверт, полный любовных писем, лежащий у меня на кровати. Потом на «Собрание стихотворений» Китса на книжной полке надо мной.

И я прозреваю.

Ө

Девять

– Солнышко, к дому идет умопомрачительнейшего вида мужчина. – Сэди нашла Хелену и Уильяма на кухне – те накрывали завтрак.

– Значит, это Алексис, – пробормотал Уильям.

– Кто?

– Старый друг Хелены.

– И ты молчала, дорогуша! – сказала Сэди. – И что, он местный? Холостяк?

– Да и да. Он живет в деревне в нескольких милях отсюда, и он вдовец.

– Жизнь налаживается. Мне пригласить его на террасу? Предложить кофе? Массаж всего тела?

– Почему бы нет? – пожала плечами Хелена.

– Хо-ро-шо. Только сбегая мазну помадой. Я мигом.

– Сэди неисправима, – улыбнулся Уильям. – Но я ее люблю. Больше, чем некую другую женщину, в данный момент находящуюся под этой крышей.

– Джулз несколько... подавляет. Хотя она не нарочно.

– Ты слишком добра. Джулз – настоящий Аттила, и прости, что навязал ее нам на две недели. У нее врожденный талант всегда говорить невпопад. Просто не представляю, как Саша терпит ее изо дня в день. Возможно, она потрясающе хороша в спальне, скачет, как настоящая кобылка. Ей ведь не привыкать, – фыркнул Уильям. – Вчера вечером она до смерти мне надоела охотничьими мартингалами и трензелями.

– Когда я спустилась вниз утром, она сказала, что переложила все в кладовой и убрала все в холодильник и морозилку, что оставлять еду на полках было опасно для здоровья, – сказала Хелена. – Я пыталась объяснить насчет холодильной установки Ангуса, но она объявила, что не хочет подвергать себя или своих детей риску кишечной палочки или сальмонеллы.

– Что ж, рад, что ты можешь воспринимать ее поведение так спокойно, а то я уже с трудом сдерживаюсь. По крайней мере, она уехала на весь день и забрала с собой Виолу и этого быковатого сына. Рупс, кажется, очень расстроился, что его утащили с сестрой к каким-то древним руинам. По-моему, он надеялся провести время за изучением Хлои. Итак, – Уильям повернулся к Хелене, – чем ты хочешь сегодня заняться?

– Думала отвести детей к Купальне Адониса. Этот водопад прячется в горах, и он просто волшебный. Там можно прыгать со скал в заводь у подножия.

– Ладно. Значит, семейный выезд, если мы сможем оторвать Имми и Фреда от DVD-плеера. Они уже с самого утра перед телевизором.

– По крайней мере, они не ссорятся, а на улице очень жарко. – Хелена посмотрела в окно.

– Ладно, давай вынесем кофе на террасу и посмотрим, накинулась ли уже Сэди на Алексиса.

Хелена вышла следом за Уильямом из дома.

Алексис, сидевший за столом с оживленной Сэди, улыбнулся с облегчением при виде хозяев.

– Kalimera, Хелена, Уильям. Как вы?

– Все хорошо, – кивнула она.

– Алексис как раз рассказывал мне, что он делает вино, – сказала Сэди, когда Уильям поставил поднос с кофе. – Я заверила, что я – его идеальный потребитель. Кофе, Алексис?

– Спасибо, но нет, я ненадолго. Хелена, я принес тебе вот это, – Алексис указал на маленькую деревянную шкатулку, которую поставил на стол. – Нашел в ящике сломанного сундука, когда отвозил его на свалку. Подумал, что она слишком красивая, чтобы выбрасывать.

– И в полном порядке. – Уильям изучал шкатулку. – Сделана из розового дерева, и тут очень прихотливая перламутровая инкрустация. – Он провел по ней пальцем. – Я бы сказал, она довольно старая, судя по цвету дерева. Возможно, это шкатулка для драгоценностей.

– В обивке не спрятаны забытые изумруды? – пошутила Сэди, когда Уильям открыл его. Она потянулась через стол и погладила

зеленый фетр, покрывавший внутренность. – Ничего не прощупывается.

– Спасибо, что спас ее, Алексис. Она прекрасна, я поставлю ее на туалетный столик, – сказала Хелена.

– Ну конечно! Это Шкатулка Пандоры! – улыбнулась Сэди. – Будь осторожнее, солнышко. Ты же знаешь легенду.

– Знаю, – согласилась Хелена. – Так что лучше побыстрее закрой ее, пока все беды мира не выскочили.

– Я также пришел спросить вас всех, не будете ли вы настолько любезны посетить праздник, который я устраиваю в честь обручения Димитриоса, моего старшего сына, в эту пятницу. Для меня это было бы большой честью, – сказал Алексис.

– Очень любезно, но нас довольно много, – ответил Уильям. Хелена немедленно подумала, не ищет ли он отговорку.

– Не проблема. Это большой праздник, и мы рады всем. Ты же знаешь, как мы, киприоты, любим праздники.

– По-моему, это звучит заманчиво, и мы с удовольствием придем. Спасибо, Алексис, – сказала Хелена, бросая на Уильяма вызывающий взгляд.

– И может быть, поужинаешь с нами сегодня? – уговаривала Сэди. – У нас не хватает одного мужчины, и бедняжке Уильяму пригодилась бы поддержка, чтобы справиться со всеми этими женщинами, правда, солнышко?

– Да, пригодилась бы, – ровно согласился Уильям, зная, что его перехитрили.

– Тогда спасибо, и увидимся позже, – Алексис кивнул им. – До свидания.

– Так, если мы хотим ехать, мне лучше начать собирать детей. Хлоя и Алекс еще даже не встали. – Уильям уже уходил с террасы, когда Хелена хлопнула себя по губам.

– О господи, я только что сообразила, что обручение приходится на десятую годовщину нашей свадьбы!

Уильям остановился и посмотрел на нее.

– Что ж, нам необязательно идти.

– Но мы только что сказали, что придем.

– В смысле *ты сказала, что мы придем*, – поправил он жену.

– Прости, дорогуша. Но ведь будет невежливо отказаться, особенно после всей помощи, которую Алексис и его семья нам оказали? И кто знает, Уильям... возможно, было бы даже приятно в кои-то веки пойти на чудесный праздник и хоть на один вечер освободиться от готовки на всю ораву.

– Как скажешь, – коротко отозвался Уильям и ушел в дом.

Сэди глянула ему в спину, потом заговорила, понизив голос:

– Итак, расскажи мне все об Алексисе. Между вами что-то было?

– Откуда вообще такие мысли?

– По тому, как он смотрел на тебя, разумеется. Такое нельзя не заметить. И я бы сказала, Уильям тоже заметил. Давай, Хелена, выкладывай.

– Право же, Сэди, это был всего лишь подростковый роман, когда я гостила здесь у крестного.

– Первая любовь?

– Он был моим первым парнем. Разумеется, я думала, что это нечто особенное. Все так думают.

– Он явно все еще вздыхает о тебе, даже после всех этих лет. – Сэди мечтательно потянулась. – Как невыразимо романтично.

– За исключением того, что я счастлива в браке с другим, – Хелена провела пальцами по изысканному перламутровому узору на ящичке. – О, и у меня трое детей.

– Скажи мне честно: ты еще чувствуешь что-то к нему? Потому что у меня ощущение, что ты чего-то недоговариваешь.

– Я питаю нежные чувства к нему и к нашим общим воспоминаниям, но нет, Сэди, ничего больше.

– Правда? В смысле это полное совпадение, что твой первенец носит то же имя, что и твоя первая любовь?

– Сэди, ради всего святого! Мне просто нравится это имя, вот и все.

– И ты клянешься, что не видела его с тех пор?

– Пожалуйста, Сэди, что ты вцепилась, как собака в кость! Давай не будем об этом? – взмолилась Хелена.

– Ладно. Прости, солнышко.

Хелена встала.

– Мне лучше пойти и помочь Уильяму собрать детей. Хочешь поехать с нами к Купальне Адониса или с чувством поленишься у

бассейна?

– Спасибо, я останусь здесь и подготовлюсь к ужину с нашим собственным Адонисом, – сказала Сэди, подмигнув. – Пока.

* * *

Поездка через горы к водопаду была трудной и опасной – совсем как помнила Хелена. Очень узкая дорога, сплошные огромные рытвины и крутые спуски и подъемы.

– Слава богу, это не наша машина, – заявил Уильям, ловко маневрируя в облаках пыли. – От шин ничего бы не осталось, не говоря о подвеске.

– Это как на русских горках, мамочка! – азартно крикнула Имми позади них, ничуть не встревоженная тряской. Побелевший Алекс сидел рядом с ней, обеими руками крепко сжимая край сиденья и глядя прямо перед собой. На заднем сиденье Хлоя закрыла глаза и заткнула уши наушниками, а Фред, на удивление, спал, положив голову ей на руку.

– Ты сама водила машину, когда приезжала сюда в прошлый раз? – спросил Уильям.

– Нет, – засмеялась Хелена, – я была на заднем сиденье мопеда! Представляешь?

– Удивительно, как ты выжила. Кто был за рулем?

После короткой паузы она ответила:

– Алексис.

Уильям чуть крепче сжал руль.

– Надеюсь, позже ты согласишься рассказать мне о ваших отношениях, – сказал он, понизив голос до мрачного шепота. – Он явно считает, что между вами еще не все кончено. И мне не нравится, что мне наставляют рога прямо под носом!

– Уильям, пожалуйста! Дети услышат! – отчаянно прошептала в ответ Хелена.

Уильям резко нажал на тормоза, внезапно остановив машину.

– Так, дети, похоже, мы приехали.

Они были в глубине долины, вокруг вздымались величественные горы. Хелена вышла из машины и помогла выбраться Имми и Фреду,

стараясь проглотить комок в горле, чтобы они не заметили, что она чуть не плачет.

Уильям уже ушел вперед ко входу, и Хелена знала, что надо оставить его в покое. Она привыкла к его внезапным вспышкам гнева, и обычно он быстро остывал, извинялся и раскаивался. Кроме того, после разговора с Сэди она поняла причину. Уильям чувствовал угрозу, и она знала, что его надо успокоить.

– Все взяли полотенца? Хорошо, пошли.

Хелена взяла Фреда за руку, Имми вцепилась в Хлою, а Алекс замыкал шествие в одиночестве.

Уильям уже купил билеты. Он подхватил Фреда на руки и обнял.

– Готов прыгать в очень холодную воду, мальчуган?

– Да, папа, готов.

Они ударили кулаком о кулак и двинулись к водопаду.

Оскальзываясь на опасных камнях, Хелена стояла в прозрачной, холодной как лед воде. Младшие плескались рядом. Уильям и Алекс доплыли до края заводи и теперь карабкались на скалу, чтобы прыгнуть вниз. Хлоя загорала у воды, привлекая восхищенные взгляды мужской части отдыхающих.

– Я прыгаю! Смотри! – Алекс помахал ей со скользкого уступа в двадцати футах над заводью, потом прыгнул, подняв кучу брызг.

– Молодец, Алекс! – Хлоя азартно захлопала в ладоши, когда он вынырнул. – Очень круто.

– Я поднимусь на соседнюю скалу! – крикнул он и поплыл в ту сторону.

Хелена подняла голову и увидела, как это высоко.

– Алекс, пожалуйста, осторожнее! – крикнула она. Уильям как раз готовился прыгнуть с более низкой скалы. Она подумала, какой он молодец для своих сорока пяти: еще ни следа седины в темных волосах, худощавое тело гибкое и стройное.

– Давай, папочка! – закричала Имми, возбужденно плескаясь рядом с Фредом. Уильям помахал им, потом прыгнул, и дети восторженно приветствовали его.

– Я тоже прыгаю, мамочка, – сказал Фред и пошлепал было в сторону скал. Хелена оттащила его.

– Когда подрастешь, дорогуша.

– Хочу сейчас!

Уильям подплыл к сыну и подхватил его.

– Хочешь прыгнуть?

– Да!

– Ладно, была не была! – он поднял Фреда высоко над головой и выпустил. Надувные нарукавники не дали малышу уйти под воду, и он восторженно завопил.

– Послушай, Хелена, Алекс собирается прыгнуть с очень высокой скалы! – крикнула у нее за спиной Хлоя. – Ты не боишься?

– Не уверена, – ответила она, и тут Алекс спрыгнул. Хлоя взвизгнула и захлопала в ладоши, когда он вынырнул и поплыл к ним.

– Рупс говорил, что Алекс мямля и зубрила, но хотела бы я посмотреть, как бы он сам прыгнул, – сказала Хлоя Хелене.

– Алекс ни тот и ни другой. Он невероятно храбрый – во всем, – сказала Хелена, когда запыхавшийся сын подплыл к ним с торжествующим видом.

– Мам, ты видела? – спросил Алекс.

– Да. Это было потрясающе, дорогуша.

– Да, потрясающе. Я тут думала... – Хлоя прикусила губу, выглядя обворожительно уязвимой. – Алекс, ты поддержишь меня за руку, если я решусь прыгнуть со скалы пониже?

– Конечно. Пошли.

Хелена заметила гордость на круглом лице сына, когда он вел Хлою к скалам. И внезапно поняла, почему Алекс вел себя так странно последние пару дней: он явно запал на Хлою.

Раздался громкий плеск, когда они вместе спрыгнули со скалы, и приветственные крики толпы зрителей внизу.

Через двадцать минут Имми накупалась.

– Мамочка! У меня мокрые волосы, я озябла, и хочу пить, и хочу на берег, – заныла она.

– Оставайся с Фредом! – крикнула Хелена Уильяму, вытаскивая дочь из воды. – Я принесу попить и буду ждать на террасе.

Хелена взяла банки из машины и устроилась с Имми на скамейке в тени оливы. Она на миг закрыла глаза, вспоминая, как когда-то давно Алексис привез ее сюда. Тогда здесь почти не было туристов – просто красивое место, о котором знали в основном местные, жившие неподалеку. Они тоже вместе прыгали со скалы и плавали в глубокой прозрачной воде.

И здесь, на берегу заброшенной заводи, в месте из легенды, Хелена переступила порог взрослой жизни, став женщиной.

– Мамочка? Ты слушаешь меня-а-а?

– Ну конечно, дорогуша. – Хелена заставила себя сосредоточиться на Имми.

– Я сказала, что хочу есть и мне нужен пакет чипсов с солью и уксусом.

– Скоро ланч, так что придется подождать. Смотри, вон идут остальные.

– Могу показать тебе, если хочешь, – говорил Алекс Хлое. – Это обалденная книга, и у Ангуса было первое издание.

– С удовольствием посмотрю.

– Здорово. Я поищу, когда приедем домой.

– Клево.

Алекс совсем другой сегодня, подумала Хелена. Красивые глаза искрились, оживленное лицо сияло счастьем, когда он болтал со сводной сестрой, украдкой поглядывая на нее с явным обожанием.

– Ого, ты только посмотри, – захихикала Хлоя, останавливаясь возле статуи обнявшихся обнаженных Адониса и Афродиты. – Он... э-э-э... весьма внушительный! – Она начала читать слова, вырезанные на английском на каменных табличках: – Адонис и Афродита, бог и богиня любви и красоты. По преданиям, они жили здесь со своими многочисленными детьми. Дамы, страдающие бесплодием и желающие забеременеть, коснитесь детородного органа Адониса, и у вас будет много детей.

– Не смей, Хлоя, – сказал Уильям, подошедший последним с Фредом. – И не подпускай сюда свою маму, Алекс. Нам только этого не хватало, да, дорогуша?

Хелена сглотнула комок в горле и кивнула.

– Абсолютно.

ДНЕВНИК АЛЕКСА

18 июля 2006 года

Сегодня я летал!

Но не на самолете, и руки были мне крыльями, вознося в небо. Я взлетел, и Та, Кого Я Люблю, смотрела на меня, а потом наградила меня одобрительными возгласами и аплодисментами, когда я оказался – бултых – в воде.

И неважно, что мое пузо теперь покрыто красными пятнами там, где жирок вступил во фрикционный контакт с водой, или что я подвернул лодыжку, оступившись на тех скользких камнях. Или большой синяк на лице... понятия не имею, как я его получил, но, наверное, от соприкосновения с ее локтем, когда мы спрыгнули вместе, держась за руки.

Боль несущественна в сравнении с радостью на ее лице. Я ее герой. Я ее защитник. Она считает, что я КЛЕ-Е-ЕВЫЙ.

Я ей нравлюсь.

Помогло и то, что эта хрень с параличом губ, кажется, исчезла в обжигающем холоде Биде Адониса. Вероятно, в этой воде какая-то магия, потому что, когда она со мной заговорила, я впервые смог нормально ответить.

В общем, мы поговорили, и оказалось, она любит читать. Мечтает стать журналисткой, специализирующейся на моде, если не сможет стать моделью, и в курсе всего, о чем пишут в последних номерах «Вог» и «Мари-Клэр».

Очень скоро она ступит в мою Кладовку для метел, чтобы посмотреть томик «Вдали от обезумевшей толпы» Томаса Харди, который я нашел на битком забитых полках библиотеки Ангуса. Она говорит, что читает роман для экзамена на аттестат зрелости. То есть далеко она не продвинулась, но ей нравится фильм с Аланом Бейтсом и Джули Кристи и она по-настоящему ценит Теренса Стэмпа в роли капитана Троя. (Мне лично больше нравится Алан Бейтс в роли Габриэля Оука, но о вкусах не спорят.) Вот бы я мог подарить ей эту

книгу! Но мать наверняка не обрадуется, потому что книга очень старая и, вероятно, стоит целое состояние.

И... мои стихи уже у нее.

Я заскочил наверх и положил их в ее спальню, пока она принимала душ, когда мы вернулись с водопадов.

Возможно, она как раз сейчас их читает.

Разумеется, я не поставил подпись, но она узнает, от кого они. Я перефразировал любовные письма, которые нашел в коробке с фотографиями Ангуса, и позаимствовал некоторые метафоры у Китса. Лично я думаю, что получилось неплохо.

Я также успокаиваю себя, что размер – не самое главное. Посмотрите на того гоблина из «Формулы-1» и его семнадцатифутовую жену. Или все эти крохотные жокеи с подружками топ-моделями. Если любишь кого-то, все равно, какого он роста.

Кроме того, мне есть куда расти в будущем, да и кое-какие деньги накоплены, на которые можно бы купить серьезные силовые тренажеры, пока я не вырос. Наверное, не мешает быть богатым как Крез, но, как и размер, деньги – не главное. И в этом отношении мне тоже есть куда расти.

Оказывается, ее школа не так далеко от той, куда я пойду в сентябре. Возможно, мы могли бы встречаться, чтобы попить чаю, по воскресеньям, лихорадочно переписываясь всю неделю, клянясь в любви до гроба...

Внезапно жизнь начинает налаживаться.

И кто знает, эти каникулы могут вовсе и не стать тем кошмаром, который мерещился мне утром.

Ой, помогите. Кто-то стучится в дверь моей Кладовки для метел. Наверное, она. Делаю глубокий вздох и ковыляю открывать.

Десять

– Привет, Алекс. Я пришла посмотреть книгу, о которой ты мне говорил. И Рупса привела.

Хлоя улыбнулась Рупсу и за руку ввела его в крохотную комнатку.

– О, э-э-э, да. – Алекс достал с полки книгу и подал Хлое.

– Ого, какая красота. Правда же, Рупс? – Хлоя вертела хрупкую книгу в кожаном переплете в руках.

– Наверное. Книги – это вообще-то не мое.

– Правда? – Хлоя посмотрела на него. – Я думала, ты интересуешься... поэзией?

Рупс пожал плечами.

– Предпочитаю свежий воздух.

Хлоя захихикала.

– Не стесняйся, Рупс. Хорошо, когда у мужчины есть чувствительная сторона, и ты не можешь отрицать, что у тебя она есть.

Рупс явно оторопел.

– Э-э-э, ага, наверное. – Он посмотрел на кровать Алекса и взял в руки истрепанного кролика, лежавшего на подушке. – И что это у нас тут?

– Пожалуйста, положи. Не люблю, когда его трогают, – резко сказал Алекс.

– Думаю, тебе лучше избавиться от него до того, как ты отправишься в школу-пансион, кореш. – Рупс поглядел на Хлою, подняв бровь, и поцокал языком, встряхнув кролика за уши. – У тебя могут быть неприятности с другими парнями. Я прав, Хлоя?

Алекс выхватил кролика из пальцев Рупса и прижал к себе.

– Честно говоря, Рупс, мне плевать, но все равно спасибо за предупреждение.

– Многие девочки у нас в пансионе все еще хранят мишек и все такое, – мягко сказала Хлоя.

– Точно. Девочки. Слышал, ты сегодня прыгнул с высокой скалы, Алекс. Это так ты получил синяк?

Алекс молча пожал плечами.

– Я собираюсь устроить соревнования по плаванию для нас, детей. Тогда ты сможешь показать нам всем класс в воде. Ты за?

– Может быть.

– Лады, пока. Идешь, Хлоя?

– Да. Спасибо, что показал нам книгу, Алекс, – она улыбнулась. – Увидимся за ужином.

* * *

– Прекрасно выглядишь, Сэди, – сказал Уильям, когда нашел ее на террасе, пьющей в одиночестве водку.

– Спасибо, добрый сэръ. Каждый делает что может, – улыбнулась она.

– Не против, если я составлю тебе компанию? Хелена принимает душ.

– Конечно. С удовольствием проведу несколько минут наедине с одним из моих любимых мужчин, – сказала она, когда он сел рядом. – Посмотри на закат. Просто восхитительно.

– Да. Потрясающе, правда? В принципе, все это место гораздо красивее, чем я ожидал, особенно дом.

– Он невероятно уютный, и Хелена совершила настоящее чудо, создав такую домашнюю атмосферу.

– Вообще-то, пока мы одни, я хотел спросить, как тебе Хелена сейчас.

– Она выглядит усталой, но это, возможно, потому, что она закрутилась, стараясь привести Пандору в порядок для всех.

– А... последние недели?

– Честно говоря, Уильям, я почти с ней не разговаривала. На работе все кипело, не говоря уже о моей бурной личной жизни. А что? Думаешь, что-то неладно?

– Я просто не знаю. Хелена – мастер держать мысли при себе. И хотя мы женаты уже так давно, она до сих пор в некотором роде загадка. Особенно в том, что касается ее прошлого.

– Разве это не часть ее очарования? – напомнила ему Сэди. – Хелена наименее нервная женщина из всех, кого я знаю. Возможно, в

душе у нее клокочет трясина неуверенности, но она никогда и никому не позволит это увидеть.

– Точно. Она всегда держит себя в руках. – Уильям пригубил вино. – Но как можно прожить с человеком столько времени и при этом чувствовать, что ты по-настоящему его не знаешь? Так и с Хеленой. Она когда-нибудь говорила с тобой об этом Алексисе?

– Ты имеешь в виду того самого Алексиса, который вот-вот придет сюда и которого я очень постараюсь соблазнить? – Сэди шаловливо улыбнулась. – По-видимому, они крутили роман, когда она отдыхала в Пандоре много лет назад, но я правда не думаю, что тут было что-то большее.

– Правда? – Уильям нахмурился. – Сэди, я знаю, ты не сказала бы мне, даже если бы она доверила тебе все грязные подробности.

– Ты прав, не сказала бы, но честное скаутское, в данном случае мне нечего сказать.

– Знаю только, что она даже более отчужденная, чем обычно, и... – Он покачал головой и вздохнул. – Я просто чувствую, что что-то изменилось.

– Привет, народ! – На террасе появилась Джулз. – Вода, зараза, ледяная. Не могли бы вы попросить администратора сего заведения разобраться с этим до завтра?

– Наверное, это едва ли проблема при такой жаре? – сказала Сэди.

– Нет, но очевидно, что вся система водоснабжения изношена. И туалет плохо смывает.

– Здесь не может не быть проблем, Джулз. Это очень старинный дом, – спокойно ответил Уильям.

– Ремонт которого обойдется в кругленькую сумму, я уже не говорю о содержании. Хелена же не ожидает, что ты на такое раскошелишься?

– Хелена теперь женщина со средствами. С наследством Ангуса она вполне способна покрыть все издержки сама. Кстати, какие новости от Саши? – сменил тему Уильям. – Он сказал, когда приедет?

– Я не включала мобильник. Я на отдыхе, даже если он работает, – резковато ответила Джулз.

– Я уверен, он хочет приехать, Джулз, но, скорее всего, оказался под сильным давлением. В Сити сейчас нелегко. И Саша поступил очень храбро, открыв собственное дело, когда вернулся из Сингапура.

– Kalispera. Добрый вечер всем. – Рассчитав время столь же безупречно, как выглядели его свежестырированная белая рубашка и коричневые слаксы, Алексис появился на террасе. Он поставил на стол две бутылки вина и большой букет белых роз. – Сэди, Уильям, – он улыбнулся им по очереди. – Позвольте представиться? – Он протянул руку Джулз, холодность которой резко снизилась, когда она пожимала ему руку. – Алексис Лайл.

– Джулз Чандлер. Вы киприот или англичанин?

– Киприот, но мой предок был англичанин, который приехал сюда в восемнадцатом веке и женился на моей семь-раз-прабабушке. С тех пор мы носим его фамилию.

– Выпьешь, Алексис? – Уильям предложил ему бокал вина.

– Спасибо. И, как говорите вы, англичане, будем здоровы.

Собравшиеся подняли бокалы, и тут к ним присоединилась Хелена, очаровательная в простом белом платье.

– Привет, Алексис, – поздоровалась она, но не попыталась поцеловать его. Вместо этого она повернулась к Уильяму: – Дорогуша, пожалуйста, заскочи наверх, пожелай спокойной ночи младшим.

– Конечно. Нужно что-нибудь сделать на кухне, раз уж я пошел?

– Нет, только сказать старшим, что ужин будет готов через пятнадцать минут, – она легко прикоснулась к его руке, когда он прошел мимо.

– Можешь заодно загнать в постель и Виолу? Она смотрит DVD в доме. Скажи ей, что она может читать до восьми, потом отбой, – окликнула Джулз.

Уильям кивнул и ушел в дом.

– Ну, Алексис, присаживайся, – Сэди похлопала по освободившемуся стулу Уильяма. – Я хочу узнать поподробнее о твоём винодельческом бизнесе.

Хелена вполуха слушала, как Алексис рассказывает о своих виноградниках. Джулз что-то говорила об ужасном водопроводе, но она не обращала внимания.

– Да, – рассеянно сказала она, надеясь, что ответ правильный.

– Значит, ты не собираешься ремонтировать ваннные комнаты?

– Честно говоря, я совсем об этом не думала. Извини, Джулз, мне надо пойти проверить ужин. – Хелена встала и пошла искать убежища на кухне. Она помешала жаркое из свинины, которое Ангелина

оставила для них в духовке, проверила кипящий на медленном огне рис и слила его.

Рука обвила ее талию сзади.

– Малыши в постели, и Виолу я тоже отвел наверх. Бедняжка... неужели мать не могла даже поднапрячься и пойти пожелать ей спокойной ночи? Я иногда удивляюсь, почему они вообще пошли на хлопоты с удочерением, – заметил Уильям. – Совершенно очевидно, кто в этой семье любимчик.

– Джулз, возможно, несколько сурова, но Саша обожает ее, – увильнула от прямого ответа Хелена.

– Я правда не знаю, как ты можешь так сердечно относиться к Джулз, когда ее поведение чертовски раздражает всех остальных. Так или иначе, по-моему, Виола – лапочка, и поскольку она моя крестница, мне бы хотелось, чтобы она как можно лучше провела здесь время.

– Согласна. Я обязательно постараюсь уделять ей как можно больше внимания. Она какая-то неприкаянная, – задумчиво сказала Хелена, переваливая рис в большую сервировочную чашу. – И ей определенно нужны тепло и ласка.

Уильям бережно развернул Хелену лицом к себе и поцеловал в лоб.

– Прости за сегодняшнее.

– Право, ничего страшного. Это и моя вина. После разговора с Сэди я поняла, что тебе... трудно.

Он отвел белокурую прядь от ее глаз.

– Да, трудно. И, признаться, дорогуша, я бы оценил, если бы ты все-таки рассказала мне, что именно у вас произошло.

– Расскажу, я обещаю, но не сейчас, – сказала Хелена, снова поворачиваясь к плите. – И вообще, Сэди, похоже, начала охоту на него, так что я бы не беспокоилась.

– И ты не против?

– Конечно, нет! – огрызнулась Хелена. – Я...

– Привет, папочка. Как делишки? – На кухню неторопливо вошла Хлоя в бирюзовом саронге, притворяющемся платьем.

– Все путем, – вздохнул Уильям. – А ты?

– Клево. Ничего, если мы с Рупсом пойдем после ужина в деревню? Заценим бары?

– Если вы не будете пить алкоголь и вернетесь к полуночи, то, наверное, да, – покорно сказал он.

– Спасибо, папочка. М-м-м, как вкусно пахнет! – Хлоя заглянула в чугунный горшок, который Хелена как раз вынимала из духовки. – Кстати, что это за красавчик на террасе?

– Его зовут Алексис. Это... сосед, – добавила Хелена.

– Он в неплохой форме для старика. Сэди, во всяком случае, залипла, – она захихикала. – Пока, народ.

– Подожди минутку, – остановил ее Уильям. Он взял со стола накрытую крышкой чашу и подал ей. – Сделай доброе дело, отнеси рис, пожалуйста.

– Ты видела Алекса, Хлоя? – спросила Хелена, когда вышла следом за ними на террасу и поставила на стол жаркое.

– По-моему, он в своей комнате. Сходить за ним? – предложила Хлоя.

– Да, пожалуйста.

– Без проблем.

– Это твоя дочь, Уильям? – спросил Алексис, глядя в спину Хлои.

– Да.

– Очень красивая. Ты, наверное, гордый отец.

– Да. Но, как и все отцы, беспокоюсь, что она растет слишком быстро. Еще вина, Алексис?

Несколько минут спустя из дома вышли Хлоя и прихрамывающий мрачный Алекс.

– Сядешь рядом с Сэди, дорогуша? – попросила Хелена. – Спасибо.

– Твой отец говорит, что ты сегодня спрыгнул с Водопада Адониса, Алекс, – сказал Алексис, когда мальчик сел.

– Угу.

– Это очень храбро, особенно с высокой скалы.

– Даже я не стал бы оттуда прыгать, – заметил Уильям, раздавая тарелки с испускающими пар свиной и рисом.

– Мы тоже должны туда съездить, – вмешалась Джульз. – Рупс был чемпионом школы по прыжкам в воду.

– Не очень хорошая идея нырять с такой высоты. Хотя заводь глубокая, там на дне камни. Ноги коснутся их, ладно, но голова – нет, нехорошо, – предупредил Алексис.

– Жаль, что я не поехала. Звучит чудесно. Ты как-нибудь отвезешь меня туда, Алексис? – спросила Сэди.

Алексис на мгновение пристально посмотрел на Хелену, потом отвел взгляд.

– Конечно. И любого, кто желает поехать.

– Я желаю, – на террасе появился Рупс, воняющий лосьоном после бритья, и уселся рядом с Хлоей. – Выглядит здорово, спасибо, тетушка Хелена, – сказал он, когда перед ним поставили тарелку.

– Думаю, пора отбросить «тетушку», тебе уже тринадцать, и ты официально стал подростком. Пожалуйста, приступайте, – сказала Хелена, наконец усаживаясь.

– Я бы хотел предложить тост за хозяйку дома, которая так много потрудилась, чтобы сделать Пандору уютной для всех нас. За Хелену, – Уильям поднял бокал.

– За Хелену, – хором повторили все.

После ужина Рупс и Хлоя ушли в деревню, вооруженные мобильниками и фонариком. Алекс удрал обратно в свою комнату, а Сэди настояла, что займется уборкой, уговорив Джулз помочь ей.

В результате на террасе остались Хелена, Уильям и Алексис.

– Бренди, Алексис?

– Спасибо.

Уильям передал ему бокал.

– Итак, скажи мне, как твой бизнес конкурирует с винами Нового Света? Которые, судя по тому, что я видел в супермаркете, здесь весьма популярны.

Хелена слушала вполуха разговоры о бизнесе. Уильям вел себя безупречно, ни намек на прежний гнев. Они оба хорошие люди, подумала она, и нет никаких причин, почему им не стать друзьями. При условии, что ни один из них никогда не узнает правду...

Алексис ушел через час. Джулз легла спать еще раньше.

– Алексис рассказывал мне о своей жене и как тяжело мальчишки перенесли ее смерть. – Сэди сонно зевнула. – Ей было всего тридцать четыре, бедняжке. К счастью, несмотря на такую тяжелую жизнь, он не кажется ни нытиком, ни ублюдком. Он очень хороший человек, что, по крайней мере, помогло восстановить мою веру в мужской пол. Так, я спать. Все это солнце выжимает досуха. Доброй ночи.

– Она права. Алексис хороший человек, – заметил Уильям, когда Сэди ушла. – Но я не очень представляю, чтобы эти двое сошлись.

– Как знать. И не такое бывало.

– Возможно. Но очевидно, что Алексис не готов забыть. Не жену, позволю себе заметить, а тебя... Так, – Уильям посмотрел на часы, – куда, черт возьми, пропали Хлоя и Рупс? Уже почти час ночи.

– Уверена, Рупс не даст ее в обиду, – Хелена вздохнула с облегчением, когда муж сменил тему.

– Вообще-то я гораздо больше беспокоюсь, что он *сам* может обидеть ее, – пробормотал Уильям. С дороги, ведущей к Пандоре, послышался хруст щебенки под колесами машины. – Господи, надеюсь, их не арестовали за употребление алкоголя несовершеннолетними. Вероятно, нам не следовало отпускать их одних. – Уильям встал и зашагал к выходу, Хелена следом.

Машина подъехала ближе, и они поняли, что это такси. Когда оно остановилось, открылась задняя дверь и оттуда вылез кто-то помятый, вцепившийся в дорожную сумку.

– Спасибо.

Захлопнув дверь, этот кто-то двинулся к ним.

– Привет, братцы. Я наконец добрался.

– Саша! Какого черта ты не сообщил нам, что приедешь? Мы бы встретили тебя в аэропорту. Рад видеть тебя, старик! – Уильям обнял лучшего друга «по-мужски», что включало пожимание руки и хлопки по спине.

– Я оставил сообщение на телефоне Джулз, просил встретить меня, но она явно его не получила, так что я взял такси. Привет, Хелена. Как ты?

Когда Саша поцеловал ее в щеку, Хелена дернулась от запаха алкоголя изо рта.

– Пошли на террасу, выпьешь кофе. У тебя, наверное, был долгий день, – сказал Уильям.

На освещенной мягким светом террасе Саша плюхнулся на стул, и Уильям увидел его белую и сухую как пергамент кожу, глубокие морщины, залегшие на лбу и по обеим сторонам носа. Обычно блестящие, взлохмаченные темно-рыжие волосы были сальными и с заметной сединой на висках.

– Я бы предпочел бренди, а не кофе, – сказал Саша, указывая на бутылку на столе.

Уильям плеснул немного темно-золотой жидкости в бокал.

– Ну давай, Уилл, доливай, – потребовал Саша.

Уильям переглянулся с Хеленой и неохотно налил до краев.

– Сказать Джулз, что ты здесь? – спросила Хелена.

– Господи, нет, – сказал Саша, делая большой глоток бренди. – Как говорится, не будем будить лихо, пока оно тихо, – он посмеялся своей бестактной шутке.

– Что ж, я спать. Уже поздно. – Хелена встала. Ей отчаянно хотелось уйти, и она оправдывала это тем, что им надо поговорить «как мужчина с женщиной». – Спокойной ночи.

– Доброй ночи, Хелена, – пробормотал Саша.

– Я скоро приду, дорогуша, – сказал Уильям, и в этот момент его мобильник издал сигнал сообщения.

«идм дмой. все клево х и р чм»

Он поморщился.

– Это от моей дражайшей дочери. Сообщает, что она и твой сын наконец решили вернуться домой – часа через два после обещанного.

– Ну конечно! Хлоя здесь. – Саша уже осушил бокал и потянулся за бутылкой, чтобы налить еще. – Как она?

– Типичный подросток, страшно хочет повзрослеть. Как ты понимаешь, я ожидал худшего, учитывая ее мать, но на самом деле она восхитительна. Если бы я приложил руку к ее воспитанию, я бы очень гордился.

– Да ладно, ты был рядом в годы, когда формировалась ее личность, и не твоя вина, что эта корова, на которой ты женился, слетела с катушек.

– А еще Хлоя очаровательна, даже с пятьюдесятью процентами моих генов. Твой сын явно тоже так считает, – заметил Уильям, слыша нечеткую речь друга и пытаясь разрядить омрачающуюся обстановку. Он знал, что Саша уже очень, очень пьян.

– Не сомневаюсь. Чертовы бабы, а? Все они одинаковые: пускают в ход свои чары, чтобы захомутать нас, бедных, незадачливых

мужиков. А заполучив нас, всю жизнь жалуются. Посмотри на Джулз. В списке ее любимцев я, наверное, где-то между Гитлером и Дьяволом.

– Брось, Саша.

– Вот увидишь, – резко сказал он, потом невесело рассмеялся. – Собственно говоря, это единственное, что утешает меня: мысль о лице Джулз, когда она узнает.

– Что узнает?

Саша посмотрел на Уильяма, на лице застыло отчаяние.

Он покачал головой и хрипло рассмеялся.

– Наверное, бессмысленно пытаться и дальше хранить секрет. От всех.

– Да что же это?

Саша снова глотнул бренди.

– Давай-ка посмотрим. Я уже дважды перезакладывал дом и набрал частных займов, чтобы удержаться на плаву. Но все кончено, Уилл. Мой бизнес обанкротился. И в результате моя семья и я потеряли все.

ДНЕВНИК АЛЕКСА

19 июля 2006 года

Второй час ночи, а я лежу, едва смея дышать из страха пропустить звуки шагов.

Мне надо знать, что Хлоя дома и в безопасности.

Подъехала машина, и я подумал, что это они. Но потом услышал Сашин голос. А потом... Не уверен, но вскоре после этого мне послышалось, будто плачет мужчина. Наверное, они смотрят DVD в гостиной, что ли, потому что я не представляю, чтобы папа или Саша плакали навзрыд, как девчонки. Такого мальчишки друг перед другом не делают.

Наши слезно-носовые каналы от зачатия запрограммированы только Срабатывать Без Посторонних. И В Исключительных Случаях, каковых имеется только две категории: рождение и смерть.

Да и тут сомнительно. Судя по тому, что я видел, мужчина должен поддерживать свою женщину. Женщина может расклеиться, и все думают, какая она изумительная (роды) или отзывчивая (смерть). Между тем, стоит нам пролить слезу, мы женоподобные – и на этом все.

Однажды я попал в больницу: упал с велосипеда, так что мелкие камушки впились глубоко в коленку. Я заплакал – автоматически, потому что это жутко больно! Дождался я сочувствия, когда Круэлла Де Медик пинцетом вытаскивала каждый крохотный, ужасно болезненный кусочек дорожки из моего колена? Черта с два! И хотя я лишился куска кожи, какого хватило бы обеспечить ближайшей жабе трансплантат на все тело, Круэлла велела мне быть «большим мальчиком».

«Ну-ну, милый, большие мальчишки не плачут...»

Неудивительно, что мужчины подвергаются насмешкам женщин из-за отсутствия «контакта» со своими эмоциями. Как может быть иначе, когда нам даже не позволено послать нашим чувствам письмо и уж тем более звонить им по телефону или – вот уж где кошмар – на

самом деле «навещать» их лично, позволяя слезно-носовым каналам открыться?

При этом кто же главным образом возвращает мальчиков этого мира?

ДА!!!

Женщины!!!

Делаю паузу в философских рассуждениях и перехожу к мысли, не разоблачил ли я только что грандиозный всемирный заговор. Будет ли мое имя когда-нибудь упоминаться в одном ряду с Аристотелем? Гиппократом? Гомером Симпсоном?

Самое главное: чего именно хотят от нас женщины?

Что бы это ни было, я не в состоянии продолжать философствовать, потому что слышу знакомые голоса в коридоре.

Она дома. Слава богу. Теперь я могу расслабиться и уснуть, зная, что Хлоя благополучно лежит в постели в нескольких футах надо мной.

Мне слышна поступь ее изящных ножек, когда она заходит в свою комнату и начинает делать то, что девочки делают перед тем, как лечь спать. В отрыве от контекста складывается впечатление, что она в дозоре: расхаживает туда-сюда. На самом деле она, наверное, раздевается, вешает одежду в гардероб, ищет пижаму, расчесывает волосы, вытаскивает из-под кровати потерявшийся номер журнала «Хит». Et cetera.

Выключаю свет, говорю ей, что люблю ее, и готовлюсь заснуть. И тут в дверь стучат.

Она открывается, не дожидаясь моего ответа.

– Алекс, ты не спишь?

– Теперь не сплю.

Что *ему-то* надо?

Рупс с трудом втискивает гору мускулов в узкое пространство между изножьем кровати и дверью, и я сажусь.

– Привет.

– Привет.

Он закрывает за собой дверь – тревожный признак.

– Хочу тебя кое о чем спросить.

– Да? О чем?

– Это ты написал Хлое стихи и оставил в ее комнате сегодня утром?

Я в ужасе, что он в курсе.

– Я... допустим.

– Так и думал. Ей понравилось.

– Правда? – у меня вырастают крылья. Она послала сюда Рупса как романтического посланника, слишком застенчивая, чтобы просто поговорить со мной?

– Ага. Проблема вот в чем: она считает, что их написал я.

Что?!

Как она могла?! Рупс не сумеет повторить даже детскую песенку, тем более сочинить стихотворение, каким гордился бы сам Вордсворт.

– Ага, – хмыкает он, возвышаясь надо мной. – Вечером она была очень дружелюбна со мной. Вся эта сентиментальщина явно сработала. Так что я тут думал, можем ли мы с тобой заключить сделку.

Я безмолвствую в темноте.

– Типа, если бы я заплатил, ты мог бы написать мне еще? Скажем, пятерка за письмо?

Я больше не молчу нарочно. Я просто лишился дара речи.

– Давай начистоту. Тебе никогда не замутить с ней. Ты ее сводный младший братишка. Это был бы, ну... асбест.

– Ты имеешь в виду «инцест», – его жалкое владение английским языком размыкает мне губы. – Нет, не был бы. Мы не состоим в кровном родстве, так что ничто не мешает, если мы... захотим.

– К несчастью, запала она на меня, а не на тебя. Так ты возьмешься или нет?

– Ни при каких обстоятельствах. Забудь, Рупс. Нет.

– Уверен?

– Уверен.

Я слышу, как он всасывает воздух между большими передними зубами.

– Досадно, что ты не посчитал возможным помочь товарищу, особенно когда в этом есть что-то и для тебя. Ну да ладно, полагаю, ты одумаешься. Пока.

Он уходит, и я падаю в постель, задыхаясь от бури чувств, бушующей в моем мозгу.

Нет! Нет! Нет!

«Моя бедная, чистая Хлоя. Тебе запудрили мозги, загипнотизировали... ты помутилась рассудком! Я спасу тебя, я защищу тебя, ибо ты не ведаешь, что творишь».

Теперь я знаю, что это тотальная война, и лежу в темноте, планируя кампанию.

Позже, когда я уже сплю, моя дверь открывается, чьи-то руки роются у меня под мышкой и что-то оттуда вытаскивают.

Я слишком устал, чтобы сопротивляться.

101

Одиннадцать

– Твой чай.

Уильям поставил кружку на тумбочку Хелены и сел, наблюдая, как она просыпается.

– Который час? – сонно спросила она.

– Начало восьмого.

– Ты рано встал. И лег только после трех.

Уильям вздохнул.

– Саша в ужасном состоянии. Прости, что разбудил, но я подумал, что нам надо поговорить до того, как встанут остальные.

– Что случилось? – Хелена села и потянулась за чаем.

– Его бизнес вот-вот разорится.

– О боже, Уильям, – выдохнула она. – Что ж, вероятно, он может начать новый или снова начать работать по найму.

– Боюсь, все серьезнее. То, что я собираюсь рассказать тебе, не должно идти дальше по понятным причинам.

– Разумеется.

– То, что сделал Саша, объяснимо, но совершенно безрассудно. Когда для бизнеса срочно понадобились наличные, он перезаложил дом, а потом взял частный заем, чтобы удержаться на плаву.

Хелена застонала.

– Нет.

– Да-да, – подтвердил Уильям. – Не буду вдаваться в подробности, но в результате в тот миг, когда компания объявит себя неплатежеспособной, он потеряет все. Включая дом. Он также продал все акции, так что, по его словам – пусть и пьяным, – Чандлеры в настоящий момент без средств.

– Но банки, конечно, позволят ему сохранить крышу над головой? По закону Джулз, наверное, владеет по крайней мере половиной.

– Нет. Не владеет. Дом принадлежал Сашиной семье лет двести и перешел к нему по наследству. Так что имя Джулз никогда не вносили в документы о собственности. Помимо выплаты огромной ипотеки, это

товарный актив в счет погашения других его долгов, не говоря уже о содержимом дома. Поэтому банк его изымет.

– Боже, Уильям! – Хелена была в ужасе. – Ты можешь как-то помочь?

– Ему нужен юрист по банкротству, но он привез с собой ноутбук, так что я, по крайней мере, могу спокойно все с ним просмотреть. Хотя ночью он сказал, что уже изучил все лазейки и считает, что выхода нет.

– Ночью он был пьян. Может быть, все не так плохо, как ему кажется, – Хелена отпила чай.

– Я в этом почти уверен. Сегодня он покажет мне цифры, но даже если на минуту забыть, насколько это для него ужасно, я хотел обсудить, как это отразится на нашем отдыхе.

Хелена с усталым вздохом откинулась на подушки.

– Можешь представить себе реакцию Джулз?

– Могу, и не в восторге от этой мысли. Хотелось бы думать, что она поддержит мужа в трудную минуту, что бы он ни сделал и как бы это ни повлияло на нее, но я как-то не верю, что так будет, а ты?

– Не представляю, как онаотреагирует. Она хоть о чем-то догадывается?

– По-видимому, ни о чем. Как бы я к ней ни относился, узнать, что ты внезапно потеряла все, будет страшным ударом.

– А что с детьми?

– По словам Саши, они могут распрощаться с частным образованием – не то чтобы Рупсу пошло во вред, если его немного осадить. Есть ничтожный шанс, что он мог бы получить право на финансовое пособие, потому что уже выиграл стипендию. Саша также убежден, что Джулз уйдет. Согласись, там особо не с чем будет оставаться.

– В богатстве и в бедности и все такое прочее. В конце концов, они были женаты восемнадцать лет.

– Да, но давай говорить честно, сейчас они почти наверняка вместе из-за детей и отсутствия альтернативы, а не из любви.

– Боже, – Хелена содрогнулась. – Ну и что, по-твоему, нам делать? Если Саша собирается сказать Джулз, я хочу, чтобы все были в безопасности, от греха подальше. Сначала убрав из Пандоры все, что бьется и ломается, – добавила она суховато.

– Не беспокойся, сегодня он не скажет. Я посижу с ним, проверю его расчеты, но, боюсь, ему придется немедленно вернуться в Лондон, чтобы пригласить официального ликвидатора. Ему просто надо посмотреть правде в глаза и смириться.

– Остается надеяться на отсрочку в последний момент.

– Для этого понадобится чудо, судя по всему. А нам в Пандоре надо будет попытаться вести себя как обычно. Я просто подумал, что тебе следует знать, что к чему, и, возможно, удержать Джулз от слишком многих язвительных комментариев насчет того, что ее муж проводит первый день отдыха, закрывшись в кабинете со мной и ноутбуком. – Уильям взял ее за руку. – Прости, что взваливаю все это на тебя, дорогуша.

– Это едва ли твоя вина, правда? – Она слабо улыбнулась. – Это жизнь и реальность, вот и все.

* * *

– Мамочка! Вот ты где! Иди посмотри, как я прыгаю, пожа-а-алуйста!

– Иду, дорогуша, иду. – Хелена собралась было присесть на пару минут и выпить кофе, но вместо этого спустилась к бассейну. Имми в ядовито-розовом купальнике нетерпеливо топталась на бортике.

– Ты смотришь?

– Внимательно, – ответила Хелена.

– Вот! – Имми зажала нос и прыгнула. Хелена восторженно захлопала.

– Отлично, дорогуша.

– Можем мы поехать на те скалы и я буду прыгать, как Алекс и папочка? Я же умею, правда?

– Конечно, умеешь, но это немного опасно для маленькой девочки. – Хелена села на бортик, болтая ногами в прохладной воде. Хлоя, как дежурный спасатель, держалась рядом с Фредом, который, хихикая, пытался столкнуть ее с надувного матраца.

– Привет, тетушка Хелена. – У бассейна появилась Виола и подошла к ней.

– Привет, дорогуша. У тебя что-то стряслось?

Виола пожала плечами.

– Да нет.

Веснушчатое личико выглядело бледным и напряженным.

Хелена взяла ее за руку.

– Давай ты мне все расскажешь?

– Ага. – Виола села рядом. – Ты знаешь, что папочка приехал?

– Да.

– Я нашла его утром на диване в гостиной, когда встала посмотреть DVD.

– Возможно, это потому, что он приехал очень поздно и не хотел будить мамочку, – объяснила Хелена.

– Нет, не поэтому. Дома он всегда спит в комнате для гостей. Он выглядел ужасно, когда проснулся. Глаза красные, и сам какой-то... сдвигшийся. И накричал на меня, когда я поцеловала его, и сказал мне уйти. – Виола вздохнула. – Думаешь, я сделала что-то не так?

– Дорогуша, конечно, нет. – Хелена обняла худенькую фигурку Виолы и прижала к себе. – Иногда у взрослых бывают проблемы, которые не имеют никакого отношения к детям. В точности как когда учитель отчитывает тебя в школе или кто-то из друзей говорит что-то обидное. Это не имеет никакого отношения к маме и папе, правда?

– Правда. Но я же не злюсь на них просто потому, что расстроена.

– Верно, – согласилась Хелена. – Но уверяю тебя, никто из них на тебя не злится. Просто у папочки проблемы на работе, вот и все.

– Ну, если бы он сказал мне, может быть, я могла бы помочь, ведь он помогает мне, когда меня дразнят из-за волос.

– Думаю, все, что папочке надо от тебя, это знать, что ты его любишь.

– Ну конечно, люблю. Я люблю его больше всех.

– Послушай, хочешь поехать с нами на красивый пляж? Там можно искупаться и съесть ланч. Как тебе?

– Да, тетушка Хелена, это было бы славно, – тускло сказала Виола.

– Я за! – крикнула Хлоя из бассейна. – С удовольствием искупалась бы в море.

– Я тоже! – сказала Имми.

* * *

Час спустя Хелена сумела загнать детей в минивэн. Даже Алекс присоединился, когда понял, что Рупс уехал с матерью – очевидно, за подушками, – после того как та решила, что подушки в доме слишком тонкие.

– Хелена, мы не можем подождать, когда они вернуться? – спросила Хлоя. – Я уверена, Рупс с удовольствием поехал бы с нами.

– Если мы не поедem сейчас, будет слишком поздно, – солгала Хелена, которой не терпелось уехать до их возвращения.

– Подождите меня! – Сэди подбежала к ним, как раз когда Хелена давала задний ход, чтобы выехать на дорогу. – Я тоже еду.

– Залезай, – улыбнулась Хелена.

– Хочу спрятаться вместе с вами. Этот дом словно накрыло грозовой тучей.

– Мудрое решение, – согласилась Хелена.

– Что у них вообще происходит? – Сэди понизила голос, чтобы Виола не услышала, хотя смех и крики с задних сидений заглушили бы любой разговор. – Саша с утра заперся с Уильямом в кабинете, Джулз демонстративно его не замечала, а потом удалилась, утащив в собой надутого Рупса.

– Расскажу позже, но новости нехорошие.

– Это-то я, по крайней мере, поняла. Боже мой, какая жалость, что это – что бы это ни было – произошло здесь, в Пандоре. Не дай бог, испортит нам отдых.

– Это, конечно, не идеально, но ненадолго. Похоже, Саше придется сразу вернуться в Англию, – тихо сказала Хелена.

– Джулз поедет с ним?

– А вот это, Сэди, вопрос на миллион долларов.

* * *

Пляж Лара находился в Национальном парке, славящемся уникальной красотой природы: изрезанный, скалистый и все еще такой, каким его создала природа, из-за запрета на любое

строительство. После еще одной тряской поездки по грунтовой дороге Хелена направила машину на низкий мыс над пляжем в форме подковы. Прозрачная вода искрилась на полуденном солнце.

Все высыпали из машины, неся ведерки и лопатки, полотенца и подстилки, и спустились по ступенькам на золотистый песок.

Намазав всех солнцезащитным кремом, надев шапки и надувные нарукавники, Сэди и Хелена наконец сели у воды, наблюдая, как дети плещутся и кричат на мелководье.

– Имми и Фред так прониклись к Хлое! Причем взаимно. Она с ними очень мила, и они ее просто обожают. Только посмотри на них... даже Алекс сегодня кажется счастливым, – сказала Сэди. – Они сумели сблизиться, как настоящая семья.

– Наши такие разные дети, ты хочешь сказать? – Хелена иронично улыбнулась. – Да, с этой стороны все не могло сложиться лучше. И Уильям, и я беспокоились о том, какой окажется Хлоя. Но, может быть, кто мы есть и как реагируем на разные ситуации, просто предначертано с рождения. Хлоя явно родилась с милым и спокойным характером. Она правда, кажется, не испытывает ненависти к Уильяму. Или ко мне, если на то пошло.

– Ей и не с чего, но я тебя понимаю. Будь начеку, Хелена, ей может так понравиться быть частью семьи, что она решит остаться навсегда. И что ты будешь тогда делать? – Сэди улыбнулась Хелене и встала. – Ладно, пойду искупаюсь с детьми. Ты со мной?

– Через секунду. Проверь пока температуру, я следом.

Сэди вбежала в воду, взвизгнув от холода.

Хелена закинула голову, подставляя лицо солнцу, и подумала о семье Чандлер. И еще о том, что, если заключить договор с дьяволом, основанный на обмане, жизнь всегда найдет способ заставить заплатить долг. В таком случае ей еще предстояло погасить свой...

– Привет, мама. Вода фантастическая. Ты идешь? – Алекс встряхнулся, как пес, потом плюхнулся на подстилку рядом с ней.

– Да, через минуту.

– Кстати, – сказал Алекс, рисуя ногой узоры на песке, – я не успел рассказать, потому что ты была очень занята, но я нашел старые письма в одной из тех коробок. Не знаю наверняка, но практически уверен, что их писал Ангус какой-то таинственной женщине.

– Правда? Как интересно. Ты должен показать их мне. Есть подсказки, кто она?

– Нет, я прочитал почти все, и он нигде не называет ее по имени. Не знаешь, была у Ангуса... девушка?

– Определенно не тогда, когда я гостила у него. Я полагала, что он убежденный холостяк, но кто знает, от чего ему, возможно, пришлось отказаться? Я буду с нетерпением ждать возможности прочитать их, дорогуша, когда у меня найдется хоть минутка для себя.

– Неважный у тебя отдых, да, мам? Ты работаешь без роздыху, с тех пор как приехала сюда.

– Это моя роль, и я получаю от этого удовольствие, – она спокойно пожала плечами. – А ты?

– И да, и нет. Мне больше нравится, когда это только наша семья, и я знаю, тебе не нравится, что я так говорю, но Рупс настоящий коз...

– Не стоит повторять, Алекс. А что ты думаешь о Хлое? Вчера вы двое, кажется, отлично поладили.

Алекс помедлил, откашлялся и опустил голову, чтобы мать не увидела, как он краснеет.

– По-моему, она замечательная.

– Вот и я так думаю.

– Виола мне тоже нравится. В какую милую малышку она превратилась. Хотя мне очень ее жаль. Джулз, кажется, не до нее. Кстати, мам, Ангелина заходила утром в мою комнату, чтобы застелить постель? – спросил он.

– Возможно. А что?

– Я не смог найти Би, когда собирался на пляж. Посмотрю еще раз, когда вернусь, но, может быть, она решила, что Би принадлежит Имми или Фреду, и забрала его в их комнату?

– Возможно. В любом случае он не мог уйти далеко, и, зная твое умение терять вещи, которые прямо у тебя под носом, ты найдешь его на подушке, когда вернешься. Ладно. Я иду в море. Пошли?

Хелена встала, протянула руку сыну, и они вдвоем побежали в волны.

Позже они перекусили свежей рыбой на гриле в деревенской таверне с видом на залив.

– Мамочка, я устал, – перемазанный песком Фред, закончив есть, забрался ей на колени и сунул в рот большой палец.

– Напрыгался в волнах. – Хелена погладила его по совершенно прямым каштановым, совсем как у отца, волосам.

– Мы идем обратно, – сказал Алекс, когда он и Хлоя встали. – Хочешь с нами, Виола?

– Да, конечно.

Алекс протянул руку, и Виола взяла ее, следом Имми сразу же взяла за руку Хлою.

– Виоле, кажется, очень нравится Алекс, – сказала Сэди, глядя им вслед.

– Он всегда заботился о младших, – ответила Хелена, допивая вино. – Иногда даже слишком. Бывало, находил меня на кухне и спрашивал, где сейчас и Имми, и Фред, не потерялись ли. У него повышенное чувство ответственности, как сказал мне детский психиатр, когда его тестировали.

– Хелена... – Сэди умолкла и посмотрела на подругу, – он когда-нибудь спрашивал тебя об отце?

– Нет. Ну, во всяком случае, не напрямую.

– Удивительно, учитывая его умственную зрелость. Скажем иначе: он наверняка об этом задумывался, – заметила Сэди. – Так что берегись. Я бы сказала, лучше раньше, чем позже.

– Возможно, он не хочет знать, – ответила Хелена, глядя на Фреда, спокойно дремлющего у нее на руках.

– Уильям знает, кто его отец?

– Нет.

– А спрашивал?

– Да, когда мы только познакомились. Я сказала ему, что это человек, которого я встретила в Вене и которого предпочла бы забыть, что эта глава завершена. Он с тех пор не спрашивал, – ответила она резко. – Это никого не касается, кроме меня.

– И Алекса.

– Я знаю, Сэди. И буду решать проблемы по мере поступления.

– Солнышко, я тебя очень люблю, но никогда не понимала, почему личность его отца – настолько строго оберегаемая тайна, что ты не сказала даже *мне*. Конечно, кто бы это ни был, это не может быть настолько плохо?

– Уверяю тебя, может. Прости, Сэди, я правда не хочу об этом говорить. Поверь, на то есть причины.

– Ладно, – Сэди пожала плечами. – Я знаю, какая ты скрытная, но, как твоя лучшая подруга, я просто предупреждаю тебя, что день расплаты недалек. И тебе придется признать это ради сына. А теперь пойду окунусь в последний раз.

Не имея возможности двигаться из-за Фреда, крепко спящего у нее на коленях, Хелена смотрела, как Сэди купается с детьми. И хотя ей не нравились расспросы, она понимала – подруга права.

ДНЕВНИК АЛЕКСА

19 июля (продолжение)

Я знал, что хорошее долго продолжаться не может.

Чудесный день с любимой на пляже, а дома ждет беда.

Мать сказала, что Би, возможно, ждет меня на подушке, что я просто не заметил его. Что ж, отчасти она была права. Он ждал меня на подушке.

Только это был не он во плоти – точнее, в обрывках старых тряпок. Это было его изображение на пленке, распечатанная черно-белая фотография. С повязкой на глазах (из носка, по всей видимости), подвешенный за уши на оливе. Игрушечный водяной пистолет Фреда прижат к животику.

Внизу фотографии записка.

«Сделай, что я просил, или кролику не поздоровится. См. на обороте».

Переворачиваю и вижу еще слова.

«Скажешь кому-то – и никогда больше его не увидишь».

С одной стороны, я хочу похлопать Рупса по спине за такой изобретательный шантаж. Не думал, что он на такое способен. С другой стороны, хочу выцарапать ему глаза, орать, выть и кусаться, как банши, пока он не вернет самое дорогое, что у меня есть.

Итак, я имею дело с захватом заложника. Я должен сохранять спокойствие и мыслить рационально, тщательно взвесить имеющиеся в моем распоряжении варианты.

Вариант 1:

Я могу пойти прямо к матери и показать ей фотографию. Она разозлится на Рупса и потребует вернуть кролика.

Результат: В записке сказано, что я никогда больше не увижу Би, если скажу кому-нибудь. Рупс серьезный противник и почти наверняка приведет угрозу в исполнение. Он вполне может избавиться от Би до того, как тот благополучно вернется ко мне.

«Это была просто шутка, тетушка Хелена, розыгрыш, но, к несчастью, я, кажется, потерял кролика. Он исчез. Простите и все такое, но ведь это была всего лишь ИГРУШКА».

Фу-у. Мутит от одной мысли. Чего я добьюсь таким путем? Разумеется, мать наконец перестанет пороть чушь и согласится, что Рупс отъявленный мерзавец, но сомневаюсь, что это вернет мне моего бедного дружка целым и невредимым.

А еще это выставит меня маменькиным сынком, каким меня и считает Рупс. И поскольку он пробудет здесь еще десять дней, страшно думать обо всех ужасных формах психических и физических пыток, какие он может изобрести.

В опасности может оказаться моя жизнь, а не только моего маленького друга.

«Опаньки! Простите ради бога, тетушка Хелена. Я стоял на террасе рядом с Алексом и видел, как он слишком сильно наклонился над балюстрадой. Я честно старался оттащить его до того, как он свалился с высоты в тысячу футов, но было уже слишком поздно. Какая ужасная смерть».

Я содрогаюсь. Я параноик? Рупс, возможно, хулиган и проходимец, но убийца ли он?

Возможно. Так что...

Вариант 2:

Я могу согласиться с его требованиями.

Результат: Би спасен, я спасен, а Рупс милуется с Хлоей.

Возможно, этот вариант хуже, чем наша с кроликом совместная казнь. Сказать, что надо мной висит дамоклов меч, – это не сказать ничего.

Давай же, Алекс, думай! Конечно, вот где пригодится твой супер-пупер, первоклассный-с-турбонаддувом IQ? Осточертевший «дар» («О, интеллект Алекса выделяет его, делает его исключительным, зубрилой, заучкой, чудаком на букву „м“»), который Бог взвалил на меня?

Попутно замечу, я ничто из вышперечисленного. Я ничего не понимаю в цифрах, и теория относительности Эйнштейна для меня что сербохорватский. Когда сербохорватский существовал в тайных подземных норах там, где когда-то была Югославия. Но ее больше нет.

И наконец, после съедения двух подтаявших батончиков «Кранчи», которые я берег в рюкзаке на крайний случай, в моем сообразительном мозгу формируется план.

Я знаю, что не могу переиграть Рупса Безжалостного физически. Он мог бы утащить меня и повесить рядом с моим бедным дружкой парой указательных пальцев. Хотя ветка, возможно, и сломалась бы.

Но я могу написать офигенное сочинение. На паре разных языков.

ц'

Двенадцать

Вернувшись домой и оставив Имми и Фреда на кухне с Ангелиной и вкуснейшими свежееиспеченными булочками, Хелена нашла Уильяма в ванной наверху, еще мокрого после душа.

– Как Саша?

– Около часа назад он уехал на такси в аэропорт, чтобы вернуться в Лондон. Завтра с утра пойдет в офис и вызовет официального ликвидатора.

– Что говорит об этом Джулз?

– Я ее не видел. По словам Ангелины, она вернулась во время ланча, потом снова уехала с Рупсом.

– Саша собирается ей сообщить?

– Он позвонил. Вернее, оставил на мобильнике сообщение, что у него проблемы и ему надо вернуться домой. Очевидно, ее телефон все еще отключен. По крайней мере, для Саши, – вздохнул Уильям, вытираясь. – Он в очень плохом состоянии.

– Не сомневаюсь. Надолго он уехал?

– Сказал, что позвонит завтра вечером, чтобы сообщить мне о результатах оценки.

– Надеюсь, он понимает, что должен как можно скорее объясниться с Джулз?

– Не сомневаюсь, только вот станет ли? Справедливости ради, он пытался поговорить с ней сегодня утром, но она сказала, что у нее нет времени на болтовню, и умчалась на машине с Рупсом.

– То есть нам придется притворяться, что все хорошо, – вздохнула Хелена, – зная, что они скоро останутся без дома и без денег?

– Похоже на то.

– Как отреагирует Джулз, когда выяснится, что мы знали, а она нет? Эта женщина предпочитает владеть ситуацией. – Хелена включила душ, но оттуда потекла лишь тонкая струйка тепловатой воды.

Уильям застегнул рубашку.

– Надеюсь, он позвонит ей завтра, когда сделает свое грязное дело. И ей с детьми придется улететь домой. Кстати, заходил Алексис. Он хотел знать, не будем ли мы возражать, если он привезет бабушку посмотреть Пандору. Очевидно, она очень стара и слаба и когда-то очень давно здесь работала.

– Да, – кивнула Хелена, становясь под струйку. – Она была первой домработницей Ангуса – *in situ*, когда он купил дом, и еще сохраняла силы, когда я приезжала сюда в прошлый раз. Ангус рассказывал, что она и дедушка Алексиса впервые встретились на винограднике.

– Я пригласил их выпить с нами в семь. Просто не мог отказать.

– Спасибо. Она уже тогда казалась дряхлой. Бог знает, сколько ей сейчас. По тому, что я помню... – Хелена слегка содрогнулась, – она немного... странная. Так, мне лучше поторопиться.

Хлоя предложила выкупать младших, и, когда Хелена спустилась вниз, все трое уютно устроились на диване и смотрели «Белоснежку».

Хелена поцеловала чистого, сладко пахнущего сына в макушку.

– У тебя все хорошо, дорогуша?

Фред не потрудился оторваться от бутылочки молока, просто передвинул ее в угол рта, как горящую сигарету.

– Хотел «Могучих ренжеров», не скафку.

– Твоя очередь выбирать завтра вечером, – твердо сказала ему Хлоя.

– Нечестно, – заявив протест, Фред накрутил прядь волос на палец и, удовлетворенный, вернулся к молоку.

– Спасибо, Хлоя, – благодарно сказала Хелена.

– Нет проблем. Я и сама люблю Диснея. Уложу их, когда фильм закончится.

– Увидимся за ужином, – Хелена вышла на террасу.

Оказалось, Джулз вернулась из странствий и теперь разложила на столе кипу глянцевого буклетов.

– А отсюда открывается просто фантастический вид, – рассказывала она Сэди. – По-моему, даже лучше этого. Акр земли, четыре спальни и потрясающий двадцатиметровый бассейн.

Уильям, который появился позади Джулз с бокалами и вином, поглядел на жену, подняв бровь.

– Кто хочет выпить? – спросил он, ставя поднос на стол.

– Непременно, – нетерпеливо сказала Джулз. – Привет, Хелена. Виола говорит, вы прекрасно провели время на пляже. Спасибо, что взяла ее.

– Мы да. А ты?

Джулз улыбнулась.

– Я искала дом.

– Да ну? – Хелена, старательно изображая вежливую улыбку, взяла у Уильяма бокал.

– Я имею в виду, у меня отложено немного денег из наследства покойной матери, так почему не использовать их, чтобы купить что-то здесь? Я могу положить наличные на депозит, а Саша – взять кредит у кого-нибудь из этих чертовых брокеров, с которыми проводит столько времени в Сити, и заплатить за остальное. У всех наших друзей есть дома за границей, но Саша об этом даже говорить не хотел. Мол, слишком много хлопот, если что-то не задается. Вот и приходится каждый год полагаться на друзей в местах, которые оставляют желать лучшего. И я так ненавижу быть гостьей.

Никто не нашелся что ответить, и Джулз, ничего не замечая, продолжала:

– Я решила, что на этот раз решение приму я. Так что мы покупаем дом. Ура!

– Ура! – остальные подняли бокалы и сделали по большому укрепляющему глотку вина.

– Рынок недвижимости здесь процветает, и это не слишком отличается от покупки в Англии, особенно теперь, когда все правила меняются, потому что Кипр вступил в ЕС. Очаровательный молодой человек все мне сегодня объяснил. Они управляют твоей собственностью, когда ты уезжаешь, и сдают ее в аренду. Таким образом, ты получаешь доход и, с накоплением капитала, это должно быть хорошее вложение, ты не думаешь, Уильям?

– Я не знаю здешнего рынка, Джулз. Мне надо его изучить, прежде чем я смогу дать тебе ответ.

Джулз постучала пальцем по носу.

– Поверь мне, у меня нюх на такие вещи. Помнишь, до того как появился Рупс, я была успешным агентом по недвижимости? Кроме того, это даст нашей семье то, что нам нужно: собственный дом в теплых краях, где мы сможем принимать наших друзей.

– Ты говорила об этом с Сашей? – выдавил Уильям.

– Нет, – беспечно отозвалась Джулз. – Я решила совершенно исключить его из отдыха. Если он вернется, его, возможно, будет ждать сюрприз. Как знать? – она громко засмеялась. – В общем, я пошла в душ, надеюсь горячий. Виола в бассейне с Рупсом. Приглядывайте, ладно?

Когда Джулз ушла, все трое некоторое время сидели молча, утратив дар речи.

В конце концов Сэди пробормотала:

– Она и правда нечто.

– Я уверена, она не имеет в виду половины того, что говорит, – сказала Хелена, поднимаясь. – Пойду проверю ужин. Вы двое продолжайте.

– Саша один из *самых* обаятельных людей, каких я встречала, – тихо сказала Сэди. – Что он нашел в Джулз? Ты-то должен знать, Уильям. Ты его старейший друг.

– Согласен. Он всегда был падох на хорошенькое личико, еще со школы, – задумчиво сказал он. – Когда мы учились в Оксфорде, его вечно окружали великолепные блондинки. Потом он бросил университет и примерно год спустя познакомился с Джулз, когда та уже работала агентом по недвижимости. Она была полной противоположностью его прежних подружек: благоразумная, расторопная и практичная.

– Если он хотел, чтобы кто-то прибрал его к рукам и приучил к дисциплине, то определенно сделал правильный выбор, – пробормотала Сэди.

– Думаю, именно этого он и хотел. Вообще-то в молодости она была довольно милой и привлекательной, – продолжал Уильям. – И обожала Сашу, ради него была готова на все. Она практически финансировала его стремление стать художником после того, как он бросил Оксфорд и родители отказались давать ему хоть пенни.

– Не представляю, что должно было случиться, чтобы она так ожесточилась, – заметила Сэди.

– Если мне не изменяет память, проблемы начались, когда Джулз ждала Рупса и больше не могла работать полный день, а значит, Саше пришлось найти нормальную работу. Ему не следовало идти в Сити, честно говоря. Он не мог даже уследить за собственными расходами, а

тем более заботиться о деньгах других людей. Ему дали работу просто за обаяние и аристократические знакомства.

– Уверена, что это и сделало его таким привлекательным для Джулз. Она явно мечтает о высоком положении в обществе, – сказала Сэди.

– Да, она была невероятно амбициозна в этом плане, – согласился Уильям, – и пришла в восторг, когда ему предложили место в Сингапуре. К несчастью, в наше время в Сити правит меритократия: каждый сам за себя. Снобизм отправлен в багажник вместе со старыми школьными галстуками, где им и место. И взлеты, и падения зависят только от способностей. И Саша упал на самое дно.

– Господи, ну и дела, – сказала Сэди, оборачиваясь на звук шагов. – О, смотри, кто пришел.

– Gia sas. Надеюсь, я не помешал.

Позади них стоял Алексис. На его руку опиралась крохотная морщинистая дама, согнутая в три погибели от артрита и старости. Она была одета в традиционное для киприотов черное – кошмар Имми.

– Кристина. Столько лет прошло, – вернувшись с кухни Хелена наклонилась и расцеловала старуху в обе щеки.

Кристина подняла на нее взгляд и обхватила руку Хелены похожими на когти пальцами. Она прошамкала что-то на греческом голосом тонким и натужным, словно ей требовалось усилие, чтобы говорить. Потом посмотрела на Пандору и улыбнулась, показывая неполный комплект почерневших зубов. Подняла дрожащую руку и что-то шепнула Алексису.

– Она спрашивает, не против ли ты войти с ней в дом, Хелена, – перевел он.

– Конечно, нет. Уильям, пожалуйста, загляни и проверь, забрала ли уже Хлоя младших наверх. – Хелене не хотелось, чтобы Имми или Фред увидели Кристину перед сном, учитывая, что та очень походила на ведьму.

– Конечно, – Уильям немедленно понял и быстро двинулся к дому.

– Пойду выгоню Виолу из бассейна, – предложила Сэди, вставая. – Она, наверное, уже похожа на чернослив.

Алексис и Хелена помогли Кристине медленно пройти по террасе к гостиной.

– Насколько она плоха? – тихо спросила Хелена.

– Она говорит, что устала жить, что ее время на земле истекло. Значит, конец близок, – буднично сказал Алексис.

Они вошли в недавно опустевшую гостиную, и Хелена указала на одно из кресел с высокой спинкой.

– Думаю, в нем ей будет удобнее всего.

Они вдвоем усадили Кристину в кресло, потом сели по обе стороны от нее. Ее взгляд порхал по комнате, и Хелена видела в нем живой ум, не соответствующий хрупкости тела, в котором обитал.

Кристина остановила взгляд на Хелене и смотрела пристально, пока Хелена не отвела глаза; тогда старуха быстро заговорила по-гречески.

– Она говорит, что ты очень красивая, – сказал Алексис, – и что ты очень похожа на женщину, которую она когда-то знала, которая очень часто приезжала сюда.

– Правда? – сказала Хелена. – Кто-то уже говорил мне это недавно. Кто она была? Можешь спросить?

Алексис поднял руку, сосредоточившись на том, что говорила бабушка.

– Она говорит, это секрет укрыт здесь... – Алексис замолчал и опустил взгляд на свои руки.

– Что? – поторопила его Хелена.

– Что он храним тобой, – пробормотал он смущенно.

Сердце Хелены заколотилось в груди.

– У всех есть секреты, Алексис, – тихо сказала она, но тот не слушал. Он внимательно смотрел на продолжавшую говорить бабушку, и в глазах его была тревога. Он что-то сказал ей по-гречески и покачал головой, когда Кристина продолжила бормотать. Внезапно энергия старухи, казалось, иссякла и она, умолкнув, осела в кресле и закрыла глаза.

Алексис вытащил белоснежный носовой платок и промокнул лоб.

– Прошу прощения, Хелена. Она очень стара. Мне не следовало приводить ее сюда. Ну же, мы должны отвезти тебя домой, – мягко сказал он Кристине.

– Пожалуйста, Алексис, скажи мне, что она пыталась сказать?

– Ничего, пустяки. Бредни бестолковой старухи, вот и все, – успокаивал ее Алексис, когда наполовину вел, наполовину нес

Крестину к стекляннм дверям. – Не обращай внимания. Прости, что испортил тебе вечер. *Antio*, Хелена.

Глядя им вслед, Хелена ухватила за одну из дверей, чтобы не упасть. Ей было плохо, дурно, не хватало воздуха...

– Дорогуша, все в порядке? – сильная рука обхватила ее за талию.

– Да, я...

– Ну-ка, присядь. Я принесу тебе воды.

Уильям усадил ее на диван, и, пока он ушел на кухню, Хелена пыталась вернуть самообладание. Много лет назад Ангус не раз говорил, что Кристина безумна. Он терпел ее странности, потому что она была чудесной хозяйкой, к тому же не знала английского и потому не могла пересказать в деревне ведущиеся в доме разговоры.

Уильям вернулся со стаканом воды и взял руку жены в свою.

– Ты как лед, Хелена, – он пощупал ее лоб. – Заболела?

– Нет, нет... Сейчас приду в себя. – Хелена мелкими глотками пила воду.

– Что она сказала, что ты так расстроилась?

– Ничего на самом деле. Думаю, я просто...

– Выбилась из сил.

– Да. Дай мне несколько минут, и я приду в себя. Мне уже лучше, честно, – она посмотрела на него и кивнула, потом встала. Но тут ноги подкосились и она вцепилась в руку мужа.

– Так. Хватит. Идем наверх, и я уложу тебя в постель. И не желаю слышать ни слова протеста.

Он легко подхватил ее на руки и понес к лестнице.

– А как же ужин? Мне надо проверить мусаку...

– Я сказал, что не желаю слышать ни слова протеста. На случай, если ты еще не знаешь, я вполне способен поставить еду на стол. И у меня есть ватага усердных помощников, которые тоже в состоянии внести свою лепту. – Уильям бережно уложил ее на кровать. – Хотя бы раз, дорогуша, доверься мне. Мир Пандоры способен поворачиваться несколько часов без тебя. Тебе надо отдохнуть.

– Спасибо, дорогуша, – сказала она, все еще чувствуя ужасную слабость.

– Хелена, ты очень бледна. Уверена, что все в порядке?

– Да. Я просто устала, вот и все.

– Знаешь, – сказал он, нежно целуя ее в лоб, – что бы ни случилось в прошлом, можешь мне довериться. Я справлюсь. Обещаю.

– Я уверена, что завтра мне станет лучше. Не говори ничего детям, ладно? Ты же знаешь, как Алекс начинает паниковать, когда я не в форме.

– Ладно. Скажу, что ты легла пораньше. Это позволено, знаешь ли, – он улыбнулся и встал. – Постарайся поспать.

– Постараюсь.

Уильям вышел из комнаты и медленно пошел к лестнице, зная, что, сколько бы жена ни отрицала, старуха сказала что-то неприятное. Он всей душой желал, чтобы она открылась ему, сказала, что думает и чувствует.

Не было никакого сомнения, что Хелена скрывает секреты; например личность отца Алекса. И, учитывая подспудное напряжение Хелены и почти постоянное присутствие Алексиса, не надо было быть гением, чтобы сообразить, что к чему, и придумать вероятный сценарий.

Формально это означало, что его жена лгунья, поскольку она поклялась, что не видела его с тех пор, как отдыхала здесь двадцать четыре года назад.

Казалось, здесь, в Пандоре, прошлое Хелены столкнулось с ее настоящим... и, если на то пошло, *его*. *Теперь-то он имеет право знать?*

Пока он оставит ее в покое, но, спускаясь по лестнице, Уильям решил, что не уедет из Пандоры, не узнав правды.

ДНЕВНИК АЛЕКСА

19 июля (продолжение)

Ничего себе вечерок.

Дантов ад, только без царящего в аду оживления. Все сидели за столом с таким видом, будто их гениталии вот-вот собираются поджарить. Ели мы папины куриные крылышки (он, разумеется, забыл достать мусаку, которая совсем сторела, и ему пришлось обратиться к единственному блюду, которое он умеет готовить). Впрочем, они были не так уж и плохи, совсем немного обуглились.

Нечасто я чувствую себя душой компании, так что тот факт, что я это ощущал, дает неплохое представление об общем настрое. Я мог бы сказать, что виновата Джулз, которая говорила только о том, какой мерзавец ее отсутствующий супруг, – что очень расстроило Виолу, – или Рупс, который дулся, потому что Хлоя отправилась на свидание с каким-то типом, с которым познакомилась в аэропорту. Или Сэди, которая, по-видимому, вдруг вспомнила о своем бывшем и решила поделиться с нами всеми неаппетитными подробностями. Или папа, который оделял нас своим подгоревшим творением с видом Мрачного Жнеца.

Я мог бы назвать любую из этих причин для тучи, висевшей над столом, как остаточный дым от барбекю, но ни одна из них не была бы точной.

Все потому, что с нами не было мамы.

Она воистину как суперклей. Незримо объединяет дом.

Однако это замечаешь, только когда ее нет рядом и все разваливается.

Я проведал ее раньше, как только услышал от папы, что она «пошла отдохнуть».

«Пошла отдохнуть» – это снисходительный эвфемизм, который взрослые используют со своими отпрысками и который те должны принимать на веру. Матери не «устают». Такой функции у них нет. Они

шатаются, но идут, пока не падают, изнуренные, в кровать в назначенное время. То есть после умывания.

Поэтому, согласно моему опыту, «пошла отдохнуть» не означает, что мать устала. Это означает что угодно: от слишком много джина с тоником до рака в терминальной стадии.

Я внимательно изучил ее, приюхиваясь к дыханию, когда обнимал, и могу подтвердить, что злоупотреблением там и не пахнет. Что до рака в терминальной стадии, такая возможность, наверное, существует, но поскольку мы были сегодня на море и она плавала, и плескалась, и была в отличной форме, болезнь должна была бы развиться быстро, как по волшебству.

Допускаю, что мама была бледна под загаром, но я никогда не понимал, как загорелый человек может казаться бледным. Еще одно нелепое, бесполезное выражение вроде «не узнаешь, пока не попробуешь». Что именно попробовать? А если попробовал и оно с мышьяком, ты уже ничего не узнаешь во веки вечные.

Я сдаюсь. Инстинкт говорит мне, что мама не собирается покинуть этот бранный мир, так что мне надо будет установить, что за загадочная монахиня приходила с мистером Я-все-устрою и что такого ужасного наговорила маме.

Этот человек – источник неприятностей с заглавной «Н». Хотел бы я, чтобы он держался от нас подальше, но нет, он все время возвращается при малейшей возможности. Будь я на месте папы, я бы уже серьезно разозлился. Потому что ясно же, чего он хочет.

А это недоступно.

19'

Тринадцать

В полночь Хелена сдалась и приняла снотворное. Она держала две таблетки в несессере на крайний случай, и они пролежали там последние три года – с тех пор, как их прописали после рождения Фреда.

Вчера вечером крайний случай наступил. Она лежала наверху, прислушиваясь, как родные ужинают на террасе, и чувствовала себя зверем в клетке: запертой наедине с собственными мыслями, беспрестанно мечущимися по кругу у нее в голове.

Она приняла таблетку, когда услышала, что Уильям поднимается по лестнице, и притворилась спящей. Потом наконец провалилась в блаженное забытие.

Радость пробуждения в ярком утреннем свете вместо серой рассветной мглы заставила ее понять, как легко впасть в зависимость. Она потянулась, чувствуя, как мускулы сопротивляются резкому пробуждению, и с удивлением посмотрела на часы. Они показывали половину десятого – она не вставала так поздно много лет.

На тумбочке нашлась записка, прислоненная к кружке чая.

«Дорогуша,

Надеюсь, сегодня тебе лучше. Выставил всех из дома, чтобы дать тебе покой. Используй его по полной, и НИКАКОЙ работы по дому! Пока, У (чмок)».

Хелена улыбнулась, складывая записку, но, как только уголки губ поднялись, вспомнила вчерашний вечер и слова старухи.

– О господи, – прошептала она, опускаясь на подушки.

Тишина была оглушительной. В доме не слышно было ни криков, ни смеха, ни приглушенной фонограммы диснеевского фильма. Она потянулась за кружкой – во рту пересохло – и сделала глоток, хотя чай давно остыл.

Уильям делал ей чай каждое утро. Несмотря на то что он справлялся с сушильной машиной не лучше, чем справился бы с

управлением звездолетом, и смотрел по телевизору крикет, когда должен был присматривать за детьми, самыми разными способами он старался выказать ей заботу.

Потому что любил ее. Он вошел в ее жизнь десять лет назад – и спас. Хелену едва не затошнило от этой мысли. Если он узнает правду, то никогда ее не простит. И она потеряет его и чудесную семью, которую они создали вместе.

За прошедшие годы она, бывало, месяцами не думала об этом. Но вчера вечером Хелене показалось, что старуха заглянула прямо ей в душу. Словно то, что таилось там в глубине, медленно поднималось к поверхности. Хелена закусила губу, глаза защипало.

Что ей делать? Что она *могла сделать*?

– Для начала встать, – пробормотала она, почувствовав привкус жалости к себе. Это было отвратительно. Она нужна семье и должна взять себя в руки.

Решив заменить обычные полчаса балетных экзерсисов на двадцать кругов в бассейне, что могло помочь избавиться от последствий снотворного, Хелена переоделась в бикини и спустилась вниз. На кухне Ангелина убиралась после вчерашнего ужина.

– Прости, пожалуйста, здесь так намусорили.

– Нет, это есть то, за что мне платят, – улыбнулась Ангелина. – Моя работа. Твой муж, он говорит, ты должна отдыхать сегодня. Я главная. Мне нравится, – добавила она.

– Спасибо.

Хелена спустилась к бассейну, нырнула и плавала из конца в конец, чувствуя, как здравый смысл медленно возвращается, по мере того как однообразные физические движения успокаивали ее. Вернулась наверх, чтобы принять душ, и заметила старый, набитый письмами конверт, который Алекс оставил на тумбочке, когда вечером приходил ее проведать.

Прихватив его, она вернулась к бассейну, устроилась на лежаке и вытащила первое попавшееся письмо.

20 апреля

Моя дорогая девочка,

Я сижу под нашим деревом и думаю о последнем разе, когда ты была здесь со мной,

лежала под ним в моих объятиях. И хотя с тех пор прошло меньше недели, кажется, будто прошла целая вечность. Не знаю, когда увижу тебя снова, и от этого наше расставание гораздо тяжелее.

Я серьезно обдумывал идею вернуться в Англию, но насколько чаще я бы видел тебя? Я знаю, что жизнь так часто отбирает тебя, и, по крайней мере, работа здесь занимает пустоту между твоими визитами.

Кроме того, жить в лондонской серости и увязнуть в кабинете Адмиралтейства, перекладывая бумажки на столе, мне не по душе. Здесь яркость солнца помогает мне преодолеть мрачные минуты, когда приходится смириться с тем, что самое для меня ценное на свете мне недоступно.

Моя дорогая, ты знаешь, что я сделал бы все, чтобы быть с тобой. У меня есть деньги. Мы могли бы отправиться туда, где нас никто не знает, начать сначала, начать новую жизнь.

Конечно, я понимаю и принимаю, что причины, по которым ты не здесь, в моих объятиях, веские, но порой спрашиваю себя, действительно ли ты любишь меня так, как я люблю тебя. И если да, то...

Прости меня, но иногда меня переполняет безысходность. Без тебя жизнь кажется лишь долгим трудным путем на Голгофу. Прости меня, дорогая девочка, за это нытье. Я жажду писать о радости, которую мы могли бы делить, будь жизнь другой.

Буду ждать твоего следующего письма с обычным пылом.

И посылаю тебе сердце, полное любви, А.

Хелена сложила письмо и убрала обратно в конверт. Комок эмоций, порожденных прочитанным, казалось, застрял в горле, как кусок яблока. Трудно было поверить, что ее крестный, всегда казавшийся таким сдержанным, мог написать такое страстное письмо.

Было что-то очень трогательное в том, что даже он поддался самому основному и неудержимому человеческому чувству: любви.

– Кто она была? – прошептала про себя Хелена. Она перевернулась на живот и посмотрела на дом.

Пандора знала.

Через два часа Хелена зашла на кухню и нашла салат с козьим сыром, который приготовила для нее Ангелина. Добавив на поднос стакан воды, она вышла на террасу поесть. Хороший ночной сон в сочетании с на редкость спокойным утром замедлили сердцебиение, хоть и не решили ее проблемы.

А чтение остальных писем Ангуса, поиски намеков, кем же могла быть его дама сердца, успокоили ее. Ничья жизнь не была безупречна, каким бы человек ни пытался показать себя посторонним. Рано или поздно случайности и совпадения добираются до каждого. В юности ей казалось, что ветра судьбы несут ее, как листок, и, вероятно, в этом ощущении не было ничего уникального. Письма Ангуса показали, что, несмотря на высокий пост, дающий власть над сотнями людей – а иногда и самими их *жизнями*, – власти над своей судьбой у него было не более, чем у нее.

И оставался печальный факт, что кем бы ни была эта женщина – а по письмам Хелена уверилась, что та была замужем, – последние свои годы Ангус провел в одиночестве. И кроме того, письма ему явно вернули, судя по приложенной резкой записке. Видимо, размышляла она, муж той женщины...

За едой Хелена размышляла, стоило ли сюда возвращаться. В прошлый раз Пандора изменила ее жизнь и запустила цепь судьбоносных событий. Впоследствии они завели ее туда, где она сейчас, с ощущением, будто невидимые змеи обвили ее мозг и спасения нет, какой бы путь она ни избрала.

– Мне следовало бы сказать ему много лет назад, – пробормотала она, на глазах снова выступили слезы. – Мне следовало довериться его любви.

Потом она забралась в гамак и задремала, наслаждаясь благословенным покоем. Открыв глаза при звуке шагов, она увидела на террасе Алексиса.

Встав из гамака, она медленно пошла ему навстречу.

– Привет.

– Привет, Хелена.

– Я как раз собиралась сделать чай. Хочешь чашечку? – спросила она, проходя мимо него и поднимаясь по ступенькам.

– Где все?

– Понятия не имею, но здесь их нет, – сказала она, когда они пересекли террасу и вошли в дом. – Уильям решил, что мне нужно отдохнуть, и увез их на весь день. – Хелена посмотрела на часы. – Уже почти четыре, они должны вот-вот вернуться.

– Он хороший человек, твой муж, – сказал Алексис, когда Хелена наполнила и включила чайник.

– Я знаю.

– Хелена, я пришел извиниться за бабушку. Она выжила из ума, ее слова бессмысленны.

– Пусть так, но все же она права. – Хелена повернулась к нему и, с внезапным обреченным вздохом, вымученно улыбнулась. – Слишком много накопилось секретов, Алексис. Так что, может быть, мне пора рассказать тебе правду. – Она налила кипятка в заварочный чайник и помешала содержимое. – Давай посидим на террасе. Мне надо кое-что тебе рассказать.

* * *

Потрясенный Алексис уставился на нее, чашка зависла в воздухе.

– Хелена, почему ты мне ничего не сказала? Ты же знаешь, я поддержал бы тебя.

– Ты бы ничего не смог сделать, Алексис.

– Я бы женился на тебе.

– Алексис, дело в том, что шестнадцать мне исполнилось только в сентябре того года. Тебя могли бы даже привлечь к ответственности за отношения с несовершеннолетней. А виновата была бы я, потому что солгала, сказав тебе, что я старше, чем на самом деле. Я сказала тебе, что мне семнадцать, помнишь? Прости меня, пожалуйста, Алексис.

– Хелена, я все равно полюбил бы тебя. То, что ты была моложе, делает это хуже для тебя, а не для меня.

– Что ж, то лето здесь, несомненно, определило мое будущее. Правда, поразительно, как каждое решение, которое мы принимаем,

потом влияет на следующее? – пробормотала Хелена. – Жизнь похожа на падающие косточки домино: все взаимосвязано. Люди говорят, что можно отбросить прошлое, но это не так, оно – часть того, кто ты и кем станешь.

– Ты говоришь, то лето определило твое будущее. Что ж, оно определило и мое тоже. Потому что, Хелена, ни одна женщина не могла с тобой сравниться, – добавил он печально. – По крайней мере, теперь я понимаю, почему ты пропала после возвращения в Англию. Я думал... – голос Алексиса был хриплым от чувств. – Я думал, ты меня разлюбила.

– Конечно же нет! – Хелена заломила руки. – Я чуть не умерла из-за разлуки с тобой, но я не хотела загонять тебя в ловушку, причинять боль, вынуждать к принятию решений. Я заверила тебя, что позаботилась обо всем таком, а сама ничего не делала, даже не знала как! Я была такой наивной. Я... это было так невыразимо ужасно, я...

– Ты знаешь, что, скажи ты мне тогда, мы были бы вместе. Но ты не сказала. И все, что я могу сделать теперь, оглядываясь назад, это разделить боль и сожаление о последствиях, – мягко сказал Алексис.

– По крайней мере, ты потом женился и у тебя двое прекрасных сыновей.

– Да. Моя жена была хорошей женщиной, и я каждый день своей жизни благодарю ее за сыновей. Но, конечно, это был компромисс. Я никогда не испытывал к ней таких чувств, что испытывал к тебе.

– Но жизнь *и есть* компромисс, Алексис. Этому учишься по мере взросления, – она пожала плечами. – А мы оба теперь взрослые.

– Ты не выглядишь ни на день старше, чем тогда.

– Это очень мило с твоей стороны, но, конечно, выгляжу.

– Ты рассказала об этом Уильяму? – спросил он.

– Нет. Я всегда так стыдилась того, что натворила.

– Думаю, тебе следует рассказать ему теперь, когда ты рассказала мне. Он твой муж, и я вижу, что он тебя любит. Я уверен, он поймет.

– Алексис, я столько всего никогда не рассказывала Уильяму, я храню столько секретов, чтобы защитить нас всех. – Хелена внезапно содрогнулась на жаре.

– Ты можешь рассказать мне все, что угодно, и ничто не уронит тебя в моих глазах, потому что любовь, что была тогда, она... и сейчас здесь.

Хелена посмотрела на него, у него в глазах стояли слезы. Она беспомощно покачала головой.

– Нет, Алексис, я больше не та невинная девочка, какую ты встретил когда-то. Я сплела паутину обманов и лжи, которая затрагивает каждого. В шестнадцать лет я убила нашего ребенка. Ты не можешь себе представить, сколько раз с тех пор я всей душой жалела, что не уступила судьбе и не вернулась сюда, к тебе. Я никогда не прощу себя за это, никогда.

– Хелена, Хелена... – Алексис встал и подошел к ней. Обнял, чтобы успокоить. – Пожалуйста, перестань себя винить. Ты была так молода и притом решила нести это бремя в одиночестве. Это ужасно, но такое порой случается. Едва ли ты единственная женщина на свете, принявшая тяжелое решение.

– Мне плевать на других женщин! Каждый раз, когда я смотрю на своих детей, я думаю об отсутствующем. Я смотрю на пустой стул...

Хелена разрыдалась у него на плече, слезы промочили рубашку, а он тихо гладил ее по волосам, бормоча что-то нежное по-гречески.

– Мамочка! Мамочка! Мы вернулись! Тебе лучше? Папочка говорит, если тебе полегчает, мы можем вечером поехать на картошку с кетчупом в деревню! Я думаю, тебе будет лучше, правда? Привет, Алексис. – Хелена резко отстранилась из объятий Алексиса, медленно повернулась и увидела, что позади Имми стоит Уильям.

– Привет, дорогуша, – холодно сказал он.

– О-о-о, мамочка, ты по-прежнему плохо выглядишь. У тебя глаза совсем красные. Папочка, по-моему, мамочке не стало лучше, но, может быть, тарелка жареной картошки поможет, – продолжала Имми, не замечая напряжения.

– Я оставлю вас. До свидания, Хелена. До свидания, Уильям. – Алексис прошел мимо Уильяма, который его и взглядом не удостоил.

– Спокойный был день? – спросил он; сарказм сочился из его слов, как медленно текущий мед.

– Да, спасибо. Куда вы ездили? – спросила она, отчаянно пытаюсь взять себя в руки.

– На пляж.

– Который?

– Корал-бэй. Пожалуй, пойду поплаваю в бассейне, – он отвернулся.

– Да. Я пригляжу за детьми... Уильям?

– Да?

– Спасибо, что дал мне время побыть одной.

– Вижу, ты зря время не теряла.

– Уильям? – она шагнула к нему. – Мы можем поговорить?

Он небрежно отмахнулся.

– Не сейчас, Хелена, пожалуйста. Хорошо?

С замиранием сердца Хелена смотрела, как он спускается к бассейну.

ДНЕВНИК АЛЕКСА

20 июля 2006 года

Уф!!!

Что случилось в этом доме за последние двадцать четыре часа? Хотел бы я, чтобы кто-нибудь сказал мне, что происходит. Потому как что-то явно происходит.

Сегодня в ресторане была папина очередь выглядеть так, будто вместо картошки по-французски – или, точнее говоря, по-кипрски – он проглотил змею, которая медленно выедает его внутренности и впрыскивает яд в кровь. Не знаю, больна ли мама, но папа выглядел сильно потрепанным.

Мама доблестно изображала «все абсолютно в порядке, дети, и наш отдых проходит просто замечательно, правда же?», что, возможно, обмануло всех остальных, но не меня.

И хотя я был счастлив, поскольку Рупс превратился в Невероятного Буку из-за Хлоинового подробного и язвительного описания обнимашек-целовашек с Типом-из-аэропорта вчера вечером (но и подумывал о самоубийстве из-за того, что она целовалась с другим), я не могу отбросить ощущение, что что-то в нашем семействе сильно разладилось.

Папа казался настолько поглощенным своими неприятностями, что даже не возмутился, что Хлоя сегодня вечером опять встречается с Типом-из-аэропорта. Или что Фред перемазался шоколадным мороженым, испачкал стол и устроил истерику, когда ему не дали еще мороженого, чтобы «рисовать» дальше.

И еще папа пил больше обычного. Кстати говоря, мама тоже, хотя обычно она почти не пьет, а тут выпила три бокала, не оставив даже осадка. А потом папа встал из-за стола, сказал, что заберет Фреда и Имми домой спать, и ушел, не сказав больше ни слова. Бросив маму, Сэди, кошмарную Джулз, Невероятного Буку и малышку Виолу.

Кстати, о Виоле. Она мне нравится. Для десяти с половиной лет она очень начитанна, пусть даже в названиях книг, которые она читает,

присутствуют «плети», «объятия» и «поцелуи». Однако, надеюсь, я сумел убедить ее попробовать утолить литературный голод чтением «Джейн Эйр» – очень симпатичного томика, которой я нашел в библиотеке своей Кладовки для метел. Думаю, эта книга придется ей по душе. Она и сама беспризорная.

Я отвлекся. После ухода папы разговор стал еще более напряженным. Джулз продолжала говорить о доме, который собиралась купить, ни словом не упоминая, что ее муж вообще существует или что в настоящее время он в самоволке.

Мне, пожалуй, всегда нравился Саша. Хотя он алкоголик и довольно сильно похож на Оскара Уайлда – со всеми вытекающими, – и все и в его семье (кроме Виолы), и в нашей поднимают брови и вздыхают, когда упоминают его, словно он озорной, но избалованный малыш, нет сомнения, что он талантлив. И из-под этого делового костюма рвется на свободу чудачество.

Да поможет мне Бог, если финансы когда-нибудь станут моей судьбой. Я бы не просто подорвал Банк Англии, а разнес бы его на миллион кусков.

Впрочем, вернемся в настоящее. Мы приехали домой с пляжа, и, когда я доставал из багажника бесконечные мокрые полотенца, мимо меня с мрачным видом протопал мистер Я-все-устрою.

Он явно приходил к маме, пока нас не было. Ужасная мысль засела в глубинах моего разума, но я отказываюсь ее озвучить, даже мысленно. Тогда она станет реальностью, а этого просто не может быть.

Просто не может.

И потому вместо этого я сосредотачиваю свои немалые умственные способности на собственной проблеме: успешном спасении кролика.

Письмо наконец закончено. Я знаю, что рискую, но во всех миссиях подобного рода просто обязан присутствовать элемент риска.

Я перечитываю письмо и позволяю себе посмеяться над его ловкостью. Смесь Колетт, «Трех поросят» и Алекса Великого.

Все по-французски.

Я проверил знания Рупса незаметно для него. Он не может досчитать до cinq^[3] не запнувшись. Хлоя же, с другой стороны, наполовину француженка и говорит свободно.

Она поймет.

Я запихнул под его дверь записку, что письмо для него готово для доставки, и назначил «обмен» на восемь утра у бассейна. Я знаю, что планы освобождения могут срываться, поэтому предложил ему положить кролика на пол перед собой, чтобы я видел его, и только тогда я отдам письмо.

Он прочитает, ничего не поймет по-французски и будет счастлив.

Просто на случай катастрофы я спрячу Имми среди олив с инструкцией вопить во все горло свое коронное «Мамочка-а!» при любом неверном движении моего противника. Например, если он схватит кролика и сбежит с письмом.

Подкупить ее стоило целое состояние в конфетах, но какая разница, лишь бы сработало. Потом моему дражайшему и старейшему другу придется претерпеть унижение пребывания на конспиративной (собачьей) квартире, то есть в старой конуре, которую я нашел за сараем, на все время, пока Рупс здесь.

Я натягиваю ластовицу на лицо и выключаю свет. Закрываю глаза, но заснуть не могу. Адреналин захлестывает меня при мысли о завтрашней операции по освобождению заложника, но также и при мысли о кое-чем другом.

Возможно ли это? О господи, пожалуйста, я бы даже (пришлось сглотнуть) пожертвовал Би, чтобы этого НЕ Было.

Мама не может любить *его*.

Такого просто...

Быть не может.

18'

Четырнадцать

– Вот ты где. Я искала тебя повсюду.

Хелена обернулась, когда Сэди засунула голову в кабинет.

– Прости. Я просто разбирала стол Ангуса, чтобы увидеть, могу ли я найти что-нибудь еще о той таинственной женщине, про которую говорила тебе вчера вечером. Которую он, кажется, любил.

– Ну и как?

– Пока никак, но здесь есть запертый ящик, и я не могу найти ключ.

– Тебе, возможно, придется взломать его. Ключ может быть где угодно. Ты должна узнать, кто она, Хелена. Это такая романтическая история.

– Не хочу взламывать стол, если этого можно избежать. Он такой красивый, – Хелена провела руками по гладкой зеленой коже, покрывающей столешницу.

– Если не считать желания убедиться, что ты в порядке, я пришла рассказать тебе о том, что происходило сегодня утром. – Сэди присела на край стола перед Хеленой. – Я смотрела в окно спальни и увидела там Рупса и Алекса. Они стояли на противоположных сторонах бассейна. Прямо дуэлянты, – сказала со смешком Сэди. – Потом был громкий всплеск, крик и все стихло.

– О боже! Ты видела их после того? – встревоженно спросила Хелена.

– Да. Рупс топал по лестнице к своей спальне, когда я спускалась, а потом я видела, как Алекс исчезает в своей кладовке для метел. Вид у него был такой, будто он искупался в одежде.

– Правда? Надеюсь, Рупс не задирает Алекса, но потом ты видела их обоих, так что они явно еще живы.

– Были живы, да.

– Пойду проведаю Алекса. – Хелена заставила себя встать. – Я просидела здесь с семи утра и ничего не слышала.

– Ты прячешься? – спросила Сэди, когда Хелена была уже у двери.

– Что ты имеешь в виду?

– Ты *знаешь*, что я имею в виду. Обычно за завтраком ты в центре событий, а не копаешься в кабинете. Вы с Уильямом поссорились?

– Нет. А что?

– Вчера вечером он с тобой почти не разговаривал. Обычно он такой... внимательный. – Сэди скрестила руки. – Что-то его разозлило.

– Понятия не имею.

– И ты, солнышко... прости, но выглядишь ужасно.

– Спасибо.

– Ты, кажется, все время хмуришься. Хелена... может быть, откроешься мне и расскажешь, что происходит? Я твоя ближайшая подруга, помнишь? Не враг.

– Я правда в порядке. Просто... чувствовала себя неважно последние несколько дней, вот и все.

– Ладно, будь по-твоему, – вздохнула Сэди. – Но атмосферу в этом доме можно резать ножом.

– Правда? Прости, Сэди. По-видимому, я ужасная хозяйка.

– Чепуха! Ты изумительная, и знаешь это, так что, пожалуйста, не придумывай себе вину, потому что дело не в этом. Это не связано с Алексисом, а?

– Почему ты спрашиваешь? – рука Хелены сжала дверную ручку.

– Вчера на пляже Уильям был в прекрасном настроении, потом мы все вернулись домой и он пошел искать тебя на террасу. И не успела я моргнуть глазом, как увидела Алексиса, уходящего по дороге. Он явно был здесь, пока нас всех не было.

– Да, был, – Хелена обреченно вздохнула.

– Что, я уверена, не понравилось твоему мужу.

– Не понравилось, но я не могу *заставить* его поверить, что между нами ничего нет, если он решит думать иначе. И вообще, мне надо пойти и посмотреть, в порядке ли Алекс. – Хелена открыла дверь и вышла из кабинета.

Через несколько мгновений Сэди последовала за ней. На кухне она нашла Уильяма, делающего тост.

– Доброе утро, – поздоровалась она. – Еще один гребаный прекрасный день в раю. Как спалось?

– Замечательно, спасибо. Кофе?

– Чудесно. Кстати, какая форма одежды на сегодняшний праздник?

– Какой праздник? – спросил Уильям.

– В честь обручения сына Алексиса. Помнишь? Он пригласил нас всех. Будет забавно, – сказала Сэди.

После неловкой паузы Уильям произнес:

– Я забыл... Как и то, что сегодня десятая годовщина нашей свадьбы. Что ж, учитывая обстоятельства, возможно, всем вам следовало бы пойти. Я останусь здесь, посижу с детьми. Для них будет слишком поздно, и они, несомненно, будут вести себя отвратительно, – добавил он угрюмо.

– По-моему, Хелена уже попросила Ангелину, – заметила Сэди, когда он поставил перед ней кофе. – И, разумеется, ты должен пойти. Это особенный вечер для вас двоих.

В этот момент на кухню зашла Хелена.

– О чем я попросила Ангелину?

– Присмотреть за младшими, когда мы пойдем на прием в честь обручения сына Алексиса, – повторила Сэди. – И с юбилеем вас обоих, кстати говоря.

– О. Да, спасибо, Сэди, – Хелена бросила быстрый взгляд на Уильяма, который сидел к ней спиной.

– Я буду пить кофе на террасе. Идешь, Сэди? – спросил он, вставая.

Оставшись одна на кухне, Хелена опустила на стул и закрыла лицо руками. Уильям старательно избегал ее со вчерашнего дня. К тому времени, когда они вернулись из деревни вечером, он уже был в постели, якобы спал. И сейчас он даже не поздравил ее с годовщиной, не упомянул открытку, которую она оставила на тумбочке. Какая ирония, что это было именно сегодня. Борясь с порывом собрать чемодан, схватить детей и сбежать из рая, быстро превращающегося в ад на земле, Хелена подняла взор к небу в поисках вдохновения.

И не нашла ничего.

* * *

Поскольку Джулз, Рупс, Сэди и Хлоя загорали у бассейна, а Уильям решительно погрузился в книгу, Хелена сбежала. Запихнула свою троицу и Виолу в машину и направилась в Латхи. Сэди была права: как бы все ни выглядело со стороны, атмосфера в Пандоре напоминала бомбу замедленного действия.

Алекс был необычно угрюм, даже для него. Он молча сидел рядом с матерью, когда они ехали к побережью.

– У тебя глаза покраснели, дорогуша. Ты уверен, что хорошо себя чувствуешь? – спросила она.

– Прекрасно.

– Возможно, это хлорка после утреннего купания. У вас с Рупсом проблемы?

– Мама, я уже говорил тебе, что нет.

– Хорошо, если ты настаиваешь. – Хелена была слишком измотана, чтобы спорить.

– Настаиваю.

– Как бы то ни было, тебе понравится Латхи, – сказала она с напускной веселостью. – Очень милый городок, и в порту много сувенирных лавок. Можешь потратить отпускные деньги на обычный ассортимент качественных местных товаров.

– Эвфемизм, чтобы обозначить хлам, который я всегда покупаю? – Алекс сморщился. – Очень мило, конечно.

– Да ладно, Алекс, я просто тебя подкалываю. Можешь тратить деньги на все, что хочешь.

– Ага. – Он отвернулся и уставился в окно.

– Что случилось?

– Я мог бы спросить тебя о том же, – откликнулся он.

– Я в норме, но спасибо, что спросил.

– Мне так не кажется, – пробормотал он. – Я в такой же «норме», как ты.

– Ладно, – вздохнула Хелена. – Давай на этом закончим, но, если ты вдруг забыл, в этих отношениях я взрослая, а ты ребенок. Если у тебя проблема, пожалуйста, пообещай, что ты придешь поговорить со мной.

– Угу.

– Хорошо. А теперь давай поищем парковку.

* * *

Хелена сидела у воды, наблюдая, как дети играют в море. Радуюсь, что сбежала из надоевшей Пандоры, где жизнь словно остановилась в нулевой точке компаса, откуда могла отклониться в любом направлении, она сделала то, что всегда делала в трудные моменты: благодарила судьбу за все хорошее в жизни.

Перед ней были трое ее счастливых, здоровых детей. Если случится худшее, Пандора принадлежала ей и даст им крышу над головой, а оставленные Ангусом деньги покроют их расходы по крайней мере на несколько месяцев. Может быть, ей придется продать Пандору, вернуться в Англию и начать давать уроки балета – последнее время она подумывала об этом. Главное, они выживут, она выживет. В конце концов, она справилась раньше. И справится вновь. Но она всей душой надеялась, что до этого не дойдет.

* * *

– Смотри, папочка-а! Мамочка купила мне подарочек!

Фред бросил игрушечную машинку на намазанный маслом и коричневеющий живот Уильяма.

– Ого! Еще одна машинка! Ну ты и счастливчик. – Он улыбнулся, взъерошив волосы сына.

– А у меня книжка наклеек, – добавила Имми, тут же прилепив блестящую розовую феечку на лоб отца. – Это для тебя, папочка.

– Спасибо, Имми.

Имми отправилась в обход бассейна одаривать других загорающих плодами своей щедрости.

Хлоя, задремавшая было, но разбуженная Имми, подошла к отцу и присела на его лежак.

– Привет, папочка.

– Привет, Хлоя.

– Сегодня вечером праздник, да?

– Да.

– Мне надо идти?

- Надо. Нас всех позвали.
  - Ладно. А можно мне привести Кристофа?
  - Парня, с которым ты познакомилась в аэропорту?
  - Ага. Он хотел встретиться сегодня вечером, вот я и подумала, что он мог бы потусить с нами.
  - Нет, он не мог бы «потусить». Его не приглашали, а это семейный праздник.
  - Ой, пап, я скажу, чтобы он много не ел.
  - Нет. И это мое последнее слово.
- Хлоя тяжело вздохнула, потом пожала плечами.
- Пофиг. – Она встала и направилась в сторону дома.

* * *

- Когда Хелена вышла из душа, в дверь спальни постучали.
- Войдите.
  - Всего лишь я.
- Это была Джулз с сильно облезавшим носом.
- Привет. – Хелена едва заметно улыбнулась и поспешно надела халат, а Джулз села на кровать.
  - Я тут думала, Хелена, не поедешь ли ты завтра поглядеть на дом, который я думаю купить. Я просила Уильяма, но он, прямо скажем, не слишком заинтересовался.
- Поколебавшись немного, Хелена ответила:
- Конечно, поеду.
  - Спасибо, – Джулз благодарно кивнула. – Мне бы хотелось услышать мнение со стороны, прежде чем поставить подпись и внести задаток.
  - И когда надо платить?
  - Где-то на следующей неделе.
  - Господи, так скоро. Ты скажешь Саше перед тем, как подписать? – спросила она осторожно.
  - Кому?
  - Значит, ты не получала от него вестей?
  - О, получила. Он оставил пару сообщений. Но, думаю, мне пора принимать решения без него, тебе не кажется?

– Джулз, это не мое дело, право же, не мое.

– Да, – Джулз рассматривала свои ногти. – Я знаю, что не твое. – Потом она посмотрела на Хелену и весело улыбнулась. – Ну, если я куплю этот дом, мы будем почти соседями. Он просто на другом конце деревни. Было бы забавно, правда?

– Да. Конечно, было бы. Кстати, ты же не забыла о сегодняшнем празднике? – Хелена сменила тему.

– Уильям напомнил мне. Я вся в предвкушении. Это даст мне возможность познакомиться с местными. – Джулз встала, потом внимательно оглядела спальню. – Бьюсь об заклад, тебе не терпится нормально покрасить дом. Этот серый цвет слишком уж *унылый. До скорого.*

В половине седьмого все собрались на террасе, чтобы выпить перед праздником. Сэди оповестила всех в доме, что у Хелены и Уильяма сегодня юбилей, и договорилась с Ангелиной, что та подаст местное игристое вино и сделанные перед этим канапе.

– Хлоя, это вот, у тебя на бедрах, – это ламбрекен? – спросил Уильям, в ужасе уставившись на кожаную мини-юбку, едва прикрывавшую зад дочери.

– Ой, пап, не будь таким ханжой. Днем мы все тут практически голые, так почему вечером должно быть по-другому? – Взмахнув блестящими волосами, она резко повернулась поговорить с Рупсом, который надел ядовито-розовую рубашку, которая только подчеркивала его обожженную солнцем кожу.

– Замечательно выглядишь, мам, – сказал Алекс, выходя на террасу. – С юбилеем, кстати.

– Спасибо, дорогуша, – благодарно отозвалась Хелена.

– Пап, правда она замечательно выглядит? – настаивал Алекс.

Уильям обернулся и посмотрел на васильковое шелковое платье жены. Это было одно из его любимых, под цвет ее глаз. Со свежесмытыми, выбеленными солнцем волосами, обрамляющими лицо, и едва тронутой загаром кожей – Уильям подумал с безмерной печалью, что она никогда не выглядела прекраснее.

– Да, – кивнул он. И отвернулся.

* * *

Час спустя, когда все рассаживались по машинам, чтобы ехать к Алексису, из-за угла показалось такси и начало спускаться с холма.

– Ну надо же! Блудный сын вернулся, – сказала Джулз, ослепительная в золотом топе и с такой же лентой, повязанной на лоб в греческом стиле.

– Это папочка! – радостно закричала Виола, бросившись навстречу приближающейся машине.

– Привет, красавица. – Саша выбрался из машины и крепко обнял дочь.

– Мы скучали по тебе, папочка.

– И я скучал по тебе, – он посмотрел на собравшихся. – Ну, вот это теплая встреча! Вы все выглядите шикарно. Куда-то собрались?

– Мы едем на праздник, папочка, – сказала Виола.

– Ага, – кивнул в ответ Саша. – А мне можно пойти?

– Конечно, можно, правда, мамочка?

– Никогда не упустишь случай гульнуть, да, дорогуша? Ты, наверное, почуял запах алкоголя из Лондона, – съязвила Джулз.

– Может быть, вы двое останетесь здесь? Мы заберем детей с собой и дадим вам шанс поздороваться друг с другом и подъехать позже? – предложил Уильям с надеждой.

– Он может приехать позже, если захочет. Я еду сейчас. Пошли, вы все. Мы опаздываем. Пока, *миленький*, – протянула Джулз, усаживая детей в машину.

Саша беспомощно пожал плечами, глядя, как жена захлопнула дверцу.

– Так, план меняется, – сказал Уильям Хелене. – Я останусь здесь с Сашей, пока он переоденется и освежится, потом привезу его. Ты вези остальных.

– Ты знаешь, куда ехать? – спросила она.

– В общих чертах. Найдусь. – Уильям повернулся к Саше: – Пошли, старина, поболтаем.

ДНЕВНИК АЛЕКСА

21 июля 2006 года

Не часто я испытываю гнев. Глубинный, прожигающий сердце и воспаляющий душу.

Теперь я понимаю, как люди могут убить в миг накала страстей. Вот что я чувствовал сегодня утром у бассейна.

Мне с самого начала следовало бы знать, что все пойдет не по плану. Моя верная сообщница Имми устроила чудовищную истерику из-за того, что не может шпионить в любимом платье.

Лесной эльф-переросток в чем-то пышном из ядовито-розового тюля и шифона, дополненном искрящимися шлепками и желтыми солнцезащитными очками в форме звезд, вероятно, был бы замечен среди олив и выдал бы всю затею. Бьюсь об заклад, у Джеймса Бонда никогда не было таких проблем с Манипенни. Так что мне пришлось отпустить ее и разгрести последствия в одиночестве.

Рупс появился в назначенное время. На нем были отвратительные солнцезащитные очки, якобы он самый крутой.

– Принес письмо? – спросил Рупс с другого конца бассейна.

Он стоял, расставив ноги, сложив руки на груди, словно капитан молодежной сборной по регби для командного фото. Я не испугался. Почти.

– Принес кролика? – ответил вопросом я.

– Ага. Давай тогда посмотрим на письмо.

– Давай посмотрим на кролика.

Рупс повернулся и достал полиэтиленовый пакет из-под матраса лежака. Черт! Он явно спрятал там Би заранее, и я мог прийти и забрать его без всей этой мороки. Из пакета торчала драгоценная голова Би. Я кивнул. И показал конверт.

– На французском, как обещал.

– Прочитай его мне.

– Конечно.

Я откашлялся.

– «Ma chère Chloë. Prendre vers le bas la lune!»

– По-английски, недоумок!

– Прости. «Погасите звезды! В поднебесье новое светило! Ты сияешь, как юный ангел, свежий на фоне ветхих планет! Глаза твои как ма...»

– Ладно, хватит, – Рупс выглядел так, будто его вот-вот стошнит. – Давай сюда.

– Я хочу кролика одновременно. Мы пойдем навстречу друг другу и обменяемся.

Рупс пожал плечами и пошел в обход бассейна. Мы встретились возле глубокого конца.

Я видел, что он потеет. Я же был спокоен и невозмутим.

– Вот, – я вытянул руки: одну с письмом, другую – чтобы схватить пакет с кроликом.

Он тоже протянул мне руки и схватил письмо, а я схватил ручки пакета.

Потом, с быстротой молнии, он выдернул пакет у меня из рук и швырнул в бассейн.

Раздался всплеск. Я ахнул от ужаса, поняв, что происходит. Мой драгоценный Би медленно шел ко дну.

– Здорово получилось, – Рупс размахивал конвертом и маниакально гоготал. – Можешь применить на практике свои великолепные навыки в нырянии, спасая этот старый комок пуха. Жаль, здесь нет Хлои, чтобы поболеть за тебя!

– Ублюдок! – заорал я. Расстегнул было шорты, чтобы прыгнуть в воду, потом сообразил, что под ними нет трусов, и снова застегнул.

– Ну же, давай, покажись! – насмеялся Рупс, когда я прыгнул в воду. Тяжелые бермуды со скопившимся за несколько дней хламом в карманах тянули вниз.

Я схватил ртом воздух и ушел под воду, чувствуя, как хлорка обжигает глаза (я никогда не плаваю под водой без очков, потому что выныриваю похожим на близкого родственника дьявола).

Би не мог погрузиться глубоко. Он же легкий, так почему, черт побери, не всплыл? Я вынырнул, чтобы глотнуть воздуха. Перед глазами плыло, но я увидел Рупса, хохочущего до упаду. (Вот бы он и в самом деле упал. Но он стоял. Еще один нелепый оборот речи, но сейчас неподходящий момент для лингвистики.)

Я снова сделал вдох и поплыл вниз, вниз, легкие лопались от ярости, паники и отсутствия кислорода. И там, на самом дне – на глубине семи футов, – лежал Би.

Я снова вынырнул, жалея, что не мог снять шорты, но зная, что унижение от комментариев о лилипутском состоянии моих половых органов было бы невыносимым. Снова нырнул, ухитрился схватить верхний край пакета и потянул. И еще потянул.

Я не мог сдвинуть его с места. Воздух заканчивался, и я поплыл к поверхности, голова кружилась. Я задыхался, жадно хватая ртом воздух. Подплыл к бортику и ухватился за него, позволяя легким наполниться кислородом. Мысль о Би, тонущем на дне, хлорке, разъедающей остатки потертой нежной шкурки, подхлестнула меня. Сделав последний гаргантюанский вдох, я снова ушел под воду, схватил уши моего маленького друга и дернул изо всех сил. И слава богу, он шевельнулся. Выплыть к поверхности, вытащить себя, свои бермуды и то, что походило на двухтонный мешок угля, войдет в историю как самый ужасающий миг моей жизни.

Я мог утонуть. Мой худший враг и мой лучший друг могли убить меня.

Когда моя рука показалась из воды и я ухватился за бортик, чтобы подтянуться на несколько последних мучительных дюймов, кашляя и давясь, я увидел над собой хохочущего Рупса.

– Просто выполняю просьбу моей дражайшей матушки: подготовить тебя к школе-пансиону. Пока, Алекс.

Он помахал и ушел, ухмыляясь.

С ногами, дрожащими, как незастывшее желе, я вытянул себя и моего кролика по лесенке и рухнул возле бассейна. Повернулся и посмотрел на лежащий рядом со мной жалкий комок промокшего меха. И увидел большой камень, привязанный к лапкам.

Ухо, за которое я вытащил его, теперь висело на одной ниточке.

Не знаю, как я пережил сегодняшний день. Мои ярость и унижение не знали границ. Я подумывал сбежать и сесть на ближайший рейс в Марракеш, где я мог бы стать заклинателем змей – если бы смог научиться преодолевать жуткий страх перед змеями, – но это бы нанесло удар матери, что было бы нечестно.

Вместо этого я должен идти на праздник и смириться с тем, что мой противник тоже там будет. Я успокаиваю себя мыслью, что в этой

рубашке он похож на большую розовую свинью, а также тем, что Хлоя сейчас не обращает на него ни малейшего внимания. Я использую время, чтобы составить план, который будет – уж не сомневайтесь – достойной и праведной мезтью.

18'

Пятнадцать

Праздник в честь помолвки устроили в большом дворе перед старой, густо увитой виноградом винодельней, которая стояла на одном из холмов деревни над глубокой долиной. Двор был украшен гирляндами цветных фонариков, вплетенными в ветви окружающих его серебристых олив, их сияние дополняли десятки горевших повсюду фонарей.

Несколько жизнерадостных местных женщин разносили полные тарелки с едой от ряда разборных столов, нагруженных соблазнительной мешаниной дивно пахнущих блюд: фаршированные виноградные листья, свинина и ягнятина на вертеле, spanakorita и рыба на гриле в сопровождении огромных чаш риса и салатов.

К тому времени, как прибыла компания из Пандоры, вечер был в самом разгаре. В углу трое музыкантов играли народную музыку, но их по большей части заглушала болтовня пары сотен гостей. Вино лилось в бокалы по трубе прямо из огромной дубовой бочки.

– Рай алкоголика, – выдохнула Джулз, взяв бокал белого. – Саша был бы в восторге, – добавила она и исчезла в толпе.

– Можно мне бокал вина, мам? – спросил Алекс, глядя, как и Хлоя, и Рупс наливают себе.

– Да, небольшой, – согласилась Хелена, делая глоток и чувствуя себя страшно одинокой. Она уже не помнила, когда в последний раз была на празднике без Уильяма. Еще горше ситуацию делало то, что сегодня они должны были праздновать юбилей собственного брака.

– Смотри, Алекс, вон там человек глотает огонь. – Виола, которую Джулз оставила одну, указала в другой угол двора. – Пойдем посмотрим?

– Пойдем.

Они протолкались через нарядную толпу – все одеты в самое лучшее – к пожирателю огня.

– Как ты думаешь, с папой все в порядке? – Виола встала на цыпочки, чтобы шептать ему на ухо.

– Не знаю, Виола, но, думаю, да.

– А вот и нет. Я знаю, что с ним что-то неладно.

Алекс взял ее маленькую руку в свою.

– Виола, родители – странные существа. Постарайся не беспокоиться. Я уверен, что бы это ни было, оно само утрясется. По моему опыту, обычно так и бывает.

– Уильям ведь не родной твой папа, да?

– Да.

– Ты знал, что мой папочка тоже? И мама?

– Да, знал.

– Но я люблю его как родного. Понимаешь, он всегда был рядом. И на самом деле это не важно, правда?

– Что?

– Есть ли у тебя их гены. Я уверена, что мой родной отец ни за что не был бы таким милым и добрым, как папа. Ты любишь Уильяма? По моему, он красивый.

– Я... да, люблю.

– Я рада, что он мой крестный. Алекс?

– Угу?

– Как ты думаешь, они любят нас так же, как если бы мы были их родными детьми? – спросила она неуверенно.

– Ну конечно же, Виола. Может, даже больше. В смысле они выбрали именно тебя. – Он неловко обнял ее, потом указал на пожирателей огня. – Эй, смотри, как высоко в воздух они выбрасывают горящие головни.

– Ого, – изумленно ахнула она, отвлекаясь.

– Вот вы где, – рядом с ними появилась Хелена.

Мимо проходила официантка с вином, Хелена допила свой бокал и сразу взяла другой.

– Мам! Полегче. Ты же знаешь, что после двух захмелеешь.

– Алекс, ты мне не нянька, и сегодня особый повод, – огрызнулась Хелена.

– Прости-и. Пошли вперед, Виола, тебе будет лучше видно.

Снова оставшись одна, Хелена бродила среди людей, слушая оживленную болтовню толпы, в которой все были почти наверняка дальними – а то и прямыми – родственниками друг другу благодаря годам родственных браков. Она обратила внимание на скопление людей вокруг музыкантов, несколько пар начали танцевать. Димитриос

и его невеста Касси были в самом центре, их лица светились счастьем. Хелена подумала, что вряд ли жизнь когда-либо уведет их далеко от этого места и что, наверное, они произведут на свет новое поколение рослых мальчиков, которые в один прекрасный день унаследуют винодельню. Они будут наслаждаться обществом друг друга, своих детей и сплоченной общины, которая поддерживала их.

Хелене внезапно стало завидно. И ужасно грустно.

– Как чувствует себя моя Хелена?

На мгновение ее напугал голос за плечом, она повернулась и увидела Алексиса.

– Привет. – Она взяла себя в руки, думая, что не должна портить праздник, потворствуя своей меланхолии. – Чудесный вечер... большое спасибо, что пригласил нас всех.

– Это вам спасибо – от меня и от моего сына. Я только хочу знать, что вы довольны.

– О да! – Она помедлила, не желая поднимать тему, но чувствуя, что должна. – Алексис, пожалуйста, прости меня за вчерашнюю несдержанность.

Он печально улыбнулся.

– Не нужно извиняться. Я только жалею, что ты не рассказала мне много лет назад. Но что сделано, то сделано. Важно теперь, чтобы мы усвоили урок и двинулись вперед. Кстати говоря, где Уильям? Я его сегодня не видел.

– Он придет позже. С мужем Джулз.

– Ясно, – Алексис вздохнул. – Боюсь, он расстроен, потому что видел, как я обнимал его жену.

– Да. И так уж получилось, что сегодня десятая годовщина нашей свадьбы.

– Тогда, Хелена, я думаю, ты должна объяснить ему происходящее. Уильяму следует знать правду. Это поможет ему понять тебя. И меня.

«Если бы только все было так просто», – подумала Хелена, и тут из толпы, наблюдающей, как танцуют Димитриос и его невеста, донеслись радостные крики и аплодисменты.

Алексис посмотрел на них и улыбнулся.

– Хотел бы я, чтобы это были мы, начиная нашу совместную жизнь. Но... – он пожал плечами, – не судьба. И я хочу, чтобы ты

знала: теперь я смирился с тем, что этого никогда не будет. Ты принадлежишь другому, и я вижу, что он очень тебя любит. В сущности, Хелена, я хочу извиниться и перед тобой, и перед ним. Мое поведение было неприемлемо. Мне трудно было свыкнуться с мыслью, что ты больше не моя... но я должен. А теперь пойдём, и позволь мне представить тебя старым знакомым.

Он протянул руку. Мгновение поколебавшись, она протянула свою.

– Да. Спасибо, Алексис.

Друзья Алексиса – совсем мальчики, когда она впервые познакомилась с ними, – теперь были супругами и отцами. Они обнимали Хелену, тепло приветствовали ее, говоря, что она по-прежнему прекрасна, и расспрашивали о семье и Пандоре. Она наслаждалась их вниманием, но мудрые слова Алексиса еще звенели в голове, и она не могла отделаться от сомнений, приедет ли Уильям или ей придется провести вечер их десятой годовщины в одиночестве.

Хотя лучшего она и не заслужила...

Танцы начались всерьез, и всех гостей затаскивали на площадку для традиционного кипрского танца, передаваемого из поколения в поколение. Хелена увидела в толпе Джулз и Сэди: подняв руки над головой, они пытались подражать движениям партнеров.

– Папа! Папа! Ты должен станцевать для нас зорбу! – вспотевший Димитриос хлопнул отца по спине.

– Да, Алексис! Танцуй для нас! Танцуй! – подхватила толпа.

– Хелена, ты тоже должна танцевать с ним, как вы танцевали здесь когда-то! – это был Исаак, старый друг Алексиса.

– Да, ну-ка покажи, на что ты способна. В конце концов, это твоя работа! – крикнула из толпы Джулз, и множество рук толкали Хелену к Алексису, уже стоявшему в центре огромного круга, образовавшегося вокруг них, все положили руки друг другу на плечи, готовясь.

– Помнишь? – он мягко улыбнулся ей. – Мы праздновали мое восемнадцатилетие, прямо здесь.

– Как я могу забыть? – прошептала она.

– Начнем?

Он щелкнул пальцами над головой – сигнал, что они готовы, – и музыкант, играющий на бузуки, взял первые медленные аккорды.

Когда круг начал двигаться вокруг них, Хелена и Алексис тоже начали двигаться отточенными, резкими движениями. Они танцевали по отдельности, но вместе, и хотя Хелена не исполняла этот танец почти четверть века, он был запечатлен в ее памяти. И теперь музыка и тело управляли ею. Она была уже не сорокалетней женой и матерью, а беззаботной пятнадцатилетней девчонкой, танцующей среди залитых солнцем виноградников с мальчиком, которого любила. Движения, такие простые, когда они были медленными, становились все сложнее по мере того, как музыка ускорялась, быстрее и быстрее, и Хелена кружилась и порхала вокруг Алексиса. Темп увеличивался, окружающая их толпа начала вопить и топтать ногами. Алексис подхватил ее на руки и, подняв высоко над головой, закружил, пока они не превратились в крутящегося дервиша страсти и воодушевления.

Над ним Хелена широко раскинула руки и откинула голову, полностью доверившись партнеру. Вокруг она видела лишь цветные вспышки, в ушах звенели радостные крики.

Она *танцевала!* Она чувствовала себя живой, радостной, чудесной...

Потом музыка замедлилась, и Алексис бережно опустил ее, их тела соприкоснулись по пути на землю. Он взял ее руки в свои и поцеловал их, потом развернул ее от себя, чтобы она могла сделать реверанс, а он поклониться.

Крики, требующие повторения, не прекращались. Однако Алексис унял толпу.

– Спасибо, спасибо. – Он вытащил из кармана носовой платок и вытер пот со лба. – Куда уж старику. – Толпа запротестовала, но Алексис поднял руки, требуя тишины. – Сегодня мы собрались, чтобы праздновать обручение моего сына и его прекрасной невесты.

Хелена ускользнула в толпу, а Алексис вывел в центр круга сына и будущую невестку.

– Тетушка Хелена, ты была просто великолепна. – Виола схватила ее за руку, в глазах светилось восхищение.

– Ого, солнышко! Изумительно! – сказала Сэди, когда вокруг них собралась небольшая толпа.

– Не знал, что ты можешь так танцевать, – сказал Рупс.

– Я тоже, – раздался голос за спиной. Хелена резко развернулась.

– Уильям, где же ты был?

– Приводил в порядок Сашу. Во всяком случае, кажется, ты без меня не скучала.

– Да, я прекрасно провела время, – вызывающе сказала она. – А теперь мне надо выпить воды.

– Принести тебе? – предложил он.

– Нет, спасибо, я сама.

Уильям пошел за ней.

– Что с тобой?

– Ничего! Я танцевала, вот и все.

– Ради бога, Хелена, ты моя жена!

– Да. И в чем же я виновата?

– Хелена, я не идиот! Все видели. Это очевидно!

– Что это?

– Господи! Мне правда надо объяснять? Я раз за разом закрывал глаза на то, что, как только я уйду из дома, тут же появляется *он*, как крыса из трубы. – Он схватил со стола бокал вина, сделал глоток, потом, заметив стоящих неподалеку двух прислушивающихся официанток, утащил Хелену в укромный уголок.

– Мистер Чертово Совершенство! Мистер Услужливость! Мистер Я-все-устрою, как называет его твой сын! Даже вчера, после того как я забрал детей, потому что думал, что тебе надо отдохнуть и побыть одной, кого я по возвращении нахожу на террасе, прижимающего тебя к груди? *Его!*

– Он пришел удостовериться, что со мной все в порядке, – тихо ответила Хелена.

– Ну разумеется. И мало того, я прихожу сюда сегодня и вижу, как вы двое танцуете с таким видом, будто... *созданы друг для друга!* В кои-то веки просто скажи мне правду! Ты ведь все еще любишь его, да? Ради *БОГА*, Хелена, – он грубо схватил ее за плечи. – **СКАЖИ** мне!

– Уильям, пожалуйста, прекрати! Не здесь, не сейчас... мы поговорим позже, обещаю.

Он посмотрел на нее, потом раздраженно вздохнул, словно признавая поражение. Отпустив ее плечи, он покачал головой.

– Говорю тебе сразу: я не хочу быть с тем, кто не хочет быть со мной. Поздравляю с годовщиной, Хелена.

Потом он развернулся и быстро исчез в толпе.

Чувствуя, что вот-вот расплечется, она вернулась к бочке с вином и наполнила бокал. Уже собиралась сделать большой глоток, когда кто-то неуклюже обнял ее за плечи, расплескав вино.

– Привет, красавица.

– Саша. Ты приехал, – настороженно сказала она.

– Ага. – Он помахал перед ней бутылкой бренди и сделал глоток.

И хотя Хелена выпила больше, чем обычно, она была достаточно трезвой, чтобы понять, насколько пьян *он*.

– Выглядишь ужасно.

– Возможно, – согласился он, слегка покачиваясь, – но, по правде говоря, чувствую себя отлично. Понимаешь, мой ангел, мне есть что праздновать.

– Правда?

– О да.

– Почему? – Она почти не хотела знать ответ.

– Потому что через несколько минут я буду свободен! И ты знаешь, что это значит, не правда ли, милая моя Хелена?

– Нет, Саша, не знаю.

– Это означает... ну, ты знаешь, что это означает. Но теперь я должен найти мою прелестную жену. И поделиться добрыми вестями.

Он отвесил ей насмешливый поклон и, шатаясь, ушел в толпу. Хелена смотрела, как он протолкался в центр и остановился возле Алексиса, который как раз закончил говорить. Она лихорадочно поискала взглядом Уильяма, но того нигде не было видно.

– Дамы и господа! Простите меня, что так встречаю, – проговорил Саша заплетающимся языком. – Меня зовут Саша Чандлер, и я хотел бы добавить свои поздравления к сказанному этим джентльменом. Как вас зовут, сэр?

– Алексис.

– Алексис. Какое прекрасное имя, – Саша с силой хлопнул Алексиса по спине. – Ты женат?

– Был, да.

– Вот те на. Все пошло наперекосяк? Галопом к разводу?

– Нет. Моя жена умерла, – тихо сказал Алексис, глядя под ноги.

Толпа затихла, задержав дыхание. Рядом с Сашей внезапно появился Уильям и положил руку ему на плечо.

– Ну-ка, старина, пора домой.

– Домой? Но я только приехал! – закричал Саша, стряхивая руку Уильяма. – И вообще, мне самому надо сделать объявление. Где Джулия, моя прелестная жена?

– Я здесь, Саша, – откликнулась Джульз из-за толпы.

– Итак, мне надо кое-что тебе сказать, – Саша еще раз глотнул бренди. – Понимаешь, мне надо сделать это сейчас, иначе я никогда не наберусь храбрости. Что ж, начнем, любимая: моя компания не просто была ликвидирована, но стерта с лица земли. У меня больше нет ни гроша за душой. О, и дома тоже нет, потому что я заложил его полностью, так что банк заполучит его tout de suite. Мы нищие, мой ангел, и у нас нет ничего, кроме одежды. Больше никаких претенциозных школ для детей. Им придется перейти в местные, а эти твои клячи с выгона, возможно, окажутся на воке в местной китайской забегаловке.

Саша надрывно засмеялся над своей бестактной шуткой. Поднял бутылку, приветствуя шокированную, но напряженную публику.

– Так-то, дамы и господа! Двойной праздник! Начало одного союза и конец другого. Ваше здоровье, – он быстро глотнул из бутылки.

В толпе зашептались, те, кто не знал английского, просили соседей перевести. Уильям наконец ухитрился схватить Сашу за руку и оттащить в сторону.

Хелена, которая до этого момента была парализована Сашиними пьяными речами, бросилась к Уильяму, их предыдущий разговор отошел на второй план перед разразившимся скандалом.

– Боже. Что нам делать? – отчаянно прошептала она. Оба посмотрели на Сашу, который цеплялся за Уильяма, чтобы не упасть.

– Поищи Джульз, – предложил он. – Узнай, что собирается делать она.

Хелена так и сделала, но, хотя она обыскала всю округу, и Джульз и Рупс, кажется, растаяли как дым. В конце концов она нашла Виолу, рыдающую на груди Алекса.

– Что теперь будет, мама? – одними губами спросил Алекс над тициановскими кудрями Виолы.

– Уедем домой как можно скорее. Дай мне только собрать всех. Отведи Виолу в машину. Она открыта.

– Ладно. Только ты не слишком долго, – прошептал он настойчиво.

– Не беспокойся.

Хелена убежала и в конце концов нашла Уильяма и Алексиса. Они сидели на стене, а Саша согнулся в три погибели между ними.

– Джулз исчезла вместе с Рупсом, но я хочу забрать Виолу и Алекса домой.

– Я предложил Уильяму и Саше остаться сегодня у меня, – сказал Алексис. – Возможно, так лучше, пока страсти не улягутся.

Хелена озадаченно посмотрела на Уильяма, но тот кивнул.

– Меня сейчас стошнит. Простите, парни, – застонал Саша, и его тут же вырвало.

– Езжай домой с детьми, Хелена, тут ты ничем не сможешь, – сказал Уильям, доставая носовой платок, чтобы привести Сашу в порядок, а Алексис вскочил и убежал за водой. – Дай мне знать, если появится Джулз. Я останусь и прослежу, чтобы мой старейший друг не захлебнулся собственной рвотой.

– Ты уверен, что сможешь остаться здесь? – спросила она мужа, надеясь взглядом передать, как она сочувствует ему.

– Мы с Алексисом поболтали, и он говорит, что у него есть свободные комнаты. Я не хочу, чтобы дети – любой из них – видели Сашу таким. Это несправедливо по отношению к ним. Не говоря уже о том, что Джулз может начать буйствовать. И имеет для этого все основания, – вздохнул Уильям.

– Ладно. – Хелена попыталась понять выражение его лица, но оно ничего не выдавало. – Звони.

– Обязательно, – сказал Уильям и отвернулся к Саше.

ДНЕВНИК АЛЕКСА

21 июля (продолжение)

Гм, ну и дела.

Ничего себе! И все такое прочее. Что тут скажешь? Я... лишился дара речи... не могу найти слов, соответствующих обстоятельствам...

В отличие от других, которые сегодня выступили с весьма... э-э-э... драматическими речами.

Это был судьбоносный момент. Надо отдать Саше должное: в его состоянии он ни разу не запнулся.

Вот вам и тихий спокойный отдых.

Сейчас час ночи или около того, и я забился в свою дыру. Вечерняя греческая трагедия, разыгранная перед всей деревней – люди смотрели, аплодировали, потом затаили дыхание от ужаса, – затронула и меня.

Теперь я чувствую себя виноватым. Ужасно виноватым.

Говорят, следует быть осторожным со своими желаниями, потому что, когда они исполнятся, результат может не понравиться. И мне не понравился.

Сегодня, когда я подвешивал моего насквозь промокшего кролика за лапу на бечевке, которую ухитрился натянуть на своем окошке (я не мог рисковать, оставив его на веревке на улице), я просил Бога подобрать справедливое наказание для Рупса, поскольку сам не мог придумать ничего достаточно тяжкого. Со временем что-нибудь нашлось бы, но мой мозг был одурманен хлоркой и эмоциями.

И тут бац! Большой Босс находит жемчужину: Рупс остался без дома и без единого пенни. Без пениса было бы лучше, но дареному коню, как говорится...

А самое лучшее – его ожидает какая-нибудь государственная средняя школа. Если такие существуют на окраинах Годаминга, что маловероятно. Но поскольку они почти нищие, им, наверное, все равно придется переехать в какое-нибудь отвратительное место.

Рупс, соответственно, будет уничтожен какой-нибудь бандой отморозков в худи и с ножами, которые выбьют из него частную школу, а потом еще добавят.

О радость!

С другой стороны, я внезапно понимаю: он может установить контроль, стать вожаком стаи и в результате спасет состояние семьи, начав торговать наркотиками и настояв, чтобы его банда сменила кроссовки и худи на туфли от Лобба и пальто «Акваскутум». Хотя, стоит заметить, я допускаю и другой исход: со временем он неизбежно попадется, став жертвой собственной самонадеянности, и, вероятно, отправится за решетку в компанию насильников и извращенцев.

Однако, как бы я ни был ошеломлен ответом на мои молитвы – и к тому же таким оперативным, – выражения лица малышки Виолы хватило, чтобы я почувствовал себя совершенной задницей.

Жирной и вонючей.

Так что победа эта – пиррова, как оно обычно и бывает.

Джулз и Рупс исчезли в ночи, как любовники прошлого, оставив на меня отчаянно рыдающую бедняжку Виолу.

Когда мы приехали домой, мама, которая ощутимо протрезвела после Грязных Танцев с мистером Я-все-устрою – фу! – ушла наверх укладывать Виолу спать и велела нам с Хлоей следовать ее примеру.

Мы тихо поболтали у подножия лестницы, а потом расстались на ночь. Хлоя, похоже, находила ситуацию прикольной, но ведь она, по моему, и выпила больше, чем мама, – привычка, от которой придется отказаться, когда мы обрuchимся. Ей гораздо интереснее было рассказать мне все-все о распрекрасном Мишеле, младшем сыне мистера Я-все-устрою, и какой он обворожительный... еще одна привычка, от которой придется отказаться.

Она злилась, что мама потребовала покинуть праздник и вернуться с нами домой, хотя Мишель уже предложил подбросить ее позже на мотороллере. А еще злилась, что *Сэди* осталась. Та подцепила десятилетнего пацана, который тоже предложил подбросить ее домой на мотороллере.

Я знаю, что она мамина лучшая подруга, и она забавная, но разве не приходит время признать, что уже поздно? Что ты уже слишком старый? Лет эдак в двадцать пять?

Мини-юбка Сэди соперничала с мини-юбкой Хлои отсутствием длины, и я правда думаю, что кому-то, например маме, следовало бы взять ее за руку и посоветовать взять на вооружение более зрелый подход к выбору одежды. Желательно основанный на монашеском одеянии и определенно не показывающий колени.

Молодящаяся старуха... ну, это клише себя оправдывает. И, на мой взгляд, именно так выглядит Сэди.

Я как-то раз посмотрел «Выпускник»^[4]. И не понял, вот правда не понял.

Снимаю шорты и футболку, заваливаюсь на кровать – и оказываюсь в луже.

Вот черт!

Поднимаю глаза и вижу, что Би все еще пытается побить мировой рекорд по висению вниз головой, и понимаю, что это он за несколько часов залил подушку и простыни. Встаю на кровати и снимаю его. Он относительно сухой. Неудивительно, поскольку вся вода теперь находится в моей постели.

Я ухитрюсь развернуться на кровати, чтобы пневмонию заработали мои ноги, а не грудь.

Закрываю глаза и пытаюсь уснуть... но адреналин бушует в крови, сердце внушает телу, что оно бежит пять миль вверх по склону. При температуре больше ста сорока градусов. Я не могу унять его стук и расслабиться. И знаю почему.

Даже оставив Рупса и его странную семью в стороне, в моей собственной происходит неладное.

Этот танец. Он и *она*...

Последствия, откровенно говоря, внушают ужас. Наш стержень, наша душа, сиречь моя мать, кажется, оторвалась от папы. И если так, это, вероятно, означает, что она отрывает нас всех от нашей... жизни.

То, что у меня приемный отец, что мы вынуждены терпеть друг друга, что он не купит мороженое дороже фунта и я знаю, что он считает меня странным, потому что я предпочитаю Платона Пеле, едва ли идеально.

Но сегодня вечером я осознал, что он не так уж плох. В сущности, он вполне приличный мужик. Он... надежный – по сравнению с другими альтернативами, которые я мог бы упомянуть. Которые не... он не... альтернатива.

Робкий стук в дверь.

– Алекс, ты не спишь?

Это Виола. Ой, блин.

– Э-э, вообще-то да.

– Ладно.

И я слышу, как ее тихие шаги удаляются. И чувствую себя таким виноватым, что заставляю себя встать и открыть дверь.

– Теперь не сплю, – говорю я неясному призраку в белой сорочке. – Тебе что-то нужно?

Она качает головой.

– Я просто услышала, как мамочка вернулась с Рупсом, но она заперла дверь спальни и велела мне уходить, – шепчет она безутешно.

Я протягиваю ей руку.

– Хочешь немножко посидеть в моей Кладовке для метел?

– Спасибо. – Она берет меня за руку и идет за мной в комнату.

15

Шестнадцать

В половине шестого утра Уильяма разбудил яркий солнечный свет, льющийся через окна с незакрытыми ставнями. Ему понадобилось несколько секунд, чтобы понять, что он не дома в Сидер-хаус в Хэмпшире и не в Пандоре. Он был в одной из гостевых комнат в примыкающем к винодельне элегантном старом доме Алексиса Лайла.

Понемногу события вчерашнего вечера начали просачиваться в сонный мозг, и он тихо застонал.

«Ну и дела».

Он встряхнулся, чтобы полностью проснуться, потом вылез из кровати и внимательно посмотрел на человека, лежащего на соседней кровати. Убедившись, что Саша дышит ровно и крепко спит, и зная, что шансы снова заснуть самому ничтожны, он оделся и тихо спустился в прохладный, выложенный плиткой коридор.

В доме было тихо, так что он вышел через парадную дверь и бесцельно побрел по длинной подъездной дорожке, через начинающуюся за ней грунтовую дорогу и дальше, меж запыленных рядов виноградных лоз.

Уильям шел в мягком, подернутом дымкой свете раннего утра и пытался осмыслить, что произошло на празднике. Даже если не думать о Сашиних вдохновленных алкоголем откровениях, он подозревал, что тоже вел себя не лучшим образом.

Хелена...

Его поглотила раскаленная лава ревности, когда он пришел и увидел, как самозабвенно она танцует в объятиях Алексиса. Его гнев наконец взорвался после нескольких дней медленно разгорающихся возмущения и растерянности из-за отношений Хелены и Алексиса.

И то, что это была десятая годовщина их свадьбы, только усугубило ситуацию.

Уильям сорвал гроздь винограда с лозы и съел пару ягод, зная, что их сочная мякоть не успокоит усиливающуюся жажду. Жара уже

одолевала, и ему была нужна вода. Повернув назад, он размышлял об обычном нежелании Хелены открываться ему эмоционально.

Почему он всегда чувствовал, что она сдерживается? Останавливается всего в одном ударе сердца от того, чтобы по-настоящему принадлежать ему?...

Это из-за Алексиса?

Что ж, решил он, есть только один способ узнать. Откровенный мужской разговор.

Зайдя в дом, Уильям услышал какие-то звуки из комнаты в дальнем конце коридора. Направившись туда, он осторожно открыл дверь и оказался в большой, залитой солнечным светом кухне, где Алексис как раз варил кофе.

– Как ты, Уильям? Хорошо спал? – Алексис повернулся и сочувственно улыбнулся.

– Да, спасибо, хотя недолго. Алексис, я должен извиниться за то, что мы навязались тебе. И за ту весьма неуместную сцену вчера вечером.

– С кем не бывает, Уильям. Я только что заглянул к Саше, он еще в отключке.

– Сон пойдет ему на пользу. Сомневаюсь, что он в последнее время много спал.

– Кофе?

– Да... и воды, пожалуйста, Алексис.

Алексис налил воды, а потом две чашки из кофейника на плите и поставил все на стол.

– Пожалуйста, друг мой, садись.

Оба сели и на несколько мгновений сосредоточились на горячей, оживляющей жидкости.

В конце концов молчание нарушил Уильям:

– Алексис, прости, если сейчас неподходящее время для этого разговора, учитывая, что произошло вчера вечером, но я должен спросить тебя напрямую, потому что не знаю другого способа... Что у тебя с Хеленой?

Алексис помолчал несколько секунд, потом медленно кивнул.

– Я рад, что ты спрашиваешь. И что у нас неожиданно появилась возможность поговорить наедине. Я сам собирался организовать что-то такое. В общем... – он вздохнул, – думаю, не секрет, что в юности у

нас был летний роман. Потом Хелена уехала, и после этого я видел ее всего один раз.

– Но она сказала мне, что не видела тебя после того лета.

– Она говорит правду. Я видел, как она танцует, когда балет Ла Скала выступал в амфитеатре в Лимасоле. Она не знала, что я был в зале.

– Ясно, – пробормотал Уильям.

– А теперь я должен признаться... когда я услышал, что она возвращается в Пандору столько лет спустя... что ж, не скрою: в глубине души подумывал, могут ли возродиться наши прежние чувства. Но поверь, Уильям. Теперь я знаю, что между нами никогда не может быть ничего больше воспоминаний и дружбы. Потому что она явно любит тебя, и она так мне и сказала. Пожалуйста, Уильям, прости меня. Ты не должен сомневаться в ее чувствах к тебе. А если я дал тебе повод, то могу лишь извиниться от всего сердца. Вины Хелены тут нет, клянусь.

– Спасибо. – Уильям сглотнул комок в горле, пытаясь контролировать эмоции, когда его окатила волна облегчения. – Но я ничего не могу поделать с ощущением, что это лишь часть правды. Не так ли, Алексис?

– Этот вопрос, друг мой, – Алексис бросил на него взгляд, – ты должен задать своей жене.

* * *

Хелена посмотрела на часы и ахнула, увидев, что уже десятый час. И удивилась, почему младшие не забрались к ней в кровать, как часто бывало, если она долго спала. Схватив халат, висящий на внутренней стороне двери, она вышла из спальни и спустилась на кухню.

– Привет, мамочка! Ты спала, и я приготовила Фреду и себе завтрак, – гордо объявила Имми.

Хелена оглядела разгромленную кухню. Подобрала с пола недоеденную плитку горького шоколада и перевернутую банку с оливками. Повсюду на столе и на полу были мука и сахар, на которые скоро соберутся полчища местных муравьев.

– Привет, мамочка, – раздался голос из-под стола.

Хелена приподняла скатерть, посмотрела на рот Фреда и сразу поняла, куда исчезла вторая половина плитки.

– Привет, Фред, – ответила она устало, решив, что не может даже думать об уборке, пока не выпьет чашку кофе, и поставила чайник.

– Мамочка, а можно Имми будет готовить мне завтрак каждый день? У нее очень хорошо получается. Лучше, чем у тебя, – добавил он радостно.

– Не сомневаюсь. Почему вы не разбудили меня, как обычно? – спросила она.

– Мы будили, мамочка, но ты не проснулась. Ты, наверное, очень устала. Вот, это для тебя. – Имми улыбнулась и подала Хелене пластиковый стаканчик с какой-то зловонной зеленой гадостью. – Я сама приготовила. Выпей. Здесь много всякого полезного.

– Я... попробую... через минуту. – Хелену едва не вырвало от запаха – сказались результаты прошлой ночи, вызвавшие алкогольное и эмоциональное похмелье. – Спасибо, Имми, – выдавила она, ставя стаканчик на стол.

– Где папочка? – спросил Фред из своего укрытия.

– Он уехал с дядей Сашей... по делам. Вернется позже. – Хелена решила забыть кофе и вместо этого пошла к холодильнику, чтобы налить себе воды. Сделала большой глоток, и тут дверь кухни открылась и вошла Ангелина.

– Доброе утро, милые. – Она заглянула под стол к Фреду и поцеловала Имми. – Ты хорошо вчера проводить время, Хелена?

– Да, спасибо.

– Мои друзья говорят мне, это быть хороший праздник. И ты красиво танцевать с мистер Алексис. – В темных глазах Ангелины плясали искры.

– Мамочка, ты танцевала? – спросила Имми, широко раскрыв глаза.

– Да, Имми, танцевала. Все танцевали. Ангелина, ты не могла бы забрать их обоих к бассейну и присмотреть, пока они купаются? Хотите, вы двое?

Фред пулей вылетел из-под стола.

– Да, очень!

– Я буду брать их. Но сначала... – Ангелина уперла руки в боки и посмотрела на Имми и Фреда, – кто делать этот беспорядок на моей опрятной кухне?

– Мы! Мы! – Фред радостно запрыгал, а Имми явно почувствовала себя виноватой.

– Тогда сначала мы убирать вместе, потом мы плавать. Лады?

– Лады, – хором согласились они.

Благодарная Хелена воспользовалась возможностью уйти с кухни, чтобы принять душ.

– Привет, тетушка Хелена. Я как раз искала тебя, – на верхней площадке лестницы стояла Виола.

– Как ты, дорогуша? – спросила Хелена.

Девочка посмотрела на нее несчастным взглядом и пожала плечами.

– Это был дурной сон?

– Ох, Виола, мне очень жаль, но мы обе знаем, что это не было сном. Хочешь, пойдем ко мне? Посидим, поговорим...

– Ладно. – Они зашли в спальню Хелены и устроились на балкончике. – Мамочкина дверь все еще заперта. Я только что проверяла.

– Возможно, она еще спит, но, если хочешь, мы можем ее разбудить.

– Нет, она начнет плохо говорить про папочку. Я уверена, это не только его вина, но она все равно будет винить его.

– Виола, дорогуша, – Хелена всем сердцем сочувствовала ей. – Тебе надо понять, что она потрясена и расстроена не меньше, чем ты.

– Они разведутся, как ты думаешь? Алекс сказал, что они могут.

– Я правда не знаю, что произойдет. Им надо поговорить, это точно.

– Но они вообще не разговаривают! Папочка пытается, но тогда мамочка просто кричит на него. Она никогда не слушает его, никогда. А что будет со мной, тетушка Хелена?

– Дорогуша, у тебя все равно будут мама, и папа, и Рупс, но, может быть, тебе придется переехать в другое место, пойти в другую школу, вот и все.

– Мне все равно. Я ненавижу свою школу. Но если папочка и мамочка разведутся, я буду жить с папочкой, вот! – Виола закрыла

лицо руками. – Я по-прежнему люблю его, даже если мамочка не любит.

– Я знаю, дорогуша, и он тебя любит.

– Если я не смогу жить с папочкой, можно я тогда буду жить с тобой? Ты такая добрая, и Алекс тоже. И я бы помогала с Имми и Фредом, честное слово, – в отчаянии предложила Виола.

– Мы были бы очень рады, если бы ты жила с нами, но твоя мама, думаю, не захочет.

– Ей все равно. Ей нужен только ее драгоценный Рупс. По-моему, им следовало бы пожениться, они так любят друг друга, – Виола придуренно хихикнула.

– О, Виола, не говори такие вещи. Мамочка тебя обожает.

– Да нет же, тетушка Хелена. Я не знаю, зачем она меня вообще удочерила.

– Потому что она любила тебя. И *по-прежнему* любит, – Хелена с трудом подыскивала нужные слова утешения.

– Кроме того, – лицо Виолы омрачилось, – она лгунья.

– С чего ты взяла?

– У мамочки есть деньги, о которых она никогда не рассказывала папочке.

– Откуда ты знаешь?

– Я однажды видела справку из банка в ее сумочке, после того как умерла бабушка. Там были нули в конце числа.

– Да? – Хелена вспомнила, что на днях Джулз упоминала деньги, оставшиеся от матери. – Ну, это, конечно же, хорошая новость? Может быть, дела все-таки не так плохи?

– Но она, наверное, не поделится с папочкой. И это неправильно, потому что он делится с нами всеми своими деньгами. Как думаешь, сказать ему?

– Не сейчас.

– Ладно, – Виола рассеянно потерла нос. – Как ты думаешь, он придет повидать нас сегодня?

– Я правда не знаю. Думаю, это решать твоим маме и папе.

– А как же я?

– О, дорогуша, – Хелена осторожно усадила Виолу себе на колени. – Мне очень жаль, что так случилось, но здесь с нами ты пока

в безопасности, и я уверена, твои мама и папа со всем разберутся. Они оба тоже пережили большое потрясение.

– Я хочу видеть папочку, тетушка Хелена. Его надо обнять.

– Конечно. И я уверена, ты сможешь скоро обнять его. А теперь хочешь найти свой купальник и пойти поплавать внизу со мной, Имми и Фредом?

– Ладно, – Виола обреченно пожала плечами. Выскользнув из объятий Хелены, она грустно побрела из спальни.

* * *

К одиннадцати Хелена чувствовала себя гораздо лучше. Купание в купе с восторгом детей вернуло к жизни, хотя ее все еще тревожило то, что происходило на винодельне между Уильямом, Алексисом и Сашей.

К ней присоединились Алекс и Хлоя и устроили игры, чтобы младшие не заскучали. Хелена успокоилась, видя, как Виола визжит и смеется вместе со всеми, когда Алекс гонялся за ней из конца в конец бассейна.

– Хелена, – к ней тихо подошла улыбающаяся Ангелина. – Я убирать дом сегодня утром, но, когда я закончу, могу я взять младшие в деревню? Мои родители хотят встретить их. Мы будем пить чай вместе. И Алексис... то есть Алекс, и Хлоя, и Виола с красивыми волосами тоже, если они хотят.

– Я уверена, они будут рады поехать с тобой, Ангелина, но, пожалуйста, не стоит беспокоиться.

– То не есть беспокойство! Мы здесь любить дети, ты знаешь это. Может быть, однажды у меня тоже будут, но пока я занят твоих.

– Я полностью за, – сказала Хелена с благодарной улыбкой.

Возвращаясь в дом, чтобы переодеть мокрое бикини, она увидела Рупса, в одиночестве сидящего на террасе.

– Привет, Рупс, – неуверенно сказала она.

– Привет.

– Как ты?

Он вяло пожал плечами.

– Уже видел мать сегодня утром?

Он кивнул в ответ.

– Как она?

– А ты как думаешь?

Хелена села рядом с ним.

– Думаю, так себе.

– Ей стыдно выйти из комнаты. Она говорит, что не может смотреть людям в глаза.

– Понимаю. Будет толк, если я с ней поговорю? Попытаюсь объяснить, что никто ее не осуждает? Что она ни в чем не виновата? Мы все просто хотим помочь. Если можем.

– Вот не знаю, будет от этого толк или нет, – Рупс пожал плечами. – Понимаешь, это ее гордость.

– Конечно, – Хелена положила руку ему на плечо. – Знаешь, все образуется. Так всегда бывает.

– Нет, хорошо уже не будет. – Рупс стряхнул ее руку. – Папа испортил жизнь нам всем. Такие дела. – Он встал и пошел через террасу и вокруг дома, направляясь к укрытию виноградных лоз. Мальчик явно не хотел, чтобы Хелена видела, как он плачет. Она зашла на кухню и увидела, что ее мобильник мигает.

Это было сообщение от Уильяма.

«Привет. С Сашей нехорошо. Позвоню позже».

Хелена внимательно перечитала текст, сообразив, чего не хватает. В конце не было значка поцелуя.

* * *

После ланча Ангелина загрузила детей в машину и уехала в деревню. Рупс все еще где-то прятался, а Сэди и вовсе не возвращалась в Пандору. Собравшись с духом, Хелена поднялась вверх и тихо постучала к Джулз.

– Это Хелена. Можно войти?

Ответа не было.

– Джулз, я понимаю, что ты, наверное, не хочешь никого видеть, но могу я, по крайней мере, принести тебе попить? Чай? Кофе?

Тройную водку?

Хелена уже собиралась уходить, когда услышала голос:

– Ох, да какого черта! Почему бы нет? Если ты пообещаешь учетверить водку. Дверь открыта.

Хелена повернула ручку и вошла. Джулз сидела, скрестив ноги, на кровати, все еще в золотистом топе со вчерашнего вечера. Повсюду была разбросана одежда, а на полу стоял наполовину собранный огромный чемодан.

– Ты уезжаешь? – спросила Хелена.

Джулз пожала плечами.

– Подумала, что уеду, и начала собираться, а потом вспомнила... – она подавила всхлип, – мне некуда ехать.

– Ох, Джулз, – Хелена подошла и обняла ее за плечи. – Я так сожалею. Обо всем, – добавила она.

– Как он мог допустить, чтобы дошло до такого, не сказав мне? – Джулз заплакала. – Я же не чудовище, ведь правда, Хелена? В смысле не неприступная? Я так старалась говорить с ним о работе, но он просто замыкается и наливает себе еще стакан.

– Ну конечно нет, и я уверена, Саша не нарочно не говорил тебе. Наверное, иногда доходит до того, что, когда человек столько лгал, еще одна ложь не имеет значения. – Хелена вздохнула. – С его стороны было очень глупо не поделиться с тобой, и ты ни в чем не виновата. Не забывай.

– Я пыталась, но каждый раз, когда я вспоминаю, как он стоял там, пьяный, выставляя напоказ наше грязное белье перед всеми этими чужаками, я думаю, что они, наверное, подумали обо мне: вот женщина, муж которой не мог обратиться к жене в трудную минуту. Я старалась быть хорошей женой, правда-правда. И, бог свидетель, иногда это было трудно, – она бросила взгляд на Хелену. – Саша – не Уильям, как тебе известно.

– Да, я не сомневаюсь. Послушай, все дети с Ангелиной в деревне. В доме никого, так, может быть, освежишься, а потом спускайся вниз и мы перекусим на террасе?

Джулз кивнула.

– Ладно. Спасибо, Хелена.

Десять минут спустя Джулз сидела за столом на террасе, жадно поглощая сэндвич с курицей, который поспешно приготовила Хелена,

запивая его большим бокалом вина.

– У меня буквально нет слов, честно говоря. Просто не знаю, что думать или говорить. Наверное, я должна воспринять то, что сказал Саша, буквально и предположить, что не осталось ничего.

– Тебе правда надо сесть и серьезно поговорить с ним, выяснить точно, как обстоят дела.

– Я знаю, как будут обстоять дела, если я увижу этого идиота в данный момент: у него не останется зубов! Нет, – Джулз покачала головой, – я правда пока что не могу его видеть. А если он позвонит тебе, пожалуйста, скажи ему не приближаться ко мне, пока я не разрешу.

– Если тебя это утешит, сомневаюсь, что он чувствует себя лучше, чем ты.

– От меня он больше не дождетсЯ ни капли сочувствия. Все и так плохо, но я просто не понимаю, какого черта ему надо было прилюдно унижить не только меня, но и детей. Что на него нашло, Хелена?

– Отчаяние, подпитываемое алкоголем, я бы сказала.

– О, я знаю, что у него проблемы с алкоголем... уже много лет. Но я просто махнула рукой, потому что, стоит мне упомянуть об этом, он обзывает меня старой клячей. Как моих бедных лошадок, – сказала Джулз, делая большой глоток вина. – Так что тут можно сделать? Пока он не признает, что у него есть проблема, это дорога в никуда. Совсем как мое будущее в данный момент.

– Я знаю, что сейчас у тебя такое ощущение, но, Джулз, решение есть всегда.

– Прости, Хелена, я знаю, что ты пытаешься помочь, но я не в настроении для благоразумных банальностей. По правде говоря, он никогда не любил меня, и одному Богу известно, почему он вообще на мне женился.

– Не говори так, Джулз, пожалуйста! Разумеется, он тебя любит.

– Нет, не любит и никогда не любил. *Факт.* Я всегда знала это. Беда в том, что я много лет прощала ему все, только чтобы я могла держаться за него, благодарная за любую крупицу тепла, какую ему случалось бросить в мою сторону.

– Я уверена...

– Даже не трать попусту слова, – отрезала Джулз. – Я знаю, что озлобилась, но, если бы ты только знала, на что мне пришлось

закрывать глаза, ты бы не поверила... – Джулз умолкла, потом отвернулась, давая всхлип. – Признаться, я испробовала все: от поддержки его стремления быть художником, иметь детей... даже удочерила девочку, которую он всегда хотел, когда мы так и не смогли родить собственную... до уютного дома и горячего ужина на столе каждый вечер. Я даже перепробовала всю коллекцию эротичного нижнего белья, но это ничего не изменило. Нельзя выжать что-то, чего просто нет... и *не было*.

Хелена промолчала, зная, что может только слушать.

– Думаю, Саша искал кого-то, кто бы «привел его в порядок», – продолжила Джулз. – Я всегда была приземленной, а он был мечтателем, витал в облаках. Наверное, я заставила его спуститься с небес на землю, «организовала» его. Ответственность никогда не была его сильной стороной, как ты прекрасно знаешь, – Джулз вздохнула. – Но знаешь, что меня по-настоящему злит?

– Что?

– То, как все жалеют *его*! «Бедный Саша, ему приходится жить с этой ужасной женщиной!» И не говори мне, что ты и Уильям так не думаете, Хелена, потому что я знаю, что это так. Вы все так думаете! – Джулз ударила по столу, и Хелена едва успела поймать бутылку вина до того, как та опрокинулась. – Даже теперь, бьюсь об заклад, все сочувствуют ему, а не мне. И даже Виола, моя собственная дочь, оберегает и защищает его от меня. Я знаю, будут такие, кто придет в восторг, увидев, как я получаю по заслугам.

– Джулз, я уверена, что это не так.

– Ой, да ладно, Хелена! – Джулз повернулась к ней. – Ты и Уильям терпите меня, чтобы видеться с ним! Я не полная идиотка, знаешь ли, и мне это до смерти надоело! Вот правда.

Джулз снова опрокинула бокал под взглядом Хелены.

– Господи, хотела бы я быть такой, как ты.

– Это еще почему?

– Потому что тебя все обожают, Хелена. Ты скользишь в своем золотистом свете, собирая к себе людей, купая их в своем сиянии и одаривая крупными Хелено-магии. Но у меня *нет* эмпатии или природного очарования, как у тебя. Я неловкая, резкая в общении, *застенчивая*, если хочешь знать, поэтому часто говорю не то и делаю

не так. Хотя я уверена, что, даже если ты делаешь что-то не так, ты знаешь, что сказать и сделать, чтобы все исправить.

– Уверяю тебя, Джулз, это не так. Я совершила ужасные ошибки, – сказала Хелена с чувством.

– А кто не совершал? – Джулз отвела взгляд и сделала еще один большой глоток вина. – И может быть... может, – тихо произнесла она, – это самое лучшее, что могло случиться. Видимо, мне нужно начать сначала. Господи, Хелена, я просто хочу, чтобы кто-то меня любил. Только и всего. В общем, я знаю, что мне придется встретиться с Сашей и обсудить ситуацию, но не сразу, сначала я хоть как-то приведу мысли в порядок. Одно я знаю наверняка: с нашим браком покончено. *Finito*, остался в прошлом. И пожалуйста, не разубеждай меня, потому что, даю слово, я закричу.

– Не буду, обещаю.

– И не беспокойся, я здесь не задержусь. Моя семья уже угробила ваш спокойный отдых. Просто дай мне пару дней, чтобы решить, что делать, ладно?

– Право же, Джулз, незачем торопиться. Разумеется, ты можешь остаться, сколько захочешь.

– Знаешь, что, Хелена? Ты настоящее солнышко, несмотря ни на что... – вздохнула Джулз. – Так, пойду наверх и попробую поспать. Это вино помогло. Ночью я глаз не сомкнула.

– Я буду здесь, когда дети вернутся. Не беспокойся о них.

– Спасибо. И что бы ни случилось в прошлом, ты была мне хорошим другом. Я правда это ценю. – Джулз сжала Хелене руку так крепко, что той едва удалось не поморщиться.

С тяжелым сердцем Хелена смотрела, как Джулз прошла по террасе и скрылась в доме.

И не знала, кто из них двоих чувствует себя хуже.

ДНЕВНИК АЛЕКСА

22 июля 2006 года

Прошу прощения, но...

Меня просто распирает. Я держался целый день и больше не могу. Так вот...

Вечер удался. Целое семейство незнакомых киприотов, предлагающих нам отвратительный торт, несъедобное печенье и кофе с добавленным для густоты песочком.

Они говорили с нами – и, мама дорогая, говорили не переставая, – и все бы ничего, только их говорильня была для меня...

Греческой тарабарщиной!

Ха! Вот, я высказался.

И больше не скажу.

Посередине этого чаепития у Безумного Шляпника Хлоя исчезла. Сказала, что забежит в магазин. Я умолял ее позволить мне пойти с ней, но она сказала, что ей нужно купить «дамские штучки», что для меня абсолютное табу.

Вся эта тайная сторона жизни девочек для меня – другой мир. В прежней школе девочки из нашего класса часами болтали по углам о «всяком». Стоило мне или другому мальчику приблизиться, они хихикали, шептались и посылали нас «подальше».

Как жаль, что большой разрыв на мужское и женское происходит при наступлении пубертатного периода. До одиннадцати лет одним из моих лучших друзей была девочка по имени Элли. Мы гонялись друг за другом по детской площадке и делились ланчем и секретами. Она признавалась мне, кто ей нравится, а я признавался ей, что мне не нравится никто. Шестой класс в местной школе не то чтобы изобиловал Скарлетт Йохансон и Линдси Лохан.

Говорят, красота обманчива. Это все равно что сказать, что ты выбрал самый уродливый диван, на котором будешь сидеть тридцать лет, просто потому, что он удобный. Тебе все равно придется смотреть

на него изо дня в день и смущаться, когда заглянувшие в гости друзья комментируют твой ужасный вкус.

Я всегда выбирал элегантный, неудобный вариант.

Может быть, я поверхностный, но Хлоя – в переносном смысле – кушетка женского мира. Узкая, с изящной резной спинкой, изысканным точеным подлокотником и такая хлипкая, что, задремав, с нее, несомненно, свалишься. Но эта вещь всегда будет прекрасной, и даже через сто лет ее продадут на аукционе «Сотбис» за много тысяч.

Хлоя, пожалуй, похожа на мою мать. И хотя они не родственницы по крови, у них много общих качеств.

И я надеюсь, ради нас всех, что одно из них – верность.

Возвращаясь к моей подруге Элли, у меня всегда было смутное подозрение, что ей нравился я. То была чудная пора, когда мне не нужна была лестница, чтобы посмотреть в глаза одноклассникам.

В сущности, можно сказать, что я был звездой своего класса. На вечере после школьной постановки «Оливер!» – во время которой я так трогательно исполнил «Где любовь?», что, по-видимому, довел нашего мрачного директора до слез, – они буквально штурмовали кулисы, чтобы обниматься-целоваться. Мне пришлось ставить их в очередь.

Тогда я узнал, что слава – мощный афродизиак.

Это было как раз перед тем, как в восьмом классе все девочки вымахали в великанш и превратились в странные, скрытные существа с другой планеты. Когда размеры лифчика, блеск для губ и... фу!.. эта ежемесячная гадость, которая звучит невероятно отвратительно, объединились, чтобы стать миром, который мой пол и близко не мог понять. Словно наши гормоны выделили нас из общей смеси и образовали между нами огромную пропасть, которой уже не закрыться.

Уже почти полночь.

Папа и Саша еще «в отъезде» и не вернутся, пока мама не спрячет все острые предметы в доме, чтобы не дать Джулз убить мужа. Вечером Джулз утащила Рупса и Виолу на ужин в деревню, а Сэди все еще в самоволке, хотя прислала маме сообщение, доложив обо всех отвратных подробностях своей «оргии».

(Маме следовало бы уже знать, что, если она оставляет мобильник где попало, я могу читать сообщения. Она еще не разобралась, как

поставить код блокировки, и я, несомненно, не намерен ей объяснять.)

На самом деле было очень приятно поужинать с мамой и младшими без дополнений. Раньше я также прокрался в мамину спальню и проверил, есть ли там собранные чемоданы. Любого из них. Значит, папа ее не оставил. Пока. И за ужином не было похоже, что она думает оставить его.

Пока.

Мама гораздо больше беспокоилась из-за сообщения Хлои, что та с Мишелем и будет дома «позже». Так вот куда она улизнула во время чаепития! Вот те на. Я знаю, что должен стиснуть зубы, что Хлое должна быть позволена свобода, пока мы не женаты, но иногда это трудно. И особенно трудно знать, что она с сыном мистера Я-все-устрою...

К слову сказать, по дороге домой после чаепития Виола уговорила Ангелину остановиться у дома мистера Я-все-устрою, чтобы она могла, по крайней мере, забежать и обнять папочку. (Вот вам ирония: алкоголик-банкрот укрывается в винодельне!) И она выбрала меня сопровождающим.

Когда мы вышли из машины, мистер Я-все-устрою вышел из комнаты с бочками, сияя улыбкой. Он сказал Виоле, что Саша куда-то ушел с Уильямом, но он передаст, что она заходила. Потом он повел нас в сарай – посмотреть котят в качестве утешительного приза.

– Ей, наверное, очень трудно. Хорошо, что у нее есть ты, – шепнул он мне, пока Виола в восторге наклонилась и взяла крохотного пушистого котенка на руки.

– Не уверен, что Виола с этим согласится, – пробормотал я.

– Не недооценивай себя, Алекс, ты добрый и чуткий молодой человек.

Потом мы ушли, и мистер Я-все-устрою сказал на прощание, что Виола может прийти когда угодно, если захочет повидать котят.

Вообще-то приятно было получить комплимент. Это несколько смутило меня. Еще одна хорошая новость, что, хотя папа живет под его кровом, они еще не поубивали друг друга. Если только мистер Я-все-устрою не лгал и папа с Сашей не похоронены в неглубокой могиле где-то в виноградниках...

В дверь стучат. Встаю, чтобы открыть.

– Алекс? Ты не спишь?

Это мама.

– Нет.

Она пробует открыть дверь, которую я, разумеется, запер на случай дальнейшего вторжения из нежеланных источников.

Пожалуй, лучше ее впустить.

Семнадцать

– Я беспокоюсь о Хлое. Она до сих пор не вернулась, – сказала Хелена, заглядывая в комнату Алекса.

– Она всегда возвращается поздно, мам.

– Знаю, но в отсутствие папы за нее отвечаю я, а я понятия не имею, где она. Звоню на мобильный – не отвечает. Тебе она не звонила?

– Не-а. Она с сыном Алексиса?

– Да, но я не могу лечь, пока она не вернулась, а я устала.

– Может, позвонить Алексису, вдруг он что-нибудь знает?

– Уже почти час ночи, и он наверняка ляжет рано после праздника. Не хочу его будить. Ладно, – Хелена вздохнула, – подожду еще. Прости, что потревожила, Алекс. Спокойной ночи. – Она устало улыbnулась сыну, закрыла дверь и вернулась на кухню.

Она сделала себе чай с мятой и села в шезлонг на террасе ждать возвращения Хлои. И старалась не думать, о чем разговаривают трое мужчин на винодельне...

Хелена подскочила при звуке мопеда, грохочущего по щебенке. Посмотрела на часы (половина третьего) и поняла, что, наверное, задремала. Прошло добрых десять минут, прежде чем она услышала, как Хлоя крадется на цыпочках по террасе у нее за спиной.

– Добрый вечер, Хлоя. Или мне следовало бы сказать «доброе утро»?

Хлоя подскочила при звуке голоса Хелены.

– Ого! Ты еще не спишь, – выдохнула она.

– Я ждала, когда ты вернешься. Пойдем попьем чай на кухне.

Это было не предложение, а приказ. Хлоя кротко последовала за Хеленой.

– Вообще-то можно мне просто стакан воды? – спросила Хлоя, садясь за стол. – Меня ждет суровый выговор?

– Да и нет. – Хелена налила обеим воды, забыв о чае. – Но я in loco parentis, пока твоего отца здесь нет. И я беспокоилась о тебе.

– Прости, пожалуйста, Хелена. Папа вернется в обозримом будущем? – Хлоя ловко сменила тему.

– Завтра обо всем поговорим и узнаем, что собирается делать Саша. Джулз отказывается с ним встречаться.

– Не удивительно после вчерашнего позорища.

– Согласна, вечерок тот еще. А что думает об этом Мишель? – спросила Хелена, пытаясь направить разговор в прежнее русло.

– Что это было лучшее бесплатное представление за много лет. Сегодня об этом говорила вся деревня.

– Так ты была в деревне?

– Ага. Мы ходили в новый бар на углу напротив банка.

– Я знаю, что ты пила, Хлоя. От тебя пахнет.

– Хелена, в наши дни *все* пьют в четырнадцать. И я выпила всего пару бокалов вина. Чудесный был вечер. Мишель познакомил меня со своими друзьями. Они классные, даже если с английским у них не очень.

– До двух часов утра? Ведь бар закрывается в одиннадцать?

– Потом Мишель повез меня покататься на мопеде, – Хлоя покраснела.

– Хлоя, дорогуша, Мишелю восемнадцать, тебе четырнадцать. Он не староват для тебя?

– Мне через месяц пятнадцать! Ничего страшного. У вас с папой разница шесть лет. И в чем проблема?

– В твоём возрасте, Хлоя, это большая проблема. Он взрослый, а ты еще ребенок. Хотя бы по закону, если не во всем прочем.

– С мальчиками моего возраста скучно, – высокомерно заявила Хлоя. – Взять, например, Рупса. Вот придурок! Написал мне любовное письмо на французском, просто ужас! Назвал меня «дорогой поросеночек» – наверное, перепутал *cocotte*^[5] с *cochon*^[6]. И еще что у меня глаза «как горящие угольки». Кроме того, – добавила она мечтательно, – Мишель самый классный парень, которого я встречала. Он совсем не похож на других знакомых мальчиков.

– Да?

– О да. Он такой спокойный и умный и говорит со мной как со взрослой. И я могу слушать этот акцент весь день. – Хлоя затрепетала от удовольствия. – Ну, обычно я контролирую ситуацию. Знаю, что

мальчики хотят со мной встречаться, только меня они никогда не интересовали *по-настоящему*, понимаешь?

Хелена понимала.

– Он хочет встретиться с тобой снова?

– Говорит, что завтра возьмет машину отца, чтобы отвезти меня к месту рождения Афродиты, а потом на ланч.

– Хлоя, я не хочу читать тебе нотацию или притворяться матерью...

– И не надо, Хелена.

– Ладно. Но, пожалуйста, будь осторожна.

– Буду. Я не дура. К твоему сведению, я все еще сама понимаешь кто. Большинство моих подруг уже нет.

– Тогда просто позаботься, чтобы так оно и осталось. А если не получится, то, ради всего святого, приходи ко мне, и мы... что-нибудь придумаем.

– Спасибо, Хелена. Ты правда клевая.

– Поверь мне, Хлоя, я не поощряю, но лучше перестраховаться. И помни, что это всего-навсего летний роман.

– Это почему? Мишель сегодня говорил, как он мечтает переехать в Англию, когда окончит университет в Лимасоле.

– Не сомневаюсь, что он мечтает. И вообще, это пустой разговор. Ты познакомилась с ним только вчера...

– А кажется, будто знала его вечность.

– Я понимаю, но, если ты планируешь видеться с ним регулярно, нам надо согласовать кое-какие основные принципы, ладно?

– Конечно, – та пожала плечами. – Но, пожалуйста, можно мне поехать с ним завтра?

– Сначала надо будет поговорить об этом с папой. И если Мишель такой зрелый, как ты говоришь, он поймет, что нам надо знать, где ты. Ты еще несовершеннолетняя.

– Ладно.

– И одним из принципов будет, что ты возвращаешься к полуночи, чтобы мы могли ложиться в постель, зная, что ты дома – целая и невредимая. Как вот сейчас.

– Знаешь что, если я буду уходить на весь день, на следующее утро я буду поднимать младших и готовить им завтрак, и тогда ты сможешь поваляться. Как тебе такое?

– Договорились. Это, наверное, любовь, – улыбнулась Хелена.

– Спасибо. До завтра.

Через несколько минут Хелена лежала в постели, усталая настолько, что не могла уснуть, вспоминая, как, кажется, совсем недавно она тоже украдкой пробиралась в Пандору среди ночи. Только Ангус, который работал до глубокой ночи у себя в кабинете, поймал ее и устроил капитальную головомойку.

И вот уже она ведет современный вариант того же разговора с падчерицей о сыне человека, которого когда-то любила.

Как заметила Хлоя, теперь многое изменилось. Они с Алексисом не имели такой свободы. Рухнуло так много преград: в обществе стало намного меньше ограничений, простота путешествий и общения с тех пор полностью изменилась...

Возможно, если они захотят, у Хлои и Мишеля получится.

Хелена улыбнулась при мысли, что любой союз между их детьми сделает ее и Алексиса родственниками.

Пусть и не так, как они когда-то себе представляли.

* * *

На следующий день, когда Хелена помогала Ангелине менять постельное белье, снизу прибежал Алекс с ее мобильником в руке.

– Папа звонит.

– Спасибо, Алекс, – она взяла трубку и поднесла к уху. – Привет, дорогуша, что случилось? Я беспокоилась о тебе.

Алекс топтался рядом, так что она вышла на балкон.

– Привет, – ответил Уильям. – Мне просто надо знать, Саша с вами?

– Нет, я думала, он с тобой.

– Черт! – Уильям явно волновался. – Он казался спокойнее, когда пришел в себя сегодня утром, чуть более здравомыслящим. Алексис и я накормили его завтраком и поговорили. Я объяснил, что ему надо как можно быстрее вернуться в Англию и уладить вопросы с банками. Потом он сказал, что хочет побыть один, и попросил машину, пообещав вернуться через пару часов. Я думал, он поехал в Пандору к

Джулз, но та сама сюда приехала, чтобы извиниться перед Алексисом за вчерашнее.

– Здесь Саша тоже не появлялся. Когда он уехал?

– Около десяти, почти четыре часа назад, и не отвечает на звонки.

Черт меня дернул дать ему машину. Что, если он напился и попал в аварию?

– Он же был трезвым, когда уезжал?

– Это ни о чем не говорит, – вздохнул Уильям.

– Что думает Джулз об исчезновении мужа?

– Она ушла с Алексисом, который хотел ей что-то показать. Сказала, что на мужа ей наплевать. Как дети, кстати говоря?

– Они в полном порядке. Ты в курсе, что Хлоя уехала на весь день с Мишелем, сыном Алексиса? Я написала тебе сообщение. Он приехал за ней утром.

– Да, я видел, как он уезжал. – Уильям помолчал. – В общем, я еще немного побуду здесь на случай, если появится Саша, а потом вернусь домой.

– Ладно.

– Пока, Хелена. До скорого.

Она сделала пару глубоких, успокаивающих вдохов, боясь разговора, который должен будет произойти, когда Уильям вернется. Алекс все еще топтался в спальне, когда она вернулась.

– Все хорошо? – спросил он.

– Нормально. Папа скоро приедет.

– Хорошо. Как Саша?

– В данный момент в самоволке, но уверена, он проявится. – Хелена подошла к Алексу и обняла его. – Прости, здесь все так непросто в последние дни. И спасибо, что помог с Виолой.

– Мам, а у вас с папой все хорошо?

– Разумеется. Почему ты спрашиваешь?

– Я видел вас вчера на празднике. Он разозлился из-за танца с мистером Я-все... то есть Алексисом, правда?

Лгать не было смысла.

– Да. Но все перепили и раздули из мухи слона, вот и все.

– Ага, конечно. Мам?

– Да?

– Обещай или лучше поклянись, что ты не собираешься сбежать с Алексисом.

Она нежно сжала побронзовевшие круглые щеки сына ладонями и улыбнулась.

– Клянусь, дорогуша. Он старый друг, не более.

– Ты уверена?

– Абсолютно. Я люблю Уильяма и нашу семью. Вы для меня все, даю слово.

– О, – плечи Алекса расслабились от напряжения. – Хорошо. И...

– Да?

Возникла пауза. Алекс, кажется, собирался с духом.

– Я... мне надо спросить еще кое-что.

– Тогда спрашивай.

– И я хочу, чтобы ты знала, что я не буду злиться, но мне просто надо знать. Короче... этот Алексис, он мне...

– Хелена! Ты здесь? Ах да, здесь! – В спальню влетела Джулз с пылающими щеками и блестящими глазами. – Ты ни за что не догадаешься!

Алекс закатил глаза и выскользнул из спальни.

– О чем, Джулз?

– Я поехала к Алексису домой, и он пригласил меня на бокал вина. Я извинилась перед ним из-за праздника, и он был очень мил. Уверял, что большинство гостей либо не знают английского, либо слишком напились, чтобы вникать. – Джулз захлебывалась словами. – Так что, как ты понимаешь, мне сразу полегчало. В результате я поведала ему всю нашу печальную историю.

– Полегчало? Ты, безусловно, выглядишь лучше.

– О да. В смысле он, наверное, узнал почти все от Уильяма, но был таким благожелательным и понимающим. Спросил, что я собираюсь делать дальше, и я сказала, что не знаю, потому что, очевидно, мой дом в Англии будет продан, но что я не хочу навязываться тебе, и... – Джулз наконец сумела перевести дыхание между словами. – Тогда он сказал, что у него есть дом, который мы могли бы позаимствовать, пока я разберусь в себе. Правда же, это даже слишком мило с его стороны?

– Ого! Да уж.

– В смысле я предложила платить ему какую-нибудь аренду... я говорила тебе, что у меня есть кое-какие деньги от мамы... но он и слушать не захотел. Сказал, что дом пустует, а потом повел меня посмотреть, и, честно говоря, я ожидала какую-то старую развалину вроде Пандоры, но знаешь что? Он новехонький! Алексис в прошлом году построил его для себя, чтобы перебраться туда, когда сыну понадобится большой дом для своей семьи. Хелена, это великолепно! Просто спуститься по узкой тропинке от винодельни. Дом прекрасно обставлен и с огромным бассейном. Алексис сказал, что выбрал это место, потому что оттуда открывается лучший вид в деревне. Говорит, я могу жить там сколько нужно и выпить столько вина, сколько захочу. Ну и... – Джулз, выдохшись, опустилась на свежестеленную кровать Хелены, – что ты об этом думаешь?!

– Похоже, белый рыцарь примчался-таки из-за гор тебе на выручку, – Хелена старалась говорить как можно теплее. – Я так рада, Джулз. Ты знаешь, что можешь остаться здесь, но я пойму, если ты захочешь какое-то время побыть одна.

– Этот человек – старомодный *bona fide* джентльмен. Мне надо будет пригласить его на ужин, чтобы отблагодарить. Все равно он будет чуть выше по тропинке.

Хелена видела, что Джулз оживлена, как юная девушка. Годы словно вдруг стерлись с ее лица. Алексис явно проявил к ней внимание, которого ей так недоставало.

– Короче, Хелена. – Джулз встала. – Ты выглядишь разбитой. Я заберу всех детей к бассейну и дам тебе отдохнуть. Ладно?

– Ладно.

В порыве нехарактерного для нее проявления чувств Джулз обняла Хелену за плечи.

– И спасибо тебе за все.

* * *

Джулз уволокла детей к бассейну, и Хелена устроилась в гамаке. Ей надо было подумать, прежде чем Уильям вернется.

Едва она задремала, как услышала шаги по сухим листьям, устилавшим землю.

– Привет, красавица.

Она почувствовала нежный поцелуй в лоб, открыла глаза и увидела Сашу.

– Что ты здесь делаешь? – Хелена резко села. – Уильям страшно беспокоился о тебе.

– Понимаешь, мне просто нужно было побыть одному. Подумать. Где Джулз и дети?

– У бассейна.

– О, – Саша кивнул. – Я пришел проститься с ними. Сегодня же улетаю домой.

– Конечно.

– Мне надо со многим разобраться в Англии, как ты понимаешь. И в себе, и в практическом плане.

– Я уверена. Виола безутешна.

– Она имеет на это полное право. Послушай, я хочу сказать, пока есть возможность, что прошу прощения... за все.

– Спасибо. – Хелена вылезла из гамака. – Тебе следует увидеться с женой. Подожди здесь пять минут, чтобы я смогла увести детей от бассейна в дом, прежде чем они увидят тебя. Тебе надо поговорить с Джулз наедине.

– Знаю, – он положил руку ей на плечо. – Но дай мне кое-что сказать... я знаю, что моя жизнь пошла наперекосяк. Я был эгоистом. Причинил боль и страдания многим людям, включая тебя и Уилла. И винить некого, кроме меня самого. Я не могу изменить прошлое, но, может быть, теперь я смогу искупить вину.

– Хотя бы перед своими детьми. – Хелена скрестила руки на груди.

– Конечно. Я... Хелена, прежде чем уйти, я хочу спросить у тебя одну вещь. Я... Хелена, пожалуйста!

Но она уже шла прочь.

* * *

Не прошло и получаса, как Джулз вернулась в дом. На кухне Хелена кормила Виолу и младших домашним лимонадом и печеньем, которое Ангелина сделала раньше.

– Все нормально? – осторожно спросила Хелена.

– Да. Виола? – сказала Джулз. – Папочка у бассейна. Хочешь повидать его?

Лицо девочки засияло.

– О-о-о, да! Можно мне встать из-за стола, тетушка Хелена?

– Конечно.

– А нам можно? – хором спросили Имми и Фред.

– Нет, – ответила Хелена.

– В общем, я рада, что с этим покончено, – резко сказала Джулз, когда Виола ушла. – Я сказала ему, что хочу развестись.

– Ты уверена, Джулз? Не лучше просто подождать, пока страсти немного улягутся?

– Нет, не лучше. Не против, если я выпью вина? Шесть уже пробило.

– Конечно, не против.

– В общем, он согласен на все, что я захочу. По крайней мере, он казался трезвым – в кои-то веки. – Джулз захихикала, наливая в бокал вино. – В отличие от почти бывшей жены.

– Он говорил, что возвращается в Англию, – сказала Хелена.

– Да, на что я объявила, что остаюсь здесь с детьми до конца лета. Он может подготовить дом и бороться с бейлифами за то, что нам позволено сохранить. Лошади должны хоть чего-то стоить, и, по крайней мере, они на мое имя. Я велела ему продать их как можно дороже.

– Хорошая идея. – Хелена внезапно восхитилась Джулз.

– Рупс отказывается встречаться с отцом. Он просто в ярости. Колледж Аундл был его мечтой. Завтра с утра я первым делом собираюсь туда позвонить. Узнать, нельзя ли чем-то помочь.

– Наверное, стоит попробовать.

– Да. В общем, развод не затянется, поскольку делить буквально нечего. Деньги, которые мне оставила мать, поддержат меня и детей какое-то время и обеспечат крышу над головой. Придется начинать сначала. Виола будет безутешна, когда Саша скажет ей, что мы разводимся, но в конечном счете, – Джулз задумчиво кивнула, – пожалуй, все к лучшему.

ДНЕВНИК АЛЕКСА

23 июля 2006 года

Надеюсь, когда я перейду в *ту* школу, мне не зададут написать стандартное сочинение «Как я провел скучное лето». Мое будет каким угодно, только не скучным. Они решат, что я все выдумал. Что я фантазер. В чем, честно говоря, меня уже обвиняли в прошлом.

Новейшая информация о том, кто пребывает в Пандоре и кто нет:
Саша приехал, потом уехал.

Папа приехал, потом уехал с Сашей в аэропорт. Потом вернулся.

Джулз уехала, потом приехала.

Хлоя приехала.

Мишель приехал с ней, потом уехал.

Папа снова собирается уезжать.

Мама едет с ним.

Сэди не приезжала и не уезжала.

Как и я.

Джулз остается со всеми нами, детьми, чтобы мама и папа могли вместе поужинать. Запоздалое празднование десятой годовщины свадьбы после фиаско позапрошлым вечером – хороший знак. Учитывая, что Джулз и Саше предстоит слово на букву Р, она сегодня кажется на редкость беззаботной. Даже, я бы сказал, на седьмом небе.

Кстати, почему именно седьмом?

И, по крайней мере, Хлоя сегодня дома. Парень с девчачьим именем привез ее час назад, точно к ужину.

Он красив, этот поганец «Вермишель», слов нет. Я хорошо разглядел его сегодня у нас на террасе, и Хлоя, вся такая скромница, держала его за руку под столом. Он высокий, стройный и смуглый, с отцовскими синими глазами. Совсем не похож на меня, и я бы искренне удивился, если бы мы оказались сводными братьями.

Не то чтобы внешность что-то значила в большой генетической лотерее. Очень часто у невероятно красивых детей кто-то из родителей похож на персонажа из «Семейки Аддамс».

Сегодня я был так близок...

Набрался храбрости произнести запретные слова. Мать была загнана в угол и, по-моему, была готова сказать мне. Но тут появилась эта тупая корова Джулз и момент был упущен.

Можешь не сомневаться, дражайшая матушка, я к этому еще вернусь. Я не уеду домой, не зная, кто я.

Недавно мне пришла в голову страшная мысль:

Что, если моя мать действительно не знает?

Что, если, ужаснейший ужас, я был результатом пьяного одноразового свидания?

Или, точнее, одноразового лежания?

Эта мысль приводит меня в ужас, но возникает вопрос, почему тайна половины моих генов, кажется, охраняется тщательнее, чем развязка финала «Гарри Поттера»...

Не может же все быть настолько плохо, ведь правда?

Но, полагаю, я, как обычно, позволяю воображению разыграться. Только недавно это начало становиться навязчивой идеей. И сегодня я впервые почти сумел задать ей вопрос. Может быть, мне надо просто спокойно сесть с ней, как сын с матерью, и спросить напрямую.

Да.

В остальном сегодня вечером я счастлив. В сущности, я в экстазе. Мой смертельный враг завтра утром уезжает. Больше мне не придется запираяться в Кладовке для метел и ждать, когда первые нотки зловонного лосьона после бритья донесутся через замочную скважину и предупредят меня о присутствии мародера. Кролик наконец высох, как и простыни, и, коли на то пошло, он выглядит лучше после проклятого купания. Я и забыл, что когда-то он был белым.

Джулз весь вечер щебетала о прелестях мистера Я-все-устрою, хотя понравиться ему у нее нет никакой возможности, даже если она сумеет закрыть рот дольше чем на пару секунд, наденет пару мешков себе на голову и завяжет ему глаза.

Ладно. Теперь я и правда фантазирую.

По крайней мере, мама поклялась мне, что она не собирается сбегать с ним, и я склонен ей верить. Надеюсь, сейчас она говорит папе то же самое.

И если авантюра с «Вермишелем» не обернется очередным мимолетным капризом Хлои, придется позаботиться об этом самому.

Но в данную минуту я счастлив пустить все на самотек. По крайней мере, сегодня все спокойнее. Единственная ложка дегтя в бочке меда – это бедняжка Виола, которая бродит по дому, как маленькое грустное привидение. Она, кажется, прибилась ко мне – неудивительно, учитывая, что родная мать все время говорит ей «встряхнись, выше голову» всего через несколько часов после того, как выяснилось, что ее родители разводятся.

Хлоя тоже была с ней ласковой: увела ее к себе в спальню поболтать о своем, о девичьем. В конце концов, она тоже дитя развода. Потом Виола появилась возле моей двери, хотя сначала я подумал, что это Хлоя, по великолепному аромату ее духов, который, кажется, пропитал весь дом. Хлоя дала ей флакончик и маленький браслет, чтобы ее подбодрить.

Сегодня Виола сказала мне, что со мной ей становится лучше, – очень мило. Я старался с обнимашками и прочим и позволил ей выплакаться, хотя и испугался, что моя постель снова промокнет, едва успев высохнуть.

Я дал ей почитать еще одну книгу из библиотеки, в которой я теперь расставил авторов в алфавитном порядке. Я выбрал «Николаса Никльби» – по крайней мере, это поможет Виоле понять: некоторым приходится в жизни еще тяжелее, чем ей. Хотя, признаться, ей сейчас весьма нелегко.

Упаси господи от такого меня и мою семью.

Я могу только молиться об успехе сегодняшнего ужина.

т'

Восемнадцать

– Доброй ночи, дорогуша, увидимся утром. – Хелена поцеловала Фреда в лоб и перешла к кровати Имми.

– Куда ты идешь? – дочь окинула ее подозрительным взглядом. – У тебя помада на губах.

– Погулять с папочкой.

– Можно мне с вами?

– Нет. Только папочка и я. Хлоя здесь, и Алекс, и Джулз.

– Мне Джулз не нравится. От нее пахнет, – сказал Фред.

– Ладно, вы двое, тихо. – Хелена подошла к двери и выключила свет. – Сладких снов.

Забирая из спальни сумочку, она услышала изнутри звонок мобильного и еле успела ответить, прежде чем звонивший дал отбой.

– Алло?

– Хелена! *Mia cara! Как ты?!*

Это был голос из прошлого, но она узнала бы его где угодно.

– Фабио! – лицо Хелены озарила радостная улыбка. – Боже мой! Как я рада слышать тебя!

– Удивлена, да?

– Чуть-чуть! Прошло, наверное, не знаю... больше десяти лет?

– По-моему, как минимум.

– Где ты был? Как *ты?* *И откуда ты взял мой номер?*

– Долгая история, *cara*, которую, знаешь ли, я с удовольствием тебе расскажу.

Хелена услышала, как Уильям окликает ее снизу.

– Фабио, я бы с радостью болтала всю ночь, но мы собираемся на ужин. Можно я запишу твой номер и перезвоню тебе? Где ты? Все еще в Нью-Йорке?

– Нет, я сейчас снова в Милане, но время от времени выезжаю с балетом Ла Скала. А ты в Англии?

– Ну, в основном, но прямо сейчас на Кипре. Мой крестный умер и оставил мне свой дом, так что я здесь с семьей на лето.

– А я еду в Лимасол через три недели! Помнишь, как мы танцевали жаркой летней ночью в чудесном амфитеатре? Лет пятнадцать назад.

– Как я могу забыть? – глаза Хелены заблестели от воспоминания. – На самом деле мы не так далеко от Лимасола, и, Фабио, я была бы счастлива увидеть тебя.

– И я тебя, *tia cara*. Мы слишком давно не виделись.

– Да.

– Тогда я посмотрю, смогу ли приехать на Кипр раньше, чем планировал, и злоупотребить твоим гостеприимством на денек-другой, – объявил он.

– Чудесно. Тебе лучше звонить по этому номеру?

– Si, это мой мобильный номер, можешь звонить мне на него днем и ночью. Итак, моя Хелена, мы поговорим завтра и все устроим. Ciao.

– Ciao, Фабио.

Хелена немного посидела с мобильником в руке, вспоминая.

– Кто это был, мама? – у двери стоял Алекс.

– Это, дорогуша, был мой старый партнер, с которым я не разговаривала по меньшей мере десять лет. И я так рада его звонку, – она улыбнулась и поцеловала Алекса в макушку. – Так, я должна идти. Папа ждет.

Уильям вел машину вверх по склону, и оттого, что они рядом и наконец одни, у Хелены сосало под ложечкой.

– Куда едем? Я бы предпочел не в «Таверну Персефоны», если ты не против, – сказал он.

– Ну, всегда есть Пейя, это довольно милый городок, до него несколько миль в сторону побережья. Не такой красивый, как Катикас, но я помню маленькую таверну недалеко от него. Ангус однажды меня туда водил. Когда-то она славилась изумительным видом.

– Звучит неплохо. Мы можем доехать до Пейи и там спросить дорогу.

После нескольких неправильных поворотов они приехали в Пейю, которая лопалась по швам от местных и туристов. Уильям остановился и пошел расспросить владельца лавки о ресторане, который упомянула Хелена.

– Нам повезло: лавочник хорошо знал место, о котором ты говорила, и даже нарисовал мне карту, – сказал Уильям, когда вернулся

в машину, размахивая клочком бумаги.

В конце концов они добрались до таверны и, поднявшись по лестнице, вышли на изогнутую каменную террасу. Столики с горящими свечами защищала громадная деревянная пергола, щедро увитая старыми лозами. Терраса была забита посетителями, но они сумели найти столик возле низкой стены, ограждающей террасу, с ошеломительным видом на закат и побережье.

– Что ж, это совсем другое дело, – сказал он, заказывая графин местного красного вина. – Привет, Хелена. Меня зовут Уильям. Рад познакомиться. – Он протянул ей руку над столом, и она вежливо пожала ее.

– Ты прав. Кажется, мы очень давно так не делали.

– В любом случае этот отдых получился не совсем таким, как мы ожидали, да?

– Да.

– Что ж, давай надеяться, что теперь, когда Саша возвращается в Англию, а Джулз и компания завтра уезжают на виллу Алексиса, все уляжется. Ты выбрала?

– Я возьму сувлаки из курицы. – Есть не хотелось совершенно.

– А я рыбу. – Уильям окликнул официанта и сделал заказ. Он поднял бокал. – Твое здоровье. И с прошедшей годовщиной, дорогуша.

– Спасибо. И тебя, – натужно ответила она.

– Итак, в машине ты упомянула, что знаменитый Фабио приезжает на Кипр, – сказал Уильям. – Кажется, все дороги Хелены – прошлые, настоящие и будущие – ведут в Пандору.

– Это скорее совпадение. Балет Ла Скала будет неделю выступать в амфитеатре Лимасола. Я когда-то участвовала в таких гастролях.

– Жаль, я не видел, как ты танцуешь.

– Ты видишь. Каждое утро.

– И позавчера вечером, – добавил он с печальной улыбкой. – Я имел в виду на настоящей сцене, на пуантах и с этим плоеным воротником на талии.

– Ты имеешь в виду балетную пачку.

– Именно. – Уильям пригубил вино, потом спросил: – Как жилось эти пару дней?

– Нормально. Просто присматривала за всеми.

– Я не об этом.

– Знаю. – Хелена повертела в руках кусок хлеба из корзинки на столе, потом быстро сменила тему: – Представляешь, Сэди еще не вернулась. Она все еще в деревне с этим парнем, с которым познакомилась на празднике. Ему двадцать пять, и он, по-видимому, плотник. Она от него без ума.

– Рад за нее, но, дорогуша, нам действительно надо поговорить, – Уильям твердо вернул разговор в прежнее русло. – Мы с Алексисом поболтали, пока я был у него. Он извинился передо мной, сказал, что его поведение по отношению к тебе и ко мне было неподобающим. Признаться, не особенно приятно, когда другой мужчина с вожделением смотрит на твою жену, но я принял извинения. И должен признать, что он славный малый. С Сашей он тоже поладил и дал ему много разумных советов. Такова *его* версия. Как насчет тебя, Хелена? Ты еще питаешь затаенную страсть к Алексису, какую, по его признанию, он питал к тебе?

– Нет, Уильям, клянусь тебе. Разумеется, когда я увидела его, это напомнило мне о юности, но и только, даю слово. Я не могу заставить тебя поверить мне, – вздохнула она, – но это правда.

– Я тебе верю. Если бы не верил, что бы с нами было? Напрасно я усомнился в тебе. Мы оба знаем, что самое главное в браке – доверие, хотя, откровенно говоря, я иногда чувствую, что ты мне не доверяешь. Твои самые сокровенные мысли то есть.

– Ты прав, – согласилась Хелена. – Мне так жаль, Уильям. Просто мне трудно.

– Еще Алексис сказал мне, что есть что-то, что ты должна рассказать мне сама.

– Он так сказал? – Хелена сглотнула, сердце заколотилось.

– Да. Другими словами, он считает, что тебе надо рассказать мне ради тебя самой. – Уильям потянулся через стол и накрыл ее руку своей. – Так, дорогуша, что это было? Что случилось?

– Я... – глаза Хелены наполнились слезами, – не могу...

– Можешь... – В этот момент их прервали: официант принес еду, дав Хелене паузу, чтобы взять себя в руки.

Когда официант ушел, Уильям снова взял ее за руку и продолжил:

– Дорогуша, у меня было время подумать об этом за эти дни, и не надо быть гением, чтобы догадаться, так что я облегчу тебе задачу. Ты забеременела от Алексиса?

– Да. – Хелене стало дурно, но слово – и правда – прозвучало, и она не могла взять его обратно.

– Так что случилось с ребенком?

– Я... сделала аборт.

– Алексис знал?

– Тогда – нет. Я узнала, что беременна, только когда вернулась в Англию.

– Ты сказала ему?

– Не тогда. Только недавно, в тот день, когда ты забрал детей на пляж, чтобы дать мне отдохнуть.

– Господи, неудивительно, что вы оба выглядели так странно, когда мы вернулись. Я знал, что что-то случилось, но не знал, что именно, вот и заподозрил худшее. Хотя теперь понятно, почему он тебя утешал. Совсем как утешил бы я, если доверилась бы мне. – В его взгляде был намек на гнев, но также и сочувствие. – И что ты сделала?

– Я знала, что не могу сохранить ребенка. К тому времени я была пансионеркой в Королевской балетной школе, так что пришлось ждать до половины срока. Я нашла клинику в «Желтых страницах» и записалась. Вернувшись домой, я сказала матери, что у меня сильное расстройство желудка, и до конца недели пролежала в постели, приходя в себя.

– Так ты прошла через все это одна?

– Я не могла никому сказать, Уильям. Мне едва исполнилось шестнадцать, и я была перепугана до смерти.

– Ты даже не подумала сказать Алексису? Ты же могла написать ему? Он явно любил тебя, хотя как он мог принудить тебя ко взрослым отношениям, когда тебе было всего пятнадцать, я не понимаю. Иногда мне хочется свернуть ему шею, как ты понимаешь.

– Уильям, он не знал, что я несовершеннолетняя. Я сказала, что мне почти семнадцать. Я солгала, потому что знала: иначе он ко мне не прикоснется.

– А ты хотела, чтобы прикасался, – Уильям поморщился. – Прости, Хелена, прости, что с трудом перевариваю этот разговор.

– Поэтому я никогда тебе и не рассказывала, – прошептала она.

– Поэтому ты была так напряжена перед отъездом в Пандору? Думала, что Алексис, возможно, еще здесь и правда выйдет наружу?

– Отчасти поэтому, – согласилась она, – но не думала, что ты заметишь.

– Конечно, я заметил. Все заметили. Мы все беспокоились о тебе.

– Правда? Прости. Я просто... – Хелена покачала головой и постаралась сдержать слезы, которые не имела права проливать. – Я не знала, что делать.

– Лично я нахожу, что правда – путь даже мучительная – всегда лучше лжи. В любом случае, дорогуша, теперь я, по крайней мере, знаю, и мне очень жаль, что тебе пришлось пройти все это в одиночестве и такой юной.

– Пожалуйста, не извиняйся, Уильям. То, что я сделала, с тех пор терзало меня. Я никогда не смогу по-настоящему простить себя.

– Придется постараться, Хелена. Мы все совершаем ошибки, и даже ты должна понять, что, если вспомнить и подумать, ты все сделала правильно, – мягко добавил Уильям. – Если, конечно, не собиралась вернуться сюда и выйти за Алексиса.

– Это был летний роман... я... *мы* были из совершенно разных миров и так молоды. Я полностью порвала с ним. Думала, лучше ему никогда не знать.

– Так ты хранила секрет все эти годы и никогда никому не говорила?

– Никогда.

– И ты не связалась с Алексисом потом?

– Я только что сказала... я не могла, – у нее на глаза навернулись слезы. – Ты представить себе не можешь, как мне было стыдно... до сих пор стыдно.

– Ну, надеюсь, теперь, когда тайна раскрыта, это поможет тебе исцелиться. И осознать, что у тебя просто не было выбора. Я очень, очень сожалею о том, что случилось с тобой, дорогуша. Ты была совсем девочкой – ненамного старше Хлои – и, вероятно, даже не такая искушенная, как она. Как жаль, что ты не могла рассказать матери.

– Господи, Уильям! – Хелена пришла в ужас от такой мысли. – Она бы, наверное, выгнала меня из дома и отреклась от меня. Она была очень порядочная и старомодная. Больше, пожалуй, похожа на бабушку.

– Что ж, может быть, из-за того, что у тебя не было матери, которой можно довериться, тебе так трудно полагаться на других. И, что важнее, доверять им. Пожалуйста, дорогуша, – Уильям нежно сжал ее руку, – поверь: я на твоей стороне. На самом деле.

– Я знаю. И прости меня.

– Ну, еще один вопрос, пока мы проясняем недомолвки...

– Что?

– Ты уверена, что не хочешь сказать мне, кто отец Алекса? Я убедил себя, что это Алексис – и уверен, Алекс тоже, – и теперь снова придется начинать сначала.

– Уильям, пожалуйста! Я говорила тебе раньше, это был просто какой-то безымянный тип, с которым я переспала, – сказала Хелена, нахмурившись от напряжения.

– Я помню. Только я слишком хорошо тебя знаю – и особенно учитывая, что ты только что мне рассказала, в это трудно поверить. Не в твоём характере «просто переспать», Хелена. Если только тогда ты не была совсем другим человеком.

– Гулящей, ты хочешь сказать? – вздохнула она. – После сегодняшних откровений, уверена, именно так ты обо мне и думаешь.

– Конечно, нет. Тебе было двадцать девять, когда мы поженились... естественно, в твоём прошлом были мужчины. Мой послужной список с женщинами едва ли безупречен, как ты знаешь, так что, пожалуйста, не думай, что я осуждаю тебя. Я был женат на тебе десять лет, и мне просто хотелось бы знать правду, вот и все.

– Давай не будем от этого, Уильям. Я рассказала тебе то, что ты хотел знать, и... – слезы от утомления и раздражения наконец хлынули из глаз Хелены.

– Хорошо, довольно, – сказал он мягко, видя ее отчаяние. – Спасибо, что сказала мне о ребенке, дорогуша. Теперь худшее позади.

«Если бы», – печально подумала Хелена.

* * *

По дороге домой Уильям держал ее за руку над рычагом переключения передач, как когда-то, когда они только познакомились. Его лицо было спокойнее, он выглядел более расслабленным. Он

остановил машину перед Пандорой, выключил двигатель и повернулся к ней.

– Я люблю тебя, Хелена, пожалуйста, поверь мне. Что бы ты ни сделала до меня, это не имеет значения. Ты чудесная жена, мать и человек, так что, пожалуйста, перестань себя мучить. – Он нежно поцеловал ее в губы и погладил по волосам. – Я хочу забрать тебя в постель. Прямо сейчас. Давай проскользнем через дверь в кухню, чтобы нас не отвлекли.

Руку об руку они пошли к задней двери.

Уильям открыл ее как можно тише, и они на цыпочках прокрались по темному коридору на второй этаж.

* * *

Позже Хелена лежала в объятиях Уильяма, чувствуя, как прохладный ветерок от вентилятора гуляет по обнаженной коже. Уильям, как всегда, сразу же уснул. За напряжением последних недель она забыла, какое утешение может принести занятие любовью. Она была спокойна и благодарна, что сказала ему, даже если того, чего он знать не мог, было куда больше.

На мгновение у Хелены промелькнула мысль, сможет ли остальная ее история остаться в тайне... сможет ли она наконец забыть обо всем, навсегда остаться вот так, в надежных объятиях Уильяма. Не страшась момента, когда он обнаружит правду. И бросит ее.

Хелена закрыла глаза и постаралась расслабиться. Этой ночью он был с ней и они снова были близки. Она должна быть благодарна за это. И наконец она уснула.

* * *

– Мамочка, ты проснулась? – шелковистые волосы Имми щекотали ей нос.

– Нет, я крепко сплю. – Хелена знала, что Имми смотрит на нее, внимательно изучая.

– О, но ты говоришь, значит, наверное, проснулась.

Фред ущипнул маму за руку, и та подскочила.

– Ой! Ты что делаешь?!

– Я тебя бужу, – объявил он логично. – Я хочу молока.

– Доброе утро, дорогуша, – Уильям протянул руку мимо Имми и погладил Хелену по плечу. – Я пойду вниз и сделаю чай. – Он уже встал и тянулся за трусами. – А вы двое мне поможете, – сказал он Фреду и Имми.

– Папочка, а почему на вас с мамочкой нет одежды? – спросила, двинувшись за ним, дочь.

– Ночью было очень жарко, – услышала Хелена его ответ, когда все трое вышли из комнаты.

– Ну, я вот считаю, папочка, что в постели надо оставаться в трусах.

– Я тоже, – сказал Фред.

Хелена лежала и улыбалась, слушая этот разговор. Этим утром она чувствовала себя посвежевшей, словно гроза миновала, оставив за собой спокойный свежий воздух.

– Теперь-то мы действительно сможем отдохнуть, – пробормотала она про себя.

Август 2006 года

Отъезды

ДНЕВНИК АЛЕКСА

8 августа 2006 года

Последняя пара недель прошла как нормальный семейный отдых. Больше никаких Греческих трагедий, Похитителей кроликов, Давильщиков винограда, Разводов или Пьяниц.

Даже приятно – после всех волнений и напряжения. Вообще-то я ненавижу это слово. «Приятным» бывает опрятный домик в пригороде, похожие друг на друга анораки для загородной прогулки на похожих друг на друга владельцев. Такие люди владеют одной хорошо воспитанной собакой и ездят на «Ниссанах-микра». В слове «приятный» – заурядность среднего класса, то есть большинства западного мира.

Разумеется, сами они заурядными себя не считают. Иначе бы застрелились. Потому что все мы стремимся быть личностями. Мы не муравьи, чьи многочисленные колонии и отменная организация не перестают меня удивлять. Достаточно понаблюдать, как они набрасываются на крошечный кусочек шоколада, который Фред роняет на кухонный пол. Они напоминают мне нацистов, или русскую Партию социалистов-революционеров, или миллионные отряды председателя Мао: вышколенные и безмозглые.

Я был бы не против познакомиться с вождем муравьев. В моем представлении он, возможно, – как все диктаторы-психопаты – невысокий и уродливый, с любовью к растительности на лице.

Возможно, я сделал бы карьеру, отрасли я усы...

Кстати, насчет застрелиться. Не все так радужно, поскольку Мишель и Хлоя все еще вместе. В сущности, они редко врозь. К сожалению, он хороший парень и мне на самом деле нравится с учетом сложившихся обстоятельств: он спокойный, смысленный и вежливый.

Он обожает ее, и она обожает его.

Единственное спасение – Хлоя должна скоро уехать к матери, отдыхающей во Франции. Конечно, я буду ужасно по ней скучать, но, по крайней мере, она будет вне опасности. А когда мы встретимся в

следующий раз, я снова буду на своей – или хотя бы школьной – территории.

И это еще одна (маленькая) ложка дегтя в бочке меда. Когда я сюда приехал, до той школы у меня оставалось еще целое лето. И вдруг уже август. Мы больше не в начале отдыха. Мы приближаемся к финишу.

Я слышал на днях, как мать говорила по телефону, заказывая мне именные метки. «Александр Р. Бомонт».

Я отказываюсь раскрывать, что означает «Р». Могу только сказать, что это ужасно до невероятия. Как и форма, к которой эти метки должны быть прикреплены. Я также воздержался от упоминания в этом дневнике настоящего названия школы, которую должен посещать. Могу только сказать, что на завтрак там являются в белом галстуке и с черными фалдами и что там получали образование несколько поколений британских королей.

Я выиграл академическую стипендию. Скажем прямо, я бы никогда не попал туда на основании происхождения, учитывая, что я знаю только источник яичников, а не спермы, которые породили меня.

Интересно, они знают, что я незаконнорожденный?

По крайней мере, с одной стороны, это показывает, как изменились времена. С другой стороны, учитывая все, что я читал об истории нашей королевской семьи, я и мой неизвестный генофонд окажемся, по-видимому, в хорошей компании.

По-настоящему же страшно то, что, кроме имени, мои будущие одноклассники не знают обо мне ничего. Придется доказывать, на что я способен, группе незнакомцев, с которыми, нравится мне это или нет, я должен буду сосуществовать следующие пять лет. Мой краеугольный камень, единственный человек, который понимает меня, будет за много миль от меня. Моя спальня дома будет пустовать неделями.

Фред уже попросил разрешения забрать мою золотую рыбку, когда я уеду, а Имми – мой портативный DVD-плеер. Они как крохотные стервятники, лакомящиеся перспективой моего отъезда. Мне бы хотелось думать, что они будут скучать по мне, но я знаю, что они скоро привыкнут к моему отсутствию. Семья как ведро воды: вычерпни один стакан (меня), и оно все равно будет выглядеть полным. А тут, очевидно, целое озеро.

И что, если одноклассники будут как Рупс? Возможно, я буду мертв к Хеллоуину.

Я начинаю серьезно паниковать при мысли, что меньше чем через месяц пойду в новую школу... в смысле я просто мальчик из семьи среднего класса, который никогда не был на охоте на шотландскую куропатку и считает, что поло – это конфеты с дыркой. В моей старой школе было так плохо с возможностями, что нас раз в неделю возили на автобусе в местный бассейн.

Предполагалось, что я буду решать, ехать туда или нет. Но когда я выиграл стипендию, все просто забыли спросить меня, считая само собой разумеющимся, что я этого хочу.

Положительный момент: по крайней мере, до Хлои будет всего пара миль. Очевидно, ее и моя школы устраивают совместные «танцы». Господи, может, стоит попрактиковать вальс и прочие бальные танцы, учитывая, что все, на что я способен, это сгибать колени туда-сюда под «Крейзи» в исполнении «Гнарлз Баркли».

Хотя сердце разрывается, когда я вижу ее с «Вермишелем», мысль, что она будет близко, когда мы уедем, склеивает его обратно. И, как говорится, с глаз долой – часто из сердца вон. Плюс на Хлою явно произвело впечатление, что я выиграл там стипендию. В настоящий момент это единственное, что утешает меня при мысли об одиноком будущем с черными фалдами...

Я лежу в кровати в моей Кладовке для метел... спешу добавить, что наверху теперь есть свободная комната, но, когда мать спросила, хочу ли я вернуться туда, я отклонил предложение. Странно, что я хочу остаться здесь, но мне здесь комфортно. И всегда есть что почитать.

Сегодня я выбрал стихотворения Китса и читаю, э-э-э, «К Фанни». Я бы такой заголовок не выбрал, но слова чудесные, и это прописная истина, что страдание не любит одиночество. Мне становится легче от знания, что кто-то другой когда-то чувствовал то же, что я.

«Мне подари всю душу, всю до дна,
Иначе я умру...»^[7]

Потом я слышу осторожные шаги в коридоре – женские и мужские, – и слеза скатывается по щеке.

Я слишком хорошо знаю боль безответной любви.

Девятнадцать

Хелена потянулась вперед и отвела левую ногу, выполняя *арабеск*. Она удерживала позицию несколько секунд, потом, совершив пируэт, пролетела по террасе и плюхнулась на стул, вся взмокшая.

В половине девятого солнце уже обжигало. С наступлением августа температура заметно поднялась, и обитатели Пандоры сдались и уступили вызванной жарой апатии. Даже младшие были сравнительно вялыми, их обычный уровень бешеной активности смягчился безжалостным солнцем. Они начали просыпаться после девяти, и вслед за ними весь дом снизил темп.

Именно таким Хелена и представляла отдых в Пандоре: дни проходили у бассейна или на пляже с перерывом на ланч, потом сиеста для всех. Уильям, сбросив, образно говоря, пиджак и галстук, проводил время с семьей и начал расслабляться. С того вечера, когда она рассказала ему о потерянном ребенке, они вновь сблизились – и физически, и душевно. Хелена никогда еще не чувствовала себя более умиротворенной – или любимой, – чем за последние дни. Похоже, устроив смуту вначале, Пандора теперь оплетала волшебными чарами всех своих обитателей.

Долгие жаркие вечера проводились на террасе *en famille* или с гостями. Мишель, парень Хлои, стал почти неотъемлемой частью дома, поскольку и Хелена, и Уильям решили, что гораздо лучше принимать его и сохранить хотя бы подобие контроля над Хлоей, чем отсечь их обоих. Как заметила Хелена, противодействие родителей и притяжение запретного порождают гремучую смесь.

И если Уильяму была неприятна мысль, что за его дочерью ухаживает сын человека, у которого когда-то, при очень схожих обстоятельствах, были отношения с его женой, он мастерски это скрывал.

Алексис снова пришел на ужин – на этот раз по приглашению Уильяма. Напряжение, существовавшее между ними раньше, казалось, рассеялось, и Хелена чувствовала, что между мужчинами возникла искренняя, пусть и сдержанная, приязнь друг к другу. Сэди и Андреас,

влюбленный молодой плотник, также иногда присоединялись к ним по вечерам. И хотя Андреас почти не участвовал в разговорах из-за скудного английского, они казались безумно счастливыми. Как сказала Сэди, они понимали друг друга в том, что имело значение. Даже Хелена была вынуждена признать, что «Адонис», как шутливо, но точно прозвали его подруги, был великолепен.

– Буду жить сегодняшним днем и расплачиваться завтра, – пожалала плечами Сэди, когда Хелена спросила, куда ведут эти отношения. – Даже если бы я знала, то не смогла бы сказать ему, – рассмеялась она. – И это меня вполне устраивает.

Они редко видели Джулз, с тех пор как та с детьми покинула Пандору и временно поселилась на вилле Алексиса. Но Виола, регулярно приезжавшая на старом велосипеде Хелены, говорила, что ее мама, кажется, в порядке. Хелене очень не хотелось нарушать нынешнюю спокойную атмосферу в Пандоре, но пора было звонить Джулз, чтобы та не чувствовала себя брошенной.

Восстановив дыхание после экзерсисов, она поднялась на ноги, прошла вдоль затененной части террасы, время от времени останавливаясь, чтобы полюбоваться цветами, которые посадила в старых каменных урнах, стоявших там со времен Ангуса. Обрывая увядшие цветы и автоматически проверяя землю на влажность кончиками пальцев, она с удовольствием отметила, что все процветает. Розовые и белые герани, вдвое больше тех, что она растила дома в Хэмпшире, боролись за внимание с душистыми гардениями и великолепными красными гибискусами.

Дойдя до конца террасы, Хелена облокотилась на балюстраду и посмотрела на сады, уходящие к оливковым рощам. С помощью Анатоля, родственника Ангелины, она начала заполнять клумбы олеандрами, лавандой и пасленом, которые, если повезет, проживут на невыносимой жаре несколько лет. Когда она упивалась видом, мимо пролетела бабочка – желтый отсвет на фоне ослепительного лазурного неба; тишину нарушало только тихое фоновое пение цикад.

Хелена прошла по террасе обратно на кухню. Теперь, оглядываясь назад, она понимала, что Уильям был прав: подготовка к этому отдыху, со всеми сложностями, была крайне напряженной. Помимо всего прочего, до возвращения она не знала, что может почувствовать, если снова увидит Алексиса... и, если увидит, что скажет ему о своем

давнем исчезновении после проведенного вместе лета. Теперь ей хотелось верить, что буря миновала и, возможно даже, сдула кое-какую паутину, оставив основную конструкцию невредимой.

Остальная запутанная головоломка, созданная и судьбой, и ее собственными неловкими руками... ну, кто знает?

Она будет жить сегодняшним днем. И сегодняшний день был прекрасен.

* * *

– Доброе утро, дорогуша, – Уильям появился и поцеловал ее оголенное плечо, когда она наполняла чайник. – Что сегодня по расписанию?

– Ничего особенного. Надо попросить Ангелину приготовить гостевую комнату для Фабио, он приедет через пару дней.

– Что ж, уверен, ты с нетерпением ждешь встречи, но должен признать, было чудесно побыть одним. – Он обхватил ее руками за талию и поцеловал в шею.

– Да, очень, но ты прав: я как нетерпеливый ребенок. Прошло столько времени. – Хелена отстранилась от него и потянулась за тарелками для мюсли. – Не забудь, что тебе надо оторвать Хлою от Мишеля на несколько часов и сводить ее до отъезда на ланч. Вам следовало бы побыть вдвоем как отцу с дочерью, пока можете.

– Я очень постараюсь, но убедить ее посидеть со старым папой вместо юного и очаровательного Мишеля будет ой как непросто.

– Да, и еще: можешь ли ты поглядеть на тот ящик в столе Ангуса, о котором я тебе говорила? Не хочу его взламывать, но страшно любопытно, что там внутри.

– Давай я отведу детей на утреннее купание, а потом посмотрю, что можно сделать.

Хелена глянула на часы.

– Уже почти десять! Никогда не думала, что услышу от себя такое, но, пожалуйста, разбуди Имми и Фреда, иначе вечером мы не уложим их в постель до полуночи.

Уильям ушел, а Хелена, тихонько напевая, возилась на кухне. Выглянув в окно, она увидела необычайное зрелище. Рупс ехал вниз

по склону, опасно балансируя на маленьком велосипеде, позаимствованном Виолой.

Он неуклюже остановился возле задней двери и подошел к дому.

– Заходи, открыто! – крикнула Хелена.

Рупс появился, раскрасневшийся и в промокшей от пота футболке.

– Привет, Рупс. Ты выглядишь сваренным, хочешь воды?

– Да, Хелена, пожалуйста. Господи, ну и жара! Я буду рад вернуться в Блайти – добрую старую Британию. Кондиционер на вилле барахлит, и я не могу спать.

– Во вчерашней газете написано, что это лето самое жаркое почти за сто лет. – Хелена пошла к холодильнику, налила большой стакан воды и подала ему. – Как мама?

– В порядке. – Руперт опрокинул воду в три глотка. – По-любому лучше, чем раньше. Впрочем, хуже и быть не могло, правда?

– Да. Так или иначе, рада тебя видеть.

– Ага. Я привез сообщение. Две вещи: мама хочет пригласить вас всех сегодня на ужин, если вы не заняты.

– О, очень мило с ее стороны. Я как раз собиралась позвонить и предложить то же самое. Мне надо будет проверить, сможет ли Ангелина посидеть с детьми, потому что для Имми и Фреда будет слишком поздно, но мы, все остальные, с удовольствием.

– А еще... э-э-э... Алекс здесь?

– Думаю, где-то здесь. Позвать его?

– Спасибо.

Хелена вышла в коридор.

– Алекс? К тебе пришли, дорогуша.

– Иду, – простонал сонный голос.

– Он выйдет через секунду. Боюсь, мы все стали подолгу валяться в постели, – извинилась Хелена. – Как Виола? Она вчера не приезжала.

– Вроде ничего. Скучает по отцу, и жара ее тоже доконала.

– Неудивительно, с ее-то волосами и кожей. – Хелена с трудом поддерживала разговор и обрадовалась, когда появился Алекс. Она заметила, как сын спал с лица, увидев гостя.

– Привет, Рупс, – пробурчал он.

– Привет, Алекс.

– Чем могу быть полезен?

– Ну, м-м-м, дело в том...

– Не буду вам мешать, хорошо? – быстро сказала Хелена, поняв, что она лишняя. – Увидимся вечером, Рупс. В районе восьми?

– Ага.

– В общем, – Рупс откашлялся, когда Хелена вышла из кухни, – ты, э-э-э, знаешь... что случилось с нашей семьей?

– Да.

– Проблема в том, что теперь родители не могут позволить себе послать меня в Аундл – даже с моей спортивной стипендией. Понимаешь, это всего двадцать процентов платы.

– Понимаю, – согласился Алекс.

– Мама созвонилась с казначеем, все ему объяснила, и тот сказал, что они могли бы подумать о том, чтобы дать мне полное пособие, по принципу нуждаемости, разумеется. Понимаешь, я им все равно нужен из-за регби. У меня отбор для молодежной сборной Англии через несколько недель.

– Это же хорошая новость, правда?

– Вроде того.

– И?

– Ну... общий вступительный экзамен я сдал так себе. Честно говоря, не особо напрягался, потому что знал, что они берут меня ради спорта. Но чтобы получить пособие, им надо, чтобы я через неделю сдал их собственный академический экзамен.

– О, – сказал Алекс. – Ну да.

– Дело в том, что, если я не сдам, меня отправят куда-нибудь в местную общеобразовательную. – Рупс повесил голову.

– Ясно. Только при чем здесь я?

– А ты как думаешь? – Рупс возбужденно взмахнул руками. – Мы все знаем, что у тебя мозг размером с Россию.

– На самом деле в наши дни Россия гораздо меньше, чем была когда-то, но все равно спасибо.

– Алекс, – Рупс оперся ладонями на стол. – Мне надо сдать этот экзамен, но у меня паршиво с английским, еще хуже с французским и почти сносно с математикой и естествознанием. Меня надо поднатаскать по гуманитарке. Ты не... – он кашлянул. – Ты pomoжешь мне?

Алекс присвистнул.

– Чтоб мне провалиться! Рупс, ты хочешь, чтобы я с тобой занимался?

– Ну да. Маме уже прислали экзаменационные билеты. Можешь разобрать их со мной?

Алекс подпер подбородок рукой и вздохнул.

– Честно говоря, Рупс, не уверен, что подхожу для этого. Я никогда раньше никого не учил.

– У меня больше никого нет. Я заплачу тебе, если хочешь. У меня отложено несколько фунтов, даже если у родителей ничего нет. В сущности, я сделаю все, что угодно. Ты моя единственная надежда.

– Не факт, что у меня получится подготовить тебя. В конечном итоге все будет зависеть от тебя.

– Я буду работать как зверь. Все, что ты скажешь. *Пожалуйста.*

– Хорошо, – Алекс медленно кивнул, – но мне не нужны твои деньги. Просто извинись за то, что вел себя как козел.

– Лады. – Рупс глубоко вдохнул и, поморщившись, выдохнул: – Прости.

– За то, что вел себя как козел, – подсказал Алекс.

– За то, что вел себя как козел, – пробормотал Рупс.

– Так. Когда ты хочешь начать?

– Как можно скорее.

– Тогда не будем откладывать. – Алекс встал. – Я хочу, чтобы сегодня к вечеру ты написал мне сочинение на пятьсот слов о том, как, по-твоему, можно покончить с травлей в школах и как следовало бы наказывать школьных хулиганов. Я поставлю соответствующую оценку, а потом мы вместе разберем текст, чтобы ты увидел ошибки. Хорошо?

Руперт покраснел, но кивнул.

– Хорошо, договорились. Ну, я пошел.

– Конечно. Пока, Рупс.

– Ага, пока.

* * *

– Дорогуша, я наконец сумел открыть ящик, – объявил Уильям, когда вечером зашел в спальню.

– Правда? – Хелена повернулась к нему, вся в предвкушении. – И?
– Увы, там пусто, хотя стол не мешало бы обработать от древоотцов. Мелкие вредители пожирают его заживо.
– О, – сказала она разочарованно. – Я-то думала, что там может быть намек на потерянную любовь Ангуса.
– Что ж, по крайней мере, я ухитрился залезть туда, не сломав замок, – Уильям посмотрел на часы. – Ты готова? Уже почти восемь.

* * *

– Джулз, ты выглядишь фантастически! Правда, Хелена? – сказал Уильям.

– Абсолютно, – согласилась Хелена. За прошедшие две недели Джулз явно сбросила вес, и потерявшая расплывчатость фигура придала ей изящество статуэтки и подчеркнула мускулистые загорелые ноги. В ее обычно неопределенно-каштановых, мягко обрамляющих лицо волосах теперь поблескивали вызолоченные солнцем пряди. Вдруг стали заметны точеные скулы, а темные глаза сияли новообретенной уверенностью.

– Льстецы, – с напускной скромностью ответила Джулз и повела их на террасу виллы. – Просто последнее время не хотелось есть. Кажется, травма – лучшая диета. И бесплатная, – добавила она со смешком. – Хлоя не здесь?

– Нет. Кто бы мог подумать – ушла с Мишелем, – ответила Хелена. – У них пара вечеров до ее возвращения во Францию.

– Мишель славный мальчик, – подтвердила Джулз. – Приходил сюда чинить кондиционер. Хотите выпить?

– Привет, тетушка Хелена, дядя Уильям. – Виола поцеловала крестного, потом обняла Хелену за талию.

– Привет, дорогуша. Как ты? – спросила она.

– Все хорошо, – она оживленно кивнула. – Представляете? Мамочка разрешила мне взять кисочку!

– Правда?

– Только на время отдыха, Виола, – поправила Джулз. – Алексис присмотрит за ней, когда мы уедем.

– Хочешь посмотреть ее? – Виола потянула Хелену за руку. – Она спит в моей кровати, и она *такая милая!*

– С удовольствием, дорогуша.

– Я назвала ее Афро, в честь богини, а еще потому, что у нее такая длинная кудрявая шерстка, – объясняла Виола, когда вела Хелену за руку по вилле.

Через несколько секунд у входа на террасу появился Рупс. Он поманил Алекса, тот кивнул и пошел за ним в дом.

– Ну, Уильям, – сказала Джулз, подавая ему бокал вина, – как тебе тут нравится?

Он прошелся по большой террасе, явно недавно облицованной однотонным кремовым камнем.

– Вид отсюда соперничает с Пандорой, это уж точно, – сказал он, остановившись, чтобы полюбоваться.

– Алексис построил виллу специально так, чтобы получить лучший вид на море. – Джулз указала на долину. – Прямо между теми двумя холмами. Мне так здесь нравится. Все новое, свежее и удобное. Хотела бы я остаться здесь подольше.

– Как обстоят дела? – спросил Уильям. – Я не говорил с Сашей с тех пор, как он уехал в Англию, хотя оставил ему несколько сообщений.

– Мы общались по электронной почте. По его словам, ему дали шесть недель, чтобы собрать все в доме и убраться. А я сказала, что не собираюсь возвращаться и помогать ему. Честно говоря, Уильям, я просто не могу. Если бы он только изначально оформил дом и на меня тоже, все могло бы быть по-другому.

– Согласен, – признал Уильям. – Что будет с твоими вещами?

– Я попросила его отправить их на склад, пока я не решу, где мы втроем будем жить.

– Есть идеи?

Джулз пожала плечами.

– В настоящий момент неясно. Я еще надеюсь, что Рупс сможет получить пособие от Аундла, то есть *если* сумеет сдать академический экзамен. И если я вернусь в Англию, то, возможно, перееду поближе к его школе и сниму что-нибудь. Виоле придется пока ходить в местную начальную школу.

– Звучит разумно.

– Ну, отчасти мне вообще не хочется больше видеть Англию, как ты понимаешь. Мне здесь очень нравится, но отныне мне надо будет работать, разумеется.

– Что ты будешь делать?

– Я была очень неплохим агентом по недвижимости до того, как бросила все, чтобы присматривать за Рупсом, помнишь? Уверена, что смогу найти кого-нибудь, кто возьмет меня на работу с учетом моего опыта.

– Что ж, я рад, что ты начала двигаться дальше, Джулз, – сказал Уильям. – Тебе пришлось нелегко.

– У меня просто нет выбора, верно? Как говорится, спасение утопающих – дело рук самих утопающих. И Алексис такой молодец. Полная противоположность Саше – во всем. Он по-настоящему заботился обо мне с тех пор, как я сюда переехала, и ему это совсем не обременительно. Он ужинает с нами, но сегодня ему пришлось поехать в Лимасол, так что он сказал, что немного опоздает.

– Мамочка, тетушке Хелене кисочка понравилась, – сказала Виола, когда они с Хеленой вошли через стеклянную дверь.

– А как иначе? Она прелестна, – Джулз улыбнулась дочери. – Ну что, давайте есть?

* * *

Уильям, Хелена и Алекс отправились домой незадолго до полуночи.

– Хочешь выпить бренди на террасе? – спросил Уильям, когда Алекс пожелал им спокойной ночи и ушел спать.

– Нет, спасибо, но я составлю тебе компанию, если хочешь, – ответила Хелена, усаживаясь под навесом, пока Уильям ходил за бутылкой.

– В очередной раз совершенно чистое небо, – заметила она, когда он вернулся и сел рядом.

– Да. Звезды здесь просто изумительные.

– Джулз сегодня была совсем другой. Она казалась... мягче, что ли.

– Я знаю, что ты имеешь в виду, – согласился Уильям. – Ирония судьбы: именно когда у нее есть все основания для ожесточенности, твердые края исчезли и она кажется более счастливой и расслабленной, чем когда-либо. Ты... видела сегодня то, что видел я?

– Ты про Джулз и Алексиса? – ответила Хелена.

– Да. Им, кажется, было очень хорошо друг с другом. Не могу говорить за Алексиса, но, по-моему, она определенно на него запала.

– Кто знает? Обоим пошло бы на пользу немного любви и дружбы, это уж наверняка.

– Несколько недель назад такая мысль мне и в голову бы не пришла, но вот сегодня появилась, – размышлял Уильям. – Даже если это только мимолетное увлечение.

– Алексис не из тех, кто причиняет боль. Будет интересно посмотреть, как пойдут дела.

– И... если будет продолжение, – спросил он, – как бы ты отнеслась к этому?

Хелена взяла руку Уильяма и крепко сжала.

– Даю слово, я бы только обрадовалась.

ДНЕВНИК АЛЕКСА

9 августа 2006 года

Теперь я понимаю, почему люди, заполучив власть, становятся одержимы ею и теряют связь с реальностью.

Генрих VIII, который выбросил Бога и решил сам занять его место.

Сталин, Гитлер, Мао, которые были Дьяволами во плоти.

Буш, который хочет, чтобы *его* бог был самым главным.

И Блэр – молокосос, который потерял волосы и благие намерения, увязавшись за США.

Сегодня, просматривая сочинение Рупса (мягко говоря, ужасное, с которым его не приняли бы в ясли, не то что в лучшую британскую школу-пансион), я на миг ощутил нечто подобное.

Когда он смотрел на меня, отчаянно выискивая у меня на лице положительную реакцию, я знал, что могу возвеличить или погубить его.

Волшебное чувство! По крайней мере, несколько секунд.

Потом мне стало его жаль. Мое доброе сердце – вот что никогда не даст мне достичь сколько-нибудь высокого поста, потому что я не могу спокойно смотреть на чужие страдания. Девчоночья черта, знаю, но таким уж я родился: видеть другую сторону медали.

Будь я председателем на первом процессе Саддама Хуссейна, я знаю, что произошло бы: хотя я ненавидел бы гнусного мерзавца за все страдания, которые он причинил стольким людям, я бы увидел, кто сидит передо мной: грустный, сумасшедший, сломленный старик.

Стоило ему сказать что-то вроде: «Мама не любила меня» – и я, наверное, отправил бы его в уютную тюремную камеру до конца его дней беседовать с психотерапевтом и смотреть повторы «Друзей».

Поневоле задумаешься, не суждено ли мне голосовать за Либеральных демократов.

И даже Рупс, мой заклятый враг, причинивший мне больше боли, чем китайская пытка водой и комариные укусы, вместе взятые, тронул

меня сегодня. Я увидел его уязвимость.

Это тупой гад-регбист с бычьей шеей, будущее которого на самом деле под вопросом, если я не помогу. И разумеется, я помогу. Ему надо научиться грамотно писать *tout de suite*^[8]. Я оставил его корпеть, или, как бы он, несомненно, написал, «преть», над «Оксфордским словарем». Составил список внушительно звучащих прилагательных, которые он должен выучить наизусть и которые можно вставлять ad hoc^[9], чтобы приукрасить сочинение.

Его французский – настоящий кошмар. Сегодня мы на этапе «un, deux, trois», и думаю, мне, возможно, придется заручиться помощью специалиста, чтобы хоть как-то сдвинуться с места. Я пойду на высшую жертву и попрошу свободно владеющую языком Хлою помочь завтра с французскими буквами... в смысле уроками. То есть если она пообещает носить чадру, пока работает над его глаголами, чтобы он мог на это время выкинуть из головы «Учительницу французского»^[10].

Рупс, мальчик мой, ты поставил передо мной труднейшую задачу.

И как бы ни хотелось мне в один прекрасный день увидеть тебя в канаве – бездомного, в компании одного лишь бешеного, шелудивого пса, – я знаю, что не могу содействовать твоей гибели.

А еще мне кажется, что «репетитор по гуманитарным предметам» будет хорошо смотреться в будущем резюме.

В конце концов я успокаиваюсь и пытаюсь уснуть. Рупс придет завтра в одиннадцать, и я лежу, обдумывая план урока. И внезапно чувствую благодарность моему еще неизвестному генофонду за то, что наделил меня мозгом, который, кажется, функционирует без особых усилий.

Это возвращает меня к другому «предмету»: моей собственной истории. Хотя последнюю пару недель я наслаждался спокойной жизнью, я не забыл вопрос, на который поклялся себе получить ответ до того, как покину Пандору.

Берегись, дражайшая матушка, еще ничего не кончено.

Я задам его.

к'

Двадцать

– Доброе утро, пап. – Сонная Хлоя вползла на кухню и чмокнула отца в щеку. – Хорошо провели вечер?

– На удивление приятно, как ни странно. Джулз выглядела замечательно.

– Класс. – Хлоя подошла к холодильнику, вытащила апельсиновый сок и отхлебнула прямо из пакета.

– Вообще-то, Хлоя, я хочу с тобой поговорить.

Она обернулась, внезапно оживившись.

– И я с тобой.

– Хорошо. Тогда давай пойдем куда-нибудь на ланч.

– Только ты и я?

– А что такого? Ты через пару дней уезжаешь, и у меня ощущение, будто я тебя почти не видел.

– Ага, вот об этом я и хотела с тобой поговорить.

– О чем?

– О моем отъез...

– Привет, Хлоя. Где Мисель? – В кухню ворвался Фред и ухватился за ее ноги. – Он сказал, что принесет настоящий пистолет и покажет, из чего он стреляет крыс. – Фред понесся по кухне, убивая воображаемых грызунов из воображаемого оружия и крича «БАХ!» во весь голос.

– Он придет попозже, малыш, – ответила Хлоя, перекрикивая шум.

– Давай пойдем около полудня и спокойно перекусим, ладно? – предложил Уильям.

– Лады, но мне надо будет вернуться к трем. Мишель отвезет меня к Водопаду Адониса.

– Ты вернешься вовремя, – ответил Уильям, хватая уворачивающегося Фреда под живот и роняя его на стул у стола. – Так, молодой человек, давай-ка накормим тебя завтраком.

* * *

Уильям повез Хлою в ресторанчик под Пейей, где они с Хеленой ужинали, решив, что крохотное население Катикаса (большинство которого Хлоя теперь знала по именам) не даст им поговорить спокойно, если они будут есть в деревне.

– Так о чем ты хотела меня спросить? – Уильям пил светлое пиво, а Хлоя кока-колу.

– Пожалуйста, ты можешь поговорить с мамой о том, чтобы я осталась здесь до конца лета?

– Ясно. Это серьезная просьба.

– Я не хочу ехать во Францию. Мама будет с этим кошмарным Энди, заняться там нечем, и я там никого не знаю. Я бы *таак* хотела остаться здесь с тобой.

– Дорогуша, ты уже провела здесь почти месяц. Ты не думаешь, что мама по тебе скучает?

– Она будет рада первые несколько часов, а потом забудет обо мне, и я буду только мешаться у нее под ногами. Энди меня терпеть не может, а кроме того, он жутко неприятный тип. Ты бы его видел. У мамы отвратительный вкус в мужчинах.

– Спасибо! – хмыкнул Уильям.

– Я говорила не о тебе, папочка, ты же знаешь, – она мило пожала плечами. – В общем, ты с ней поговоришь?

– Честно говоря, разговоры и твоя мать всегда плохо сочетались. Скорее всего, она бросит трубку, едва я открою рот.

– Папочка, пожалуйста, попробуй, ради меня, – взмолилась она. – Я правда не хочу уезжать.

Уильям вздохнул.

– Послушай, дорогуша, я уже не раз наступал на эти грабли с твоей матерью. Она просто обвинит меня в эмоциональном шантаже и решит, что я пытаюсь набрать очки, потому что ты хочешь остаться. Прости, Хлоя, но ничего не поделаешь.

– Не извиняйся. Я знаю, как с ней трудно. В смысле я люблю ее – она все-таки моя мама, – но меня не удивляет, что ты с ней развелся. Я бы, наверное, тоже развелась, судя по тому, как она обращается со всеми своими бойфрендами. Ей надо быть в центре внимания круглые сутки.

Уильям сдержался и промолчал.

– Могу только сказать, что я делал все, что мог, дорогуша. И мне очень жаль, что я тебя подвел.

– Я знаю, что она сделала все возможное, чтобы не дать тебе видеться со мной после того, как ты женился на Хелене.

– Уж конечно не потому, что я не старался, можешь не сомневаться. Но я хочу, чтобы ты знала: я всегда помнил о тебе.

– О, я все поняла, когда нашла в мусоре порванную открытку, которую ты послал мне на день рождения. Вот так я узнала, что ты все еще любишь меня и не забыл. Но мне надо было играть по маминим правилам. Мы с тобой оба знаем, какая она непостоянная, и она та-а-ак завидовала Хелене... рассердилась просто потому, что я однажды сказала, что Хелена мне нравится. Я спокойно к этому отношусь, папочка, правда. – Хлоя протянула руку через стол и успокаивающе похлопала его по руке.

– Ну, я не отношусь к этому спокойно, Хлоя, – вздохнул Уильям. – Я всегда надеялся, что получится не впутывать тебя в наши проблемы и не использовать как эмоциональную валюту, но не сложилось.

– Ну, мне плевать, что там было между вами. Ты мой папа, и я все равно тебя люблю.

– Мне очень повезло, что у меня такая здравомыслящая и прекрасная дочь. – Уильяма душили эмоции. – Я так скучал по тебе, когда ты росла, – до физической боли. Я даже пару раз подумывал похитить тебя.

– Правда? Обалдеть! – Хлоя хихикнула. – И вообще, папочка, теперь с этим покончено. Мне скоро пятнадцать, и я достаточно взрослая, чтобы принимать решения. И одно из них – что я хочу в будущем гораздо чаще видеться с тобой и моей семьей, нравится *ей это или нет*.

– Мы оба знаем, что ей не понравится.

– Ага, ну что ж, решать не ей, а если она начнет попрекать меня, я пригрозю, что уйду к тебе жить. Это должно подействовать, – усмехнулась Хлоя. – Кроме того, если она выйдет за этого козла Энди...

– Хлоя!

– Прости, но он такой. Если она выйдет за него, я по-любому не хочу оставаться рядом. Так что, возможно, мы могли бы оба спросить

ее, можно ли мне остаться здесь, вместо того чтобы ехать во Францию, – попросила она, возвращая его к предмету разговора.

– Послушай, очень приятно, что тебе с нами хорошо, Хлоя, но давай начистоту: не думаю, что ты хочешь остаться на Кипре только ради нас, верно?

– Ой, папочка, не говори так, – обиделась Хлоя. – Я так классно провела время здесь со всеми вами. Я люблю малышей, и Алекс такой милый, и Хелена была так добра, и... это, ну, как настоящая семья. Правду сказать, я совсем не радовалась этой поездке. Думала, будет уныло, но это были лучшие несколько недель в моей жизни.

– И встреча с Мишелем помогла.

– Да, конечно, – призналась она.

– Он славный парень, – согласился Уильям, – но в будущем будет еще масса таких, как он, я уверен.

– Таких не будет, – Хлоя вызывающе покачала головой. – Я люблю его.

Уильям, вспомнив совет Хелены, не стал ввязываться.

– Конечно, любишь, – ответил он слабым голосом, и тут им принесли мезе. – А теперь давай есть.

* * *

– Поговорить мне с Сесиль или нет? – Уильям присел на край лежака Хелены. Как только они вернулись домой, Хлоя исчезла в облаке пыли на заднем сиденье мопеда Мишеля.

– Это непросто. Если ты попросишь, она обязательно откажет, просто чтобы досадить тебе.

– Точно.

– Но если ты не поговоришь с ней, Хлоя сочтет, что ты ее не поддерживаешь. Давай поищем компромисс?

– Например?

– Ну, если ты позвонишь Сесиль и осторожно предложишь, чтобы Хлоя вернулась сюда на несколько дней в конце отдыха во Франции? Таким образом, Сесиль сможет увидеть ее, как планировалось, но это даст Хлое немного времени побыть с матерью и ее кавалером,

поскучать и потосковать по Мишелю. Уверена, что к тому времени Сесиль будет только рада собрать вещи Хлои и отправить ее к нам.

– Блестяще, дорогуша! – он расцеловал ее в обе щеки. – Спасибо. Я скажу Хлое.

– Это, наверное, не совсем то, что она хотела бы услышать, но, возможно, наилучший выход во всех отношениях.

– Знаешь, Хлоя действительно замечательная девочка. Очень логичная и трезвомыслящая. Во всяком случае, она, кажется, раскусила свою мать, а это больше, чем удалось мне, – вздохнул Уильям.

– Она, несомненно, повзрослела за эти каникулы.

– Спасибо, что напомнила, – пробормотал Уильям.

– Я не в этом смысле. – Хелена села прямо на лежаке, обхватив руками колени. – Мы славно поболтали, и она знает, что делает, так что не беспокойся.

– Мама, телефон! – крикнул Алекс с террасы.

– Иду, дорогуша.

Через полчаса Хелена сидела в деревенской таверне напротив Сэди. Она ожидала худшего, когда получила сигнал SOS: конец еще одних прекрасных отношений, Сэди в расстроенных чувствах. Однако подруга вовсе не казалась травмированной. Ее глаза искрились, и она просто светилась.

– Ну и где пожар? – в недоумении спросила Хелена.

– У меня новости, солнышко.

– Я так и поняла. Хорошие или плохие?

– Зависит от того, как посмотреть, полагаю. Может быть, понемножку и того и другого.

– Ну давай же, выкладывай.

– Ладно-ладно, сейчас. Минуточку...

Порывшись во вместительной сумочке, Сэди наконец вытащила белую пластмассовую палочку и подала Хелене.

– Смотри сюда. Твое мнение?

– Это тест на беременность.

– Я в курсе. Посмотри на него.

– Смотрю. Две розовые полоски, что означает... Боже мой! Сэди!

– Именно! – Сэди сжала руки. – Это означает «да», правильно?

Здесь у тебя опыт больше, чем у меня.

– Ну, все тесты разные, но... – Хелена присмотрелась, – во втором окошке определенно есть полоска.

– Значит, таки *да*. *В смысле я беременна*.

– Судя по этому, да. Ого. – Хелена посмотрела на подругу и попыталась буквально прочесть по этим полоскам ее состояние. – Ты рада?

– Я... не знаю. В смысле я узнала всего несколько часов назад. Наверное, это произошло в первый раз, когда мы переспали – после того апокалиптического праздника на винодельне. Мы оба были довольно пьяны и не осторожничали, сама понимаешь. Просто поверить не могу. По правде говоря, я потеряла надежду, что это когда-нибудь произойдет. В конце концов, мне тридцать девять. Но произошло, *произошло!* – глаза Сэди внезапно наполнились слезами. – У меня будет ребенок, Хелена. Я стану матерью.

Хелена вспомнила, как девочками они мечтали о встрече со своим Прекрасным принцем, о красивых домах, где они будут жить, и детях, которых родят. За прошедшие годы Сэди часто говорила, как ее печалит, что последнее с ней никогда не случится. Но реальность происходящего сейчас – особенно в нынешней ситуации Сэди – это было совсем другое.

– А как Андреас? Что он думает?

Сэди помедлила.

– Не знаю. Я ему еще не сказала.

– Ясно.

– В сущности... – Сэди глубоко вдохнула. – Я еще не решила, говорить ли ему.

– Мне кажется, он может сам заметить через несколько месяцев, ты не думаешь?

– Нет, если я вернусь в Англию, он не заметит. – Сэди водила пальцами по ободку бокала.

– Вы поссорились?

– Господи, нет. Все-таки спорить на разных языках довольно трудно. У нас все хорошо.

– Так в чем проблема?

– Разве не очевидно? Он плотник в крохотной кипрской деревушке, знает едва пару слов на английском и на четырнадцать лет младше меня. В смысле, мне надо смотреть на вещи трезво. Ты

вправду можешь представить наше совместное будущее, эдакую счастливую семейку?

– Ты любишь его?

– Нет.

– Это звучит очень решительно, – Хелена была ошарашена честным ответом Сэди.

– Я испытываю весьма нежные чувства к Андреасу. Он такой славный юноша. И в физическом плане лучше всех.

– Это серьезное заявление, особенно от тебя.

– Суть в том, что это было чудесное летнее приключение. Ты же знаешь, я была по-настоящему подавлена, когда приехала, и Андреас обеспечил превосходнейший массаж для моего эго. Но я всегда знала, что вернусь в Англию. На следующей неделе на работе начинается крупный проект. Этот роман должен был стать чудесным воспоминанием.

– Дорогуша, если ты сохранишь беременность, у тебя останется живое, дышащее напоминание об этом отдыхе до конца твоих дней, – напомнила Хелена. – Честно говоря, я в шоке. Просто не знаю, что сказать.

– Зато я знаю. Самое главное – я решила рожать. Возможно, это мой единственный шанс иметь ребенка, и я знаю, как сожалела бы в старости, если бы избавилась от него.

– Да, – сказала Хелена с чувством, – вполне возможно.

– Весь вопрос в том, сообщать ли Андреасу, что я беременна. Ты не думаешь, что это незаконно, а? Он не может обвинить меня в краже спермы или еще в чем-нибудь эдаком?

– Сэди, понятия не имею. Хотя, если он узнает, он, вероятно, может потребовать право доступа к ребенку. – Хелена сделала глоток крепкого кофе. – Послушай, не хочу разрушать твои иллюзии или учить тебя жить, но, как ты знаешь, я через это прошла.

– В смысле?

– Одинокая и беременная. И это трудно – во многих отношениях.

– Не знаю, каково пришлось тебе, Хелена, ты на самом деле никогда не рассказывала, как тебе жилось в Вене, когда Алекс был маленьким. Но что в этом трудного? Я финансово независима, живу в собственном доме и работаю на себя. Найму няню, это просто.

Хелена глубоко вздохнула, стараясь успокоиться. У Сэди получалось, будто иметь ребенка – это просто мелкое неудобство, с которым легко справиться, наняв побольше сотрудников. Хелена чувствовала, что начинает волноваться, вспоминая темные дни, когда страдала в одиночестве.

– Сэди, это вопрос не только целесообразности или быта – это еще и эмоции. Тебе придется пройти через беременность и роды без всякой поддержки. А потом, каждый раз, когда ребенок заплачет посреди ночи или заболит, ты будешь нести за него единоличную ответственность.

– Да, буду. Но Хелена, я беременна! Чего бы это ни стоило, я справлюсь, правда-правда.

– Я в этом уверена. Прости, что поучаю. Чудесно, я за тебя рада, правда. Просто пытаюсь сказать: подумай хорошенько, прежде чем полностью сбросишь со счетов Андреаса. И для протокола: с моральной точки зрения, я думаю, он имеет право знать.

– Может быть. Я вернусь в Англию – оторвусь от него – и потом решу, говорить ему или нет. Но провести жизнь с человеком просто потому, что я от него забеременела, это возвращение в темные века и неправильно для всех причастных. Я справлюсь сама. Я уверена.

– Что ж, удачи, – Хелена сумела улыбнуться. – Ты знаешь, что я поддержу тебя всем, чем смогу. Когда ты едешь домой?

– Чем раньше, тем лучше, учитывая обстоятельства. Возможно, завтра попрошу Уильяма подбросить меня в аэропорт, если смогу купить билет.

– Андреас будет безутешен.

Сэди удивленно уставилась на Хелену.

– Правда?

– Да!

– Чепуха! Он, возможно, похандрит немножко из-за уязвленного самолюбия, но как только следующее хорошенькое – и, несомненно, более молодое – личико возникнет на горизонте, он забудет обо мне.

– Лично я бы на это не поставила. Судя по тому, что я видела, он влюблен без памяти.

– Ты *правда* так думаешь? – на лице Сэди внезапно отразилась паника. – Боже мой, ты же не думаешь, что он способен на такую глупость, как поехать за мной в Англию?

– Он мог бы. Кто знает?

– Вот просто типично, черт побери! Мне, кажется, на роду написано влюбляться в мужчин, которые меня не хотят! А когда хотят они, не хочу я! Прости, мне надо в туалет. Меня ужасно тошнит. – Сэди встала, ей явно поплохело. – Я сейчас.

Она убежала в дамскую комнату, а Хелена сидела и пыталась понять, почему она так подавлена. В конце концов, Сэди была явно вне себя от радости.

Потом она поняла, в чем дело: Сэди вела себя как мужчина.

ДНЕВНИК АЛЕКСА

11 августа 2006 года

Сегодня у нас в Пандоре день повышенного расхода бумажных салфеток.

Приехала со своим чемоданом Сэди, пустила слезу, прощаясь с мамой, и уехала с папой в аэропорт. Могу только заключить, что верстак плотника снят с повестки дня и Сэди отправляется выпиливать новое будущее обратно в Лондон. Потом слезы полились у мамы, когда она махала Сэди вслед. Я спросил, почему она плачет, но она сказала: «Я не плачу», хотя щеки явно были мокрыми.

Хлоя буквально залила весь дом за последние несколько часов. Она безутешна из-за того, что завтра должна лететь во Францию к матери и ей не позволили остаться здесь подольше. И хотя она надеется вернуться сюда до конца лета, от этого ей, кажется, не легче. И, честно говоря, это маловероятно, учитывая логистику и образ мышления ее матери.

«Вермишель» приехал проститься, и они заперлись в ее спальне. В настоящий момент перед дверью натекла лужица воды.

Я и сам принял участие и внес свою слезную лепту. Я буду ужасно скучать по Хлое.

Имми ушибла палец на ноге, вылезая из бассейна, – до крови. В отсутствие в доме пластырей с Барби прорыв слезного канала стал неизбежным.

А Фред, чувствуя себя, мне кажется, не затронутым общим настроением, решил закатить одну из своих чудовищных истерик. Никто так и не понял, что именно ее спровоцировало, но мы думаем, здесь не обошлось без куска шоколада. Он был с позором отправлен мамой в постель и до сих пор орет в свое удовольствие наверху.

Ха-ха-ха.

В настоящий момент я сижу на террасе в полном одиночестве. Мама ушла наверх принять ванну, и, думаю, папа (который уже вернулся из аэропорта) пошел с ней. Я проверяю сочинение Рупса на

французском и исправляю его отвратительную грамматику, решив, что сейчас не время просить Хлою стать на вечер его Учительницей французского. Так что я сам работаю сверхурочно и стараюсь не думать о ее неминуемом отъезде.

Кладу ручку на стол и смотрю на звезды. Нам осталось здесь еще целых две недели, так откуда ощущение конца отдыха, когда это не так?

– Привет, Алекс.

Подпрыгиваю, оборачиваюсь и вижу маму. Она спустилась вниз бесшумно, как дух, в своей белой разлеталке.

– Привет, мам.

– Можно посидеть с тобой?

– Конечно.

Она наклоняется ко мне.

– Что ты делаешь?

– Помогаю Рупсу. Ему надо сдать экзамен, чтобы получить пособие.

– Как мило с твоей стороны, – говорит она, садясь.

– Фред уже перестал реветь? Я больше не слышу его, – говорю я, стараясь поддержать нейтральный разговор. Я чувствую, что она чем-то взволнована.

– Да. Он в конце концов сдался и уснул. Силы небесные, этот ребенок умеет орать, – вздыхает она. – Ты в порядке, дорогуша?

– Мне следовало бы задать этот вопрос тебе.

– Я просто расстроена, что Сэди уехала, вот и все.

– Вы же увидите в Англии, правда?

– Да. Наверное, это из-за ощущения, будто отдых подходит к концу.

– В точности мои мысли. Но это не так.

– Нет, – она смотрит на меня. – Уверен, что ты в порядке?

– Угу. Впрочем, я буду скучать по Хлое.

– Ты очень привязался к ней, да?

Я киваю, потом беру ручку и притворяюсь, что продолжаю проверять сочинение Рупса.

– Завтра приезжает Фабио, мой старый балетный партнер, – неожиданно говорит она. – Мне надо будет встретить его в аэропорту Пафоса около полудня. Он очень забавный, или, по крайней мере, был

одиннадцать лет назад. Ты, наверное, его не помнишь. Тебе было всего два, когда он в последний раз тебя видел.

Я мысленно заглядываю в серый туман лиц и образов.

– Нет, не помню.

– Он подарил тебе Би, твоего кролика, – она улыбается воспоминанию.

Я сглатываю.

– Он?

– Да. Он навестил нас в больнице после того, как ты родился, и положил кролика в кроватку рядом с тобой.

– Но... я думал...

– МА-МОЧ-КА! Ты где-е-е?!

– Иди сюда, Имми. Я на террасе с Алексом.

– Не могу. У меня снова кровит пальчик. ПОМОГИ!

Мать поднимается со стула.

– Мама! – пытаюсь протестовать я.

– Прости, Алекс, сейчас вернусь.

Черт, Имми! Мне нельзя упускать этот момент. Хватаю ее за руку, когда она пролетает мимо.

– Я думал, мой оте...

– МА-МОЧ-КА!

– Минуточку, дорогуша.

Она исчезает в доме. И я знаю, что она не вернется целую вечность. Ее «минуточка» означает сочувствие, еще пластыри, стакан молока и, возможно, сказку. Зная Имми, «Полное собрание сочинений» Ханса Кристиана Андерсена, от первого до шестидесятого тома.

Вот черт! Гадство!

Ставлю Рупсу одну галочку, потом десять крестиков, просто с досады.

Еще бы чуть-чуть, и... Я почти уверен, что она говорила мне раньше, что кролик был от моего отца. Вот почему я едва не погиб, пытаюсь спасти его облезшую шкурку.

Значит, если я прав, то отсутствующий фрагмент моей личной головоломки вернется в мою жизнь через несколько часов: Фабио. Имя претенциозное, но, по крайней мере, его зовут не Арчибальд или Берт.

Дома на стене висит фотография – они с мамой танцуют в каком-то балете. Она обхватила ногой его спину и уперлась коленом ему в

пах. Они, несомненно, были близки, хотя грима на нем больше, чем на ней, так что трудно разобрать черты лица, но я и не приглядывался.

Будьте уверены, завтра я присмотрюсь.

Но вопрос остается: если Фабио мой Daddio^[11], почему она никогда не говорила мне?

ка

Двадцать один

На следующее утро Хелена проснулась в половине шестого, переполненная нервной энергией и дурными предчувствиями. Фабио позвонил поздно вечером и сказал, что прилетит из Милана в Пафос около полудня. Она собиралась его встретить. И в который раз почти не спала, пытаясь понять, что на нее нашло, когда она решила пригласить его сюда, в Пандору.

В том, что с годами они потеряли связь, была только ее вина. Она могла бы разыскать его через «Нью-Йорк Сити Балет», но не стала. Просто потому, что это было слишком опасно. Покидая Вену, она хотела забыть прошлое. К несчастью, это означало и Фабио тоже, просто потому, что он знал слишком много.

Однако теперь он приезжал, и Хелена разрывалась между ужасом и радостью.

Она решила, что должна сначала накормить его ланчем. Ей так много надо было рассказать ему о том, что он *должен* знать, прежде чем встретиться с ее семьей. Стоит ему один раз оговориться... она содрогнулась... последствия были бы настолько ужасными, что даже думать об этом страшно.

Да, рискованно. Но, по правде говоря, ей так отчаянно хотелось увидеть его – единственного человека, который помогал и поддерживал ее, когда она в этом нуждалась. Хелена знала, что ему будет трудно поверить в то, что произошло с тех пор, как они потеряли друг друга из виду. Она и сама с трудом верила.

Спускаясь вниз, она услышала, как закрылась задняя дверь, и хруст щебня снаружи. На кухне она с удивлением увидела тихо плачущую Хлою.

Она выглянула в окно и увидела, как Мишель убегает вверх по склону.

Хелена вздохнула, потом пошла поставить чайник.

– Чаю? – спросила она.

– Ты скажешь папочке, Хелена? – Хлоя подняла на нее встревоженный взгляд.

– О том, что Мишель еще был здесь на рассвете? Ну, лично я его не видела. – Хелена достала кружки из посудомойки.

– Господи, Хелена, спасибо. Я... мы никогда не делали этого раньше, но это была наша последняя ночь вместе, поэтому вечером Мишель притворился, что уходит, оставил мопед на вершине холма в винограднике, а потом вернулся, когда...

– Я, право, предпочла бы не знать, Хлоя.

– Ох, Хелена, он ушел. Ушел, и я не знаю, когда увижу его снова. – Хлоя в отчаянии заламывала руки. – Как мне жить без него? Я его люблю. Я так его люблю.

Оставив недоделанный чай, Хелена обняла Хлою, которая разрыдалась у нее на груди, а она гладила девочку по длинным шелковистым волосам.

– Не хочу ехать во Францию. Не хочу возвращаться в Англию. Хочу остаться здесь, с Мишелем, – плакала та. – Не заставляй меня уезжать, пожалуйста!

– Я знаю, дорогуша, я правда знаю. Первая любовь всегда хуже всего.

– Нет, она самая лучшая, и это навсегда, я знаю!

– Ну, если так, то, конечно, из целой жизни ты можешь выдержать несколько дней в разлуке? – Хелена подтянула стул, чтобы сесть рядом с Хлоей.

– А что будет после лета? Мне придется вернуться в школу на... *вечность*.

– Есть каникулы, и я уверена, Мишель сможет приехать повидать тебя в Англию.

– Мама никогда не позволит ему у нас жить! Она решит, что это какой-то кипрский крестьянин. Она хочет, чтобы я вышла за мистера Голдмана, или мистера Сакса, или еще кого-нибудь с кучей денег! – Хлоя посмотрела на Хелену. – Вы с папой разрешили бы ему жить у вас, если бы он приехал повидать меня?

– Почему бы нет? В конце концов, Мишель фактически жил здесь с нами.

Хлоя схватила руки Хелены и крепко сжала.

– Спасибо, Хелена. О боже! – она горестно покачала головой. – Как же мне с этим справиться?

– Тебе надо помнить, что Мишелю так же плохо, как тебе. И что чему быть, того не миновать.

– Ты правда думаешь, что ему плохо?

– Абсолютно. Уверяю тебя, Хлоя, тому, кто остается, всегда хуже. А теперь как насчет чашки чая? – Она хотела встать, но Хлоя вцепилась в нее.

– Господи, хотела бы я, чтобы ты была моей матерью, Хелена. Ты словно из сказки. Правда.

– Ох, Хлоя. – Хелена обняла падчерицу и крепко прижала к себе. – Я бы тоже хотела, чтобы ты была моей дочерью.

* * *

Через час Хелена отнесла Уильяму чашку чая.

– Тебе уезжать в аэропорт через сорок пять минут. Хлоя принимает душ.

– Спасибо, дорогуша. Раз уж я буду в аэропорту, хочешь, я задержусь и подберу Фабио?

– Нет, спасибо. Мне все равно надо кое-что купить в Пафосе, и, возможно, нам с Фабио будет приятно поболтать за ланчем, прежде чем мы вернемся домой.

– Ладно. По крайней мере, посидишь спокойно пару часов перед отъездом. Все дети хотят ехать со мной прощаться. Даже Алекс. Помоему, он влюблен в Хлою. Как по-твоему?

– Влюблен, – согласилась Хелена, воздержавшись от уничижительных замечаний типа «тебе понадобилось несколько недель, чтобы заметить?». – Прекрасно, что они все хотят проститься с ней. Она славная девочка.

* * *

В аэропорту Уильям зарегистрировал на рейс подавленную дочь, сопровождаемую такими же несчастными приемным и сводными братьями и сестрой.

– Что ж, похоже, на этом все. – Хлоя опустилась на колени и обняла Фреда.

– Не уезжай, Кокоя, останься здесь, с нами. Мы любим тебя!

– И я тоже люблю вас, братик. Хотела бы я, чтобы можно было остаться.

– Кто теперь будет смотреть с нами мультики? – жалобно сказала Имми.

– Алекс будет, правда? – Хлоя повернулась к нему.

– Э-э-э, лады. Я... э-э-э, попробую.

– Спасибо. Пока, Алекс. Я буду скучать по тебе.

– Правда? – удивился он.

– Конечно. Ты та-а-акой клевый, и милый, и умный.

– Правда?

– Да! – Хлоя быстро чмокнула его в щеку. – И ты это знаешь. – Потом она переключила внимание на Уильяма и обняла его. – Пока, папочка. Это было здорово. Спасибо за все.

– Пока, дорогуша. Мы все будем скучать по тебе, правда?

– ДА! – хором закричали дети.

– Я вернусь, если мама разрешит, но сомневаюсь, – сказала она, и ее глаза снова наполнились слезами. – Всем пока. – Последний раз помахав рукой, она исчезла за дверьми в зону безопасности.

– Хочу, чтобы Кокоя вернулась, – заревел Фред. Имми тоже плакала, и Алекс незаметно провел рукой по щекам.

– Так, братцы, – голос Уильяма охрип от эмоций. – Хотите, для поднятия духа отправимся в ближайший «Макдоналдс»?

* * *

Через час Хелена также была в аэропорту, с нетерпением ожидая появления Фабио.

– Bella! Хелена!

– Фабио! – Хелена побежала к нему, и он подхватил ее за талию и закружил, к восхищению окружающих. Смеясь, он опустил ее на землю и обнял.

– Как я рада тебя видеть, – сказала Хелена, его знакомый запах так живо напомнил о другом периоде ее жизни, что на глаза навернулись

слезы.

– Я тоже счастлив видеть тебя, правда, – Фабио окинул ее оценивающим взглядом. – И ты выглядишь великолепно, *cara*, чуть тяжелее, чем когда я швырял тебя по сцене много лет тому назад, но, пуф! – он пожал плечами. – Мы оба стареем. Можем мы сейчас поесть? Я очень голоден. Ничего не ел с тех пор, как покинул Милан в семь утра. Ты же знаешь, не могу есть то, чем кормят в самолете.

Они поехали в Пафос, нашли ресторан в более тихой части оживленной набережной и заняли столик на улице с очаровательным видом на сверкающее море за пальмами, высаженными вдоль причала. Фабио заказал полбутылки кьянти и кока-колу для Хелены, потом достал очки и целую вечность изучал меню.

– Ненавижу эту кипрскую еду! Они не умеют готовить, – громко пожаловался он.

– Тогда возьми салат. Там они просто не смогут ничего испортить.

– Ты себе не представляешь. Так! Я решил. – Он щелкнул пальцами, подзывая официанта, и в мельчайших подробностях объяснил, что именно хочет.

Хелена весело наблюдала за ним, вспоминая его чудачества, далеко не все из которых вызывали умиление. Он хорошо выглядел, все еще мускулистый и подтянутый благодаря ежедневным классам, но волосы на лбу – вечный источник беспокойства в прежние времена – заметно поредели.

– Почему ты внимательно смотришь на мою голову? – спросил он, наконец отпустив растерянного официанта. – Ты заметила, что волосы редуют?

– Ну, может быть, немножко. Прости.

– Да, редуют. Ненавижу! Я параноик средних лет и в будущем году буду делать пересадку.

– Честное слово, Фабио, все не *так* плохо. Выглядишь замечательно.

– Они отступают, словно отлив, а прилива не бывает. Так что я сам привожу себя в порядок. Видишь? – он оскалил зубы. – Поставил новые в том году в Лос-Анджелесе. Хороши, да?

– Они... на удивление белые, – кивнула Хелена, стараясь не смеяться.

– А еще лоб, – Фабио указал на него. – Он гладкий, *si?*

– Очень.

– Ботокс. Ты тоже должна сделать, Хелена.

– Зачем? Мне надо?

– Ты должна начать раньше, чем другие заметят.

– Ну конечно, – согласилась она с притворной серьезностью. – Я и забыла, насколько ты тщеславен.

– Что ж, красивому мальчику вроде меня стареть гораздо тяжелее. Каждый раз, когда я смотрю в зеркало, мне больно. Так, а теперь, *cara*, я выпью вина и мы расскажем друг другу о годах разлуки.

Хелена протянула руку через столик и положила на его руку.

– Фабио, прежде чем мы проведем следующие два часа, предаваясь воспоминаниям и перескакивая с одного на другое, мне надо, чтобы ты меня выслушал.

Он посмотрел на нее и нахмурился.

– Выражение твоего лица говорит мне, что это серьезно. Ты не больна?

– Нет, но поскольку тебя ждет встреча с моей семьей, тебе нужно кое-что знать.

– Мне надо будет выпить?

– О да, – Хелена с чувством кивнула. – И я бы тоже выпила, если бы не была за рулем. Предупреждаю тебя, ты не поверишь.

Фабио сделал большой глоток кьянти.

– Так, – сказал он. – Я готов.

* * *

Уильям лежал у бассейна, пока младшие смотрели диснеевский фильм в доме. Жара душила, и он чувствовал себя расслабленным и сонным.

Последние три недели были чудесными – после урагана имени Чандлеров и откровений Хелены. Которые, хотя и дали ей с таким трудом, в сущности – для него, по крайней мере, – оказались безобиднее, чем другие сценарии, порожденные его воображением.

Разумеется, он не питал иллюзий, что Хелена рассказала ему все. Когда он впервые увидел ее одиннадцать лет назад в Вене, она казалась загадочной. Почему, удивлялся он тогда, эта прекрасная,

элегантная женщина – которая говорила с четким британским акцентом, выдававшим привилегированное происхождение, – работает официанткой в кафе? Он был околдован с первого мгновения, как увидел ее.

Потом они разговорились, и неожиданно Уильям пригласил ее выпить с ним после смены. Она отказалась, как он и ожидал, но, как всегда у него, настойчивость одержала победу. С того дня он пренебрегал лицезрением прекрасных видов Вены, вместо этого просиживал в кафе с книгой, когда знал, что Хелена на работе. И в конце концов она согласилась выпить.

Она рассказала ему, что раньше была балериной и перестала танцевать три года назад, когда забеременела. У нее, оказывается, был сын, и по тому, как сияли ее глаза, когда она говорила о нем, было понятно, что маленький Алекс – центр ее вселенной.

Он попытался копнуть глубже, но с самого начала было очевидно, что темы прошлого и отца Алекса для Хелены закрыты. Даже когда их отношения стали серьезнее и – очень-очень медленно – Уильям добивался ее с мрачной решимостью (сценарий, включавший месяцы изнурительных перелетов по выходным из Лондона в Вену), Хелена по-прежнему не желала обсуждать подробности. Наконец через девять месяцев он уговорил ее вернуться с ним в Англию и устроил ее и маленького Алекса в убогом коттедже в Хэмпшире, который поспешно снял после развода.

Уильям помнил ее в день свадьбы: восхитительная в атласе цвета слоновой кости – идеальная невеста, по всеобщему мнению. Однако когда Хелена стояла рядом с ним у алтаря и – по завершении всех формальностей – он поднял фату, чтобы поцеловать ее, вместо ожидаемой радости в ее глазах он увидел – мог бы поклясться – проблеск страха...

Уильям услышал хруст щебня под шинами и оторвался от воспоминаний.

– Папочка, мамочка вернулась! – закричала Имми с террасы. Уильям накинул рубашку и пошел к ней.

– Папочка, на нем розовые шорты и шарф на шее, и он ходит как девочка, – прошептала Имми, разглядывая из-за угла мужчину, выходящего из машины.

– Это потому, что он артист балета, Имми. А теперь цыц, – приказал Уильям, когда Фабио направился к ним.

– Сiao, Уильям! По прошествии стольких лет мы наконец встретились. Очень приятно. – Фабио изящно Уильяму поклонился в знак уважения.

– Мне тоже, Фабио.

– Привет, крошка, – Фабио наклонился и расцеловал Имми в обе щеки. – Ты просто миниатюрная версия своей матушки, да? Я Фабио. А это, должно быть, синьор Фредерик. Хелена много рассказывала мне о вас обоих.

– Очень приятно познакомиться с вами, мистер Фабио. Вы с мамочкой были знаменитые? – спросила Имми, уставившись на него большими голубыми глазами.

– Когда-то мы не знали преград, да, Хелена? Новые Фонтейн и Нуреев... ах, что ж, – он пожал плечами. – Твоя матушка нашла в жизни нечто более ценное, чем погоня за мечтой. У нее прекрасная семья. – Фабио огляделся. – Где Алекс? Я не видел его с тех пор, как он был совсем малышом.

– Где-то в доме. Я позову его. Чашечку чая, Фабио? – спросил его Уильям.

– Хорошо бы кофе, но только без кофеина.

– По-моему, что-то такое у нас есть. Чаю, дорогуша? – Уильям улыбнулся Хелене, которая, как ему показалось, выглядела напряженной и довольно усталой.

– Да, пожалуйста. Привет, монстрик, – она, улыбаясь, подхватила Фреда на руки. – Проходи, садись, Фабио, и наслаждайся видом.

– Потрясающе, – провозгласил он, грациозно усаживаясь на стул. – Уильям красивый мужчина. Я его ненавижу. У него больше волос, чем у меня, – громко шепнул он ей.

Имми подкралась к нему.

– Вы правда танцор, мистер Фабио? – застенчиво спросила она.

– Да. Я танцевал всю жизнь.

– Вы танцевали с мамочкой в Вене, когда она встретила принца?

– Ах, принц, – он улыбнулся Хелене. – Да. Мы танцевали «Жизель», Хелена?

– Вообще-то «Сильфиду», – поправила она.

– Ты права, – сказал Фабио, потом вернул внимание Имми. – А потом однажды вечером твоя матушка получила от него букет.

– Что такое букет? – спросила Имми.

– Это цветы, которые дарят прекрасным леди, которые танцуют ведущие партии, но в этом букете было спрятано бриллиантовое ожерелье. Я прав, матушка?

– Да.

– А потом он приглашает ее на бал в настоящий дворец.

Имми была в восторге.

– Ух ты, – выдохнула она, – совсем как в «Золушке». – Потом она повернулась к Хелене и осуждающе уперла руки в бока. – Так почему ты сейчас не замужем за ним?

– Ты имеешь в виду, почему ты не принцесса Имми и почему ты живешь в нормальном доме, а не во дворце и должна терпеть меня как старого папу? – с улыбкой спросил Уильям, ставя на стол поднос.

– Я его не любила, Имми, – ответила Хелена.

– Я бы вышла за него за бриллиантовое ожерелье и дворец.

– Да, Имми, *ты*, возможно, так и сделала бы, – согласился Уильям. – Твой кофе, Фабио.

– Grazie, Уильям.

– Так вы двое обменялись воспоминаниями за ланчем? – спросил Уильям.

– Мы только, как выражаетесь вы, англичане, едва скользнули по верхам, да, Хелена?

– Говорила в основном я, так что я еще многого не знаю о Фабио.

– Хелена сказала, что ты уехал в Штаты как раз незадолго до того, как мы с ней познакомились. Верно? – спросил Уильям.

– Да. Я провел там почти десять лет. Танцевал в «Нью-Йорк Сити Балет», потом, в прошлом году, я думаю: Фабио, пора тебе вернуться домой. Так что теперь я снова в Ла Скала. Посещаю утренние классы и играю характерные роли, подходящие человеку моего возраста, – он пожал плечами. – Это заработок.

– Фабио, ты, наверное, на добрых несколько лет младше меня и, однако, говоришь так, словно получаешь пенсию, – хмыкнул Уильям.

– Это жизнь танцора. Она очень коротка.

– Ты позвал Алекса встретиться с Фабио, дорогуша? – спросила Хелена Уильяма.

– Да. Он сказал, что идет, но ты же знаешь, ему никто не указ.

– Пойду потороплю его и проверю ужин. – Хелена встала и ушла в дом.

– Я только недавно говорил Хелене, что хотел бы увидеть, как она танцует. – Уильям пригубил чай.

– Она была изумительна! Несомненно, лучшая партнерша в моей жизни. Ужасная потеря, когда после рождения Алекса она решила, что не может продолжать. Она была бы одной из великих, я просто уверен.

– Мне всегда было интересно, почему она бросила балет. Ведь женщины могут продолжать танцевать, даже когда у них есть дети, правда?

– Это были трудные роды, Уильям. И она была одна и хотела быть со своим сыном, – Фабио вздохнул. – Наше партнерство было особенным. Редко можно найти такого рода эмпатию. И, без сомнения, я так и не нашел ее снова, как и успеха, какой был с Хеленой.

– Ты был такой большой частью ее жизни. Признаться, кажется странным, что я почти ничего об этом не знаю.

– Совсем как я не знал о существовании тебя или твоих детей, пока мы с Хеленой не говорили несколько недель назад. Мы потеряли друг друга из виду вскоре после того, как я уехать в Нью-Йорк. Когда я звоню в ее квартиру в Вене, она больше не отвечает на телефон. Никто не знает, где она. Разумеется, – Фабио пожал плечами, – она с тобой в Англии.

– Так как ты нашел ее? – спросил Уильям.

– Это была судьба, и никак иначе. Я в пресс-центре Ла Скала, и на столе огромная куча конвертов для рассылки по списку с информацией о будущем сезоне. И там, на самом верху, конверт, адресованный мисс Хелене Бомонт! Представляешь? – воскликнул Фабио. – Я быстро записываю адрес в Англии, потом нахожу ее мобильный в распечатке Ла Скала. Есть! – Фабио хлопнул себя по накаченным бедрам. – Это судьба.

– Моя жена редко говорит о прошлом, – задумчиво сказал Уильям. – И ты первый человек, кого я встретил из него, кроме еще одного, которого она знала здесь, на Кипре. Поэтому прости за расспросы.

– Иногда лучше накинуть на прошлое вуаль и заниматься будущим, *si?* – Фабио картинно зевнул. – Думаю, я удалюсь в свою

комнату, если ты не возражаешь. Я очень рано поднялся.

Когда он встал, на террасе появился Алекс.

– Привет, Фабио, я Алекс. Приятно познакомиться, – он робко шагнул вперед, протягивая руку. Фабио, не обратив на нее внимания, притянул Алекса к себе и расцеловал в обе щеки.

– Алекс! Мальчик мой! Прошло столько лет с тех пор, как я видел тебя, и ты теперь совсем большой!

– Ну, не совсем, – сказал Алекс. – По крайней мере, я все-таки надеюсь еще немного подрасти.

Фабио держал его за плечи, и в глазах сверкали слезы.

– Ты помнишь меня?

– Э-э, возможно, – пробормотал Алекс, не желая быть невежливым.

– Нет, не помнишь, да? Но ты был таким маленьким. Твоя мать говорит, что ты очень умный мальчик, но, вероятно, не танцор, – Фабио внимательно посмотрел на торс Алекса. – Регбист?

– Мне нравится регби, да, – согласился Алекс.

– Ты должен простить меня сейчас, но я ухожу на сиесту. Мы поговорим еще после того, как я посплю, познакомимся заново, *si*?

Алекс выдавил улыбку.

– *Si*.

ДНЕВНИК АЛЕКСА

12 августа 2006 года

Я сначала думаю о хорошей или плохой новости?

Я обнимаю себя от радости каждый раз, когда вспоминаю последние слова, которые мне сказала Хлоя.

«Клевый»...

...и «милый»...

...и «умный».

О как!

Вот. Это хорошая новость.

Теперь к плохой: по-настоящему плохой.

Я встретил мужчину (и я использую это слово в широком смысле), который вполне может оказаться моим отцом. Неважно, что он итальянец. Итальянец – это хорошо. Я люблю пасту и мороженое. Неважно, что он танцор. Танцоры подтянутые и сильные, с хорошим рельефом мышц.

А важно вот что: все в нем, от одежды до того, как он проводит рукой по тому, что осталось от волос, до того, как он говорит и ходит, указывает на одно, и только одно для меня:

Фабио, он...

О мерзость...

О гадость...

ГЕЙ!! И ничто не убедит меня в обратном.

Я готов принять, что определенный уровень женоподобия еще может означать, что мужчина остался мужчиной и может делать с женщиной то, что делает мужчина, но Фабио всем своим видом *кричит*: голубой!

Я пытаюсь спокойно обдумать эту новую информацию, но прихожу к довольно жутким выводам.

Как... что, если когда-то давным-давно Фабио был в категории «неопределившихся», когда доходило до его сексуальности?

Ну и вот он, партнер моей матери, проводит дни, знакомясь с частями ее тела, к которым обычно имеют доступ только врачи. Они, как положено, влюбляются, и между ними начинаются отношения. Моя мать беременеет мной, Фабио все еще остается с ней и, когда я рождаюсь, разыгрывает добросовестного папочку.

Потом внезапно в один прекрасный день – бац! – Фабио осознает, что играет за другую команду. И не знает, что делать. Он, надеюсь, по-прежнему любит мою мать и меня, но не может жить во лжи. И потому уезжает в Штаты, чтобы начать новую жизнь, оставив мою мать одинокой и безутешной в Вене.

Что объясняло бы, почему она не поехала с ним в Нью-Йорк и никогда больше не танцевала.

И это *также* объясняет самый главный вопрос: почему мать так и не рассказала мне, кто мой отец.

«Э-э-э, Алекс, дорогуша, понимаешь, дело в том, что твой отец, э-э-э, ну, он, вообще-то, ярый гомосексуалист, но, если ты захочешь поехать на выходные к нему и его любовнику и посмотреть вместе с ними фильмы с Лайзой Миннелли, я не против».

Она знает, как мне было бы стыдно. И какому мальчику не было бы? От одной мысли о моих одноклассниках, если бы Фабио вдруг заявился на регбийный матч, чтобы объявить, что он мой папа... и исполнил быстрый антраша на боковой линии, наблюдая, как я заново попытку, меня пробивает холодный пот.

Настоящая же проблема вот в чем.

Является ли гомосексуализм наследственным? Ой, блин! Кого мне спросить? Мне надо знать.

В данных обстоятельствах я просто обязан подчеркнуть, что я не гомофоб. У меня нет никаких проблем с тем, что другие люди живут так, как считают нужным. Они могут всем рассказывать и как можно чаще, мне без разницы, и Фабио кажется прекрасным парнем: веселый, талантливый и Г... Е... Й.

Он может быть каким угодно. Ровно до тех пор, пока он не такой, как я. Или я не такой, как он.

кв

Двадцать два

В тот вечер все, кроме двух младших, которых уложили спать рано, собрались на террасе выпить. Фабио, только что принявший душ, появился в рубашке из переливчато-синего шелка и узких кожаных брюках.

– Пап, он в них не вспотеет? – спросил Алекс Уильяма, когда они нагружали на кухне подносы, чтобы отнести на стол.

– Он итальянец. Может быть, он привык к жаре, – ответил Уильям.

– Папа, ты думаешь, Фабио, гм, ну ты понимаешь?

– Гей?

– Да.

– Он гей. Мама мне сказала.

– О.

– Тебя это беспокоит?

– Нет. И да.

– В каком смысле?

– Так, ни в каком конкретно, – пожал плечами Алекс. – Этот поднос можно уносить?

Все объяснив Фабио за ланчем, Хелена наконец расслабилась и прекрасно проводила время. За ужином они предавались воспоминаниям. Алекс и Уильям с живейшим интересом слушали подробности о той части жизни Хелены, которую они никогда не знали.

– Понимаете, мы встретились, когда я пришел в Ковент-Гарден, – объяснил Фабио. – Хелену как раз перевели в солистки, а я приехал на сезон из Ла Скала. Она танцует с этим ужасным партнером, который подбрасывает ее, а потом забывает поймать...

– Стюарт был не настолько плох. Он, между прочим, до сих пор танцует, – вставила Хелена.

– Значит, я прибываю как приглашенный артист, и Стюарт сваливается с гриппом, и меня ставят в пару с Хеленой на дневном

представлении. Это была «Тщетная предосторожность». И... – Фабио театрально пожал плечами, – остальное известно.

– И потом ты уехала вместе с Фабио в Ла Скала? – спросил Уильям.

– Да, – ответила Хелена. – Мы проработали там два года. Потом балет Венской государственной оперы предложил нам контракт ведущих солистов. И мы не могли отказаться.

– Помнишь, сначала я был недоволен. Там слишком холодно зимой, и я болею, – содрогнулся Фабио.

– Право, ты отвратительнейший ипохондрик, – засмеялась Хелена. – На гастролях у него был отдельный чемодан с лекарствами, – сказала она Уильяму. – Не отрицай, Фабио, ты знаешь, что это правда.

– Ладно, сдаюсь, *cara*. Я параноидально боюсь подхватить инфекцию, – учтиво согласился он.

– Так ты теперь останешься в Ла Скала, Фабио? – Уильям долил бокалы.

– Надеюсь, но это во многом зависит от моего парня Дэна. Он художник-постановщик в Нью-Йорке. Я скучаю по нему, но он надеется скоро получить место в Милане.

– Я так рада, что ты наконец нашел свою вторую половину, Фабио, – улыбнулась ему Хелена.

– А я рад, что ты нашла свою, – Фабио любезно кивнул им обоим. – Послушайте, я привез наши с Хеленой фотографии, когда мы танцевали вместе. Хотите посмотреть? Уильям? Алекс?

– С удовольствием, спасибо, Фабио.

– Прего, я принесу.

– А я сделаю кофе, – добавил Уильям.

Когда они остались вдвоем, Хелена посмотрела на сына.

– Ты затих, дорогуша. Что-то не так?

– Все нормально, спасибо, – кивнул Алекс.

– Что ты думаешь о Фабио?

– Он... э-э-э... очень приятный человек.

– Я так рада его видеть, – сказала Хелена. Тут на террасе снова появился Уильям с подносом, а несколько минут спустя Фабио.

– Вот, пожалуйста, – он помахал толстым конвертом с фотографиями и сел. – Вот, Алекс, это твоя мать и я танцуем

«Послеполуденный отдых фавна».

– О чем он? – спросил Алекс.

– О девушке, которая просыпается, когда фавн запрыгивает в окно ее спальни, – сказала Хелена. – История так себе, но прекрасная мужская партия. Фабио любил ее, правда?

– О да. Одна из моих любимых: в этом балете может блеснуть мужчина, а не женщина. Нижинский, Нуреев... его танцевали все великие. Так, Уильям, это твоя жена в «Тщетной предосторожности». Правда, красавица?

– Да, – согласился Уильям.

– А это мы вместе выходим на вызов после «Лебединого озера».

– Это надо показать Имми, пап, – сказал Алекс. – Мама с диадемой и букетами цветов.

– А это мы в нашем любимом кафе в Вене с... помнишь Жана-Луи, Хелена?

– Боже мой, да! Очень странный человек: всегда ел мюсли и больше ничего. Передай мне это фото, Алекс, – добавила она.

– А это снова Хелена в кафе... – Глянув на фотографию, которую он подавал Уильяму, Фабио внезапно побелел. Запаниковав, он попытался отобрать ее у Уильяма. – Она неудачная. Я найду другую.

Уильям крепко зажал снимок в руке.

– Нет, я хочу видеть все. Так это Хелена и...

Фабио в ужасе уставился на Хелену, взглядом предупреждая о надвигающейся катастрофе.

Уильям растерянно смотрел на снимок.

– Я... не понимаю. Когда была сделана эта фотография? Откуда там *он*?

– Кто? – спросил Алекс, наклонившись ближе. – О да. Как *он* там оказался, мама?

– Но... ты же его тогда не знала. Как мог он быть с тобой и Фабио в Вене? – Уильям замотал головой. – Прости, Хелена, я не понимаю.

Все взгляды обратились на Хелену, которая молча смотрела на мужа и сына. Миг, которого она всегда боялась, который – она всегда знала – был неизбежен, наконец настал.

– Иди в свою комнату, Алекс, – сказала она тихо.

– Нет, мам, прости, не пойду.

– Делай, как я говорю! Быстро!

– Ладно! – Алекс сердито встал и ушел в дом.

– Хелена, *cara*, прости, мне так жаль, – Фабио теребил руки. – Думаю, мне лучше удалиться. Вам двоим надо поговорить. *Buona notte, cara*. – Сам чуть не плача, Фабио поцеловал Хелену в обе щеки и исчез.

Уильям указал на бутылку на столе.

– Бренди? Я-то определенно выпью.

– Нет, спасибо.

– Хорошо. – Уильям налил себе стакан, потом взял фотографию и помахал ею. – Так. Ты собираешься рассказать мне, каким образом ты согласишься в глаза моего старейшего друга за несколько лет до того, как мы с тобой познакомились?

– Я...

– Ну, дорогущая? Давай-ка. Выкладывай. Должно же быть разумное объяснение, верно?

Хелена сидела совершенно неподвижно, глядя вдаль.

– Чем дольше ты молчишь, тем больше у меня появляется мыслей, что... Господи, это невыносимо, просто невыносимо!

Она продолжала хранить молчание, пока он не выдержал и не заговорил снова.

– Хелена, еще раз: почему на этой фотографии тебя обнимает *Саша*? И почему, черт побери, ты никогда не говорила мне, что знала его до нашего знакомства?

Легкие, казалось, сжало так, что Хелена едва могла вздохнуть. Наконец она сумела заставить губы шевелиться.

– Я знала его в Вене.

– Ну, это очевидно. И?...

– Я... – она покачала головой, не в силах продолжать.

Уильям снова изучил фотографию.

– Он здесь выглядит довольно молодым. Как и ты. Снимок, наверное, сделан много лет назад.

– Я... Да.

– Хелена, у меня заканчивается терпение. Ради бога, скажи мне! Насколько хорошо ты знала его и почему, черт возьми, ты никогда не упоминала об этом раньше?! – Уильям грохнул кулаком по столу так, что тарелки задрезжали, а одна из кофейных чашек слетела на каменный пол и разбилась. – Господи! Поверить не могу! Я хочу знать!

– И я тебе отвечу, но сначала дай мне сказать, что мне очень, очень жаль...

– Это фото говорит о том, что мой лучший друг и моя жена обманывали меня много лет! Боже, что может быть хуже?! Неудивительно, что ты всегда так скрывала свое прошлое. Насколько я знаю, ты трахалась и, возможно, до сих пор трахаешься с моим лучшим другом!

– Все было не так. Пожалуйста, Уильям!

С трудом взяв себя в руки, он посмотрел на нее.

– Тогда объясни, какими были твои отношения с Сашей? И на этот раз, Хелена, не обращай со мной как с рогоносцем, каким я явно был целых десять лет!

– Уильям! Дети! Я...

– Мне наплевать, если они услышат, что их мать – лгунья и изменница! На этот раз тебе деваться некуда, *дорогуша*. Я хочу знать все! Все! *Сейчас же!*

– Хорошо! Я расскажу! Только, пожалуйста, перестань кричать!

Хелена склонила голову к коленям и разрыдалась.

– Прости, Уильям, прости за все. Мне так жаль. Правда.

Уильям опрокинул стакан и плеснул себе еще бренди.

– Не думаю, что тут можно отделаться простым «жаль», и все-таки выслушаю твои жалкие оправдания. И разумеется, теперь я понимаю, почему ты всегда так поддерживала Джулз. Я-то думал, по доброте, а ты чувствовала *вину, да?!*

Она подняла на него взгляд.

– Ты слушаешь или ты кричишь?

– Слушаю.

– Хорошо, хорошо, – Хелена сделала пару глубоких вдохов. – Я встретила Сашу в Вене за несколько лет до того, как познакомилась с тобой.

– Господи боже! – Уильям провел рукой по волосам. – Место, куда он посоветовал мне поехать, когда я приходил в себя после развода с Сесиль. И я, как идиот, поехал. Он сказал что-то вроде: «Когда-то я нашел там любовь». Это он о *тебе* говорил, да?

– Уильям, если ты хочешь услышать эту историю, пожалуйста, дай мне объяснить! Я расскажу все, обещаю.

Он умолк. И Хелена начала...

Хелена

Вена

Сентябрь 1992 года

«Есть ли в мире что-то прекраснее?» – думала Хелена, когда шла по элегантным улицам Вены в кафе. Вечернее солнце, необычно жаркое для сентября, косо освещало величественные каменные здания, заливая их золотистым сиянием, идеально отражающим ее настроение.

Хелена приехала сюда в конце лета, чтобы стать прима-балериной в Венском государственном балете, и уже полюбила приютивший ее город. От квартиры на Принц-Ойген-штрассе (которая состояла из громадной комнаты в роскошном здании восемнадцатого века и могла похвастаться огромными окнами во всю стену и потолком с затейливой лепниной) было всего двадцать минут пешком до центра австрийской столицы. Она могла бесконечно любоваться видами города – от проспектов, застроенных восхитительной архитектурной смесью классических и арт-нуво сооружений, до безупречно ухоженных парков со стрелчатými эстрадами. Весь город был сплошным наслаждением для чувств.

Было непросто убедить Фабио принять предложение Густава Лемана, художественного руководителя Венской государственной оперы. Фабио – урожденный миланец – не желал покидать Ла Скала. Но они соблазнились обещанием нового балета, поставленного специально для них. Он должен был называться «Художник» и основываться на картинах Дега, с Фабио в заглавной роли и Хеленой, изображающей его музу, «Маленькую танцовщицу». Премьера была назначена на начало весеннего сезона, и они с Фабио уже встретились с молодым французским хореографом и довольно авангардным композитором. Это задумывалось как современное произведение, и от мысли о новом проекте она трепетала от возбуждения.

А теперь, радостно признавалась себе Хелена, здесь, в городе, было кое-что еще, отчего душа устремлялась ввысь... она влюбилась.

Они познакомились всего несколько недель назад в картинной галерее при Академии изобразительных искусств, куда Хелена пошла на выставку. Она неодобрительно смотрела на особенно зловещий

образчик современной живописи под названием «Кошмар в Париже», не в силах ничего понять.

– Как я понимаю, картина не получила вашего одобрения.

Хелена обернулась на голос и встретила взгляд глубоко посаженных серо-зеленых глаз молодого человека. Взъерошенными темно-рыжими волосами, завивающимися над воротником выцветшего бархатного пиджака, и шелковым шейным платком, небрежно высывающимся из открытого ворота белой рубашки, он сразу же напомнил ей молодого Оскара Уайлда.

Она оторвала взгляд и сосредоточилась на штрихах и загогулинах ярко-красной, синей и зеленой краски на полотне перед ней.

– Ну, скажем так: я ее не понимаю.

– С языка сняли. Хотя мне не следовало бы так говорить о работе товарища по учебе. Судя по всему, эта картинка получила премию на прошлогодней выставке дипломных работ.

– Вы учитесь здесь? – удивленно спросила она, снова поворачиваясь к нему лицом. Он говорил с тем отчетливым английским выговором, который ее мать назвала бы «хрустальным», и, вероятно, был всего на несколько лет старше ее.

– Да. Или, по крайней мере, собираюсь: поступаю в магистратуру в начале октября. Я обожаю Климта^[12] и Шиле^[13], потому и выбрал Вену для учебы. Прилетел три дня назад, чтобы до начала семестра найти квартиру и освежить подзабытый немецкий.

– Я провела здесь три недели, но, по-моему, мой немецкий не улучшился, – улыбнулась она.

– Вы тоже из Англии? – спросил он, глядя на Хелену так пристально, что она покраснела.

– Да. Но я в данный момент работаю здесь.

– Чем же вы занимаетесь, позвольте спросить?

– Танцую в Венской государственной опере.

– А, тогда понятно.

– Что?

– То, как вы держитесь. С точки зрения художника, вы – идеальная модель. Вы, вероятно, знаете, что сам Климт особенно увлекался красотой женского тела.

Хелена покраснела еще больше, не зная, как ответить на такой комплимент.

– Вы не против прогуляться со мной по остальной выставке? – продолжил он, меняя тему. – Нам, художникам, всегда полезно услышать откровенные суждения беспристрастного наблюдателя. А после этого я мог бы показать вам кое-какие шедевры постоянной коллекции. Более в моем стиле и, полагаю, в вашем тоже. О, к слову сказать, я Александр, – он протянул руку.

– Хелена, – она пожала ему руку, размышляя, принять ли приглашение. Обычно она отвергала авансы от мужчин, которые получала во множестве, но было в Александре что-то... и внезапно услышала, что говорит «да».

Потом они пошли пить кофе и два часа с удовольствием обсуждали живопись, балет, музыку и литературу. Хелена узнала, что Александр изучал историю искусства в Оксфорде, потом, попробовав свои силы в живописи дома в Англии – и, как он выразился, заработав разве что на новые холсты, – он решил продолжить образование и опыт учебой в Вене.

– В худшем случае, если картины не начнут продаваться, степень магистра изящных искусств должна бы, по крайней мере, помочь мне попасть на собеседование в «Сотбис», – объяснил он.

Хелена согласилась выпить с ним кофе на следующий день, и это быстро вошло в привычку. С Александром было до ужаса легко проводить время – с его своеобразным чувством юмора, способностью почти во всем находить смешную сторону и веселостью. Он также был необыкновенно умен, с мозгом, работающим с быстротой молнии, и был так страстно увлечен искусством вообще, что они часто оживленно спорили из-за книги или картины.

Александр регулярно просил разрешения нарисовать ее, и в конце концов она сдалась.

И вот тогда-то, собственно, все и началось...

Придя в самый первый раз на сеанс в его квартире-студии в старом доме на Элизабет-штрассе, Хелена постучала в обшарпанную дверь, охваченная в равной мере тревогой и азартом.

– Входи, входи, – приветствовал он ее, проводя внутрь. Хелена с трудом подавила улыбку при виде общего хаоса в комнате, примостившейся под самой крышей. Казалось, каждый дюйм каждой поверхности был покрыт банками с кистями, тюбиками краски, грудями книг и множеством использованных стаканов и пустых

винных бутылок. Холсты были сложены рядами у стен и даже возле деревянной рамы двуспальной кровати в углу. Возле большого открытого окна стоял мольберт.

– Сразу скажу, я знаю, что это похоже на декорацию к «Богеме», – улыбнулся он, заметив ее ошеломленный взгляд, и предпринял бесплодную попытку прибраться. – Но на закате свет здесь просто чудесный.

– Что ж, по-моему, это идеальная мансарда для нищего художника, – подколола его Хелена.

– Я такой и есть, – согласился он, сбрасывая кучу одежды с кресла, потом повозился, устанавливая его и проверяя, как падает свет. – Так, садись. – Хелена села, а Александр устроился на низком подоконнике с альбомом и карандашом в руке. Потом он указывал ей принимать разные позы. – Положи руку на спинку кресла... нет, попробуй за голову... поставь другую руку под подбородок... попробуй скрестить ноги, – и так далее, пока не был удовлетворен. И начал рисовать.

После этого Хелена приходила к Александру каждый день после утреннего класса. Они пили вино, смеялись и болтали, пока он марал бумагу, и она чувствовала себя расслабленной и беззаботной в его присутствии, как редко с кем раньше. Во время четвертого сеанса он внезапно с раздражением отшвырнул альбом.

– Как бы мне ни нравилось, что ты здесь со мной, ничего не получается.

– Что не получается? – спросила она. Сердце екнуло.

– Картина. Кажется, я просто не могу сделать все как надо.

– Прости, Александр. Может быть, это из-за меня. Я никогда раньше не позировала и не знаю, что делать, – Хелена со вздохом встала. Тело затекло от сидения в одной позе, и она рассеянно начала разминаться.

– Вот оно! – внезапно воскликнул он. – Ты не должна сидеть неподвижно... ты танцовщица! Тебе надо двигаться!

На следующий день они встретились в парке Шиллера возле его дома. По приказу Александра она надела самое простое платье из своего гардероба, и он попросил ее станцевать для него.

– Танцевать? Здесь? – Хелена оглянулась на людей, выгуливающих собак, устроивших пикники, гуляющих парочками.

– Да, здесь, – настаивал Александр. – Сними туфли. Я буду тебя рисовать.

– Что мне танцевать?

– Все, что хочешь.

– Мне нужна музыка.

– Я бы напел, но у меня нет слуха, – сказал он, доставая альбом. – А ты не можешь слышать музыку в мыслях?

– Попробую.

И Хелена, всю жизнь исполнявшая *жете* на огромных сценах перед полными залами, стояла перед ним, как застенчивая пятилетка.

– Представь, что ты листок... вроде вон того, что только что сорвался с каштана, – подбодрил ее Александр. – Ты паришь на ветру без определенного направления... просто радуясь свободе. Да, Хелена, это идеально. – Он улыбнулся, когда она на миг закрыла глаза и хрупкое тело начало двигаться. Руки поднялись над головой, и она начала поворачиваться, наклоняться и покачиваться, легкая и грациозная, как листок, который она представила. Карандаш порхал по бумаге.

– Ого! – прошептал Александр, когда Хелена опустилась перед ним на землю, не замечая прохожих, остановившихся посмотреть на изысканное представление. Он подошел к ней, взял за руки, чтобы помочь подняться. – Боже мой, Хелена, ты невероятна. Просто невероятна.

Его пальцы потянулись смахнуть листок с ее волос, потом провели по щеке и подняли ее подбородок навстречу его лицу. Они посмотрели друг на друга, и очень медленно его губы двинулись к ее...

После этого произошло неизбежное. Они вернулись в его квартиру и предались любви в великолепном *па-де-де*, достигнув страстного крещендо, когда солнце зашло за крыши Вены.

* * *

И вот теперь Хелена должна была встретиться с ним после класса в одном из их любимых кафе на Францисканер-платц, очаровательной, мощенной булыжником площади всего в нескольких минутах ходьбы

от театра. Сердце невольно забилося быстрее при виде его за столиком.

– Ангел, у тебя получилось. – Александр встал, когда она подошла, потом осторожно сжал узкие плечи, притягивая к себе и нежно целуя в губы. Когда они сели и официант подошел принять у нее заказ, Хелена услышала знакомый голос.

– Хелена, *cara!* – Фабио шел к ним через залитую солнцем площадь, его летящая походка и вывороченные стопы подсказывали наблюдателю его профессию. Одет он был как всегда ярко: желтый полотняный костюм и шоколадно-коричневые замшевые туфли. Его столь оплакиваемые редеющие волосы были прикрыты лихо заломленной панамой, а на шее висела фотокамера. – Я так и подумал, что это ты.

– Фабио, как мило. – Хелена встала и поцеловала его в обе щеки, но, отстраняясь, отчаянно пыталась показать ему взглядом, что сейчас не самый удачный момент. Она мимоходом упомянула Фабио об Александре, но еще не была готова знакомить их. Как и следовало ожидать, уклониться от партнера было невозможно.

– Ну-с, Хелена, ты собираешься представить меня своему... спутнику?

– Александр, это Фабио, мой партнер... в смысле в балете... Фабио, это Александр.

– Привет, Фабио, – Александр встал и пожал ему руку. – Не желаешь присоединиться к нам? – вежливо спросил он.

– Спасибо, с удовольствием, но только ненадолго. Я только что купил эту камеру, так что сегодня я... как это по-английски... играю в туриста.

Хелена внутренне вздохнула, когда Фабио удобно устроился и властно щелкнул пальцами, подзывая официанта. Конечно, эти двое должны были со временем встретиться. Просто ей хотелось бы самой решить, когда это произойдет.

Она рассматривала их, смущенно поеживаясь, потому что Фабио говорил с Александром как заботливый отец. Хелена уже собиралась возмутиться этим почти допросом, когда Фабио, возможно почувствовав ее раздражение, быстро сменил тему и начал расспрашивать Александра о его творчестве.

– Занятия еще не начались, но в Вене столько источников вдохновения, – заметил Александр, улыбнувшись Хелене и положив руку ей на плечо.

– Это истинная правда. Я тоже хочу сохранить воспоминания об этом прекрасном городе, залитом солнцем, отсюда и камера. Возможно, мне следовало бы начать с вас двоих? – он поднял камеру и навел на них.

– Фабио, право же, зачем? Ты же знаешь, я ненавижу фотографироваться, – взмолилась Хелена.

– Но вы оба такие очаровательные объекты съемки, устоять невозможно! Ну же, улыбнись для меня, *cara*. Ты тоже, Александр. Обещаю, больно не будет.

Фабио начал щелкать затвором фотоаппарата, приказывая Александру обнять ее за плечи и ластя им так безбожно, что скоро они смеялись вместе с ним. Закончив, Фабио встал, допил вино и приподнял панаму.

– Желаю вам обоим приятного вечера. И увидимся завтра, Хелена, на первой репетиции. Надеюсь, ты ляжешь пораньше, чтобы подготовиться к ней. – Подмигнув им обоим, он пошел прочь и скоро пропал из виду.

* * *

Фабио заговорил об Александре на следующий день, когда они с Хеленой пошли на ланч после класса.

– Итак, этот мужчина, Александр... у тебя с ним серьезно? – спросил он.

– Я... не знаю. Еще слишком рано говорить. Нам хорошо вместе, – осторожно ответила она.

Фабио пренебрежительно махнул рукой.

– Хелена, *cara*, у тебя на лице написано, что ты влюблена. И хотя я понимаю, что ты не желаешь обсуждать со мной подробности, я могу сказать, что вы уже осуществили свою страсть.

Хелена покраснела как рак.

– А если и так? В этом нет ничего плохого, правда?

Фабио театрально вздохнул, вытер губы салфеткой и откинулся на спинку стула, окидывая ее проницательным взглядом.

– Конечно, нет. Но Хелена, иногда ты такая *bambina* в житейском плане, что я боюсь за тебя. Что ты на самом деле знаешь об этом человеке?

– Вполне достаточно, спасибо, – с вызовом сказала Хелена. – Он очень талантливый художник, он смешит меня и...

– Но ты заметила, – перебил Фабио, – как мало подробностей он сообщил, когда я расспрашивал о его жизни? Он отвечал уклончиво, это уж точно. Скажу прямо: есть в нем что-то, вызывающее недоверие. Назови это природным инстинктом одного мужчины о другом. На мой взгляд, он игрок. И что-то скрывает. Взгляд у него такой... – он искал правильное слово, – бегающий.

– Фабио! Ради всего святого! Ты провел с ним полчаса! Как ты можешь строить какие-то догадки?

– Поверь мне, – Фабио постучал себя по носу, – я никогда не ошибаюсь насчет мужчин.

– Можно подумать, что ты ревнуешь, – раздраженно сказала она, поднимаясь со стула и швыряя салфетку на стол. – К тому же это вообще не твое дело. Так что, если не возражаешь, я не хочу больше об этом говорить.

– Быть по сему, – Фабио просто пожал плечами. – Будь по-твоему, cara. Но не говори, что я тебя не предупредил.

* * *

Несколько дней Хелена обижалась на слова Фабио и, когда репетиции перед новым сезоном начались всерьез, была с ним очень холодна. Впрочем, он больше не затрагивал эту тему. Пришлось признать, что Александр и в самом деле не вдавался в подробности своей жизни в Англии. Она знала, что он живет в маленьком коттедже где-то на юге Англии и что богатые родители отреклись от него из-за отказа найти «настоящую» работу. Хелене было интересно, как он сумел оплатить дорогие художественные курсы в Вене, и она задала вопрос при следующей встрече. Он ответил, что использовал

последние остатки своего трастового фонда и что эта магистратура была «игрой ва-банк», как он выразился.

Она старалась не позволить словам Фабио омрачить ее счастье. Он просто ее чрезмерно оберегал, вот и все. И поскольку она никогда не могла долго сердиться на партнера, скоро они вернулись к обычной легкости в отношениях.

Хелена и Александр по-прежнему встречались как можно чаще. Стало сложнее, потому что Хелена была очень занята в театре, а у Александра наконец начались занятия с плотным графиком лекций, семинаров и внеклассных заданий.

Никогда раньше она не встречала человека, с которым могла по-настоящему быть самой собой. И он казался таким же влюбленным: уходя из ее квартиры, оставлял записочки, которые она потом находила, писал стихи и постоянно говорил, как сильно ее любит.

Узы между ними становились все прочнее, и Хелена начала осторожно подумывать о совместном будущем. И хотя Александр никогда об этом не заговаривал и крайне неопределенно высказывался о планах после окончания курса следующим летом, она ловила себя на мечтах о том, что он останется в Вене. Или, наоборот, если Фабио согласится, она могла бы вернуться в Англию, в Королевский балет.

В конце концов, как они могли расстаться теперь?

* * *

Они лежали в постели у нее в квартире, и холодный осенний ветер стучался в старые окна, когда Александр сказал ей, что на следующее утро возвращается в Англию.

– Мне нужно поехать и разобраться с одной семейной проблемой. Если повезет, меня не будет всего пару недель.

– Но как же занятия в Академии? – спросила Хелена, приподнявшись на локте и недоуменно глядя на него. – Семестр в самом разгаре. Не может проблема подождать до рождественских каникул?

– Вообще-то нет. Мне там надо разобраться с кое-какими... делами.

– Какими «делами», Александр?

– Тебе не о чем волноваться. Не успеешь оглянуться, как я вернусь, ангел, даю слово, – добавил он, целуя ее.

Он не хотел обсуждать, что это могут быть за проблемы, и Хелене пришлось удовлетвориться тем, что он уезжает ненадолго. В ту ночь они занимались любовью с особенной страстью, и она уснула, чувствуя себя насыщенной и удовлетворенной.

Как оказалось, в последующие дни у Хелены было очень мало времени скучать по Александру. Она активно участвовала в репетициях «Послеполуденного отдыха фавна», «Тщетной предосторожности» и «Сильфиды», а также два дня в неделю работала с хореографом и композитором нового балета «Художник».

Когда день запланированного возвращения Александра в Вену наступил и прошел, Хелена постаралась не паниковать, хотя начала поглядывать на доску объявлений в театре, чтобы проверить, не звонили ли ей. Глупо, но он забыл оставить ей номер, по которому она могла бы связаться с ним в Англии, хотя и обещал.

В конце концов, ближе к декабрю, она пошла на его кафедру в Академии изобразительных искусств.

– Я хочу спросить о моем друге, который учится здесь на магистра. Мне надо знать, когда он возвращается в Академию.

Секретарь устремила на Хелену испытующий взгляд поверх очков.

– Мы не выдаем такого рода информацию, *Fräulein*.

– Пожалуйста... это чрезвычайная ситуация. Он уехал, чтобы разобраться с семейной проблемой в Англии и уже должен был вернуться. Конечно, никому не повредит, если вы просто проверите бумаги?

Секретарь скучающе вздохнула.

– Пожалуйста, назовите его имя.

– Александр Николс.

– Попробую. «Николс», вы сказали?

– Да.

– Пожалуйста, подождите здесь, – секретарь исчезла на несколько минут. Вернувшись, она покачала головой. – По регистрационным данным, у нас на кафедре нет студента по имени Николс.

Сбитая с толку и встревоженная, Хелена заглянула в дом, где он жил. Там консьерж сказал ей, что молодой человек из номера 14а

съехал почти месяц назад и что квартира на чердаке уже снова сдана.

Она пошла прочь, и сильные ноги дрожали, словно сделанные из желе. Машинально направившись в парк напротив, где она танцевала для него, Хелена добралась до ближайшей скамейки и опустилась на нее.

Каштан теперь стоял безлистным – окоченевший и голый в стылом ноябрьском тумане.

Хелена закрыла лицо дрожащими руками. Подобно листьям, упавшим с дерева, Александр – и их любовь, – казалось, исчез без следа.

ку

Двадцать три

– В общем, – Хелена поникла всем телом от изнеможения, – в конце концов я поняла, что он не вернется. И на этом все.

После долгой паузы Уильям заговорил:

– Ты, разумеется, понимаешь, что дело не в тебе, правда? Он всегда отличался неустойчивостью внимания, когда доходит до хорошеньких женщин. Он влюблен в состояние влюбленности. Не льсти себе, Хелена. Могу тебя заверить, что ты лишь одна из многих.

– Конечно. – Она отказывалась реагировать на колкость. Кроме того, она знала, что заслужила и это, и многое другое.

– Меня удивляет, что он никогда о тебе не рассказывал. Обычно он в подробностях расписывал мне свои тайные победы, – Уильям хрипло рассмеялся. – Если бы я знал тебя тогда, то предупредил бы. Но я, разумеется, не знал. А если бы я знал тебя... что ж, мы не были бы сейчас здесь. Мне только не хватало его брошенной любовницы.

Хелена ушла в себя, чтобы найти силы не убежать от жестоких слов Уильяма. Он был пострадавшей стороной и имел право говорить все, что вздумается.

– Понимаю, – произнесла она, глядя на руки. – Может быть, он не сказал тебе потому, что ему было стыдно.

– Чтобы Саша стыдился, что уложил в постель женщину?! Едва ли. Он жил ради этого. С чего бы ему вдруг стыдиться?

– Я обнаружила... много позже, что он уехал домой, потому что Джулз забеременела Рупсом.

– Ясно, – Уильям кивнул. – Ну, это, наверное, был тот еще удар.

– Да, – она посмотрела на него. – Но тогда я этого не знала. Как и того, что он женат.

– Правда? Как удобно-то.

– Он не сказал мне, Уильям. Ни единого намека, клянусь.

– И тебе даже не пришло в голову, когда мы познакомились, что твой венский любовник и есть мой старейший друг?

– Уильям, когда ты впервые упомянул своего лучшего друга «Сашу Чандлера» – который да, конечно, учился с тобой в Оксфорде и

посоветовал тебе поехать в Вену, – откуда мне было знать, что это один и тот же человек? Я знала его как Александра Николса.

– Как, уверен, я говорил тебе раньше, Саша – его детское прозвище, а полная фамилия на самом деле Чандлер-Николс. Мне очень трудно поверить, что ты не знала этого тогда, учитывая, что вы двое были так, – он почти выплюнул следующее слово, – *близки*.

– Уильям, наши отношения продлились всего пару месяцев. Мы были двумя иностранцами, встретившимися в чужом городе. Назови меня наивной, но я, честно, знала очень мало о его жизни. Я не пытаюсь оправдаться, но пока я не увидела его в день нашей свадьбы, как я *могла* знать?

Уильям бросил на нее сердитый взгляд, и Хелена знала, что не сможет сказать ничего, что притупило бы шок.

– Так, поехали дальше. Очевидно, он бросил тебя в беде.

– Да.

– А что было потом? Он связался с тобой, когда вернулся в Англию?

– Нет. Я вообще ничего не слышала. Теперь я знаю, что он получил работу в Сити, а несколько месяцев спустя Джульз родила Рупса...

– Погоди минуту... – что-то медленно прояснялось в голове Уильяма. – Черт! – На его лице отразился ужас, когда смутная мысль обрела форму. – Все еще хуже, чем то, что ты рассказала мне до сих пор, да, Хелена? Много хуже?

Она молчала. Что тут было сказать?

– Потому что... между Алексом и Рупсом всего четыре месяца... Да, Хелена?

– Да.

Уильям поднял взгляд к великолепному ночному небу, усеянному мерцающими звездами. Оно было над ними и прошлой ночью, и позапрошлой, и снова будет завтра. Однако сегодня *его* мир безвозвратно изменился. И никогда не сможет стать прежним.

В конце концов он встал.

– Я наконец понял. Неудивительно, что ты никогда не говорила мне, кто отец Алекса. Могу только сказать, помоги *ему* Бог, когда он услышит все это, Хелена. Помоги Бог твоему бедному сыну.

Господи! – Уильям в смятении заходил по террасе. – Я просто не вижу никакого выхода. – Он покачал головой. – Утешения нет. Нигде.

– Знаю. Уильям, я...

– Прости, – Уильям вытянул перед собой руки, словно физически защищаясь от нее, – я не могу. Мне надо уехать. Сейчас.

Уильям исчез в доме, и десять минут спустя взревел двигатель машины, которая понеслась вверх по склону. Хелена смотрела вслед задним фонарям, пока они не растаяли в темноте.

ДНЕВНИК АЛЕКСА

12 августа (продолжение)

Я сижу на кровати...

Жду.

Жду, что мать придет меня будить. Она войдет и обнимет меня, как бывало, когда я был младше, погладит по голове и скажет, что мне приснился кошмар. Что ничего этого на самом деле не произошло, что я не слышал ужасных слов, произнесенных на террасе прямо под окном моей спальни. Что мой отец, который не отец, не уехал из дома на машине, чтобы, возможно, никогда не вернуться.

Из-за того, кто мой настоящий отец.

Мозг сейчас взорвется. Разлетится на миллион крохотных кусочков и заляпает все стены. Он просто не удержит того, что знает. Он не понимает, как обработать информацию. Скрипит, трясется, вертится, но с места не двигается.

Он не может справиться. И я тоже.

Бью кулаками по коленям, делаю себе больно, чтобы физическая боль затмила душевную, но не получается.

Ничего не получается.

Ничто не может унять боль, которую я чувствую.

И хуже всего, что вызвал ее единственный человек, который всегда мог все изменить к лучшему.

И потому я сейчас один. В темноте.

Когда в мозгу наконец снимется блокировка, он начнет прорабатывать последствия того, что я сейчас услышал. Знаю только, что я больше не тот, кем себя считал.

Как и моя мать.

кд

Двадцать четыре

Дрожащими руками Хелена налила себе бренди и осушила стакан, зная, что обжигающее тепло внутри не избавит от переполнявшего ее ужаса. Она с трудом поднялась, вошла в дом и направилась к спальне Алекса. Собрав все оставшиеся силы, постучала.

– Можно войти?

Ответа не последовало, и она открыла дверь.

В комнате было темно, распахнутые настежь ставни впускали бледный лунный свет. Когда глаза привыкли, Хелена увидела, что сын сидит на краю кровати.

– Можем мы поговорить? – тихо спросила она.

– Папа уехал?

– Да.

– Он вернется?

– Я... не знаю.

Она вошла и, оступившись добравшись до кровати, села прежде, чем подкосились ноги.

– Ты слышал?

После долгой паузы Алекс ответил:

– Да.

– Все?

– Да.

– Итак... теперь ты знаешь, кто твой биологический отец?

Алекс промолчал.

– Ты можешь понять, почему я никогда не говорила тебе? И вообще никому, коли на то пошло?

– Мам, я не могу говорить об этом... Не могу.

– Папа... *Уильям* не хотел слышать, как или почему. Я понимаю, что ты тоже не захочешь. Но я хочу закончить историю, объяснить тебе, что произошло после того, как он... Саша, как ты его знаешь, оставил меня в Вене. Пожалуйста, Алекс, выслушай, тебе очень важно это знать. А мне – объяснить, как это связано с Алексисом и тем, что произошло здесь.

Ответа не было, так что Хелена все равно начала:
– Я узнала, что беременна тобой, после Рождества...

Хелена

Вена

Декабрь 1992 года

Дыхание кристаллизовалось нежными завитками белой дымки в морозном воздухе, когда Хелена шла на утренний класс.

В это время года город был особенно привлекателен: великолепные каменные здания в традиционном праздничном убранстве с мерцающими электрическими гирляндами, украшенные еще и блестящей глазурью свежего снега, выпавшего ночью. Был канун Нового года, и атмосфера веселья и возбуждения, казалось, охватила всех и вся.

То есть всех, кроме нее. Хелена не знала, сможет ли она когда-либо снова почувствовать счастье, возбуждение или вообще... *что-нибудь*. Прошло почти два месяца с тех пор, как уехал Александр, и дни отчаяния и ночи рыданий в подушку со временем сменились оцепенением, которое, кажется, достигло глубин души. Наконец ей пришлось принять, что, по какой бы то ни было причине, Александр никогда не вернется в Вену. Или к ней.

Хелена помедлила перед Государственной оперой и посмотрела на золотистые каменные арки, которые сегодня вечером будут подсвечены для пушного великолепия. Какая ирония, подумала она, что на низшей эмоциональной точке жизни ее карьера стремится к новым высотам. В этот вечер она должна была танцевать главную партию в гала-представлении «Сильфиды», и новый балет «Художник» обретал форму и должен был стать самой крупной постановкой предстоящего сезона. Хелена знала, что авторитет первых исполнителей роли может вывести их карьеру на новый уровень, но сейчас она с трудом находила в себе силы радоваться.

По крайней мере, подумала она, приближаясь к служебному входу, дисциплина и строгость профессиональной жизни не давали совсем сойти с ума от горя.

Поздоровавшись со швейцаром, Хелена прошла по лабиринту коридоров к своей примерке, где сбросила пальто с меховым воротником и надела репетиционное трико и гетры. Добавила

любимую, немного побитую молью полосатую кофту, чтобы уберечься от холода, пока тело не разогреется. Собрала белокурые волосы в пучок, плотно завязала атласные ленты пуантов на лодыжках и покинула гримерку, свое убежище.

Разные танцоры труппы уже ждали на громадной сцене, болтая группками или растягиваясь у станка. Несмотря на подавленное состояние, Хелена не могла сдержать печальную улыбку, размышляя о контрасте между разномастными репетиционными костюмами (в комплекте с дырявыми колготками) и лицами танцоров без грима – и тем, как они все будут выглядеть вечером на сцене. Она слегка содрогнулась, на мгновение взглядевшись в темноту пустого зала, который позже будет ослепительно освещен, демонстрируя великолепие позолоченных балконов, до отказа забитых предвкушающей публикой, – больше двух тысяч человек.

Поздоровавшись с коллегами, она заняла место у станка. Появился руководящий классом репетитор, заиграл пианист, и класс начался обычными плие. Хелене не надо было думать об экзерсисах: тело выполняло их столько тысяч раз, что работало на автопилоте, готовя себя к ответственной роли Сильфиды. Накануне состоялась генеральная репетиция, и все прошло хорошо, хотя она впервые исполняла эту роль и сильно нервничала; но по опыту знала, что перед публикой, на волне адреналина, станцует лучше.

– Доброе утро, Хелена, *cara*, – раздалось за спиной, когда Фабио занял место у станка.

– Снова опаздываешь, – упрекнула она, когда все повернулись, чтобы выполнить тот же экзерсис на другой ноге.

– Это все будильник, он явно сломан, – ответил он, лукаво закатив темные глаза.

Хелена знала, что на языке Фабио это означает роман.

– Что ж, уверена, ты мне все расскажешь после класса.

* * *

В тот вечер Хелена сидела в гримерке, опытной рукой заканчивая грим. День был заполнен событиями: утренняя репетиция, потом многочисленные интервью после ланча. Времени на отдых было мало,

и она чувствовала пронизывающую ее электрическую энергию нервного напряжения. Чтобы отвлечься, она взяла карточку, лежащую возле пышного букета белых роз – самого большого и роскошного из нескольких цветочных подношений, расставленных по комнате, – и прочитала ее.

«Дражайшая Хелена!

Позвольте вновь поблагодарить Вас за то, что оказали мне честь отобедать со мной на прошлой неделе и что согласились сопровождать меня на завтрашний бал. Удачи сегодня вечером. Я буду любоваться Вами из зала.

Ваш Ф.

*Принц Фридрих фон
Этцендорф».*

Потом Хелена заметила, что среди цветов спрятан маленький пакет, завернутый в серебряную папиросную бумагу. Развернув упаковку, она обнаружила бархатную коробочку и открыла крышку. Внутри лежало изящное ожерелье из трех сверкающих каплевидных бриллиантов на тоненькой цепочке. Она откинулась на спинку стула, ошеломленная расточительностью подарка. Смотрела на свое отражение в зеркале и не знала, смеяться или плакать над иронией судьбы.

Впервые Хелену представили принцу Фридриху месяц назад на фуршете после спектакля. Кто-то сказал ей, что он происходит из одной из старейших и богатейших семей Австрии и проявляет особый интерес к искусству. Несмотря на его красоту и учтивость, она не смогла выказать особого энтузиазма во время разговора. В конце концов, он не был Александром; а от того, что Фридрих олицетворял – на первый взгляд – все то, о чем могла мечтать женщина, стало еще хуже.

На следующий день она получила от него записку на тисненой бумаге с приглашением на обед. Хелена хотела сразу же отказаться, но знала, что ей отчаянно надо двигаться дальше после внезапного

исчезновения Александра. Она рассказала о приглашении Фабио, когда они ждали за кулисами своего выхода.

– Мне пойти?

– Хелена, принц – это может посоперничать с любой балетной сказкой. Конечно, ты должна пойти!

Поэтому она, хоть и неохотно, приняла приглашение. И все прошло... неплохо.

После этого они виделись еще несколько раз. Он гораздо больше ее горел желанием встречаться так часто, как позволяло ее расписание. Фридрих действительно казался слишком уж хорош: красивый, культурный, богатый и страстно увлеченный ею.

– О чем еще может мечтать женщина? Я просто не понимаю тебя, Хелена, – Фабио закатил глаза на явное отсутствие энтузиазма, когда спросил ее, как развиваются отношения.

«Ни о чем», – подумала про себя Хелена.

Ощущение было, размышляла она теперь, надев ожерелье на шею и глядя, как оно удобно устроилось между ключиц, будто она потеряла способность чувствовать.

– Вы – моя Грейс Келли, – сказал Фридрих при их последней встрече, поцеловав ей пальцы над столом. – Я хочу сделать вас своей принцессой.

Потом он официально попросил оказать ему честь посетить с ним новогодний бал, который должен был состояться в легендарном дворце Хофбург.

– Хочу показать вас всем, – сказал он.

И хотя настроение у нее было совсем не праздничное, Хелена подумала, что будет невежливо отказаться, в особенности потому, что это было одно из самых ожидаемых событий светской жизни Вены. И еще это означало, что она, по крайней мере, не будет рыдать в одиночестве, когда по всему городу колокола возвестят Новый год.

Приняв приглашение на бал, Хелена поняла, что у нее нет ничего подходящего для такого мероприятия, поэтому объяснила ситуацию Кларе, своей доверенной костюмерше в театре. Клара, в стиле настоящей феи-крестной, увлекла ее в костюмерную, где они нашли изысканное бледно-розовое бальное платье. В нем Хелена действительно была похожа на принцессу.

Сейчас оно висело на вешалке в защитном полиэтиленовом чехле, готовое – после небольшой подгонки, – чтобы она забрала его домой после спектакля. Словно по сигналу, в гримерку влетела Клара с сегодняшним сценическим костюмом Хелены: колыхающиеся слои белого тюля, шифона и блесток.

– Ну же, фрау Бомонт, вы должны готовиться, мы имеем мало времени, – скомандовала она на английском с сильным акцентом.

Клара собрала волосы Хелены в высокий пучок, добавив маленькую жемчужину и заколки со стразами, которые будут сверкать и переливаться при свете. Потом вылила на волосы столько лака, что хватило бы выдержать ядерную атаку, и помогла Хелене надеть костюм, стараясь не запачкать его густым сценическим гримом. Взгляд глаз-бусинок упал на открытую бархатную коробочку, стоящую на туалетном столике.

– Это подарок? – спросила она, указывая на коробочку.

– Да.

– От кого?

– Друга.

– Вы говорите о принце?

Хелена робко кивнула.

– Не смущайтесь. Вы такая красавица. И я знаю, он ведет вас на бал завтра вечером. Это ожерелье идеально подойдет к вашему платью.

– Да, пожалуй.

– И я подумала, фрау Бомонт. Завтра я приду в вашу квартиру и помогу вам с приготовлениями, – объявила Клара, словно это был *fait accompli*^[14].

– Право же, это абсолютно лишнее, – запротестовала Хелена.

– Но как вы застегнете платье без моей помощи? На спине много маленьких жемчужных пуговиц. И еще я могу сделать прическу, которая сделает вам наилучший вид.

Хелена сдалась, зная по опыту, что сопротивляться Кларе бесполезно.

– Спасибо, вы очень любезны.

Времени для дальнейших разговоров не осталось. Клара раздраженно зацокала языком, услышав пятиминутный звонок, и еще раз распылила лак для волос, когда Хелена встала со стула, чтобы

осмотреть себя в большом зеркале. Изящный костюм с вышитым бисером корсажем и ниспадающими белыми юбками, подчеркивающий воздушность персонажа, в которого она вселится через несколько минут.

– Вы готовы, – сказала Клара, восхищаясь также и делом рук своих, когда по внутренней связи раздалось: «Начинаем». – Удачи, – добавила она, когда Хелена выходила из гримерки.

* * *

Два часа спустя Фабио вывел Хелену вперед среди бурных аплодисментов, знаменовавших окончание того, что, как они оба знали, было феерическим спектаклем. Поднявшиеся с мест зрители топали ногами и хлопали, а они все кланялись и кланялись, и на сцену летели букеты.

После того как занавес опустился в последний раз, Хелена вернулась в гримерку. Адреналин гулял в крови, и, несмотря на текущие, несвязанные со сценой проблемы, она все еще была на взводе. Почти немедленно в дверь постучали, возвещая о начале, как она знала, непрерывного потока посетителей, желающих ее поздравить.

У двери появилось красивое лицо, обрамленное очень светлыми волосами.

– Надеюсь, я не помешаю.

– Вовсе нет. Пожалуйста, Фридрих, входите.

Хелена пошла навстречу гостю, думая, как аристократично он выглядит в белом галстуке и фраке с украшенной родовым гербом алой лентой, пересекающей широкую грудь. Фридрих взял ее руку и поцеловал.

– Никакими словами не передать, каким пленительным я нашел ваше сегодняшнее выступление. Вы воистину воплощение сказочной сильфиды. И я вижу, что вы получили мои цветы, – добавил он, указывая на розы.

– Они изумительны. И ожерелье тоже прекрасно, Фридрих, но, право, это слишком уж щедро...

– Тише, моя дорогая Хелена. Это не больше, чем вы заслуживаете. Пожалуйста, я был бы в ужасе, если бы думал, что не угодил вам. И я весьма надеюсь, что вы наденете мой подарок на бал.

– Тогда могу только пообещать, что надену, и поблагодарить вас.

– Единственная благодарность, которая мне нужна, чтобы ваша рука была в моей, когда мы войдем во дворец Хофбург завтра вечером.

Хелена собиралась ответить, когда в дверь снова постучали.

– Итак, я откланиваюсь до поры, Хелена, и буду ждать чудесного Нового года, – с этими словами Фридрих низко поклонился и вышел, когда толпа поклонников хлынула в комнату и окружила ее.

В конце концов все разошлись, оставив Хелену одну. Адреналин, поддерживавший ее весь вечер, схлынул, и она чувствовала себя слабой и опустошенной. Когда Клара помогла ей снять костюм и смыть грим, Хелена переделалась в джинсы и свитер, натянула пальто и сапоги и вышла из театра.

* * *

На следующий день Хелена и Фабио пошли на новогодний ланч в «Грихенбайсле».

– Cara, – он встал, когда официант проводил ее к столику. – Ну, садись, и давай отпразднуем вчерашний успех. – Он взял бутылку шампанского из уже ожидающего ведерка со льдом и налил два бокала.

– За нас! И за Новый год! – провозгласил он, чокаясь своим бокалом с ее. – Я уже прочитал рецензии на «Сильфиду» в утренних газетах, и они великолепны. Все говорят, что ты – звезда, восходящая на небосвод. А когда мы станцуем премьеру нашего нового балета, они тем более поймут, что мы – сила, с которой надо считаться. Мы на пути к вершине, Хелена, я в этом уверен.

Хелена попыталась подыграть явной эйфории Фабио, но смогла выдать разве что слабую улыбку.

– И помимо твоего вчерашнего триумфа на сцене, сегодня вечером ты пойдешь на бал во дворец Хофбург с прекрасным принцем. Ты не рада, *cara*? Такая ночь – это, наверное, мечта каждой женщины... да и мужчины, – рассмеялся он.

– Фабио, ты должен понять, что я не могу так просто... отвлечься от того, что произошло.

– Тю! – он пренебрежительно махнул рукой. – Ты все еще говоришь об этом негодяе Александре? Разумеется, я понимаю, какую боль он тебе причинил, но пора его забыть и жить дальше. Я думал, принц тебе нравится?

– Я... он... да, наверное, но... не уверена, что я готова.

– Может быть, это просто потому, что ты переутомилась. – Фабио наклонился над столиком и внимательно осмотрел ее лицо. – Ты очень бледна, Хелена, и даже не пригубила шампанское. Ты не больна?

– Нет-нет, не больна... просто... устала, вот и все, – она прикусила губу.

– Тогда как только мы закончим ланч, я вызову такси и отправлю тебя домой. Ты должна отдохнуть, чтобы подготовиться к балу. Я хочу, чтобы ты наконец-то повеселилась, Хелена.

– Да, ты прав. – Она сумела натянуто улыбнуться, чтобы успокоить его. – Вздремну, и все будет в порядке.

Фабио бросил на нее подозрительный взгляд, но воздержался от дальнейших комментариев и сменил тему, расспрашивая ее о бальном платье, потом, как обычно, развлекал ее пикантными подробностями из сплетен о других членах труппы. Принесли их заказ, и она почувствовала его острый оценивающий взгляд, когда едва прикоснулась к еде.

«Как будто, – подумала Хелена, – он уже знает».

* * *

Покончив с ланчем, она вернулась домой и, послушавшись приказа Фабио, легла в постель. Как ни пыталась она уснуть, мысли не успокаивались, а живот крутило. В очередной раз она попыталась подсчитать, возможно ли *это* или же у нее просто мандраж. Вскоре после первого физического контакта с Александром ее подхватило вихрем балетного сезона, и, как большинство балерин, она все время принимала *таблетку* без обычного недельного перерыва, чтобы предотвратить менструацию. Это считалось обязательным для выходов на сцену.

В результате Хелена не слишком представляла, когда у нее были последние «нормальные» месячные.

Но, с другой стороны... тошнота, тяжесть в животе, утомляемость – симптомы, которые она слишком уж хорошо помнила с прошлого раза...

В конце концов Хелена перестала пытаться отдохнуть и встала. Сколько ни откладывай, есть только один способ узнать и успокоиться.

Сообразив, что аптека на соседней улице, скорее всего, сегодня закроется рано, она накинула пальто, схватила сумочку и выбежала из квартиры. Купив то, что нужно, она пошла домой, и сердце замерло при виде Клары, уже ожидающей у входа в подъезд.

«Черт!»

– Простите, что заставила вас ждать на морозе, Клара, – сказала она. – У меня закончилась... зубная паста.

Клара сжала губы, и Хелена отперла входную дверь.

– Мы должны начинать, если вы хотите быть готовы вовремя.

В квартире, пока Клара не умолкая болтала о предстоящем вечере, Хелена словно отключилась, просто кивая в, как ей казалось, нужных местах, мысли по-прежнему были заняты совсем другим.

«Я с ума сошла, что приняла приглашение на бал. Я ввожу Фридриха в заблуждение... Что же делать, если?...»

К тому времени, когда Клара наконец сочла, что все готово, Хелена больше не могла терпеть напряжения и встала. Уйдя в ванную, она заперла дверь и подошла к шкафчику, куда в спешке спрятала тест. Достала пакет, тоскливо осмотрела содержимое и с колотящимся сердцем начала сдирать пластиковую упаковку.

И застыла, услышав дверной звонок, за которым почти немедленно последовал громкий стук в дверь ванной.

– Фрау Бомонт! Ваша машина прибыла! Ваш принц ждет вас! – крикнула Клара.

– Иду! – Секунду поколебавшись, Хелена засунула белую палочку в украшенную драгоценными камнями театральную сумочку и вышла из ванной.

Клара ждала под дверью, держа тонкую, как паутинка, шелковую шаль в одной руке и пару длинных атласных перчаток в другой. Она помогла Хелене надеть перчатки, набросила на голые плечи шаль и отступила, оглядывая свою подопечную. Облегающий корсаж бледно-

розового шелкового платья был искусно скроен, открывая безупречное декольте Хелены, затягивал тонкую талию и ниспадал многочисленными колышущимися юбками из слоев нежного шифона. Белокурые волосы были собраны на макушке, легкие завитки обрамляли лицо, и бриллиантовое ожерелье сверкало, как крохотные осколки льда, на высокой шее.

– Вы выглядите прекрасной, – Клара удовлетворенно вздохнула. – А теперь, *lieblich*, вы должны идти и приветствовать вашего принца. – Она выпроводила Хелену из квартиры к лифту.

– Желаю чудесной ночи! – крикнула она, когда двери закрывались. Фридрих, выглядящий во фраке непринужденно светским, ждал ее в вестибюле и громко ахнул, когда Хелена вышла из лифта. Он взял затянутые в перчатки руки в свои и несколько мгновений удерживал ее на расстоянии вытянутой руки, оглядывая, потом притянул к себе и расцеловал в обе щеки.

– Вы лучезарны, моя Хелена, – прошептал он. – Мне будут завидовать все мужчины на балу. – Потом он предложил ей руку, и они вместе вышли к ожидающему лимузину.

* * *

Падал легчайший снежок, когда они увидели сверкающий огнями величественный изогнутый фасад дворца Хофбург. Они проехали под высокой церемониальной аркой в огромный, освещенный фонарями внутренний двор, где ко входу вел красный ковер, положенный на брусчатку. Машина остановилась, Хелена вышла, оперлась на предложенную Фридрихом руку, и он повел ее вверх по парадной лестнице в роскошный дворцовый зал, где уже полным ходом шел фуршет с шампанским.

Хелена приняла от официанта бокал и пригубила, чтобы попытаться успокоить взбудораженные нервы. Ей надо будет выпить, чтобы продержаться вечер. Ее с почтением приветствовал бесконечный поток других гостей, все жаждали поздравить ее с выступлениями в Опере и поздороваться с принцем.

В конце концов они добрались до своего столика, где их ждали официанты опять с шампанским и блюдами великолепных канапе.

Хелена ничего не ела, но если принц и заметил отсутствие аппетита или односложные ответы, то виду не показал.

Когда гостей пригласили в бальный зал, Хелена не могла не восхититься рядами мраморных коринфских колонн, поддерживающих богато украшенный потолок, с которого свисали десятки хрустальных люстр. Оркестр играл венский вальс на помосте под огромными часами, отсчитывающими минуты и секунды до полуночи.

Потом все стихло, и в бальный зал вступили колонны молодых девушек – все в белых платьях – рука об руку со своими кавалерами.

– Кто это? – спросила Хелена Фридриха.

– Это дебютантки, и сейчас они исполнят танец в ознаменование официального вступления в венское общество.

Хелена наблюдала за ними, размышляя, что, возможно, уснула и видит во сне ритуал из прошлых веков. Сердце кольнуло при виде невинных, взволнованных лиц: юные девушки, у которых впереди целая жизнь и никаких забот.

Какой когда-то была она.

Она резко вернулась к настоящему, когда дебютантки не спеша вышли из зала под взрыв аплодисментов. Красные шнуры, удерживающие остальных гостей, быстро убрали, чтобы могли начаться танцы. Хелена потеряла счет времени, когда Фридрих кружил ее в объятиях по золотистому паркету в одном вальсе за другим. Другие мужчины тоже хотели танцевать с ней, и она очень старалась улыбаться и пленять их, как принцесса, какой Фридрих, кажется, хотел ее видеть.

– Вы сегодня так обворожительны, Хелена. Вы воистину околдовали меня и всех мужчин здесь, – прошептал он, когда оркестр наконец убавил темп и он воспользовался возможностью привлечь ее ближе.

Хелена чувствовала себя странно отстраненной от происходящего, словно наблюдая за собой откуда-то со стороны. Фридрих наклонился, чтобы нежно погладить ее шею.

– Я надеюсь, что вы и я сможем провести гораздо больше времени вместе в наступающем году.

– Я... тоже, – услышала она свой голос.

Истолковав ее ответ как поощрение, Фридрих прижался щекой к ее волосам, когда они двигались элегантно под люстрой.

– Пожалуйста, Хелена... – шепнул он ей на ухо, – скажите, что сегодня пойдете со мной.

Эти слова сдернули Хелену с небес на землю. Откинув голову, она посмотрела на него снизу вверх: его добрые глаза сияли явным обожанием.

«Что я здесь делаю?» – мелькнула паническая мысль. Она посмотрела на часы, внезапно почувствовав ужасную тошноту и слабость, и увидела, что до полуночи осталось минут десять. Лицо Фридриха немедленно приняло заботливое выражение.

– Хелена, *liebling*, вам нехорошо?

– Не уверена. Я... чувствую себя немного странно. Кажется, мне надо сесть.

Фридрих услужливо проводил ее из зала и устроил за их столиком, потом ушел найти ей стакан воды. Хелена сидела там, и голова продолжала кружиться. Отчаянно желая хоть немного побыть одной, она встала из-за стола и направилась в сторону дамской комнаты.

Плеснув в лицо холодной воды, Хелена почувствовала себя лучше. Посмотрела на отражение в зеркале и потянулась за сумочкой, чтобы достать помаду. Ей все еще было дурно, и, нащупывая застежку, она ухитрилась уронить сумочку, рассыпав содержимое. Наклонившись, чтобы собрать упавшее, она увидела белую пластмассовую палочку, напомнившую вдруг миниатюрный дамклов меч.

«Как я могу даже размышлять об отношениях с другим мужчиной, когда это висит надо мной?» – упрекнула она себя.

Хелена знала, что Фридрих будет ждать ее и что сейчас едва ли подходящий момент, но она понимала, что *должна* удостовериться, прежде чем сможет начать ясно мыслить.

Что сулит новый год ей и ее будущему, зависело от предмета у нее в руках. С колотящимся сердцем Хелена направилась к кабинке.

И через три минуты она получила ответ.

* * *

Группы людей толпились в фойе и едва ли заметили молодую женщину, бегущую по мраморному полу в развевающемся бледно-розовом платье.

Едва ли не вприпрыжку сбежав по лестнице, ведущей к главному входу, Хелена остановилась на секунду, стянула вечерние туфли на высоких каблуках и, небрежно отшвырнув их, выбежала в сверкающую морозную ночь.

В этот миг колокола собора Св. Стефана забили полночь. Наступил новый год.

Почти не замечая ледящего снега под ногами в чулках, Хелена пробежала через двор, потом под купольной аркой и наконец выбежала на улицу. Сквозь стук крови в ушах она смутно слышала позади мужской голос, кричащий ее имя.

Она не оглянулась.

кѐ

Двадцать пять

В окно Алекса светила полная луна – так же, как она светила в ночь, когда Хелена сбежала из дворца Хофбург. Мать небес, спокойно наблюдающая сверху, как ее человеческие дети спотыкаются и падают где-то внизу, освещающая им путь в темноте, когда они поднимаются на ноги.

– В общем... – Хелена оторвалась от воспоминаний. – Вот такая история. Хотела бы я как-то скрасить для тебя, Алекс, но не могу.

Наконец он заговорил:

– Да, не можешь. Но я все равно не понимаю, как это связано с Алексисом.

– Я... – Хелена умолкла в нерешительности. Для любого мальчика было чересчур узнать о матери такое, тем более всего в тринадцать лет.

– Что бы там ни было, мам, хуже не будет. – Алекс прочитал ее мысли. – Так что давай, выкладывай.

– Я забеременела от Алексиса, когда гостила в Пандоре.

– Но... тебе было всего пятнадцать, – голос Алекса стих до придушенного шепота.

– Да. И я... не родила этого ребенка. Мне казалось, что у меня нет выбора. И это было так... так ужасно. Я до сего дня не простила себя за то, что сделала. Поэтому, когда я узнала, что жду тебя, я не могла, просто не могла сделать это снова. Я должна была родить тебя любой ценой.

Хелена слышала дыхание Алекса, ничего больше.

– Новый балет обретал форму, премьеру назначили на март, и было нечестно оставаться в труппе... все-таки вряд ли я смогла бы изобразить «Маленькую танцовщицу» на седьмом месяце беременности. И одновременно было бы нечестно продолжать притворяться. Я сказала Фабио найти другую партнершу и уволилась из театра в конце января. Я решила остаться в Вене. Так или иначе, возвращаться в Англию было нельзя. После смерти матери у меня остались кое-какие деньги, и я воспользовалась ими, чтобы пережить беременность, к тому же начала работать официанткой в кафе

«Ландтман» недалеко от Оперы. Им нравилось, что я знаю английский, а не только основы немецкого, и они были очень добры ко мне. Я работала там до того дня, как ты неожиданно появился на свет, больше чем на месяц раньше срока.

Хелена почувствовала комок в горле.

– Ты был такой красивый и здоровый и такой замечательный. Я назвала тебя Александром, и в память о малыше, которого так и не родила, и в честь твоего биологического отца. Выбора особо и не было, – она пожала плечами со слабой улыбкой. – И разумеется, второе имя Рудольф в честь Нуреева, знаменитого танцора, который умер таким молодым всего через несколько дней после того, как я узнала, что жду тебя.

Алекс все еще молчал. А чего еще было ожидать? И Хелена продолжила:

– После родов наступили тяжелые времена. Тебе был необходим особый уход как недоношенному ребенку, и вдобавок ко всему я тоже была не очень здорова. У меня было редкое заболевание, послеродовая эклампсия... не люблю громкие слова, но я едва не умерла, Алекс, а значит, и выздоравливала я гораздо дольше. Мы с тобой пролежали в больнице больше двух месяцев. После этого сразу вернуться в балет было просто невыносимо. Может быть, тебе это покажется нелепым, но балерина должна быть в такой же хорошей – если не лучшей – физической форме, как футболист премьер-лиги. Я медленно поправлялась, слава богу, и первый год была счастлива просто быть с тобой. И, Алекс, Фабио так помогал! Он играл с тобой, водил гулять и практически заменил тебе отца. Как ты знаешь, это он подарил тебе Би, твоего кролика...

Хелена помолчала, прежде чем продолжать. Не видя в темноте выражения лица сына, было невозможно угадать, что он думает.

– А еще была Гретхен, которая жила в квартире этажом выше. Когда я вернулась на работу в кафе, потому что мне срочно надо было зарабатывать, она присматривала за тобой. Ты любил ее, Алекс. Она была толстой и веселой и кормила тебя домашними фруктовыми штруделями и оладьями. Ты помнишь ее?

– Нет, – прозвучал краткий ответ.

– В общем, силы возвращались, и при поддержке Фабио я в конце концов начала посещать классы, думая, что, возможно, смогу снова

стать его партнершей. Потом Фабио сказал, что ему предложили контракт с «Нью-Йорк Сити Балет», и умолял меня взять тебя и поехать с ним. Ему никогда не нравилась Вена. Но, Алекс, я знала, что просто недотягиваю до их стандартов. Танцоры «Нью-Йорк Сити Балет» – одни из самых атлетичных в мире. Я не хотела приехать как партнерша Фабио и не иметь необходимых для работы физических и душевных сил... что помешало бы *его* карьере, а это было бы нечестно.

В общем, я сказала ему, что не хочу срываться с места и чтобы он ехал в Нью-Йорк. Можешь себе представить, как я была расстроена, когда он покинул Вену. Я отказалась от мысли вернуться в балет и продолжала работать официанткой. Потом нам пришлось покинуть нашу прелестную квартиру – и Гретхен, – потому что я просто не могла ее оплачивать, и мы переехали в комнатку над кафе, где я работала, – чуть больше холодной клетки для кроликов. Мне было совсем плохо, когда через несколько месяцев я встретила Уильяма.

Хелена помолчала, стараясь найти силы, чтобы продолжать.

– Уильям вернул меня к жизни, Алекс, правда-правда. Он был таким добрым и надежным и таким по-настоящему хорошим человеком. И постепенно я полюбила его. Не «первой любовью», как обожала Алексиса, и не безумным, безрассудным чувством, какое питала к Саше, – это было что-то глубже и сильнее. Я говорю тебе все это, Алекс, потому что это правда, а еще потому, что это и твоя история. Не ожидаю, что ты поймешь или простишь меня.

Хелена посмотрела на силуэт сына, обрамленный лунным светом.

– Уильям просил меня вернуться с ним в Англию, и в конце концов я согласилась. Мне надо было подождать, чтобы удостовериться, что я не уцепилась за него по неправильным причинам. Впрочем, тогда он не был особенно богат: при разводе Сесиль забрала дом, и он жил в убогом съемном коттедже. Но мы были так счастливы там, Алекс, и я знала, что все правильно. В общем, потом он попросил меня выйти за него, и я согласилась. Мы сумели купить Сидер-хаус на аукционе и строили планы, как превратить его в наш дом. Положа руку на сердце, Алекс, никогда я не была так счастлива и довольна, как тогда. То есть до дня свадьбы... – Хелена замолчала.

– Что случилось? – в конце концов пробормотал Алекс.

– Уильям рассказывал мне о Саше – своем замечательном друге со школьной скамьи и Оксфорда, который жил в Сингапуре и собирался приехать с женой специально на нашу свадьбу. Я буквально шла к алтарю, когда увидела Александра, потрясенно уставившегося на меня. Позже Уильям представил этого человека как своего лучшего друга Сашу – теперь я знаю, что это сокращение от «Александр». Я не шучу, я чуть не потеряла сознание прямо во время клятв, так у меня колотилось сердце.

– Ты говорила с ним потом?

– Нет, по крайней мере, не наедине. Разумеется, Уильям познакомил нас, но уверена, ты можешь себе представить, как Саша отвратительно напился, и Джулз пришлось утащить его в отель. Перед этим она познакомилась с тобой, потом рассказала все о Руперте, их маленьком сыне, родившемся всего на четыре месяца раньше тебя. И, разумеется, тогда я поняла, почему «Александр» так и не вернулся ко мне в Вену. Господи, Алекс, – Хелена закрыла лицо руками. – Это было ужасно... ужасно. Почти весь наш чудесный медовый месяц в Таиланде я не спала, пытаюсь решить, не следует ли мне просто сказать Уильяму всю правду и покончить с этим. Тогда уже ему пришлось бы решать, хочет он развестись со мной или нет. Но я слишком боялась потерять его. Я любила его, Алекс, я была так счастлива, ты был так счастлив... я просто не могла заставить себя рассказать и превратить волшебную сказку в кошмар. Я успокаивала себя мыслью, что Саша живет на другом конце света, что даже если они лучшие друзья, наши пути вряд ли будут часто пересекаться. И первые несколько лет так оно и было. Иногда я даже умудрялась забыть об этом, задвинуть в глубины сознания.

Хелена перевела дыхание, рассеянно проведя рукой по волосам.

– Разумеется, теперь, по прошествии времени, я понимаю, что мне следовало бы рассказать Уильяму все сразу, как только я увидела Сашу. Что угодно было бы лучше, чем жить с этим страшным, страшным секретом. И ждать, когда он раскроется. Потом, как ты знаешь, Саша, Джулз и дети вернулись в Англию. Мы видели их нечасто, слава богу. Иногда они приезжали на выходные, и Уильям встречался с Сашей в Лондоне. Потом Джулз услышала, что мы едем на Кипр и будем жить в доме, который я получила по наследству, и настояла, что ей нужно выбраться, пригласив себя с семьей. Отказаться я не могла, но была в

полном оцепенении. Что-то говорило мне, что катастрофа надвигается. И, боже мой, я была права.

Хелена медленно покачала головой в темноте.

– И, в общем, это все, дорогуша. Больше сказать нечего. Если я расстроила тебя, Алекс, могу только извиниться и сказать, что люблю тебя больше всего на свете. Я хранила секрет, чтобы защитить тебя и Уильяма и нашу семью.

– И себя, мама, – хрипло пробормотал Алекс.

– Да, ты прав, и себя. Я знаю, что могу винить только себя. Хуже всего, что Уильям был чудеснейшим отцом для тебя, и теперь, из-за моих глупости и себялюбия, я ухитрилась отнять единственное, что всегда желала для тебя. Господи, как бы я хотела, чтобы он *был* твоим настоящим отцом. Что угодно бы отдала, чтобы повернуть время вспять. Мне так жаль, что я все сделала неправильно. Я знаю, что Уильям никогда не простит меня. Это ужаснейшее предательство. Но я люблю его, Алекс. Всегда любила и всегда буду.

– А Саша, или *Александр*, или кто уж он там на самом деле, знает? Что я его... – Алекс не договорил.

– Да. Догадался сразу, когда впервые увидел тебя на свадьбе. Ради всех причастных между нами был заключен негласный договор молчания.

– Ты собиралась когда-нибудь рассказать мне?

– Я... не знала. Не могла сказать тебе правду, но и не хотела лгать. Может быть, он обеспечил твои гены, Алекс, но с тех пор не играл никакой роли в твоей жизни.

– Ты еще любишь его?

– Нет. Скорее наоборот. Я... – Хелена заставила себя замолчать, вспомнив, что Алекс только что узнал, кто его биологический отец, и было бы неправильно раздражаться обличительной речью в его адрес. – Иногда мне хочется, чтобы нашей встречи не произошло, но тогда, дорогуша, если бы мы не встретились, у меня не было бы тебя.

– Хорошо. Пожалуйста, теперь уходи, – сказал он.

– Ох, дорогуша... – Хелена подавила всхлип, потом осторожно протянула к нему руку – и коснулась мокрого меха. Слезы сына промочили его любимого Би. – Мне очень, очень жаль. Я люблю тебя, Алекс.

Потом она встала и вышла из комнаты.

ДНЕВНИК АЛЕКСА

12 августа (продолжение)

Мне
нечего
сказать

кζ

Двадцать шесть

На следующее утро Хелена сидела на террасе после бессонной ночи, глядя, как восходит солнце. Она пыталась успокоить себя, что уже чувствовала все это раньше: муки потери и необратимо изменившейся жизни и будто дорога, по которой она прежде шла, внезапно перекрыта. Другой маршрут найдется – всегда находится. Она справится, она *выживет* – как всегда.

Разница была в том, что на этот раз речь шла не о *ней*.

Она могла справиться с чем угодно, кроме мысли о страданиях своих детей. Хуже того, это *она* причинила боль. Сердце снова сжалось при мысли о горе Алекса, его смятении. Задача матери – утешать, защищать и вести сына. Вместо этого она сломила его.

И Уильяма тоже.

Хелена спустилась к гамаку и забралась в него, ослабев от бури эмоций. Она лежала, глядя на светлое небо, и впервые ясно поняла, почему некоторые люди не видят альтернативы самоубийству. Возможно, подумала она, это связано не с внешними событиями, а с самоощущением: верить, что ты хороший человек, что ты обращаешься с окружающими с уважением и любовью, было самым главным. Теперь же мысль о том, чтобы жить каждый день до конца своих дней, когда самые любимые люди знают, что она такой *не* была и так с ними не обращалась, казалась почти невыносимой.

Хелена знала, что найдет силы жить дальше, но вот сейчас, несмотря на красоту теплого солнца, поднимающегося на небесную сцену, она чувствовала холод и уныние, как в тот день, когда сидела в венском парке, зная, что Александр уехал навсегда.

Наконец она устало поднялась в спальню. Дверь гардероба была распахнута, сторона Уильяма пуста, его дорожная сумка исчезла. Хелена с горечью закрыла шкаф, потом легла на постель и закрыла глаза.

* * *

– Мамочка, мамочка! Где папочка? Я нарисовала ему картинку, как вы с Фабио танцуете. Смотри.

Хелена открыла глаза, воспоминание о том, что произошло вчера вечером, поразило ее снова, как удар в живот. На глаза невольно навернулись слезы.

– Мамочка! Посмотри на мою картинку, – настаивала Имми, размахивая рисунком.

Хелена приподнялась на локтях.

– Очень красиво, дорогуша. Молодец.

– Можно я дам его папочке? Он внизу?

– Нет. Ему пришлось на время уехать. По работе.

– Во время отдыха? Почему он не попрощался?

– Ему позвонили после того, как вы ушли спать, и пришлось срочно уехать очень рано утром, – Хелена придумывала на ходу, ненавидя себя за новую ложь.

– А он скоро вернется?

– Не знаю.

– Мамочка?

– Да?

– Почему ты еще носишь вчерашнее платье?

– Я просто устала, Имми.

– Ты всегда заставляешь меня надевать ночнушку, когда я так говорю.

– Да, и правда заставляю. Прости.

– Ты снова плохо себя чувствуешь, мамочка?

– Нет, все в порядке. – Хелена встала. – Где Фред?

– Спит. Хочешь, я приготовлю для тебя завтрак?

– Нет, дорогуша, не надо. Я спущусь с тобой.

* * *

Хелена как-то пережила утро. Отвела Имми и Фреда поплавать в бассейне, сердце разрывалось, когда она смотрела на их счастливые, доверчивые лица. Что они подумают, когда поймут, что семья, частью которой они были, в одночасье исчезла? Что папочка уехал и больше не вернется? И во всем виновата она...

Фабио появился на кухне в половине одиннадцатого. Хелена подумала, что он выглядит ненамного лучше, чем она.

Он обнял ее и нежно прижал к себе.

– *Bella, bella*, прости меня, пожалуйста. Это я во всем виноват.

– Не сочувствуй мне, Фабио, пожалуйста. А не то я заплачу. И ты не виноват. Вся вина на мне.

– Хелена, твой муж – он хороший человек. И очень тебя любит. Он подумает, простит и вернется. Это роковое совпадение... тяжелая рука судьбы.

Хелена покачала головой.

– Нет, он не вернется. Я солгала ему, обманывала все время, что мы были женаты.

– Но, Хелена, ты же не знала!

– Вначале – нет, но мне следовало бы сказать ему сразу, как узнала.

– Возможно, но все это легко, когда мы оглядываемся назад, верно? Куда он уехал?

– Думаю, в Англию. Уверена, он не остался бы на Кипре. Зная Уильяма, для него чем больше расстояние между нами, тем лучше.

– Тогда ты должна последовать за ним и объяснить.

– Он не хочет слушать. Я пыталась вчера вечером.

– Это шок, *sara*. *Пожалуйста, дай ему время.*

– Какое у нас теперь может быть совместное будущее? Он никогда больше не сможет доверять мне, и я его не виню. Доверие – самое главное в отношениях, Фабио. Ты это знаешь.

– Да, но там, где есть любовь, будущее есть всегда.

– Перестань, Фабио, – Хелена застонала. – Не давай мне надежду там, где ее нет. Я сейчас просто не могу ясно мыслить. И... Джулз сейчас тоже живет здесь, в Катикасе! Что она скажет, когда узнает? Я уверена, Уильям скажет ей. На его месте я бы сказала. Она считает меня подругой! О господи, ну и бардак, – она резко села и закрыла лицо руками.

– *Si*, – согласился Фабио. – Но жизнь и есть сплошной бардак. Ты должна найти способ разобраться с этим.

– Как ты думаешь, стоит мне пойти повидать Джулз? Рассказать ей раньше Уильяма?

– Нет, Хелена. Пока ей не надо знать. Ты говоришь вчера, они разводятся?

– Да.

– Так зачем причинять ей еще большую боль? Если Уильям ей скажет, так тому и быть. – Он пожал плечами. – Но пусть страсти немного улягутся.

– Это я виновата, что так хотела тебя увидеть. Я искушала судьбу. Мне следовало бы оставить прошлое там, где ему место.

– Да, но разве плохо, что Фабио вернулся, чтобы разгрести последствия? И не забывай боль, которую плохой человек причиняет тебе. Что ты пережила, когда он уехал. Это *его* я виню во всем. Я еще тогда сказал тебе, что с ним будут проблемы.

– Сказал, и я только жалею, что не послушала тебя.

– Но тогда Алекс не родился бы и Александр не послал бы Уильяма в Вену, чтобы помочь исцелить сердце. И у тебя бы не было жизни с ним и твоих прекрасных детей. Нет, – Фабио стукнул по столу, – ты не должна никогда жалеть ни о чем в своей жизни. Прошлое – хорошее и плохое – делает тебя такой, какая ты есть.

Хелена сжала его руку.

– Я забыла, какой ты мудрый. Спасибо, дорогой Фабио.

– А Алекс? Как он? Потрясен, полагаю?

– Он в ступоре. Ночью я пыталась объяснить ему все, но каждое слово, которое я произносила, наверное, ранило его, как стрела в сердце. Наконец выяснить, кто его отец, достаточно плохо, но потом узнать, что его мать – ужасный человек, который лгал всем... я так... так сильно люблю его, Фабио, и я же причинила ему боль... – Она не выдержала и разрыдалась у Фабио на плече.

– Хелена, *cara*, – успокаивал он, – Алекс умный мальчик. Я знаю это с тех пор, когда он маленький и говорит со мной как взрослый, когда ему всего два года! Возможно, сначала он будет ненавидеть тебя за причиненную боль. Но это надо пережить, ведь гнев – часть процесса исцеления. А потом его большой добрый мозг начнет думать. Он увидит факты и поймет. Он будет знать, как сильно ты его любишь, что ты хорошая *татта*, что ты всегда стараешься делать то, что лучше для него.

– Нет! Я ужасная мать! Можешь представить себя на его месте? Я рассказала ему и об аборте, чтобы объяснить, почему в этот раз у меня

не хватило духу прервать беременность. Как он сможет когда-нибудь снова уважать меня?

– Хелена... – Фабио поднял ее подбородок, чтобы заглянуть ей в глаза, – сейчас ему надо понять, что ты не просто мать, а человек. Который несовершенно. Это откровение трудно принять, особенно в столь юном возрасте. Но он зрелый для своего возраста, так что он справится. Дай Алексу время, *cara*, уверяю, он придет в себя.

– Ему надо осмыслить так много последствий. Например, что у него есть сводный брат, который, так уж сложилось, оказался его заклятым врагом, – Хелена содрогнулась.

– Хочешь, я попробую поговорить с ним? – предложил Фабио. – Может быть, кто-то другой мог бы помочь объяснить. В конце концов, я знал Алекса, еще когда ему было несколько часов.

– Можешь попробовать, но утром я трижды стучалась к нему, и каждый раз он меня прогонял.

– Прего, давай попробуем, вдруг получится. – Фабио посмотрел на часы. – Но я должен уехать в Пафос, чтобы к двум забрать прокатную машину.

– Тебе срочно? – Хелена вцепилась в него. – Пожалуйста, останься еще немного.

– Хелена, ты знаешь расписание танцора. Я бы очень хотел остаться, но не могу. Возможно, ты приедешь в Лимасол на следующей неделе посмотреть спектакль, и мы вместе пообедаем. А сейчас я должен вызвать такси, которое отвезет меня в Пафос.

– Нет, я отвезу тебя. Думаю, мне лучше не сидеть без дела, и я хочу на время выбраться из Пандоры. Как ни прекрасен этот дом, он, кажется, приносит мне одни страдания с тех пор, как мы приехали. – Хелена смотрела, как Фабио идет к двери. – Пожалуйста, скажи Алексу, что я люблю его и что мне очень, очень жаль... – Голос Хелены сорвался, и она беспомощно пожала плечами.

– Конечно. – Фабио кивнул и вышел из кухни. Он прошел по коридору к комнате Алекса и тихо постучал. – Алекс? Это я, Фабио. Можем мы поговорить о том, что произошло?

– Оставь меня в покое. Я не хочу говорить. Ни с кем, – донесся приглушенный ответ.

– Я тебя понимаю. В общем, я буду стоять здесь и говорить, а ты можешь слушать, если захочешь, *si?*

Молчание.

– Хорошо... Я могу сказать тебе только одно, Алекс: я был рядом, когда твоя мать узнала, что ты у нее внутри. И хотя я умоляю ее не рожать ребенка, понять, что у вас нет *rara*, подумать о карьере и о том, как она портит себе жизнь, она настаивает. «Нет, Фабио, – говорит она, – я должна родить этого ребенка». Ее волнует только одно: произвести тебя на свет. И когда ты появился, ты стал ее миром. Все время только Алекс.

Фабио замолчал и откашлялся.

– Ну и разве это плохая *мамма*? Нет, это мамма, которая так любит сына, что отказывается даже от страсти к балету. Она растит тебя одна и никогда не жалуется. Потом, когда хороший человек приходит в ее жизнь, она видит в этом ключ к счастью для вас обоих. Она хочет безопасности для тебя, лучшей жизни, какую она может тебе дать, и потому соглашается. Ты понимаешь, Алекс?

Ответа по-прежнему не было, и Фабио продолжил:

– А когда судьба преподносит ей все это и она видит плохого Александра, который теперь «Саша», на свадьбе, она решает сохранить секрет. Алекс, она совершила ошибку, но лишь потому, что очень тебя любит. Ты должен это понять. Я умоляю тебя понять. Да? Она самый храбрый человек, какого я знаю, но, Алекс, ей тоже больно! И сейчас ей нужен *ты*, как она была нужна тебе, когда ты был маленьким. Ты большой мальчик с большим мозгом. Ты можешь понять, что произошло. Помоги ей, Алекс, помоги ей.

Фабио вытащил шелковый платок и громко высморкался.

– Вот. Это все, что я хотел сказать. Даст Бог, это разрешится и я скоро тебя увижу. До свидания, мой друг, до свидания.

* * *

Подкупив младших обещанием зайти в «Макдоналдс» на обратном пути, Хелена взяла их в Пафос вместе с Фабио. Возможность убраться из дома принесла облегчение. Алекс по-прежнему отказывался выходить из комнаты, но Ангелина оставалась в Пандоре еще около часа, так что Хелена знала, что по крайней мере физически он в безопасности.

– Ты постарайся приехать в Лимасол на следующей неделе, Хелена? – спросил Фабио, обнимая ее на прощание.

– Сделаю все возможное, но, учитывая обстоятельства, не могу ничего обещать.

– Да, но за неделю может измениться многое, – сказал он с сочувственной улыбкой. – И со всем этим, по крайней мере, мы снова нашли дружбу. Помни, ты всегда можешь на меня положиться, *cara*. Звони мне, Хелена, сколько тебе нужно. И дай знать, что происходит.

– Спасибо тебе за все, Фабио. Я и забыла, как мне тебя не хватает.

– *Ciao, cara, ciao*, малыши.

Они помахали ему вслед, и, хотя по обеим сторонам от нее стояли Имми и Фред, Хелена вспомнила, каково это – быть одной.

ДНЕВНИК АЛЕКСА

13 августа 2006 года

Я проснулся сегодня утром и понял, что мне надо уйти. Куда-нибудь, куда угодно – прочь от боли... и от *нее*.

Вчера ночью после разговора с Хеленой – не могу сейчас называть ее матерью – я лежал в кровати, и в голове мелькали картинки: я веду «Шевроле» по безлесным американским автострадам. В конце концов приезжаю в заштатный городишко, останавливаюсь, только чтобы съесть бургер в закусочной и переночевать в мотеле, а на следующий день двигаюсь дальше.

Потом я вспомнил, что слишком молод, чтобы водить. И, что важнее, недостаточно взрослый, чтобы отрастить бороду – существенная деталь во всех фильмах-путешествиях, какие я смотрел.

Так куда мне бежать?...

Проводить ночи под звездами в кипрской глубинке или любой глубинке, коли на то пошло, мне не улыбается, учитывая мою любовь к комарам и прочим ползучим гадам. Я страстно ненавижу отдых на природе, так что эта идея определенно снимается с повестки дня.

То, что на моем банковском счету осталось всего двенадцать фунтов и тридцать два пенса, а остальное потрачено во время набега на сувенирную лавку в Латхи, также ограничивает возможности. Я мог бы попытаться продать свои сокровища, но сомневаюсь, что много получу за лазерную указку, кружку и деревянную коробку для сигар с резной надписью «С Кипра с любовью» на крышке.

Я снова задремал, потом проснулся с ужасным ощущением, что внутри все оборвалось, когда вспомнил. В данный момент я ненавижу ее, эту женщину, которую обожал с самого рождения. Она сброшена с пьедестала, и обломки валяются на земле. Я представил, как топчу голову статуи и разбиваю ее еще больше. Это приносит некоторое облегчение, но не решает проблему ее предательства. А оно ужасно.

Теперь я понимаю, как под воздействием травмы и бессонницы мозг может окостенеть. Не уверен, что он у меня остался. А еще я

умираю от голода и жажды, но из-за того, что не могу... *не могу* открыть дверь и рискнуть наткнуться либо на моего сводного брата (братьев), или сестру, или даже на саму Хелену, я по-прежнему прячусь в своей Кладовке для метел. Она все время стучится в мою дверь, и я продолжаю воздерживаться от ответа.

Я хочу наказать ее.

Потом внезапно в дверь стучит Фабио.

Он говорит со мной о ней, и... вот гадство, гнев начинает затихать. Он никогда не узнает, но меня *затопило* по другую сторону двери. А когда он уходит, я начинаю думать более рационально о том, что она рассказала вчера ночью.

Способность взглянуть на вещи со стороны, которая сбежала позагорать на пляж на Багамах, решила сократить отдых и вернуться ко мне.

И чем больше я думал, тем больше сознавал, что Фабио прав: что вообще-то она не виновата. Я даже выдавил кривую усмешку, вспомнив рассказ о ночи, когда она пошла на бал, и мне пришло в голову, что это похоже на какую-то странную постмодернистскую переделку «Золушки». Имми, разумеется, не понравилось бы, если бы диснеевская версия, которую она так любит, закончилась так же: Золушка залетела и осталась совсем одна...

Признаться, я не в восторге от того, что женщина, которая дала мне жизнь, играет в возвратно-поступательные игры с мужчинами, и менее всего с Тем, Кто Породил Меня. Однако признаю: она могла бы меня убить. И не убила.

Потому что любит меня.

К этому времени мне также отчаянно хочется в туалет, поэтому, когда я слышу, как дом затихает и шины скребут по щебенке, я выбираюсь из комнаты, вприпрыжку несусь в туалет наверху и, справив нужду, открываю кран и наполняю все стаканчики для чистки зубов, какие там есть, плюс пластмассовую лейку, которой пользуется Фред для издевательств над Имми в ванной. Я на полпути к своей камерке с запасами воды, когда слышу топоток крохотных ножек в коридоре.

– Привет, Алекс.

Черт! Я резко останавливаюсь, и половина воды выплескивается лужицами на плиты.

– Ты и правда здесь. Мне Ангелина сказала.

Это Виола. Прямо то, что нужно. Она приходит только для того, чтобы рассказать мне о своих проблемах. А сегодня, мягко говоря, у меня своих довольно.

– Да, здесь, – отвечаю я.

– Ты в порядке, Алекс? – спрашивает она, когда идет за мной до двери в мою комнату и смотрит на меня, лужи и почти пустую тару. – Ты поливаешь растения?

– Нет, – говорю я, когда вижу, что она рассматривает лейку Фреда. – Виола, прости, но я сейчас не могу разговаривать.

– Не страшно. Я просто пришла сказать, что мамочка, я и Рупс уезжаем в Англию в конце недели. Она хочет, чтобы мы устроились в новом доме до начала семестра. Да, и Рупс сказал передать тебе, что он сумел сдать экзамен, и поблагодарить за помощь. Он очень счастлив.

– Хорошо. Как мило. Я страшно рад за него.

Рад за Рупса. Моего новообретенного сводного брата. Меня вдруг разбирает истерический смех из-за абсурдности ситуации. И жизни вообще.

– Ну что же, – добавляю я, начиная пятиться в комнату. – Спасибо, что зашла, Виола.

– Папочка здесь, на Кипре, – продолжает она, несколько не обескураженная. – Вчера вечером он привез Рупса и пытался уговорить маму попробовать еще раз.

– Что она сказала?

– «Нет». А еще что он пьяный ублюдок, и заставила уйти. – Виола закусила губу. – Я беспокоюсь о нем. Ты его не видел, а? Я думала, вдруг он в Пандоре.

Господи! Этот эпизод моей жизни теперь превращается в настоящий фарс.

– Нет, Виола. Прости.

– О.

Ее глаза наполняются слезами, и я сожалею о своей резкости.

– Ты и правда любишь своего папу, да? – Мне отчаянно хотелось добавить: «Даже хотя он отъявленный мерзавец, который испортил жизнь тебе, твоему брату, твоей матери и моей матери. А еще папе... в смысле Уильяму, и Имми с Фредом. И, коли на то пошло, мне тоже».

– Конечно, люблю. Он же не хотел, чтобы его бизнес обанкротился, правда? Я уверена, он сделал все, что мог.

«Ох, Виола, если бы ты только знала...»

Невозможно не умилиться ее преданности. Особенно если учесть, что она даже не родная ему по крови. В отличие от некоторых из нас, к сожалению.

– Да, я уверен, – цежу я сквозь зубы.

В конце концов, Виола-то ни в чем не виновата.

– Что ж, я пойду, – говорит она. – Еще я хотела вернуть тебе «Николаса Никльби». Наверное, это была лучшая книга, какую я читала в жизни.

– Правда? Что ж, это хорошо.

– Да, и я собираюсь читать «Джейн Эйр», как ты и советовал.

– Прекрасный выбор, – киваю я.

– О, и тут еще кое-что для тебя на случай, если мы больше не увидимся. Просто поблагодарить тебя, что был так добр ко мне.

Она подает мне конверт, потом тянется вверх и застенчиво целует меня в щеку.

– Пока-пока, Алекс.

– Пока, Виола.

Я смотрю, как она удаляется по коридору – изящные ножки едва касаются пола. Она скорее скользит, как моя ма... в смысле как Хелена.

Возможно, это просто стресс и утомление, но у меня снова наворачиваются слезы, когда я смотрю на конверт, старательно разрисованный цветами и сердечками. Я тронут кротостью Виолы и, занося сосуды с водой в свою комнату, жалею только о том, что генетически связан не с ней, а с Рупсом.

Сажусь на кровать и, сделав несколько больших глотков воды, открываю конверт.

«Дорогой Алекс, я написала тебе стихи, потому что знаю, что ты их любишь. Я понимаю, что это стихотворение не очень хорошее, но оно называется „Друзья“. И я надеюсь, что ты мой друг навсегда. Люблю тебя, и спасибо за все. Виола».

Я разворачиваю листок со стихами и читаю, и, честно говоря, они не очень в плане пятистопного ямба или рифм, но они искренние и снова вызывают у меня слезы. Вот вам и слезоизвержение последних часов. Неудивительно, что я хочу пить.

Я смотрю на Би, кролика, которого новообретенный дядя Фабио подарил мне столько лет назад. И, по крайней мере, теперь я знаю, откуда взялось мое ужасающее второе имя: было нелегко все тринадцать лет думать, что меня назвали в честь красноносого оленя. А потом я думаю о Виоле и ее несокрушимой любви к пьяному идиоту, который произвел меня на свет.

И в первый раз с прошлой ночи я понимаю, что могло быть гораздо хуже. Если отбросить ужасное совпадение, что «генетический папа» и... э-э-э, «папа» оказались близкими друзьями, то мой генофонд хотя бы явно благородного происхождения и у Саши в мозгу есть пара клеток. По крайней мере, когда они не пропитаны алкоголем. (От чего, как я понимаю, мне теперь придется беречься: только на прошлой неделе прочитал, что зависимость заложена в генах.)

Еще одна хорошая новость – что мой биологический отец высокий. С неплохими волосами на голове и четко очерченной линией талии. И красивыми глазами...

О боже! Я встаю и смотрю на себя в зеркало. И вот они, улики, которые все эти годы были прямо здесь – доказательства, нахально устроившиеся в двух глазницах по обеим сторонам носа. Просто никто и не подумал увидеть то, что было у них прямо *под* носом. Включая меня.

В общем, я не потомок давилыщика винограда или открыто гомосексуального танцора балета. Или пилота самолета, или какого-нибудь китайца... я сын чистопородного англичанина, которого знал с самого детства.

Лучшего друга моего приемного отца.

Папа... бедный папа. Внезапно я всем сердцем сочувствую и ему тоже. Мысль о том, что его жена занималась сами знаете чем с кем-то другим, не говоря уже о лучшем друге, неверное, почти невыносима. Было достаточно скверно, когда Хлоя миловалась с Типом-из-аэропорта и Мишелем.

Вопрос в том, сможет ли папа когда-нибудь простить Хелену. Смогу ли я?...

Потом мне стучает в голову, что мы с папой в настоящий момент оба сидим в одной и той же протекающей лодке. Интересно, плакал ли он? С трудом могу вообразить такое. Но если кому-то сейчас так же плохо, как мне, то это ему.

А потом меня озаряет: мы наконец нашли, что нас связывает. Это не футбол или крикет, не заварочные чайники, которые он любит собирать в огромных количествах. Это Хелена и боль, которую она причинила нам обоим.

Моя, э-э-э, прародительница. Его жена.

Я пытаюсь полить из лейки Фреда себе в рот – и в результате обливаю себе лицо. И вспоминаю, как ночью слышал ее приглушенные рыдания, доносящиеся с террасы, после того как попросил ее уйти.

И снова думаю о том, что она рассказала.

А потом обдумываю, как она отказалась от блистательной карьеры знаменитой гуттаперчевой девочки в слоях тюля, только чтобы сохранить меня...

А потом снова плачу. О ней.

Еще несколько минут – и решение принято. И я начинаю претворять его в жизнь.

кз

Двадцать семь

Высадив Фабио, Хелена позвонила Ангелине и узнала, что к Алексу заходила Виола и он выходил с ней поговорить.

Поездка на пляж с Имми и Фредом заняла всю вторую половину дня. В шесть они вернулись в Пандору, и Хелена первым делом постучалась в комнату Алекса.

– Алекс, это я. Пожалуйста, позволь мне войти?

Ответа не было.

– Ладно, дорогуша, я понимаю, но ты, наверное, голоден. Я оставлю поднос с едой под дверью. Искупаю младших, почитаю им и уложу спать. После этого вернусь.

Потом она сидела в одиночестве на террасе, слушая тишину дома, который до прошлого вечера был наполнен звуками жизни и радости, и в восемь вернулась в дом. Поднос под дверью стоял нетронутым. Она снова постучала.

– Алекс, дорогуша, выйди, пожалуйста. Младшие спят, и больше здесь никого нет. Можем мы поговорить? Пожалуйста? – взмолилась она.

Ничего.

Хелена села на пол в коридоре, отчаянно надеясь услышать хоть какую-то реакцию.

– Пожалуйста, Алекс, скажи хоть что-нибудь, чтобы я знала, что с тобой все порядке. Я понимаю, ты меня ненавидишь, но это просто невыносимо.

Нет ответа.

– Ладно, дорогуша, я все равно зайду. – Хелена встала и взялась за ручку. Та повернулась, но дверь не открылась. – Алекс, я сломаю дверь, если понадобится. Пожалуйста! Поговори со мной! – Теперь Хелена была вне себя, в голове закрутились ужасные мысли. По щекам потекли слезы досады и ужаса. – Алекс! Если ты слышишь меня, ради бога, открой дверь!

Ответом на ее крики по-прежнему было молчание. Она выбежала на террасу, нашла на столе мобильный и дрожащими руками набрала

номер Алексиса.

Тот ответил немедленно.

– Хелена?

– Алексис!

– Хелена, что такое?

– Я... Ох, Алексис, приезжай сюда, пожалуйста! Ты мне нужен.

Он появился через десять минут. Хелена ждала его у задней двери.

– Что случилось?

– Алекс не открывает дверь спальни! Я думаю... О господи... – она задохнулась. – Я боюсь, он мог с собой что-то сделать... Пожалуйста, идем! – Хелена схватила его за руку и практически потащила в дом.

– Где Уильям? – спросил он, явно растерянный.

– Уехал, он уехал, но мне надо попасть в спальню Алекса сейчас же! – Рыдая, она тащила его по коридору к комнате.

– Хелена, успокойся! Разумеется, мы зайдем. – Алексис попробовал ручку и, как и Хелена, обнаружил, что дверь не поддается. Он навалился всем весом, но та все равно не открылась. Он попробовал снова – и снова ничего.

– Алекс? Ты меня слышишь? Пожалуйста, ответь! *Пожалуйста!* – Хелена заколотила по двери кулаками.

Алексис оттащил ее в сторону и со всей силы ударил с разбегу – безрезультатно.

– Ладно, я выйду наружу и попробую через окно.

– Да-да! – сказала с облегчением Хелена. – Ставни открыты. Я видела раньше.

– Хорошо. Мне нужно встать на что-нибудь. Окно слишком высоко, я не дотянусь. – Алексис сбегал на террасу и принес стул. – Хелена, можешь объяснить, что произошло? – спросил он, ставя стул под окном и влезая на него.

– Расскажу, только, пожалуйста, посмотри, жив ли еще мой сын!

– Ладно-ладно, – согласился он, – я заглядываю внутрь... погоди минутку.

Хелена стояла рядом, терзаясь неведением.

– Он там, Алексис? Он... О господи! Господи, – бормотала она.

Потом Алексис повернулся и со вздохом слез со стула.

– Хелена, комната пуста.

кп

Двадцать восемь

– Его рюкзак исчез и Би, его кролик! – сказала Хелена, сбросив все с кровати. Очевидно, уходя, Алекс запер за собой дверь, и она с трудом сумела залезть через маленькое окно, после того как Алексис разбил оконное стекло и открыл внутренний шпингалет.

– Но почему Алекс сбежал?

– Это долгая история. Нам надо обыскать сад, – сказала она, выбегая из комнаты.

– Не думаю, что Алекс взял бы рюкзак, чтобы погулять вокруг дома, Хелена.

– Я все равно проверю – просто на случай, если он где-то прячется.

Хелена лихорадочно металась по саду и пристройкам, заглядывая во все места, где мог бы спрятаться Алекс. Алексис взял фонарь, чтобы осмотреть виноградники за домом, и в конце концов они встретились на террасе.

– Его нигде нет, Хелена. Я совершенно уверен.

– Попробую еще раз позвонить на мобильный, – Хелена взяла со стола телефон и набрала номер Алекса. Снова голосовая почта.

– Дорогуша, это мама. Пожалуйста, пожалуйста, позвони мне, просто чтобы сообщить, что ты в порядке. Пока. – Хелена заходила по террасе, пытаясь успокоиться и начать думать.

– Если ты скажешь мне, *почему* он ушел, – настаивал Алексис, – то мы смогли бы подумать вместе.

Хелена остановилась и повернулась к Алексису.

– Вчера вечером он узнал, кто его отец. Уильям тоже. Вот почему ни того, ни другого здесь нет. Они оба... оставили меня.

– Ясно. Ну же, Хелена, ты измучена. Сядь, пожалуйста. – Он взял ее за руку и подвел к стулу. – Я принесу тебе выпить.

– Нет, не хочу. Но хочу сигарету. – Она взяла пачку, лежащую на столе с прошлой ночи, и закурила.

– Итак, этот человек, отец Алекса... Твой сын и муж его... – Алексис искал подходящее слово, – не жалуют?

– Не то слово! Видишь ли, Алексис, – она вздохнула. Ей уже было все равно, что он о ней подумает. – Это Саша, муж Джулз, которого я когда-то знала под именем Александр.

– Мое имя, и Алекса тоже, – Алексис посмотрел на нее в шоке. – Да, хорошего мало. Я уверен, что этому есть объяснение, но, возможно, сейчас не до него.

– Да уж. – Хелена затянулась сигаретой. – Ты ведь не думаешь, что Алекс сделал бы... какую-нибудь глупость, да?

– Нет, не думаю. Хелена, Алекс разумный мальчик. Может быть, ему нужно побыть одному и подумать. На его месте мне бы понадобилось.

– Да, но он ребенок, к тому же в чужой стране. Куда он мог пойти?

– Не знаю, но, где бы он ни был, Хелена, он все спланировал.

– Дай мне подумать, дай подумать... – Хелена прижала пальцы к вискам. Посмотрела на Алексиса. – Он бы не пошел к Джулз, правда же? Сказать ей?

– Я заходил туда раньше, и Алекса там не было. – Алексис пожал плечами, – И сомневаюсь. Они не близки, и он не любит Рупса. Но могу ей позвонить, если хочешь.

– Нет, ты прав. Он не пошел бы туда, и не думаю, что он здесь знает кого-то, кроме тебя и Ангелины. Что, если он попал в беду? Что, если он просто хотел пройтись и?...

– Хелена, пожалуйста, успокойся. Алекс взял рюкзак. Он намеревался уйти. Вопрос в том, куда?

– Я... просто... не знаю, – вздохнув, она затушила сигарету. – Зная Алекса, он бы искал место, где чувствует себя в безопасности, что-то знакомое.

– Как насчет дома в Англии? – предположил Алексис.

– Но как бы он туда попал? – она вскочила. – О боже, его паспорт! Дай мне проверить! – Она взлетела по лестнице в свою спальню и выдвинула ящик, где лежали паспорта детей и обратные билеты. Паспорта Алекса не было.

Хелена сбежала вниз.

– Алекс забрал паспорт. Он может быть где угодно, где угодно... – Она рухнула на стул и всхлипнула.

– У него есть деньги?

– У него есть счет в банке и карточка, которой он может пользоваться, чтобы снимать деньги, но я понятия не имею, сколько там. Зная Алекса, не много. Деньги жгут ему карман.

– А что Уильям? Где он?

– Не знаю, – заплакала она.

– Тогда мы выясним. Ты должна позвонить ему, Хелена. Рассказать, что Алекс пропал.

– Он не ответит, если увидит, что это я.

– Тогда позвоню я. – Алексис достал мобильник. – Скажи мне номер.

Он набрал номер, который она продиктовала, и стал ждать. Электронный голос сказал, что телефон Уильяма выключен, попробуйте позвонить позже. – Как насчет вашего дома в Англии? Уильям мог бы быть там?

– Если он вернулся в Великобританию, то он либо дома, либо в маленькой квартире, которую мы держим в Лондоне. Попробуй оба номера, – предложила Хелена.

Однако везде включился автоответчик. Алексис оставил еще два сообщения, прося Уильяма перезвонить.

– Хочешь, я поеду в деревню? Спрошу, видел ли его кто-нибудь?

– Да, Алексис, пожалуйста.

– А ты должна остаться здесь на случай, если Алекс вернется. Ты знаешь, когда он ушел?

– Где-то после часа, после того как Ангелина ушла домой. Мне не следовало отвозить Фабио в Пафос или ехать на пляж, но я не думала, что он сбежит, я...

– Хелена, ты должна сохранять спокойствие – и ради сына, и ради себя самой. – Алексис взял ее руки в свои и крепко сжал. – Мы найдем его, даю слово.

* * *

Алексис вернулся из деревни примерно через час, и Хелена с тревогой взгляделась в его лицо.

– Его никто не видел. Завтра возобновим поиски. А пока мы мало что можем сделать.

– Тогда мы, наверное, должны позвонить в полицию?

– Хелена, время за полночь. Сейчас они ничего не смогут сделать. Завтра мы позвоним. – Алексис посмотрел на нее сверху вниз и погладил по щеке. – Моя Хелена, возможно, лучшее, что ты можешь сделать, – это лечь спать. Завтра тебе понадобятся все силы.

– Я не усну, Алексис. Просто не усну!

– Постарайся, ради меня. Давай попробуем. – Он взял ее за руку, отвел в темную гостиную и заставил лечь на диван.

– Ты пока останешься? – спросила она. – Просто на случай...

– Конечно. Я рядом, как всегда, – тихо ответил он.

– Спасибо, – прошептала она, закрывая глаза.

Алексис тихо сидел, пока Хелена спала. И вспоминал тот вечер – лет пятнадцать назад, – когда он смотрел, как она танцует «Жар-птицу» во время гастролей Ла Скала в театре под открытым небом в Лимасоле. Видя ее на сцене, он едва мог поверить, что это удивительное существо, зачаровавшее две тысячи человек, когда-то было юной девушкой, которую он так любил.

Разумеется, Хелена ни о чем не подозревала. Но Алексис не забыл ту ночь. И теперь, оставшись с ней наедине, он смотрел на нее и понимал: что бы она ни сделала с тех пор, его сердце никогда ее не разлюбит.

* * *

Хелена проснулась как от толчка и обнаружила, что уже утро. Она села, сразу потянувшись за мобильным. На экране мерцал значок сообщения.

Затаив дыхание, она открыла его.

«Учитывая обстоятельства, хочу начать
бракоразводный процесс как можно скорее.
Пожалуйста, сообщи мне, кто твой поверенный. У».

Хелена в отчаянии повалилась на диван.

Алексис позвонил в местную полицию, пока взволнованная Ангелина забрала младших к себе домой в деревню. Хелена

расхаживала по террасе, каждые несколько минут набирая номер Алекса.

Уильям не ответил и на звонки Алексиса. Хелена пыталась набирать оба их номера в Англии, но ей отвечал только автоответчик. Тогда она позвонила Джулз и Сэди.

Его просто нигде не было.

Алексис встретил полицейского у машины и проводил его на террасу.

– Хелена, это мой добрый друг сержант Корда. Он сделает все, что может, чтобы помочь тебе найти Алекса.

– Здравствуйте. – Хелена встала, пытаясь взять себя в руки, зная, что вот-вот начнет громко кричать и не сможет остановиться. – Садитесь, пожалуйста.

– Спасибо, – кивнул тот. – Я могу говорить немного по-английски, но, если Алексис знает детали, он может сказать мне по-гречески. Это будет быстрее.

– Да. Хотите чего-нибудь выпить?

– Воды, спасибо.

Хелена принесла с кухни кувшин и стаканы. Поставив их на стол, послушала, как Алексис объясняет ситуацию по-гречески, потом вернулась на кухню и какое-то время прибиралась – что угодно, лишь бы отвлечься от душевной боли.

В конце концов она снова вышла на террасу. Сержант Корда стоял, собираясь уходить. Он улыбнулся Хелене.

– Так, у меня есть все детали. Нам будет нужна фотография вашего сына. У вас есть?

– Да, в бумажнике. Сейчас принесу. – Хелена побежала в спальню за сумочкой. Нашла в ней бумажник и слетела вниз.

– Она где-то здесь. – Она открыла бумажник и начала рыться в разных отделениях. – Вот, – она подала карточку сержанту Корде, слезы навернулись на глаза при виде любимых круглых щек Алекса и открытой улыбки. – Это снято год назад. Он почти не изменился.

– Спасибо. Я дам ее нашим сотрудникам.

– Подождите минутку... – Хелена еще раз просмотрела бумажник. – Кажется, пропала моя дебетовая карточка.

– Дебетовая? – Корда вопросительно посмотрел на Алексиса.

Алексис перевел значение.

– Вы в этом уверены?

– Да. Думаете, ее мог взять Алекс? – Хелена посмотрела на него. – Он знает мой пин-код, потому что иногда я прошу его снять для меня деньги, если мы в городе.

– Это очень хорошая новость, – кивнул Корда. – Если ваш сын использовал карточку, мы сможем найти место. Пожалуйста, запишите здесь банковские реквизиты.

Хелена нацарапала их в блокноте сержанта.

– Еще ваш адрес в Англии. Я поговорю также с британской полицией. Мы проверим все рейсы из аэропорта Пафоса начиная с четырех часов. И, поскольку вы не можете связаться с вашим мужем, мы предложим полиции поехать в оба ваших дома, чтобы проверить, нет ли там Алекса.

– Спасибо вам, сержант Корда, – сказала Хелена, когда записала все, что он просил, и они с Алексисом провожали его к патрульной машине. – Простите за неприятности. Мой сын не виноват, это всецело моя вина.

Когда машина отъехала, Алексис успокаивающе обнял Хелену за плечи.

– А теперь я должен пойти к себе в офис проверить электронную почту, а еще принять душ и переодеться. Я вернусь очень быстро. Ты сможешь час побыть здесь одна?

– Да, конечно. Спасибо тебе за все, Алексис.

– Ты знаешь, что всегда можешь рассчитывать на меня, Хелена. Увидимся, как только смогу.

Она посмотрела, как он идет к своей машине, потом вернулась на террасу и села. Снова попробовала позвонить Алексу, Уильяму, в Сидер-хаус и лондонскую квартиру. По-прежнему безрезультатно.

Она заметила, что одна из футболок Алекса висит на веревке. Встала и сняла ее, вдохнув еще сохранившийся запах сына. И закрыла глаза, молясь.

Через несколько минут подъехала машина и на террасе появилась Джулз.

– Просто заглянула узнать, есть ли новости об Алексее.

– Нет. Никаких.

– Ох, Хелена, какой ужас. Мне очень жаль. Ты здесь одна?

– Да.

– Где Уильям?

– Не знаю. – Хелена слишком вымоталась, чтобы лгать.

– В смысле?

– Он ушел, – просто ответила она. – Понятия не имею куда.

– И Алекс тоже пропал? – Джулз внимательно посмотрела на нее. – Чего-то ты недоговариваешь, Хелена. Давай, выкладывай.

– Не сейчас, Джулз, пожалуйста. Это долгая история. – Хелена не могла смотреть ей в глаза.

– Тогда мне придется догадываться самой. Очевидно, ты сказала им что-то, чего они не знали, или они узнали случайно. Так?

– Можем мы отложить этот разговор, Джулз? Я не могу говорить об этом, правда не могу, – взмолилась Хелена.

– Нет, не можем. Потому что у меня чувство, что я знаю, в чем дело.

– Не думаю.

– Ну, – медленно начала Джулз, – если бы я сказала, что мой заблудший и почти бывший супруг – коренная причина всех твоих бед, я бы не сильно ошиблась, не так ли?

Хелена подняла голову и в изумлении уставилась на Джулз.

– Ничего страшного, Хелена. Я всегда знала о тебе и Саше. Да и, соответственно, об Алексе, – добавила она.

Хелена была слишком потрясена, чтобы говорить. Наконец она выдавила:

– Как?

– Ну, когда он вернулся из Вены, было довольно очевидно, что там что-то произошло. Зная Сашу, как знаю я, в деле была замешана женщина. Для начала, он связывался со мной от силы пару раз после того, как покинул Англию. Честно говоря, в наших отношениях назрел кризис. К тому времени мы были женаты пять лет, и я уже знала, что он пару раз мне изменял. Он сильно переживал, что его картины не продаются, а я работала все часы, какие могла набрать, в агентстве по недвижимости. В общем, я решила, что нам обоим нужно отдохнуть друг от друга, и предложила профинансировать его, чтобы он взял академический отпуск и окончил магистратуру. По крайней мере, с дипломом он мог бы получить работу в галерее или, возможно, со временем преподавать. А кроме того, ты знаешь старую поговорку, Хелена: если любишь человека, отпусти его. Так я и сделала.

– Джулз, ты пошла на большую жертву.

– Да, но я хорошо знала Сашу. Он совершенно неспособен заботиться о себе. Я надеялась, что, может быть, в Вене он поймет, как я нужна ему, и вернется поджав хвост. Я сказала ему на прощание, что не готова больше мириться с его распутством. Разумеется, я не рассчитывала, что он встретит тебя, – продолжала Джулз. – Или что вскоре после его отъезда обнаружу, что беременна Рупсом. Могу честно признаться, что несколько недель колебалась, не сделать ли аборт и говорить ли Саше. Он бы ни о чем не догадался. Но чем дольше я тянула, тем реальнее ощущала жизнь внутри себя. В общем, в конце концов я написала Саше в Вену и сказала, чтобы он летел домой, что у нас будет ребенок. К тому времени, как он вернулся, я знала, что пути назад нет. Я решила рожать.

– О боже... – прошептала Хелена.

– Первые несколько недель он, казалось, видеть меня не мог. Бродил как в дурмане, почти все время запирался в студии и рисовал. Признаться, я думала, что он меня бросит. – Джулз посмотрела на Хелену. – Я хочу пить. Можно воды?

– Да, конечно, – прошептала Хелена. Джулз встала и ушла в дом, а Хелена осталась сидеть совершенно неподвижно.

– Я передумала. Мы обе выпьем вина. Уже за полдень, так что ничего страшного. Вот. Уверена, тебе тоже не помешает. – Джулз поставила перед Хеленой бокал, сделала глоток из своего и села.

– Спасибо.

– В общем, однажды я зашла в студию, чтобы спросить его о чем-то. Его там не было. Отправился на одну из своих долгих прогулок... он часто исчезал на несколько часов. А у него на столе лежали великолепнейшие карандашные наброски танцовщицы. И все были подписаны «Хелена».

Хелену подташнивало, но она все равно сделала большой глоток вина.

– Боюсь, я порвала их все в клочья. Жаль на самом деле, потому что зарисовки, как ты танцуешь, были на голову выше всего, что он когда-либо рисовал. Понимаешь, Саша никогда не был особенно талантлив, но любовь явно возвысила его. В тот вечер я была готова к крупному разговору. Я знала, что он найдет обрывки набросков на полу студии. К моему удивлению, когда Саша вошел, то обнял меня.

Извинился, что так отстранился, объяснил, что ему требовалось время оправиться. Ничего конкретного сказано не было, но мы оба знали, о чем – и о ком – он говорит.

Обе женщины некоторое время сидели в молчании, каждая погружена в воспоминания об одном и том же мужчине.

– В общем, – продолжала Джулз, – в следующие несколько дней мы начали говорить о будущем. Саша знал, что ему придется найти работу, поскольку я не смогу работать, когда родится ребенок, по крайней мере какое-то время. А с его картин не смогло бы прокормиться даже мышинное семейство, тем более человеческое. Поэтому он позвонил нескольким старым друзьям из Оксфорда и сходил на несколько собеседований в Сити. В конце концов ему предложили место в компании, занимающейся операциями с фондовыми ценностями, где много лет проработал его отец. Родился Рупс, Саша привык к новой работе и на самом деле успешно работал. Как ты можешь себе представить, его природное обаяние и приятная внешность прекрасно действовали на богатых старых дам, имеющих деньги для инвестиций.

Джулз закатила глаза с видом отвращения и глотнула вина.

– Потом, три года спустя, сразу после того, как мы удочерили Виолу, Саше предложили переехать в Сингапур. Я отчаянно хотела, чтобы он согласился и мы могли бы действительно начать новую жизнь. Мне там нравилось, ему тоже. Все было хорошо... пока несколько месяцев спустя мы не приехали на вашу свадьбу. Я сразу же узнала тебя по наброскам, а выражение лица Саши, когда он увидел, как ты идешь к алтарю, было бесценным! – Джулз мрачно усмехнулась. – Даже если бы я не знала, одного этого было бы достаточно, чтобы убедить меня, что между вами что-то было.

– Господи, Джулз, мне очень, очень жаль, – выдавила Хелена. – Я понятия не имела, что ты знаешь.

– Да, ну откуда бы тебе? – отрезала та. – Из того, что я сумела накопать на свадьбе, я знала, что права. Один из гостей сказал мне, что ты была балериной, а потом Уильям в своей речи сказал, что встретил тебя в Вене, потому что Саша посоветовал ему поехать туда, чтобы найти любовь... – Джулз еле заметно содрогнулась. – Потом, на приеме, я заметила Алекса, он таскался за тобой, как потерявшийся

херувимчик... и сразу поняла. Хотя Алекс не слишком похож на Сашу, у него отцовские глаза.

– Да, – Хелена посмотрела на эту удивительную женщину, которая сидела за ее столом и спокойно объясняла, что знает все. Всегда знала. – Джулз, я ужасно сожалею о боли, которую причинила тебе. Это не оправдание, но Саша никогда не говорил мне, что женат. Он назвался Александром. В сущности, он почти ничего не рассказывал мне о своей жизни в Англии.

– Ничего удивительного. – Джулз шмыгнула носом. – Уверена, он был тогда счастлив изобрести себе полностью новую личность и благополучно забыть, что женат.

– Как ты думаешь, Саша знал, что это я выхожу за Уильяма?

– Когда мы получили приглашение, я помню, как мы оба смотрели на твое имя рядом с именем Уильяма: *Хелена*. Но я уверена, что он, как и я, подумал, что было бы чересчур большим совпадением, если бы это оказалась ты.

– Но это была я. И если он *знал*... я всегда удивлялась, почему он никогда не попытался связаться со мной и предупредить.

– Что ж, если бы я хотела, чтобы он – и ты – страдали, наблюдать за вами обоими в день твоей свадьбы было достаточной платой. А потом, когда Саша в первый раз в тот день увидел Алекса... что ж, – Джулз покачала головой и вздохнула. – Уверена, это был ад, особенно для тебя, Хелена. В конце концов, я всегда знала, а Уильям не знал.

– И ты не сказала Саше, что, по-твоему, Алекс – его сын? – Хелена была поражена.

– То, что Алекс почти наверняка отпрыск моего мужа, было шоком, да, но какой смысл был бы с ним разводиться? Было совершенно очевидно – учитывая, что мы встретились с тобой через несколько минут после того, как ты вышла за лучшего друга Саши, – что мне не надо беспокоиться, что вы вместе сбежите навстречу закату. Я видела тогда, как сильно вы с Уильямом любите друг друга.

– Любили, да, или, по крайней мере... – поправилась Хелена, – я все еще люблю его. Я, честно, не знаю, как ты справилась со всем этим, Джулз. Знаю, что я бы не смогла.

– Разумеется, я бы предпочла, чтобы у тебя не было бурного романа с моим мужем, когда я сидела одна в Англии – одинокая, несчастная и беременная, но тебе надо помнить, что я *знала*. Знание –

сила, и я сама решила остаться с ним. Для начала меня не привлекало быть одинокой матерью. Это я оставила тебе, – подколола она. – Я хотела для своего сына отца *in situ*. И, как я говорила тебе раньше, тогда я любила его. Это был небезупречный, нуждающийся в постоянном внимании мужчина, но мы не можем выбирать, кого любить, правда? И ты, как никто другой, должна понимать. Полагаю, ты тоже любила Сашу?

– Когда-то – да, любила.

– Я всегда сочувствовала тебе, Хелена, глядя, как тебе приходится жить во лжи. Так как об этом узнал Уильям?

– Я пригласила погостить Фабио, моего старого балетного партнера. Саша был со мной на одной из фотографий из Вены, которые показывал Фабио.

– Опа! Он зол? Держу пари, зол.

– Он со мной разводится. Я получила сообщение сегодня утром.

– Объяснимая инстинктивная реакция, – хладнокровно кивнула Джулз. – А что Алекс? В ужасе от мысли, что Саша его папа?

– Да. Потому и сбежал. Здесь только что была полиция. Поиски перенесли в Англию.

– Алекс найдется. Преодолеет шок и простит тебя. Он тебя обожает. Так что теперь? Раз Уильям и я сошли со сцены, полагаю, двое давнишних любовников могут возобновить *grande passion*.

– Нет, Джулз, я...

– Хелена, можешь забрать его, правда. Я врубилась, как сказал бы Рупс, давным-давно. Этот развод – лучшее, что я сделаю в жизни. Оглядываясь назад, я даже не представляла, какой несчастной меня делал этот эгоцентричный поганец. Если ты его хочешь, забирай с потрохами. Он всегда верил, что ты – любовь всей его жизни. Я вижу это каждый раз, когда он смотрит на тебя. Хотя сомневаюсь, умеет ли в конечном счете Саша любить кого-то, кроме себя.

– Джулз, клянусь тебе, Саша – последний человек на земле, с которым я хотела бы быть. Он лгал мне, потом растворился в воздухе, бросив меня в Вене одну. Откровенно говоря, мне тяжело даже находиться с ним в одной комнате. Я люблю Уильяма и хочу, чтобы он вернулся... Прости. – Хелена резко смахнула слезы. – Я не имею никакого права плакать. Ты, наверное, ненавидишь меня.

– Да, я ненавидела женщину на набросках в тот день, но как я могу ненавидеть тебя, Хелена? Ты по-настоящему хороший человек, который просто, так уж получилось, обладает врожденной способностью вызывать любовь. Но это едва ли принесло тебе счастье, правда? В сущности, мне кажется, это не принесло ничего, кроме хаоса и горя.

– Я... – Мобильный Хелены зазвонил, и она тут же схватила его. – Алло? Уильям, ты слышал? Алекс пропал и... правда?... О, слава богу, слава *богу*! Да, конечно. Могу я поговорить с ним? Хорошо, я понимаю. Тогда просто передай, что я люблю его. Пока. – Она уронила мобильник на стол и закрыла лицо руками. – Слава богу, слава богу, – повторила она, давясь слезами облегчения.

– Алекса нашли? – спросила Джулз.

– Да, он с Уильямом в Англии. Ох, Джулз, слава богу!

Джулз встала и подошла к Хелене. Положила руки ей на плечи.

– Ну-ну, – успокоила она. – Говорила же тебе, что с ним все будет в порядке, правда? Он выстоит, совсем как его папа. Кстати, о Саше. Вчера вечером я выгнала его из дома. Он приехал незванным из Англии с Рупсом – пьяный в стельку, как обычно, и умолял принять его обратно. Я с огромным удовольствием велела ему проваливать. Возможно, этой ночью он спал в винограднике. Господи, Хелена, от него пахло ужасно, – Джулз наморщила нос. – Ему нужна серьезная помощь, но, к счастью, это больше не моя проблема.

– Да, – Хелена слушала вполуха, внутренне обнимая себя с облегчением от знания, что Алекс, целый и невредимый, в Англии с Уильямом.

– В общем, мы уезжаем через пару дней. Я нашла милый коттеджик в аренду недалеко от новой школы Рупса. Не совсем то, к чему мы привыкли, конечно, но я уже связалась с местными агентами по недвижимости, и у меня назначена пара собеседований. Возвращение к работе пойдет мне на пользу, и для Виолы там тоже есть славная начальная школа.

– Я думала, тебе нравится здесь?

– Нравится, но, скажем прямо, Хелена, я просто сбежала. И мне надо думать о детях.

– Да, – согласилась Хелена. – Я... ты скажешь им, что Алекс на самом деле сын Саши?

– Нет. Думаю, сейчас у них и так дел по горло. А кроме того, сообщать им плохие новости – это работа Саши, не моя, хотя я уверена, что он промолчит. Потому что трус. Ну... – Джулз вздохнула. – Пора прощаться. Спасибо за поддержку этим летом, Хелена. И, может быть, теперь, когда туман развеялся, мы можем подумать о том, чтобы стать настоящими подругами. Не пропадай, хорошо?

– Нет, конечно, нет. Хотя бог знает, где я буду жить.

– О, я бы об этом не беспокоилась, – беспечно сказала Джулз, вставая. – В отличие от Саши, Уильям слишком тебя любит, чтобы бросить. До скорого... *ciao*.

ДНЕВНИК АЛЕКСА

14 августа 2006 года

Ну что же.

Это было настоящее приключение. За последние двадцать четыре часа я превратился из никому не известного полного тринадцатилетнего мальчика без особых примет в беглого вора и предателя. Который в списке пропавших по всей Европе.

Интересно, связались ли с Интерполом. Надеюсь, что да, это неплохо выглядело бы в моей будущей биографии.

Когда я решил, что нашел способ убить двух зайцев одним ударом, то взялся за дело. Я знал, где мама хранит мой паспорт, а также свою английскую дебетовую карточку и пачку кипрских фунтов. Позвонил в таксопарк, которым она обычно пользуется, и договорился с милым человеком, немного говорящим по-английски, что он отвезет меня в аэропорт Пафоса. По дороге туда я устроил спектакль, рассказав, что в Англии возникла чрезвычайная ситуация (я сослался на ухудшившееся здоровье уже покойной бабушки, да благословит ее Господь), и к тому времени, как мы добрались до аэропорта, даже сам начал верить, что ей осталось жить всего несколько часов. И он тоже поверил.

Когда мы приехали, я дал ему большие чаевые и спросил, может ли он помочь мне купить билет на следующий рейс в Англию у стойки «Сайпрус эйрвэйз», так как я не говорю по-гречески. И сказал ему, что папа, с которым мы должны там встретиться, прислал сообщение, что опаздывает и что я должен купить билет сам. Я уже проверял: в некоторых авиакомпаниях дети старше двенадцати могут летать самостоятельно, но другие настаивают, чтобы их сопровождал взрослый.

Дальше вмешалась судьба. Я подружился с милой старой леди, стоявшей передо мной в очереди на регистрацию. Я поставил ее чемодан на весы, потом помог ей, когда она рылась тощими дрожащими руками в пластиковом бумажнике в поисках билета и

паспорта. И я подал их вместе со своими паспортом и билетом даме на стойке регистрации. В результате нам дали места рядом, и во время долгого ожидания в накопителе мы стали большими друзьями. Используя при посадке ту же самую технику, что на регистрации, я подал оба наших паспорта, старательно демонстрируя проверявшей их даме, как я забочусь о моей спутнице. Которую она, надеюсь, посчитала моей пожилой родственницей. Бабушки – мертвые, умирающие или живые, – кажется, пришлись очень кстати в моем плане бегства в Англию.

К счастью, когда мы заняли места, моя «одолженная бабушка» сразу же уснула. Что дало мне время на размышления. Мысли, которые никогда не приходили мне в голову раньше.

В этом ревностном, продолжающемся всю жизнь поиске своего настоящего генофонда я не видел того, что было прямо у меня под носом.

Итак, я вернулся в Англию.

Я здесь ради себя. И ради нее.

Я собираюсь начать самый важный разговор в своей жизни.

Я должен спасти положение.

Потому что люблю свою мать.

И своего отца.

кθ

Двадцать девять

Уильям включил чайник и посмотрел в сад через кухонное окно. В углу стояли качели и лазалка Имми и Фреда, любимый водяной пистолет Фреда – размером почти с него – лежал на траве там, где он его бросил в последний раз.

Они купили Сидер-хаус на окраине красивой деревни Бьюли в Хэмпшире незадолго до свадьбы. Дом был в аварийном состоянии. Постепенно они с Хеленой вернули его к жизни. Поскольку это было вскоре после его развода и до того, как его архитектурная фирма по-настоящему пошла в гору, им пришлось экономить и откладывать деньги, чтобы преобразить довольно аскетичный и темный эдвардианский кирпичный дом в нечто особенное. К счастью, здание не считалось памятником архитектуры, поэтому они были вольны вносить любые изменения, какие хотел Уильям. Он спроектировал просторную, полную воздуха кухонную пристройку так, чтобы она незаметно переходила через панорамные окна в террасу и сад. Он также расширил тесные темные комнаты, снеся внутренние стены и впуская в них свет. Когда строительные работы закончились, Хелена занялась оформлением. У нее был природный дар к подбору цветов и тканей и к выбору мебели, подходящей для помещений, которую она дополняла за годы поисков антиквариата и отдыха в разных странах. Они сумели превратить простое здание в эклектичный и уютный дом.

Уильям содрогнулся. Он всегда так гордился тем, чего они достигли здесь, но сегодня дом казался заброшенным.

Он подошел к холодильнику – на двери магнитами были прикреплены рисунки Имми и Фреда – и достал молоко, которое купил на автозаправке по пути домой. Наверное, как и когда развалился его первый брак, он потеряет дом при разводе: либо отдаст Хелене, либо продаст другой, более счастливой семье. От этой мысли еще одна трещина появилась в его разбитом сердце.

– Алекс, чай! – крикнул он в сторону лестницы.

– Иду, пап, – откликнулся Алекс.

Уильям прошел через кухню, открыл стеклянную дверь и вышел на испещренную солнечными бликами террасу. Сел на скамью из кованого железа, примостившуюся под столетней глицинией между клумбами сладко пахнущих роз. За время отсутствия хозяйки они насытились светом и солнцем. Теперь они были толстыми, распухшими и срочно нуждались в обрезке.

– Спасибо, папа. – Алекс принес свою кружку и сел рядом.

– Дома как-то странно, да?

– Да, – согласился Алекс. – Это из-за тишины. До сегодняшнего дня я не понимал, какие мы все шумные.

– Ты, наверное, устал после своего грандиозного путешествия.

– Да нет. Это было скорее... увлекательно.

– Я рад, но, пожалуйста, больше так не делай. Я в жизни не ездил так быстро. И приехал сюда всего на десять минут раньше тебя.

– Ты был в лондонской квартире, когда приехала полиция? – спросил Алекс.

– Да. Когда они появились у меня на пороге, должен признаться, я вообразил худшее. Они сказали, что ты был на вчерашнем вечернем рейсе в Гетвик и самолет приземлился около полуночи. Но они не знали, куда ты после этого пропал.

– Прости.

– Ничего. Я сообразил, что ты, наверное, поехал сюда.

– Ну, если бы я знал, что ты в Лондоне, то поехал бы прямо туда. А так пришлось провести ночь на вокзале Ватерлоо, потому что я опоздал на последний поезд до Бьюли. Было страшновато, если честно, – признался Алекс. – Много пьяных бродяг и я.

– Не сомневаюсь.

Они пили чай в дружеском молчании.

– Как мама? – спросил наконец Алекс.

– Теперь, когда она знает, что ты в безопасности, лучше, но до этого она была явно не в себе.

– Ага... некрасиво получилось, но у меня были свои соображения, – сказал Алекс.

– А как было после *моего* отъезда? – осторожно спросил Уильям.

– Ужасно. Мама пришла ко мне в спальню. Рассказала обо всем, что произошло, когда я родился. Ты знаешь, что она едва не умерла после родов?

– Нет, не знал, но, очевидно, не оставшись, я многого не услышал.

– Ты считаешь маму плохим человеком?

– Вообще-то нет.

– «Лгунья и изменница»?

Уильям посмотрел на Алекса.

– Ты слушал.

– Да. Прости.

– Конечно, на самом деле я так не думаю. Я просто был... очень сердит, вот и все. Я до сих пор сердит.

– Я тоже разозлился. До умопомрачения. Но теперь я спокойнее, – кивнул Алекс.

– Почему?

– Потому что, мне кажется, я ее понимаю.

– Понимаешь, почему твоя мать лгала тебе и *мне много лет*?

– Ну, строго говоря, она не лгала мне, она просто... не говорила.

– Да, пожалуй.

– В самолете я размышлял, как бы на ее месте поступил сам, – задумчиво сказал Алекс.

– И?

– Думаю, я бы тоже солгал. А что сделал бы ты?

Уильям пожал плечами.

– Честно говоря, не знаю.

– Но в этом-то все и дело, правда? Типа, никто не знает, что сделает в какой-либо ситуации, пока... – он пожал плечами, – в ней не окажется.

– Наверное, да. – Уильям вздохнул. – Боюсь, это все равно не имеет значения. Мне жаль говорить тебе это, Алекс, но я сказал твоей матери, что начинаю бракоразводный процесс.

– Ничего. Я понимаю.

– Правда?

– Ага, хотя жалко. Ты любишь маму, и она очень любит тебя, особенно теперь, когда ей не надо больше лгать. Что касается Имми и Фреда... ну, для них это тоже будет не здорово. Но я понимаю, что на твоём месте, возможно, отнесся бы так же. – Алекс пнул кроссовкой мох, проросший между каменных плит. – В смысле это связано с мужской гордостью, да?

– Ну, не без того, – признался Уильям.

– Если вдуматься, все это произошло до того, как вы даже познакомились. Мама не сбежала с кем-то еще и не изменяла тебе за время вашего брака, да?

– Насколько мне известно, нет. Вполне возможно, она виделась с... *ним*. И не исключено, до сих пор его любит. – Уильям поражен, что говорит о таких вещах с тринадцатилетним мальчиком.

– Если бы она хотела быть с ним, тебе не кажется, что она бы давным-давно от тебя ушла? Нет, – Алекс покачал головой, – она не любит его, она любит тебя.

– Факт остается фактом: она лгала мне все время нашего брака, Алекс.

– Наверное. Но теперь мы оба знаем. Пап? – он посмотрел на Уильяма. – Ты ее любишь?

– Ты же знаешь, что люблю.

– Тогда зачем разводиться?

– Алекс, я знаю, что ты зрелый для своего возраста, но на самом деле есть вещи, которые ты просто не можешь понять.

– Ну, я понимаю, что у тебя есть возможность развестись с моей матерью. У меня такой возможности нет. Мне от нее деваться некуда – никогда. Так скажи, чем тебе хуже, чем мне? Притом что мне еще надо мириться с фактом, что Саша – мой генетический отец.

– Я знаю.

– И что он бросил маму беременной. А еще я тут думал...

– О чем?

– По словам мамы, он сказал ей, что его зовут Александр Николс.

– Ну, в каком-то смысле это его настоящее имя.

– Только все знают его как Сашу Чандлера. Почему же он так поступил?

– Не знаю, Алекс, правда. Возможно, он пытался создать себе творческое *alter ego*.

– А я считаю, что он нарочно заметал следы. Ведь он тогда уже был женат на Джулз. Честно говоря, откуда маме было знать, что твой старейший друг – тот самый человек? Ну, пока она, э-э-э, не *узнала его в лицо*?

– Я понимаю, что ты хочешь сказать, Алекс, но, когда она узнала, ей следовало сказать мне. Суть в том, что она не доверилась мне. И, честно говоря, никогда не доверяла.

– Может быть. Не знаю, – Алекс вздохнул. – Возможно, она не умеет доверять людям вообще. У нее, кажется, было довольно дерьмовое детство. С мамой, которая ее на самом деле не хотела, судя по всему. Ей приходилось самой заботиться о себе.

– Да. Судя по тому немногому, что она рассказывала, ей приходилось нелегко.

Оба замолчали.

– Знаешь, что хуже всего? – сказал Алекс, поднимая глаза на Уильяма. – Рупс – мой сводный брат! Вот где для меня самая засада. Поверить не могу, что мы с ним одной крови. Но что есть, то есть.

– Гены – забавная штука, Алекс.

– Ага, но поскольку я не могу развестись с матерью и уйти, приходится со всем этим мириться. И хотя ты злишься, что у твоего лучшего друга был роман с мамой, это было до того, как вы познакомились. То, что он твой лучший друг... или был им, наверное, означает, что в нем есть что-то хорошее. И то, что вам нравятся одни и те же женщины, не превращает внезапно Сашу в другого человека, правда? Это по-прежнему тот же человек, каким был всегда. И мама тоже. Единственная разница, что ты – и я – теперь знаем секрет.

Уильям медленно повернулся к нему и покачал головой.

– Как ты стал таким мудрым?

– Это у меня в генах. С другой стороны, может быть, и нет. – Алекс пожал плечами и коротко хохотнул.

– Ты хочешь его видеть?

– Ты имеешь в виду как моего «отца»? Сблизиться с ним и все такое?

– Да.

– Кто знает? Надо будет подумать. Сейчас я ненавижу его за то, что он сделал, но, может быть, когда немного приду в себя, то буду чувствовать по-другому. Но, – Алекс вздохнул, – это все равно не имеет значения. Никогда не имело, но я понял это только сейчас.

– Что ты имеешь в виду?

– Ну... помнишь, когда я упал с той лазалки буквально на голову и тебе пришлось мчаться со мной в больницу? – Алекс указал на угол сада.

– Конечно, помню. Мама была беременна Имми. Я думал, у нее могут начаться роды при виде льющейся из тебя крови.

– А когда ты учил меня ездить на велосипеде? Ты отвел меня к теннисным кортам у дороги и снял стабилизаторы. Потом ты бежал рядом со мной, придерживая меня, отдуваясь и пыхтя, а потом отпустил, и дальше я вихлял сам.

– Помню, – ответил Уильям.

– И тот раз, когда меня не взяли в детскую регбийную команду и я был жутко расстроен. Ты рассказал мне, как сам не прошел отбор в школьную команду по крикету и чувствовал так же, но на следующий год тебя взяли?

– Да, – кивнул Уильям.

– Папа?

– Да?

– Понимаешь, дело в том... – Алекс сунул руку в руку Уильяма и сжал ее. – Ты и есть мой папа.

λ

Тридцать

Джулз ушла вскоре после того, как узнала, что Алекс в порядке, и Хелена решила отложить все прочие разговоры на другой день. То, что ее жизнь разорвана в клочья, меркло в сравнении с известием, что ее сын в безопасности.

Обзвонив всех, чтобы сообщить, что Алекс в порядке, Хелена пошла наверх и приняла душ. Освежившись, спустилась вниз, чтобы позвонить Ангелине и сказать, что можно привезти Имми и Фреда обратно, как только будет удобно. Ей отчаянно нужно было слышать их голоса. Неумолимая тишина в доме все время напоминала о том, что она потеряла, и о темном будущем, которое ее теперь ждало.

Потом Хелена пошла к гамаку и легла, слишком уставшая, чтобы даже думать. Она знала, что ей нужно отдохнуть, чтобы прояснить затуманенный рассудок. Закрыла глаза и задремала, успокоенная мягким покачиванием. Потом услышала, как подъехала машина, и открыла глаза, подумав, что это, наверное, Ангелина с детьми. Она уже поднималась по ступеням, ведущим на террасу, когда из-за угла появился Саша.

– Привет, Хелена.

– Что тебе нужно? – Хелена прошла мимо него в дом.

– Вино подойдет или виски, если у тебя есть, – заявил он, заходя следом за ней на кухню. – Тут, верно, было весело, как запахло жареным? Я как раз зашел в дом проститься с детьми, и Джулз сказала мне, что Уильям знает.

– Можно и так сказать. Или что это были худшие двадцать четыре часа в моей жизни. Алекс сбежал, и я только час назад узнала, что он в безопасности.

– Я слышал, что он в Англии с Уильямом.

– Да, – Хелена подала ему бокал вина.

– Спасибо. – Он жадно выпил, потом сразу отдал для повторения.

– Так что ты здесь делаешь? – устало спросила она.

– Разве не очевидно? Я пришел тебя повидать, – ответил Саша. Он подошел к ней, когда она убираала вино обратно в холодильник, и

обхватил ее руками за талию. – Где младшие?

– Вернутся с минуты на минуту с Ангелиной. – Хелена попыталась вывернуться из его хватки. – Саша! Отпусти меня.

– Хелена, не сопротивляйся, – он прижался губами к ее шее. – Мы ждали этого мига много лет, правда же, красавица?

– Нет! Прекрати! – она вырвалась. – О чем ты, черт возьми, говоришь?

– Хелена, ты, наверное, знаешь, какие чувства я к тебе испытывал все эти годы. Мне пришлось глядеть на тебя с Уильямом, каждую минуту желая, чтобы ты была моей. Помнишь Вену? Это были самые прекрасные недели в моей жизни. Теперь ничто не помешает нам быть вместе. Мы свободны, ангел. – Он шагнул к ней, но она попятилась.

– Я помню только человека, который обещал вернуться ко мне и так и не вернулся.

– Так вот почему ты сердишься? До сих пор, столько лет спустя? Наверняка ты поняла, почему я не смог? Джулз была беременна. Не мог же я оставить ее, правда? Но я никогда не переставал думать о тебе, ни на миг.

– И я никогда не переставала думать о том, как ты забыл упомянуть, что женат.

– Да нет же, я наверняка об этом рассказывал. Ты просто не хотела слышать.

– Нет! Не *смей* молоть эту чушь! Ты ничего мне не говорил. И я не слышала ни слова от тебя после того, как ты уехал.

– Наверняка я написал тебе и все объяснил?

– Ох, ради всего святого, Саша! – Хелена захлопнула дверцу холодильника. – Ты жалок, ей-богу.

– Ты же не любишь Уильяма, правда, Хелена? Он просто оказался под рукой, чтобы спасти тебя, когда был тебе нужен.

– Меня не интересует твое мнение.

– Он с тобой разводится? Готов держать пари, что да. Старый добрый Уилл, прямой как стрела. Одному богу известно, почему он так крепко подружился со мной. Мы настолько разные, – произнес он заплетающимся языком.

– Заткнись, Саша! Я всегда буду любить его, будем мы вместе или нет.

– А Алекс? Как насчет него? В конце концов, он мой сын. До сих пор я держался в стороне – по понятным причинам, но, возможно, захочу узнать его получше.

– Я... – Хелена изо всех сил старалась сдерживать ярость. – Я была бы очень признательна, если бы ты воздержался от контактов с Алексом. Если он пожелает с тобой общаться, это его решение.

– Он мой сын. Я могу делать что хочу.

У Хелены рука чесалась ударить это эгоистичное, расплывшееся лицо, но она понимала, что ссора ничего не решит.

– Ладно. Тогда я прошу тебя оставить его в покое до тех пор, пока он, по крайней мере, не привыкнет ко всему этому. Я прошу тебя. Если не ради меня, то сделай это ради своего старейшего друга, который сейчас чувствует, что его предали.

– Так ты все еще защищаешь его. – Саша иронически похлопал в ладоши. – Bravo, Хелена! Тебе всегда нравилось казаться идеальной, да? И, конечно, мне придется сказать правду Джулз.

– Да пожалуйста. Она уже знает, – небрежно ответила Хелена.

На лице Саши отразился шок.

– Как?

– Она догадалась сразу же, еще на свадьбе. Она считает, что у Алекса твои глаза.

– Черт! Я понятия не имел. – Саша резко сел. – Она ни разу ни словом не обмолвилась.

– Ага. Вообще-то твоя жена просто изумительная. Она любила тебя достаточно, чтобы закрыть глаза на наше предательство и, по-видимому, на все прочие. Просто потрясающе.

– М-да. От этого я чувствую себя полным ублюдком. Полагаю, ты согласна?

Хелена не клюнула на наживку.

– Я больше не тот человек, каким была в Вене. Проблема в том, что ты до сих пор все тот же.

Саша провел рукой по сальным рыжим кудрям.

– Ты хочешь сказать, что даже если бы была одна, ты не захотела бы попробовать снова?

Хелена с трудом сдержала истерический смех.

– «Нет» – короткий ответ на это. Я сказала тебе: я люблю Уильяма. Всегда любила, и на этом все. И даже если бы не любила,

ответ все равно был бы тот же. Сожалею.

– Да ладно, ангел, ты просто все еще сердишься, что я не вернулся к тебе.

– Можешь думать что хочешь, Саша, но будущего у меня с тобой нет. Никогда. Ясно?

– Я тебя слышал, – сказал он, кивнув. – Еще слишком рано, вот и все. Мне следовало бы подождать несколько дней, прежде чем прийти к тебе. Ты в шоке из-за того, что произошло. – Он встал. – Я не откажусь от тебя, красавица, правда-правда.

– Делай что хочешь, Саша. Но даю тебе слово, ты зря тратишь время. У тебя есть сын и дочь, не говоря о жене, чьи жизни ты недавно испортил. Возможно, пора повзрослеть и начать брать на себя ответственность за них. И за себя.

– Ладно, Хелена, но держу пари, ты передумаешь, когда почувствуешь холодок одиночества. Не представляю, чтобы *ты* долго продержалась без мужчины. Не твой стиль, да?

Хелена проигнорировала колкость.

– Думаю, тебе пора.

– Ладно. Я уйду. – Он встал и, пошатываясь, пошел к двери. Потом обернулся, на лице внезапно отразилось раскаяние. – Прости меня, ангел, пожалуйста.

– Я простила тебя. Давным-давно.

– Знаешь, я люблю тебя. Правда.

– Пока, Саша. Будь счастлив.

Она смотрела, как он нетвердой походкой дошел до прокатной машины и сел.

– По-моему, тебе не следует садиться за руль! – крикнула она ему от задней двери, но поняла, что он пропустил все мимо ушей, когда дверца машины захлопнулась и Саша на полной скорости понесся вверх по склону.

На Хелену внезапно нахлынула волна облегчения.

Что бы ни принесло будущее, с прошлым наконец покончено.

ДНЕВНИК АЛЕКСА

14 августа (продолжение)

На этом я оставил папу.

После того как мы поболтали, он притих. Потом сказал, что ему надо покосить траву. Я наблюдал за ним из окна спальни. Он просидел в своей драгоценной самоходке несколько часов, делая по саду один круг за другим, состригая все налысо. Впервые в жизни я жалел травинки. Потом папа вернулся в дом. Он где-то внизу, но я чувствую, что лучше его не трогать. Уже темнеет, и в доме тихо. Я к такому не привык, мне это не нравится.

Мне хочется, чтобы он поторопился и решил уже, что он собирается делать: «Развод или не развод. Вот в чем вопрос».

Тогда я смогу спуститься вниз и взять лапшу быстрого приготовления, поскольку больше в кухонном шкафу ничего нет. Я проверил раньше – и сейчас умираю от голода!!!

В общем, я размышляю, чтобы убить время, что за проблема у мужчин с эмоциями? Боюсь, ужасная правда в том, что большинство представителей моего пола скорее умрут, чем признаются, что напуганы до смерти. Потом я думаю о траншеях Первой мировой войны и всем этом живом пушечном мясе. Эти люди, кажется, поднимались в атаку, будто отправлялись на приятную загородную прогулку:

– Я пошел, сэр!

– Да, Джонс, всего хорошего. Заколми за меня словечко *Большому Боссу*, когда увидишь его, хорошо?

– Так точно, сэр. Прощайте, сэр!

И Джонс уходил, чтобы быть изрешеченным пулями или выжить, лишившись конечности, а то и двух, и с разумом таким же сломленным, как тело.

Господи, мне хочется плакать от одной мысли об этих бедолагах. Идущих навстречу неизбежной смерти. Почти сто лет спустя я содрogaюсь от этой мысли, потому что знаю: если бы это был я, то

обмочился бы и ревел белугой. Меня, наверное, пришлось бы накачать наркотиками, чтобы прекратить мои страдания, а потом уложить, бесчувственного, и использовать как мишень для учебных стрельб. Что возвращает меня к теме актуальной основной мысли:

Чего хотят от нас женщины?

Вот Хлоя, Любовь Всей Моей Жизни (пока). На первых порах восхищалась безмозглым Рупсом: любила его развязность, его полноценное неандертальство, никогда не сомневалась, что он может убить одним ударом шерстистого мамонта, закинуть его на плечо и принести домой – в изысканно обставленную пещеру.

Потом (после быстрой возни с Типом-из-аэропорта) она в одночасье обращается к «Вермишелю». И хотя он славный парень, то, как он выделялся, разъезжая на заднем колесе по щебенке, когда приезжал на мопеде, говорит мне, что, несмотря на девчачье имя, его можно считать «быком», «браконьером»... тогда как у меня на «Б» есть разве что, э-э-э, Би.

Я человек, открыто проявляющий чувства. И, силы небесные, я хочу чувствовать Хлою. Но не только физически... эмоционально тоже.

Делает ли меня способность к эмпатии непривлекательным?

Так или иначе... Все мои источники информации по данной теме – а именно статья под заголовком «Пять основных причин для развода», которую я прочитал вчера в самолете (любезно предоставлено «Дейли мейл»), – подводят меня к мысли, что женщины хотят мужчину, который «понимает» их эмоционально.

Как у Сэди с мамой. Женщины хотят, чтобы мужчина был их лучшей подругой.

Но как мы, мужчины, можем быть *и тем и другим*? Воплощать архетипичные качества мужчины и женщины одновременно???

Мне кажется, женщины на самом деле не знают, чего хотят. А значит, мы, мужчины, никогда, черт возьми, не сможем понять их правильно.

А папа, вне всякого сомнения, настоящий мужчина...

Что ж, вздыхаю я, остается надеяться, что мама знает, чего хочет.

Надеюсь, я донес свою точку зрения до папы. В конце концов, все это время на газнокосилке он, наверное, думал об этом. Думал о маме и обо мне, об Имми и Фреде и, надеюсь, теперь и о Хлое тоже.

О нашей семье.

Она, возможно, немного нестандартная, но это не означает, что она плохая или неправильная.

Мы – лучшая семья, какую я знаю. В самолете я вспоминал, как нам весело вместе. Как много мы смеемся. И как сильно я люблю его – моего папу. Понадобился «настоящий», чтобы заставить меня понять, как мне будет не хватать так называемого ненастоящего варианта, если его внезапно больше не будет рядом.

Что вполне возможно.

Если он выберет букву Р.

С самого начала он обращался со мной как с родным сыном. Он не относится ко мне как-то по-особенному. Его раздражает, когда на меня находит стих, но не потому, что я не его по крови, а просто потому, что я его сын и могу вызывать раздражение. И он раздражается – совсем как естественно раздражался бы любой родитель по крови.

Он – Уильям – несовершенен. У него свои недостатки. Как у всех нас – несовершенных людей. Включая маму.

Однако она – и он – скорее хорошие, чем плохие. И, возможно, это все, на что может надеяться человек, потому что я осознал, что мы все находимся на спектре с черным на одном конце и белым на другом. Большинство из нас, кажется, болтаются где-то посередине, отклоняясь то в одну, то в другую сторону в узких пределах.

И пока никто из нас не подбирается слишком близко к одной из крайностей... полагаю, с нами, в принципе, все в порядке. И я, и мама с папой, и даже Саша и зловецкий Рупс (пока) где-то в центре.

Я мысленно собираю разбитые обломки статуи моей матери, но оставляю пьедестал позади. Отныне она будет стоять на собственных ногах. На земле – не святая и не грешница.

Просто человеческое существо, как папа.

И если – а это большое *если* – он решит, что может проглотить гордость и принять ее обратно, я попрошу его меня усыновить. Мы все оформим юридически, и в знак уважения и любви я возьму его фамилию и наконец стану полноценным членом нашей семьи.

«Александр Р. Кок». Кок – как повар на корабле. И, господи, хотел бы я, чтобы он поторопился и занялся тем, что предполагает моя новая фамилия – в смысле едой. В последний раз я ел вчера в самолете.

В общем, получается, я всю жизнь чего-то искал... а теперь нашел – и мне это совсем не понравилось. Ни капельки.

Я просто хочу обратно то, что у нас было.

Стоп! Папа стучится дверь. Сердце выскакивает из груди. Вообще-то оно на месте. Иначе бы я его поймал и съел.

– Да?

Папа заглядывает в комнату.

– Ты голоден? – спрашивает он.

– И еще как! – отвечаю я.

– Как насчет индийской кухни?

– Ага, конечно.

– Я подумал, хорошо бы взять что-то местное, пока можем, – острит он.

– Почему это?

Он на миг отводит взгляд, потом улыбается мне.

– Завтра утром мы возвращаемся в Страну Феты. Я только что забронировал билеты.

ла

Тридцать один

Еще одним прекрасным утром Хелена проснулась, пораженная тем, как хорошо спала – и, как ни странно, как умиротворенно себя чувствует.

Она встала, надела трико и балетные туфли и спустилась на террасу. Начала с плие, и тело автоматически перехватило контроль, что освободило мозг и позволило ей думать.

Дом... Пандора... Инстинкт, предостерегавший от возвращения сюда, был прав. Шкатулка таки *открылась*. Ее запыленное содержимое было вытащено из темных углов и разлетелось, вызвав хаос и боль. Однако, как и в мифе, осталось только одно: надежда.

Больше не было секретов, нечего было скрывать, и никакие тени не преследовали ее. Что бы ни пришло – а она сознавала, каким ужасным, скорее всего, будет мир без Уильяма, – по крайней мере, это будет честно. Отныне в ее жизни будет только правда.

* * *

Алексис приехал в десять, когда Хелена, Имми и Фред завтракали на террасе.

– Привет, Лексис, – сказал Фред. – Ты принес мне подарочек?

– Фред! – пожурила Имми. – Он спрашивает об этом всех, кто приходит, и это очень невежливо.

Алексис тепло поцеловал Хелену в обе щеки.

– Как ты?

– Гораздо лучше. Спасибо тебе за помощь и прости, что сорвалась тогда с катушек.

– Какие бы это ни были «катушки», я понимаю, почему ты с них сорвалась. Когда твоему ребенку больно или он в опасности – это хуже всего. Я знаю, – согласился он.

– Кофе, Алексис? – важно спросила Имми, поднимая кофейник.

– Да, Имми, с удовольствием.

– Я принесу тебе чистую чашку с кухни, – сказала она, слезая со стула.

– Я тоже пойду. – Фред ушел за ней в дом.

– Право, Хелена, твои дети восхитительны.

– Для разнообразия я согласна. Последние двадцать четыре часа они были настоящими ангелами.

– Вероятно, они знали, что надо помочь маме.

– Пожалуй, ты прав.

– Так когда возвращается Алекс?

– Не знаю. Я написала ему вчера вечером, спросила, хочет ли он, чтобы я прилетела домой. Он еще не ответил. Наверняка очень сердит на меня. Но, по крайней мере, я знаю, что он в безопасности.

– Значит, ты можешь уехать очень скоро?

– Если я нужна Алексу в Англии, то, конечно, уеду.

– Хелена, если ты уезжаешь, то мне надо кое-что тебе показать.

Она посмотрела на его серьезное лицо.

– Алексис, в чем дело?

– Я столько раз приходил сюда, чтобы сказать тебе, но... – Он пожал плечами. – Каждый раз момент оказывался неудачным. Ангелина здесь?

– Да, она застилает кровати наверху.

– Она присмотрит за детьми? Мне нужно кое-куда тебя отвести. Не беспокойся, это недалеко.

– Алексис, пожалуйста, только не дурные вести. Я правда не выдержу, – застонала она.

– Нет, – он, успокаивая, положил руку ей на плечо. – Ничего плохого. Просто кое-что, что ты должна знать. Поверь мне.

– Хорошо. Я поговорю с Ангелиной, и мы пойдем.

* * *

– Господи, куда ты меня ведешь? – спросила она несколько минут спустя, когда Алексис повел ее к бассейну.

– Увидишь. – Он прошел мимо бассейна и в дальнем конце отцепил крючок и открыл створку деревянного забора, отделявшего участок от окружающей Пандору оливковой рощи.

– Силы небесные, никогда раньше не замечала, что здесь калитка, – заметила она.

– Ты и не должна была. Это был секрет.

– Кто ее сделал? – спросила Хелена, идя за Алексисом среди деревьев.

– Терпение, Хелена, пожалуйста.

Они шли некоторое время под ветвями плотно засаженной рощи, пока не вышли на полянку. Они стояли бок о бок, глядя на окружающие их горы, оливковые деревья, сбегаящие в долину внизу, и тонкую поблескивающую линию моря вдаль.

– Ты хотел показать мне это, Алексис?

– Я хотел, чтобы ты увидела вот *это*, – *он повернулся чуть правее*.

Хелена посмотрела, куда он показывает пальцем, и подошла ближе.

– О, какая красота. Это статуя Афродиты, да? – спросила она.

– Нет. Не совсем.

Она посмотрела на него.

– Тогда кто это и почему она здесь?

– Посмотри на подножие статуи, Хелена. Посмотри на имя.

Она наклонилась.

– Надпись сильно потерта, я почти ничего не вижу.

– А ты постарайся.

Хелена очистила листья, накопившиеся вокруг маленького постамента, и потерла пальцем по надписи.

– Вот «И» и «Е»... и «Н»... и первая буква «В», я... – она растерянно посмотрела на Алексиса. – Получается «Вивьен».

– Да.

– Но так звали мою мать.

– Совершенно верно.

– Что это значит? Это она? В виде Афродиты? – Хелена провела рукой по алебастровому лицу.

– Да.

– Но почему? И почему здесь?

– Ангус установил после ее смерти, – ответил он. – Это, как сказала мне бабушка Кристина, было любимое место твоей матери.

– Но... – Хелена прижала руку ко лбу. – Я знаю, что она часто ездила на Кипр и любила его, но... – Она посмотрела на Алексиса и

внезапно поняла. – Ты говоришь, что Ангус любил мою мать? Да?

– Да, Хелена. Вивьен много раз гостила в Пандоре. Ее знали и здесь, в доме, и в деревне.

– Правда? Так... вот, значит, почему так много местных говорили, что я им кого-то напоминаю. Многие считают, что я похожа на нее.

– Похожа. Бабушка не могла поверить в сходство, когда пришла в Пандору в тот вечер.

– Я видела ее на старых фотографиях, которые мы раскопали в кладовке. Значит, – мысли Хелены метались, – все эти письма, которые нашел Алекс, предназначались ей? Она была той таинственной женщиной?

– Да.

– Но откуда ты все это знаешь?

– Хелена, Кристина проработала здесь почти тридцать лет. Она все видела. А эти письма... их вернул Ангусу твой отец.

– Так он знал?

– Наверняка, раз прислал письма.

– Н-да, – выдохнула Хелена, пытаясь осмыслить то, что рассказал Алексис. – Честно говоря, когда я была маленькой, родители никогда не казались очень близки. Мой отец, кажется, проводил все больше и больше времени в Кении. Я его редко видела.

– Возможно, такие отношения устраивали их обоих. В конце концов, все браки разные, – добавил Алексис.

– Может быть, но почему же Ангус и моя мать так и не сошлись? Из писем очевидно, что он обожал ее.

– Кто знает, Хелена? Мы оба знаем, что есть много причин, почему те, кто любит друг друга, проводят жизнь врозь, – тихо заметил он.

Хелена посмотрела на сухие листья, нападавшие с олив. Подняла один, ощутив пальцами его шершавость.

– Ангус оставил все мне.

– Да.

– Я была его крестницей.

– Да. И...

– Что, Алексис?

– Кристина всегда думала, не была ли ты чем-то бóльшим.

– Что ты пытаешься сказать?

– Думаю, ты знаешь, Хелена.

– Да, – прошептала она.

– Эти письма вернулись вскоре после твоего рождения. Бабушка это отчетливо помнит. Она видела, как Ангус рыдал за письменным столом. Твоя мать больше никогда не приезжала.

– Но я приехала. И... – Хелена порылась в памяти. – Это было всего через несколько месяцев после того, как умер отец.

– Возможно, отправить тебя сюда стало для твоей матери способом показать свою любовь.

– Почему же она сама не поехала со мной?

– Хелена, я не знаю. Возможно, она считала, что лучше не разжигать пламя снова. Может быть, жизнь здесь не подходила ей, как не подошла бы тебе.

– Может быть... но теперь я уже не смогу спросить ее. Или узнать, кто на самом деле был моим отцом.

– Какая разница? Ангус любил тебя как дочь. Он подарил тебе Пандору. И теперь ты понимаешь, что секреты есть у всех, Хелена.

– Да, ты прав. А у тебя есть секрет? – спросила она с усмешкой.

– От тебя – никаких. Но от жены был. Она не знала, почему я не могу любить ее по-настоящему. Я до сих пор чувствую себя виноватым из-за этого. Идем, нам следует вернуться, – Алексис предложил Хелене руку.

– Спасибо, что показал мне памятник, – сказала она, когда они возвращались к дому.

– Вот уж настоящее возведение женщины на пьедестал! – хмыкнул он.

– И это, Алексис, – вздохнула Хелена, – очень опасное занятие.

* * *

Алексис уехал, а Хелена пошла на кухню и обнаружила Имми и Фреда за кухонным столом. Она села, внезапно почувствовав себя обессиленной после очередных откровений.

– Ты вернулась! Я сделала что-то очень липкое с медом и семечками улицы Сезам сверху! – сказала Имми.

– Я тоже помогаю их делать, Имми, – добавил Фред.

– Мамочка, ты выглядишь нехорошо. Тебе нехорошо? – Имми забралась на колени Хелены и обняла ее.

– Мамуся, ты глядишь нехорошо! – повторил за ней Фред, хихикая. Он попытался забраться следом, и Хелена усадила его рядом с Имми.

Она крепко прижала их к себе.

– Мы любим тебя, мамочка, – сказала Имми, целуя ее лицо. – Правда же, Фред?

– Ага, любим, – добавил он.

– И я вас люблю. – Она расцеловала их липкие щеки. – Как насчет поехать на пляж, братцы? – спросила она.

– Да-а, пожалуйста, – хором отозвались они.

* * *

Они вернулись перед закатом. Хелена накормила детей, потом выкупала их и усадила в гостиной смотреть «Золушку» на DVD-плеере.

Устроившись с бокалом вина на балконе спальни, она увидела, что сумерки уже опускаются, хотя едва пробило семь.

Лето подходило к концу.

Могла бы она жить здесь, зная, что в Сидер-хаус ее больше не ждут?

Ответ был «нет». Как она – и, может быть, раньше ее мать – поняла много лет назад, ей предназначена жизнь в других местах.

Где, с кем и как, она еще не знала...

Ее затопило одиночество, муж и сын были нужны до физической боли.

Вернувшись в спальню и захлопнув за собой балконные двери, Хелена приняла душ, потом села у туалетного столика, расчесывая волосы.

Отложив щетку для волос, провела пальцами по завиткам перламутровой инкрустации на крышке шкатулки, которую Алексис извлек из мусорной кучи.

– Шкатулка Пандоры, – пробормотала она.

И вдруг увидела.

В отделку крышки были искусно вплетены инициалы – ее собственные и родителей.

Глаза Хелены наполнились слезами.

* * *

Немного погодя Хелена спустилась вниз проверить детей. Они были поглощены «Золушкой», так что она оставила их и вышла на террасу. И подскочила от страха, когда из сгущающихся теней навстречу ей по лестнице от бассейна поднялись две фигуры.

– Привет, мам. Мы с папой решили окунуться по-быстрому, чтобы остыть с дороги.

– Алекс!

– Ага. Это я. Ты не можешь обнять меня, я мокрый.

– Мне все равно.

– Ладно. – Он бросился в ее протянутые руки, и она крепко обняла его.

– Как ты?

– Хорошо, очень хорошо. – Взгляд ярко-зеленых глаз это подтвердил. – Люблю тебя, мама, – прошептал он.

– Я тоже люблю тебя, Алекс.

– Где младшие?

– Смотрят DVD в гостиной.

– Я обещал Хлое, что попробую Диснея, так что попробую. Скоро увидимся.

Он пошлепал мокрыми ногами в дом, и она не крикнула ему не закатать хлипкую камчатую кушетку. Потому что это было абсолютно неважно.

– Привет, Хелена.

Она настолько растерялась, что не могла говорить.

Перед ней стояла Уильям, тоже промокший после бассейна.

– Как ты? – спросил он.

– Нормально.

– Правда? Тогда почему ты плачешь?

– Потому что если ты приехал сюда, просто чтобы проводить Алекса, и собираешься снова уйти, я... мне невыносимо видеть тебя.

– Нет. Ну, могу я, по крайней мере, остаться на ночь? Повидать Имми и Фреда?

– Да, – согласилась она, совершенно несчастная, – конечно.

– И, возможно, и завтра тоже? И послезавтра?

– Я... – Она посмотрела на него, все еще неуверенная, что он имеет в виду.

– Хелена, у тебя... у нас чертовски потрясающий сын. Он... Алекс показал мне путь обратно. К тебе.

– Правда?

– Да. И... – голос Уильяма дрогнул, – я больше никогда не хочу уходить. Я люблю тебя.

– И я люблю тебя. Поверь мне.

Они стояли в десяти ярдах друг от друга, оба жаждали, чтобы между ними не было расстояния.

– Но, Хелена, ты должна пообещать мне: больше никаких секретов. Пожалуйста, просто скажи мне сейчас, если есть что-то еще, что мне следовало бы знать.

– Вообще-то, – медленно произнесла она, – кое-что произошло здесь раньше.

– Да? – мускулы на лице Уильяма напряглись.

– Да. – Она кивнула. – И это *большой* секрет. Возможно, самый большой из всех. И...

– О господи! Что?

Она улыбнулась, голубые глаза светились, когда она подошла к нему.

– Мне просто не терпится рассказать тебе об этом.

ДНЕВНИК АЛЕКСА

25 августа 2006 года

Завтра мы едем домой.

В смысле *наша* семья.

Мы оставляем Пандору и ее Шкатулку позади.

Мама рассказала мне все о ней... в смысле о шкатулке. И отвела посмотреть статую голой бабушки в оливковой роще.

И хотя это предосудительно с нравственной точки зрения, все причастные мертвы. Кроме моей матери, которая, кажется, ничего не имеет против, так что это, может быть, и прекрасно.

Теперь у нас есть что-то общее, у моей матери и меня. Мне это нравится.

А кроме того, я получил два подарка по цене одного:

«Узнай, кто твой папаша, и получи деда бесплатно!!!»

Я рад, что Ангус и я, вероятно, родственники. Он был настоящим мужчиной, занимался мужским делом, вроде хождения в атаку и командования армией. Но при этом плакал как девчонка и умел любить.

У меня есть еще один пример для подражания, кроме отца.

Люди, делающие метки для одежды, плюс юрист были должным образом предупреждены. «Бомонт-Кок» – это то, что надо. Я решил почтить обоих родителей. При сложившихся обстоятельствах так было по-честному, иначе мама могла бы почувствовать себя лишней.

Мы с папой официально «поженимся» через несколько месяцев, но пока я незаконно буду пользоваться своей фамилией, когда пойду в школу.

Я размышляю о том, грустно ли мне возвращаться домой.

И прихожу к выводу, что нет.

Это был не столько отдых, сколько эмоциональная, психическая и физическая полоса препятствий. В сущности, вся наша семья выдержала серьезную потогонную тренировку, которая, надеюсь,

подготовила нас всех к тому, чтобы двигаться дальше, с уверенностью глядя в будущее.

А еще я вчера откровенно поговорил с родителями насчет надвигающейся школы. Оказывается, мама боится моего отъезда, а папа просто искренне горд, что я выиграл стипендию, и считает это фантастической возможностью.

Они оба думали, что я действительно хочу ехать. Я объяснил, что мне казалось, что они хотят, чтобы я поехал. В общем, итог такой: я еду. По крайней мере, на семестр-другой. И если мне не понравится, я могу все бросить и вернуться домой.

И теперь, когда я понимаю, что они не собираются устраивать в моей пустой спальне праздник для всех друзей и родственников в тот же вечер, как я и мой чемодан переберемся в новую Кладовку для метел, я гораздо спокойнее отношусь ко всему. Я понимаю, что они просто желают мне добра.

А еще я вырос за последние несколько недель. Буквально.

Когда мама снимала какие-то последние мерки для кошмарной школьной формы, которую заказывала для меня, во мне оказалось почти пять футов и пять дюймов.

Итак, что же я узнал на этих каникулах?

Что бывают разные виды любви и она приходит в различных обликах и видах.

Ее можно заслужить, но не заработать.

Ее можно получить, но не купить.

И если она настоящая, она держится крепко.

Эта самая любовь.

Алекс

Пандора, Кипр

19 июля 2016 года

Перевоорачиваю страницу и вижу, что дальше дневник пуст. Я мог бы умереть на следующий день, а читатели этого дневника и понятия бы не имели.

Смотрю на часы: по местному времени уже полночь. Забрав дневник, возвращаюсь в Пандору, закрываю за собой ставни. Одно это простое действие напоминает мне, как все изменилось с тех пор, как я был здесь в последний раз. Теперь я взрослый, который берет на себя ответственность и которому ее доверяют.

Пройдя по коридору, останавливаюсь у подножия лестницы, потом прохожу мимо и дальше – к моей Кладовке для метел. Открыв дверь, включаю свет и электрический вентилятор, который стонет от натуги после того, как много лет не работал.

На раскладушке нет простыней (или колготок), которые защитили бы от того, что может покусать меня ночью.

Но со времени последнего приезда сюда я побывал в Южной Америке и провел четыре долгих ночи в палатке на Амазонке. Я имел дело с пауками размером с обеденную тарелку и летающими тараканами, из которых получился бы приличный ужин на двоих. Комары теперь – просто мелкая неприятность.

Раздевшись, выключаю свет и ложусь. И чувствую, как атмосфера Пандоры смыкается вокруг меня. Лица из прошлого сменяются, как модели на подиуме, за моими сомкнутыми веками. Они напоминают мне, что, не пройдет и двух суток, как все действующие лица, кто сыграл роль в то драматическое лето десять лет назад, должны вернуться сюда.

Кроме одного...

Потом я сплю, крепко и мирно, и в кои-то веки мне не снятся сны, которые я помню, проснувшись. Нашариваю телефон, чтобы проверить время, и вижу, что уже десять. Встаю, осторожно обхожу кровать и, поднявшись наверх, принимаю душ с обжигающе холодной водой. Одевшись, делаю чашку кофе и стою у задней двери, прихлебывая его и близоруко щурясь на жестком утреннем солнце.

Потом решаю, что мне следовало бы пойти наверх и проветрить спальни, избавиться их от запахов необитаемого дома. Не то чтобы мы

намеренно избегали его десять лет. Просто... так получилось.

Открываю ставни, переходя из одной комнаты в другую, и с радостью вижу, что кровати уже аккуратно застелены свежими белыми простынями, в изножье каждой разложены полотенца. Похоже, все эти годы Ангелина безукоризненно заботилась о Пандоре, и я выхожу на террасу, думая о том, что делать дальше. Слышу звук шин по щебенке и, повернувшись, вижу, что к дому приближается белый фургон. Из него появляются две знакомые фигуры и идут ко мне.

– Алекс! О боже! Неужели ты?

Алексис, который, кажется, стал меньше ростом, подходит ко мне. Он сжимает меня в мужском объятии, и я вдруг понимаю, что смотрю ему в глаза.

– Да, это я, – уверяю я его.

– Как ты? Прошло так много времени. Но я понимаю причины, – вздыхает он. – И, разумеется, – он манит вперед женщину, застенчиво стоящую позади него, – ты помнишь Ангелину?

– Конечно. На мой взгляд, ее выпечка до сего дня не имеет равных, – улыбаюсь я.

– Привет, Алекс, – говорит она и целует меня в обе щеки. – Ба, ты теперь очень красивый мужчина. Ты напоминаешь мне Брэда Питта!

– Правда? – отвечаю я и решаю, что она нравится мне даже больше, чем я помнил.

– Да. В общем, у меня в фургоне много еды, и я должна начать готовить на кухне на завтра.

– Можешь помочь мне разгрузить вино и бокалы, Алекс?

Идем к фургону, и пока мы носим еду, а потом ящики с вином и бокалами в кладовую на задах дома, я рассматриваю Алексиса. Пожалуй, годы его пощадил, а серебристые блики в темных волосах придают ему определенную солидность.

– Давай пойдем на кухню и выпьем воды, – предлагает Алексис, когда мы с грохотом ставим последний из множества ящиков и пот льет с нас обоих.

Ангелина уже у холодильника, раскладывает сыры и колбасы. Я с удивлением смотрю, как Алексис подходит к ней, кладет руку на плечо и целует в макушку, когда тянется внутрь за водой.

– Вот, – он подает мне стакан воды.

– Спасибо.

– Алекс, у тебя растерянный вид. Что такое?

– Я... вы двое... вместе?

– Да, – улыбается он. – После вашего отъезда из Пандоры я предложил Ангелине работу в нашем доме. И пошло-поехало. Шесть лет назад мы поженились, а два года назад я стал отцом – прямо в день своего пятидесятилетия! – усмехается Алексис. – У меня теперь еще один сын.

– И я живу в доме, полном мужчин! – радостно смеется Ангелина. – А теперь я бы попросила вас обоих уйти с моей кухни, чтобы я могла начать готовить пир.

– А я должен вернуться в офис. – Алексис смотрит на часы. – Приходи посмотреть винодельню, когда у тебя будет время. Мы увеличились вдвое, и Димитриос работает со мной, делая и продавая вино.

– А Мишель? – осторожно спрашиваю я.

– Руководит продажами через интернет. Так что у нас настоящий семейный бизнес. Ты еще увидишь сегодня моих сыновей, потому что у нас много работы в Пандоре. Звони мне, если что-нибудь понадобится, Алекс, и я надеюсь позже услышать о твоей жизни за последние десять лет.

Он посылает воздушный поцелуй жене, чей любящий взгляд провожает его из кухни.

– Я могу что-то сделать, Ангелина? – вежливо спрашиваю я.

– Ничего, Алекс. Почему бы тебе не пойти поплавать в бассейне?

Она явно хочет, чтобы я не путался под ногами, и я выхожу. Нырнув в бассейн, я вспоминаю ужас спасения моего бедного кролика. Все больше и больше я чувствую себя Алисой: бассейн, кажется, тоже уменьшился – я достигаю другого конца за пять гребков вместо десяти.

Вернувшись в Кладовку для метел и переодевшись в сухие шорты и футболку, я беру «Избранное» Китса. Из книги вылетают листки бумаги. Смотрю на них с теплой полуулыбкой, но при виде одного из них у меня на глазах выступают слезы. Читаю, и сердце начинает колотиться в груди.

Приедет ли она?...

Я просто не знаю.

Что же, интересно, такого в Пандоре, что, кажется, отпирает эмоции? Ее стены будто излучают особую энергию, которая снимает с

человека внешнюю защитную кожу и зарывается в самую глубину, обнаруживая источник боли. Как нож хирурга с легкостью прорезает до пораженных болезнью внутренних органов.

«Голубчик, – думаю я, – если это уже началось, к завтрашнему вечеру ты будешь хныкающей развалиной».

Кладу стихи обратно в книгу и возвращаю на полку. Потом снова беру дневник. Поскольку делать, кажется, больше нечего, достаю из рюкзака ручку и солнечные очки и беру на кухне холодное пиво. И устраиваюсь за столом на террасе.

Открываю дневник на чистой странице после последней записи. Просто потому, что терпеть не могу незаконченных дел. И если продолжу в том же духе, то годам к пятидесяти-шестидесяти оборванный на полуслове дневник меня окончательно доконает.

Разумеется, мне не соперничать с Пипсом^[15] и его девятью годами ежедневных подробностей. Все, на что я способен, – это записки, краткий очерк моей жизни за последние десять лет. По крайней мере, это будет лучше, чем ничего.

Хотя кто знает?

Увидим...

ЗАПИСКИ АЛЕКСА

Сентябрь 2006 года – июнь 2016 года

Школа

Из тех, где хлопья на завтрак едят в белом галстуке и фраке. Мне плевать, насколько эффективными слывут школы-пансионы, – мой первый семестр был ближе к Тому Брауну^[16], чем к Гордону Брауну^[17], то есть ЧУДОВИЩНЫМ.

В наше время в подобных заведениях больше не считается, что травля «закаляет молодых людей». Положение изменилось по сравнению с прошлым, когда учителя, по сути, подбадривали хулиганов с боковой линии. Вместо этого травля стала невидимой и коварной.

Нынешние хулиганы – вроде предателей, которых спецназовцы обучают пыткам. Например, тебя вызывают на «дружескую» драку подушками и, пока ты размахиваешь своим пухлым и мягким орудием, тебе вышибают мозги мешком, набитым твердыми папками-регистраторами. Или посылают тебе сообщения с угрозами и оскорблениями с предоплаченного мобильного, который невозможно отследить. Или взламывают твой аккаунт на Фейсбуке и меняют там статус на «В отношениях с трансвеститом».

К счастью, благодаря уроку, который я получил из-за моего кролика на Кипре (это, пожалуй, единственное в жизни, за что я могу поблагодарить Рупса), Би прибыл подготовленным: в хлопковой люльке, которую я тайком прикрепил кнопками снизу к деревянной раме кровати. Это означало, что по ночам, даже хотя нас разделял матрас, я мог, по крайней мере, протянуть руку и ощутить защиту его облезшего меха или перешептываться с ним через ламели.

Признаться, в те первые ужасные недели я едва не сбежал. Однако я не собирался доставлять Рупсу удовольствие злорадствовать из-за моего побега, а кроме того, обучение действительно было невероятным.

Потом, когда я вырос разумом и телом, стало лучше, как обычно и бывает. К тому времени, как мы добрались до старших классов, я был вооружен блестящим аттестатом об окончании средней школы. Пятьдесят лет назад я бы получил еще и фага, то есть перепуганного первоклашку в услужении: чистить мне ботинки, раскладывать огонь и поджаривать на нем лепешки. Этот обычай был отменен в семидесятые, и это прекрасно, хотя некоторые из моих одноклассников продолжали вести себя так, словно ничего не изменилось, видя в этом обряд инициации.

Я тут недавно узнал о происхождении слова «фаг». Когда-то оно означало...

Прерываюсь и задумываюсь, заинтересуется ли вообще тот, кто будет читать этот дневник через пятьдесят или сто лет, происхождением слова «фаг». Вполне возможно, что к тому времени основным языком мира станет северокитайский, судя по количеству учеников-китайцев в моей школе.

В общем, по результатам пяти лет в школе я завоевал место на философском факультете Оксфордского университета.

Семья

Мама, папа, Имми и Фред продолжали жить своей жизнью. Фред ухитрился угробить мою золотую рыбку за две недели после моего отъезда. Когда я спросил, устроил ли он ей достойные похороны, он ответил, что смыл ее в туалет, потому что решил, что рыбу надо хоронить в воде.

Мама казалась более спокойной и довольной, чем я когда-либо видел ее раньше. Даже слишком довольной: как только Фред пошел в школу, она объявила, что намерена открыть собственную школу.

Достаточно сказать, что Школа танца Хелены Бомонт разрослась в то, что могло бы считаться многонациональной компанией. То есть если не считать денег, которые такое предприятие предназначено приносить. Мама, будучи мамой, кажется, учила большинство учеников бесплатно. Редко случалось приехать домой на каникулы и не найти за кухонным столом рыдающего человечка в трико,

использующего ее как пресловутую жилетку для излияния своих жизненных проблем.

То есть так продолжалось, пока слова, которых все боятся больше всего на свете, не прозвучали за тем же кухонным столом и у мамы не возникли новые проблемы – ее собственные.

Тут я снова прерываюсь, потому что до сих пор не в состоянии выразить словами ужас момента, когда она и папа рассказали мне. Встаю и беру еще пива из холодильника, чтобы утопить воспоминание. И решаю, что все эти детали уточню позже.

Семья (продолжение)

Если не считать маминых проблем, которые, само собой, перевернули весь наш мир вверх дном, Имми и Фред, кажется, просто тихо росли. Может быть, у них не было особого выбора, учитывая обстоятельства.

Папа взял на себя всю нагрузку, которая раньше лежала на маме. Теперь он умеет обращаться с сушильной машиной и может сам приготовить кастрюлю неплохой лапши с нуля. Без дураков, хороший он мужик, мой папа. И лучшее, что я сделал в жизни, – это узаконил его и его фамилию.

Что касается «генетического папы», он объявился в Сидер-хаус однажды под Рождество примерно через год после апокалиптического лета и потребовал встречи со мной, его «сыном». Мама пришла в мою спальню с тем озабоченным видом, который я так хорошо знаю. Объяснила, что Саша внизу. И что я не обязан с ним встречаться. Я просил ее не беспокоиться и обещал с ним поговорить.

Когда я спустился вниз, Саша сидел за кухонным столом, заливая в себя какой-то алкогольный напиток. Выглядел он ужасно. Руки тряслись, кости выступали под тонкой, как бумага, кожей... И несмотря на решение ненавидеть его, мне, как обычно, стало его жаль.

Он спросил, хочу ли я с ним «общаться».

Уж кто-кто, а этот бедный, жалкий человек не был в начале списка моих близких отношений. В общем, приложив большие усилия, я ответил «нет». По сути, я сказал «нет» столько раз, что мне казалось, я

повторяю мантру. Пока папа не понял, что с меня довольно, и спровадил Сашу из кухни, чтобы отвезти на станцию.

Больше я его не видел и не слышал, пока...

Продолжение следует.

Остальные из «компании из Пандоры»

Сэди родила ребенка, милую девочку, которую назвала Пичиз... так типично для Сэди... хотя, полагаю, это вполне мог быть Мелон или Гузбери^[18]... и сделала *меня* крестным отцом!

Так вот, это было очень любезно, хотя каждый раз, когда я вижу Пичиз, мне с трудом удается произнести ее имя вслух, особенно если мы на людях. И это, в общем, одна из тех кличек, которые невозможно сократить. Один раз я попробовал «Пи-пи», что ну никак не годится, и теперь стараюсь вообще не называть ее по имени. Это дружелюбная девочка, которая благодушно принимает непрерывный ряд «дядей», поскольку Сэди продолжила менять кавалеров, как я когда-то менял футбольные карточки. По сравнению с этим мое собственное детство выглядит легкой прогулкой.

Андреас-плотник так и не узнал о дочери. Может быть, поэтому, если подумать, Сэди и сделала меня крестным отцом. Возможно, она считает, что, когда Пичиз придет время узнать о далеко не безупречном поведении матери, она сможет послать дочь ко мне за консультацией.

Теперь о прочих из клана Чандлеров. Джулз переехала в свой коттедж возле Аундла с Рупсом и Виолой и пустила там корни с настырностью особенно живучего вида плюща. Согласно ее ежегодному рождественскому письму (исправно отправляемому первого декабря, чтобы прийти – вторым классом – четвертого, в то самое время, когда все остальные смертные только составляют список Людей, Которым Надо Послать Открытки), она быстро утвердилась в роли главы всех имеющихся школьных комитетов и комитетов по сбору средств. Думаю, если где-то устраивали благотворительный праздник, распродажу или базар, там была и она, вытягивая время и деньги из других родителей.

По сути, она ходила в школу вместе с Рупсом (который в результате стал счастливым капитаном регбийной команды из премьер-лиги). А попутно она ухитрилась поддерживать семью, работая агентом по недвижимости.

Надо отдать Джулз должное: даже если это одно из самых раздражающих человеческих существ, какие я знаю, она добивается поставленных целей. В сущности, из нее получился бы замечательнейший сержант-майор.

Что касается маленькой Виолы, то ее имя всегда присутствовало в рождественских письмах Джулз, поэтому я полагал, что она еще жива. Хотя на самом деле не видел ее, пока...

Здесь я должен извиниться перед читателем этих записок за все «пока». Мне надо рассказать о многих вещах, и писать о некоторых из них будет трудно, так что, пожалуйста, наберитесь терпения.

И, наконец, о Хлое. Я видел ее довольно много за последние десять лет. Выяснилось, что наши школы устраивают совместные «танцы», которые оказались меньше похожими на «Танцы со звездами» и больше на потные схватки на импровизированной танцплощадке в школьном зале.

Поскольку тогда Хлоя еще любила Мишеля, она разыскала меня и попросила «защитить» ее от внимания других мальчиков, и мы сидели вместе в углу, цедя газировку из бутылок, пока она отводила душу, рассказывая, как сильно скучает по нему.

Также она проводила ужасно много времени у нас в Сидер-хаус. Она действительно стала членом семьи – крайне необходимым, как оказалось, особенно для младших.

Я спокойно выжидал, надеясь, что ее фиксация на Мишеле угаснет. Не угасла. Как и моя фиксация на ней. Конечно, мы были достаточно близки: она называла меня своим лучшим другом.

Но, как знают все мужчины, дружащие с женщинами, надежда изменить статус отношений на «нечто большее», о чем я мечтал каждую ночь, с каждым днем ускользала все дальше и дальше.

Окончив школу, она взяла перерыв на год, а потом уехала в Лондон изучать моду.

И только когда Хлоя закончила учебу, чары Мишеля наконец рассеялись. Она рыдала у меня на плече, говоря, что все еще любит его, но эти «удаленные» отношения наконец сделали свое дело, и между ними все было кончено.

Примерно тогда же все изменилось и для меня.

λβ

Тридцать два

Откладываю ручку и потягиваюсь, чувствуя себя сонным от солнца и пива, плюс меня утомили припоминания событий последних десяти лет. Просматриваю все, что написал, чтобы понять, не упустил ли я кого-то, – и понимаю, что упустил. Себя. Или, по крайней мере, остальное обо мне до настоящего времени. Но я устал, и мне слишком жарко и грустно, чтобы продолжать.

А кроме того, к дому только что подъехали машина и белый фургон. Фургон извергает двоих мужчин, в которых я сразу же узнаю сыновей Алексиса. За ними из машины выходит сам Алексис с малышом, который держит его за руку. Димитриос и Мишель открыли задние двери фургона и вытаскивают оттуда еще ящики.

Маленький мальчик – точное подобие Ангелины – застенчиво смотрит на меня.

– Поздоровайся, Густус, – подсказывает ему отец.

Густус не идет на сотрудничество и прячется за длинными ногами Алексиса.

– Мы подумали, что можем установить освещение на террасе и развесить фонари на оливах в роще, – продолжает Алексис.

– Хорошая идея, – соглашаюсь я.

– Это должен быть праздник, да? – Алексис смотрит на меня.

– Да, – твердо отвечаю я. – Непременно.

* * *

Следующие пару часов мы снова жарились на солнце и потели, пока вчетвером натягивали тросы с лампочками от балконов наверху до перголы. Мы почти не разговаривали – просто мужской треп, в основном о футболе.

Во время путешествий за границу я заметил, что английское происхождение делает меня (по крайней мере, в глазах всех

иностранцев) признанным специалистом по Премьер-лиге и в особенности по «Манчестер Юнайтед», за который болели все Лайлы.

Учитывая, что сам я больше интересуюсь регби и не имею личного *entrée*^[19] в спальню Уэйна и Колин Руни, я затрудняюсь предоставить им интересующую информацию. Украдкой поглядываю на Мишеля, который, пожалуй, еще красивее, чем в прошлый раз, когда я его видел. Мне хочется спросить, есть ли у него девушка, невеста или даже супруга, но ничего столь личного не упоминается.

Ангелина выходит на террасу с большим кувшином домашнего лимонада и маленьким Густусом. Он сразу же забирается на колени к отцу, когда мы рассаживаемся по стульям и жадно пьем.

– Странно, да, Алекс? – хмыкает Алексис. – Я так надеялся стать дедушкой. И теперь я папа малыша, а у двоих моих сыновей до сих пор нет детей.

– Папа, мне едва за тридцать, а Касси двадцать девять, – мягко выговаривает Димитриос. – У нас еще масса времени. А кроме того, ты так нас эксплуатируешь, что времени на детей просто нет, – добавляет он с улыбкой.

– Ты не женат, Мишель? – спрашиваю я.

– Нет, – твердо отвечает он.

– Думаю, мой сын убежденный холостяк, – вздыхает Алексис. – Кажется, нет женщины, которая может поймать его в сети. А ты, Алекс? Ты нашел любовь всей своей жизни с тех пор, как мы встречались в последний раз?

– Да, – отвечаю я, помолчав. – Нашел.

– Папа, – Густус открывает рот и тыкает в него пальцем, говоря что-то по-гречески.

– Так, Густус проголодался и хочет ужинать. Нам пора домой, – переводит Алексис. Он зовет Ангелину, которая появляется и выдает мне указания (по сути, все сводится к тому, чтобы ничего не трогать на кухне или в кладовке, пока она не вернется завтра рано утром). Как будто я смог бы за ночь съесть все в одиночку.

– Алекс, хочешь пойти к нам домой поужинать? – спрашивает Алексис.

– Это очень любезно с твоей стороны, но завтра будет очень долгий день, и, думаю, я останусь здесь и лягу пораньше.

Алексис подхватывает вертящегося Густуса сильными загорелыми руками.

– Тогда мы желаем доброй ночи.

Смотрю, как семья рассаживается по машинам и уезжает. Начинают спускаться сумерки, солнце снова садится над Пандорой – точно так же, как садилось все эти десять лет, когда некому было оценить его красоту. Иду на кухню и вижу, что она заставлена прикрытыми фольгой подносами и блюдами, кладовка равно забита таинственными десертами всех форм и размеров. Беру маленькую порцию мусаки, которую Ангелина неохотно разрешила взять на ужин.

Одинокó сижó с тарелкой на террасе и надеюсь, что Алексис не счел грубостью отказ от приглашения. Мне просто нужно побыть одному, чтобы собраться с мыслями и силами на завтра.

Потом снова поддвигаю к себе дневник. Может быть, если записать все, это действительно поможет.

ЗАПИСКИ АЛЕКСА

«Я» (продолжение)

Половину года между школой и университетом я откладывал деньги на путешествие, таская пинты пива в местном баре, а вторую половину преодолевал фобии всего без исключения, что смог вообразить.

И развивал новые – например, фобия путешествия за границу.

Потом я начал учиться на философском факультете в Оксфорде – в колледже, где когда-то учились папа и «генетический папа». Через три года папа приехал на мой выпускной, и, когда после мероприятия мы обнялись по-мужски, у него в глазах стояли искренние слезы гордости.

Только вчера вечером я читал в своем дневнике десятилетней давности, что не могу представить его плачущим... что ж, к сожалению, с тех пор он плакал довольно часто.

Еще год я учился в магистратуре (и еще год после этого). А потом – как раз когда уже махнул рукой почти на все и был готов довольствоваться академической наукой и стать «д-ром», а со временем и профессором философии – получил электронное письмо, пересланное мне моим собственным профессором.

Оно исходило от некоего правительственного ведомства в Милбанке – я знал, что это улица ровно по соседству со зданием парламента. По существу, в письме мне предлагалось пройти собеседование для работы в аналитическом центре правительственной политики.

Признаться, прочитав его, я лежал на узкой койке в своем убогом оксфордском жилище и неудержимо хохотал. Очевидно, годовалое правительство желало – и я цитирую – «подключить самые светлые молодые умы к последующим политическим решениям, принятым ради будущего Британии».

На повестке дня был референдум по Евросоюзу, как быть с Шотландией, Национальная служба здравоохранения, иммиграция...

Другими словами, ВСЕ И СРАЗУ.

Ну что же!

Честно говоря, я согласился ради смеха, просто чтобы сказать, что ходил, чтобы можно было написать об этом в Фейсбуке и Твиттере и произвести впечатление на друзей. Особенно на некоторых подруг, которые – ну может быть – увидят, даже если я об этом не узнаю.

В конце концов, это было то, о чем мы оба мечтали...

Я сидел в шикарном кабинете в руководящем центре британского правительства и оживленно оглядывался в поисках красной кнопки, которая начнет Третью мировую войну. Потом вытянул шею направо, чтобы проверить, возможно ли подать сигнал отсюда прямо в здание МИ-6 на другом берегу Темзы.

Мне задали много вопросов, возможно с подвохами, потому что на них было невероятно легко отвечать. Признаться, сосредоточиться не получалось, потому что я все время воображал, как сюда врывается Дениэл Крейг и говорит, что я выдаю сверхсекретную информацию русским шпионам. И последующую перестрелку, в которой он спасет мою жалкую шкуру.

К сожалению, Марк и Эндрю («Зови меня Энди») были парой довольно заурядных немолодых чиновников, которые проглядели мое поспешно составленное резюме, а потом попросили высказать мнение о том, как, с моей точки зрения, «современная молодежь» относится к возвращению тори к власти. И что бы я сделал, чтобы изменить это (очевидно, негативное) отношение.

Я не использовал много отличных кантианских цитат, которые мог бы оттарабанить. Вместо этого я изложил карманную философию, которую инстинктивно понял еще ребенком, чувствуя, что Марк и «Энди», возможно, ценят «простого человека» больше, чем спеца, извергающего наукообразный жаргон.

Потом я ушел, посмеиваясь над нелепостью всего этого. Всегда голосовал за либеральных демократов, потом свернул влево вместе со всем философским факультетом – и вот меня приглашают играть на другой стороне.

Сделав видео для Снапчата возле Милбанка и объявив, где я был и что делал (возможно, сразу же уничтожив все свои шансы, учитывая, что, наверное, надо себя вести осмотрительно, если хочешь работать на правительство; но кого это волнует?), я направился мимо

Вестминстерского дворца к станции метро, не питая абсолютно никакой надежды, что мне предложат работу. Если и есть область, в которой меня нельзя поколебать, так это мои фундаментальные убеждения:

Равенство, Эгалитаризм и Экономика...

Интересно, что я помню, как спускался в метро и думал, что последнее «Э» – единственное, что отвечает манифесту нынешнего правительства. Факт: усердную работу следует вознаграждать. Факт: капиталистические страны мира стали самыми богатыми. Факт: значит, они могут кормить, обучать и заботиться о самых уязвимых среди нас.

Или, во всяком случае, должны бы. В Утопии и в моих мечтах.

Не было никого, кто знал больше философских теорем, чем я. Невероятно раздражающим (и бесконечно увлекательным) было то, что всегда существует другая точка зрения или мнение – одно противоречащее другому. К сожалению, за четыре долгих года построения теорий о человечестве и мире я также осознал, что обладание всеми книжными знаниями, какие возможны для человека моего возраста, о том, что движет людьми, не помогло мне ни на йоту в личной жизни. Которая была на тот момент, мягко говоря, катастрофичной.

Я также не был убежден, что на практике это помогло хоть кому-либо еще. Перечитав этот дневник, я сознаю, что, хотя в тринадцать лет и назвал себя настоящим занудой, я почти не изменился. Просто научился выражать свои детские мысли и чувства в научной форме.

Через неделю я нашел на дверном коврике письмо, сообщавшее, что мне предложили работу.

И снова я лежал на узкой койке и истерически хохотал. Потом снова прочитал письмо, уже внимательнее, и прибег к языку, который не одобряю, когда посмотрел, какую зарплату мне предлагают.

М-да. Э-э-э... о-фи-геть!

А потом я заплакал. Громко и неэстетично, добрых десять минут вытирая текущие из носа сопли.

Жалкое, но вполне оправданное в тех обстоятельствах зрелище.

Потому что был человек, с которым мне отчаянно хотелось разделить этот момент. Но которого не было рядом со мной и, возможно, никогда больше не будет.

Теперь, несколько недель спустя, я сижу здесь и думаю о том, что мне, вероятно, придется носить костюм – или, по крайней мере, элегантную куртку и слаксы, – когда выйду на новую работу меньше чем через месяц. Это не Сити, но все равно офис.

Надеюсь, оказавшись там, я смогу использовать свой голос во благо – по крайней мере, я этого хочу. Но наука о человеке говорит мне, что политики – да и все люди, коли на то пошло, – верят, что будут творить добро, а потом власть развращает их. Если честно, я понятия не имею, можно ли развратиться в аналитическом центре, но думаю, что возможно все. Только на прошлой неделе я получил еще один конверт – толстый, из плотной кремовой бумаги, – приглашающий меня в дом номер 10 по Даунинг-стрит на «чашечку чая» с Самим. Типа, с премьер-министром! Очевидно, он хочет познакомиться со всеми новыми молодыми аналитиками лично.

Он хочет узнать *меня*.

лу

Тридцать три

Все еще посмеиваясь, откладывая ручку и плетусь в дом, закрывая ставни и выключая лампочки, которые, кажется, заметно расплодились за вечер. Наконец убедившись, что не взорвусь ночью вместе с домом из-за перегрузки уже древней электрики Пандоры, я закрываюсь в своей Кладовой для метел, включаю вентилятор и сажусь на кровать. Потом лезу в рюкзак за останками Би.

– Можешь поверить, что я собираюсь встретиться с премьер-министром Великобритании-слеш-Соединенного Королевства? Или, на поверку, дорогой мой кролик, Не-такой-уж-Великой Британии и Разъединенного Королевства, учитывая ситуацию в Шотландии, – добавляю я рассудительно. – Тем не менее это чертовски впечатляюще в двадцать три года.

И сую его под мышку.

Мне нужна его поддержка, чтобы пережить завтрашний день.

Уже задремываю, когда звонит телефон. Я привык к замиранию сердца и ощущению страха каждый раз, когда слышу звонок.

– Алло? – рявкаю в трубку.

– Алекс, это я.

– О, привет, Имми. Как дома? – спрашиваю нервно, как всегда последние годы.

– Норм. В смысле, Фред и я в данный момент одни, но папа знает распорядок на завтра.

– Ты в порядке?

– Да, в порядке. В Пандоре все клево, все кипит?

– Можно сказать и так, поскольку здесь чертовски жарко. Но да, все организовано.

– Клево, – повторяет она, и я утешаюсь тем, что по крайней мере одно слово в английском языке – хоть и дрянное – ухитрилось выдержать испытание временем с пятнадцатилетними девочками.

– Такси будет ждать, когда мы прилетим? – спрашивает она.

– Должно бы. По крайней мере, я его заказал, – отвечаю я. – Фред собрался?

– Вроде. Ты же его знаешь: он, возможно, забудет взять чистое белье, но мне надоело напоминать ему. Ладно, – Имми чуть заметно вздыхает, – до завтра.

– Конечно. Имми?

– Да.

– Это будет прекрасный вечер.

– Надеюсь, Алекс. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи.

Ложусь, подсунув руки под голову, и думаю, как трудно пришлось им обоим. Я очень старался, как и Хлоя, и папа, но мы никогда не сможем компенсировать тяжелые годы. Хлоя и я даже водили их к психологу. Нам всем сказали: что бы ни происходило с мамой, мы не можем испытывать вину за то, что живем своей жизнью и беспокоимся о собственных проблемах. Какими бы малозначительными они ни казались в сравнении.

Честно говоря, мне кажется, это гораздо больше помогло мне, чем им. Я всегда был восприимчив к таким вещам.

Вот теперь мысленно перехожу к личным проблемам. И каждый мускул в теле напрягается, так что я морщусь от боли при мысли, что *она* не появится завтра вечером. Конечно, я позаботился, чтобы она получила приглашение, но с тех пор не слышал от нее ни слова.

И кто мог бы винить ее, если она не придет? Боже мой! Почему жизнь такая чертовски сложная?

Да, формально-юридически мы были родственниками, и да, это было сложно, но, господи, мы же *любили друг друга!*

Ну что же. Вот он я – в том самом доме, в той самой кровати, где все началось. И почему-то, несмотря на все, должно было продолжиться.

Просто потому, что...

Продолжилось.

* * *

И снова я сплю мертвым сном (вероятно, не самое подходящее на данный момент выражение) и просыпаюсь навстречу еще одному прекрасному утру в Пандоре.

По крайней мере, думаю я, когда принимаю душ и потом нахожу на кухне Ангелину, уже погруженную в работу и указывающую на приготовленную для меня кофеварку, мне не надо смотреть на небо и гадать, пойдет ли позже дождь.

Дождь, который кажется воплощением Мстительного Английского Бога Внешних Событий. Все «счастливые» фотографии англичан, какие я видел, сделанные на свадьбах, гуляньях, концертах и тому подобном, не обязательно означают, что они улыбаются на камеру потому, что только что обвенчались с любимым или любимой или выиграли в «угадай имя морской свинки». Они улыбаются от облегчения, что все мероприятие не было смыто дождем.

Может быть, свою свадьбу я устрою на Кипре, что исключит хотя бы одну из проблем, которые вечно нависают над таким днем...

Тем временем на террасе все идет полным ходом. Димитриос и Мишель устанавливают разборные столы на козлах, чтобы потом расставить пиво, вино и бокалы. Под перголой длинный железный стол, накрытый свежевystиранной скатертью, готов, чтобы расставить разносолы Ангелины.

– Доброе утро, Алекс. – Алексис появляется из ниоткуда и крепко хлопает меня по спине. – Когда прибывают первые гости?

– По-моему, после полудня. Будем надеяться, все приедут.

– Да. Будем надеяться.

С этого момента я все время занят, а в промежутках все время проверяю мобильник, Фейсбук, Твиттер – она действительно твитнула бы мне?! – в поисках новостей о ее прибытии. Знаю, что включение роуминга позже разорит меня, но мне плевать. Сообщений нет. Даже автоматическая голосовая почта не сообщает, что мне причитается компенсация за аварию, в которую я никогда не попадал.

Наскоро окунаюсь в бассейн, чтобы охладиться от усилий, необходимых для устройства праздника. После этого смотрю на часы и понимаю, что до прибытия первых гостей осталось меньше часа. Потом вспоминаю, что розовая рубашка (ну да, девчоночий цвет и напоминание о Рупсе, но, как я заподозрил, большинство женщин считают мужчину в розовом неотразимым) скручена в комок на дне рюкзака. Отчаянно ищу по всему дому утюг и гладильную доску – оборудование, с которым я воевал много лет.

В конце концов нахожу нечто ржавое и скрипучее в кладовке, и, слава богу, Ангелина при виде скомканной тряпки в моей руке жалеет меня, так что я оставляю рубашку в ее умелых руках.

Потом начинаю расхаживать по дому, как какой-то странный патрульный. Все готово. Я *знаю*, что все готово. Но, как проверка мобильника, хождение стало нервным тиком. Звук шагов дает мне на чем сосредоточиться, потому что я боюсь сосредоточиться на том, кто может быть – или не быть – здесь сегодня.

В этом самом доме. Всего через несколько часов.

Я вне себя – еще один нелепый оборот речи, мелькает шальная мысль – и решаю, что продолжу писать последнюю главу записок, чтобы отвлечься от ситуации. Хотя и не узнаю развязку до самого вечера.

* * *

Подъезжает первое такси, и, точно (или почти) как десять лет назад, из машины выходят Джулз и Сэди. Потом Рупс и маленькая Пичиз, дочь Сэди. Сердце внезапно замирает, но я приклеиваю на лицо улыбку и иду к ним. Трое пассажиров выглядят почти так же, как тогда: взмокшая и сердитая Джулз, неуместно одетая Сэди и самоуверенный и, как всегда, краснощекий Рупс.

По крайней мере на этот раз я готов к рукопожатию и даже втягиваю живот и напрягаю мышцы плеч, чтобы мне сейчас не оторвали руку.

– О боже, эта дорога не стала лучше! – пыхтит Джулз. – И несомненно, дом в худшем состоянии, чем был раньше. На десять лет старше и просто обязан обветшать.

– Мы *все* на десять лет старше, Джулз, – говорю я, надеясь, что она поймет намек.

Сэди закатывает глаза, а потом обнимает меня.

– Не обращай на нее внимания, – шепчет она мне на ухо. – Она ни капельки не изменилась. Пичиз, дорогуша, поздоровайся со своим крестным, – говорит она девочке, стоящей рядом.

Я подхватываю Пичиз на руки и обнимаю.

– Привет, милая, как ты?

Она смеется от удовольствия.

– Все хорошо, дядя Алекс. Как ты?

– Очень хорошо, спасибо, Пичиз.

Пока я ей лгу, Сэди стучит мне по плечу и указывает на еще одного человека, которому Джулз помогает вылезти из такси.

– Предупреждаю тебя, Алекс, если ты считаешь занудой Джулз, просто подожди, пока не познакомишься с ее новым кавалером, – тихо бормочет она.

Я смотрю, как мужчина, цветом лица пугающе похожий на Рупса, но минус волосы, и облаченный в ярко-красные слаксы и клетчатую рубашку, выбирается с переднего сиденья машины.

– О боже! На вид он ей в отцы годится! – шепчу я Сэди, когда он вцепляется в руку Джулз и пытается подойти к нам.

– Возможно, но, очевидно, он владеет половиной Ратленда и держит целую конюшню чистокровок. Джулз снимает у него коттедж, и они познакомились, когда он пришел проверить, э-э-э, замерзшие трубы, – усмехается Сэди.

Джулз представляет его мне как Берти, а он в ужасе смотрит на Пандору.

– Ты говорила мне, что следует ожидать худшего, но я уверен, мы мужественно перенесем трудности. – У него невыносимо аристократическое произношение. – Пошли, Джулз, старушка, показывай наши апартаменты! – С этими словами он хлопает ее по заднице, и она хихикает как девчонка. Сэди, я и даже маленькая Пичиз сдерживаем рвотные позывы.

– Кошмар, правда?

Я понимаю, что совершенно забыл о Рупсе, и, повернувшись, вижу, что он стоит позади нас, засунув руки в карманы. Мы все молчим и просто становимся такими же красными, как он от природы.

– Я говорил маме, что ей надо спросить, может ли он приехать. А она сказала, что все равно всегда спала здесь в двуспальной кровати и уверена, что все будет нормально. Ну а как ты, Алекс? Слышал, у тебя сейчас все неплохо?

– Все в порядке, спасибо, Рупс. Я слышал, что ты собираешься стать учителем?

– Да. – Он громко смеется и поднимает брови. – Какая ирония, учитывая тот прошлый раз, когда мы были в Пандоре. Далеко не

классические дисциплины, как ты знаешь, но с тех пор, как мне пришлось отказаться от профессионального регби из-за травмы колена, я начал тренировать, и мне по-настоящему понравилось. Ну и я подумал: почему бы нет? К сожалению, опереться на семейное состояние не получится, как ты знаешь.

– Что ж, Рупс, думаю, из тебя получится идеальный учитель физкультуры, – говорю я с чувством. Что касается меня, все мои были обучены Триадами.

– Спасибо.

– Хочешь пива?

– Не откажусь, – соглашается он.

– Прости, что перебиваю, Алекс, но мы в той же комнате, где я жила в прошлый раз? – спрашивает Сэди.

– Да. Ангелина поставила для тебя раскладушку, Пичиз, точно такую же, на какой я сплю в моей Кладовке для метел.

– Ты спишь в кладовке? – спрашивает та с интересом.

– Да нет. Это можно назвать ласкательным выражением, потому что комната очень маленькая, – объясняю я, когда мы все тащимся в дом.

– Оставайся здесь с Рупсом, я знаю, куда идти, – говорит Сэди, направляясь к лестнице.

– Ми-истер Рупс! – В коридоре появляется Ангелина, и я благодарю судьбу, потому что меньше всего мне нужен разговор по душам с единокровным братом, который даже не знает о нашем родстве. – Как ты?

– Хорошо, спасибо, Ангелина, – говорит он, целуя ее в обе щеки.

– Идем на кухню, Рупс. Я сделала пирожные, которые ты так любил, когда был здесь в прошлый раз.

Иду за ними на кухню и, пока Ангелина обстреливает его вопросами, выдаю ему пиво. Слушая его вежливые ответы, я решаю, что Рупс определенно стал спокойнее с тех пор, как я видел его в последний раз. Он тогда плакал, но, вероятно, о себе, как часто бывает в подобных случаях.

Смотрю на часы. Почти шесть. Чуть больше часа до официального старта, когда явятся главные действующие лица сегодняшней драмы.

– Рупс, ничего, если я пойду наверх и приму душ? – говорю я.

– Конечно, – кивает он. – Где я сплю?

– К сожалению, на кушетке в гостиной. Сегодня у нас все забито.

Я уйду раньше, чем могу задать ему вопрос, который крутится на языке. Скорее всего, он все равно не знает ответа и может дать мне неверную информацию, отчего все станет в десять раз хуже.

Так мне будет спокойнее. Тускло улыбаюсь про себя и иду наверх.

Выйдя из душа, еще весь мокрый, читаю сообщение от Имми, которое, очевидно, решило только сейчас дойти по кипрским проводам.

«Рейс задерживается. Теперь приземление в шесть тридцать».

Черт! Это означает, что они доберутся сюда не раньше половины восьмого, когда праздник уже начнется. Что, если они опоздают еще больше?

Внизу Джулз и Берти сидят у одного из столиков, расставленных на террасе. Я вижу, что они уже налили себе вина, и слышу, как он громко жалуется на его качество. Еле-еле сдерживаюсь, чтобы его не ударить, когда, к счастью, через стеклянную дверь выходит Сэди.

– Привет, солнышко. Все готово?

– Думаю, да. Не хватает только нескольких важных гостей.

– Уверена, они будут здесь. По-моему, организовать все это было прекрасной идеей.

Сэди вдруг обнимает меня, и я знаю, что она тоже переживает.

– Кстати говоря, – она понижает голос, когда Пичиз протискивается мимо, направляясь к тарелке с чипсами, которые как раз заметила на столе, – ты же не думаешь, что, э-э-э, Андреас будет сегодня здесь, а?

– Право, не знаю. Может быть, тебе стоит спросить Алексиса. Это он отвечал за список кипрских гостей.

– Ладно, спрошу. – Она смотрит на Пичиз, уминающую чипсы. – Он же ничего не заподозрит, да?

Я бросаю взгляд на Пичиз – маленькую белокурую копию отца – и лгу:

– Сомневаюсь.

На террасу неторопливо выходит Рупс, и мы все поворачиваемся и смотрим на машину, прыгающую на ухабах.

– Это Алексис и его семья, – говорю я. – Так, Рупс, по-моему, пора принести бутылки белого вина из холодильника, согласен?

* * *

К половине восьмого терраса заполнена людьми, которых я едва помню, но которые, кажется, все знают меня. Я уже начинаю беспокоиться о смерти от объятий, когда чувствую прикосновение к плечу.

– Алекс! Это я! Я здесь!

– Фабио! У тебя получилось! – Теперь моя очередь обнимать его. Последние несколько лет он был надежной опорой для нас всех и особенно для отца.

– Видишь? Я привез с собой Дэна. Теперь ты наконец можешь с ним встретиться.

Высокий темноглазый мужчина, который выглядит – вот жуть! – всего на несколько лет старше меня, выступает вперед и целует меня в обе щеки.

– Очень приятно с вами познакомиться, сэр, – говорит он с явным американским акцентом.

– Пожалуйста, зовите меня Алекс. И очень приятно принимать вас здесь.

– Очень приятно быть здесь, Алекс.

– Так, – Фабио окидывает взглядом террасу и вмешивается до того, как я отвечаю Дэну очередным «приятно». – Где все остальные?

– Рейс отложен, так что они опаздывают. Надеюсь, они появятся до того, как все разойдутся по домам, – я напряженно указываю на террасу и маленький оркестрик, настраивающийся в углу.

– Они будут здесь, Алекс, – успокаивает меня Фабио. – А теперь мы оба обязаны попробовать вино, которое делает друг твоей матери и которым я так наслаждался в последний раз, когда был здесь.

Веду их к столу, и, пока я поддерживаю светскую беседу о длительных и безуспешных попытках Дэна выучить итальянский и

размышляю, не расспросить ли его подробнее о его пластическом хирурге, сердце все сильнее колотится в груди.

«Где же они, черт возьми?»

Решаю пойти взять себе успокоительного пива, но меня постоянно останавливают гости и вопросы Ангелины: когда подавать горячее и следует ли оркестру уже начинать играть?

«Горячее, холодное или замерзшее на фиг в ледышку! Какая разница?!» С огромным трудом сдерживаюсь, чтобы не огрызнуться. Потому что сейчас это вообще не важно.

Я как раз добрался до стола с выпивкой, когда мне на плечо ложится рука.

– Алекс, они приехали.

– Слава богу, – выдыхаю я с облегчением и, повернувшись, иду следом за Алексисом через толпу. – Сколько их там?

– Прости, не заметил.

Мы оба спешно огибаем дом, все пространство перед которым сейчас заставлено машинами. Считаю темные фигуры, появляющиеся из дальней машины... четверо. И сердце обрывается, потому что я знаю, что на сегодня это был последний рейс из Англии.

Имми подбегает ко мне первая. Она выглядит такой же нервной и напряженной, как и я.

– Прости, Алекс, но я ничего не могла сделать. Мне пришлось сидеть там в Гетвике и притворяться, что, типа, неважно, что рейс задерживается. От Фреда не было никакого толка. Как обычно, – она закатывает глаза, пока долговязый парнишка – мой младший брат – неторопливо приближается к нам.

– Привет, Фред, хорошо долетел?

– Скука, – говорит он, пожимая плечами.

В настоящее время это, кажется, единственное слово в его тринадцатилетнем лексиконе.

– Что ж, пойду скажу гостям, что вы здесь, – говорит Алексис Имми. – Ты объяснишь им, Алекс?

– Да, – говорю я, глядя на двоих, медленно идущих ко мне с выражением крайнего удивления на лицах.

– Привет, мам, привет, пап, – говорю я, виновато пытаюсь разглядеть позади них, не остался ли в машине кто-то еще.

– Что, скажи на милость, происходит, Алекс? – спрашивает Уильям, пока мать обнимает меня.

– Ну... вам надо подождать – и увидите. Как ты, мама? – я смотрю на нее, ища на лице подсказку.

– Очень хорошо, Алекс, серьезно, – говорит она и улыбается. И это не та болезненная «на самом деле нет, но ради тебя я притворяюсь» улыбка, к какой я привык за последние три года. В эту улыбку я действительно верю.

– Вчера твоей маме сказали, что она полностью поправилась, – говорит Уильям. И снова я вижу слезы у него на глазах. – Все наконец-то закончилось.

– О боже мой, мама! Это чудесная новость! Чудесная!

– Ты только что сказала, что полностью выздоровела? – говорит Имми рядом со мной. Похоже, даже Фред прислушивается.

– Мы не хотели говорить вам, пока не соберемся все вместе. Но я в полном порядке.

– Точно, мама? – уточняет Имми: ей уже подавали напрасные надежды.

– Точно.

– Навсегда? – спрашивает Фред, его нижняя губа дрожит, как когда он был маленьким. Я покровительственно придвигаюсь к нему и кладу руку на плечо, чувствуя его уязвимость.

– Ну, может быть, мы торопим события, но сегодня я чувствую, что это, возможно, так, дорогуша, – говорит мама, целуя его.

Потом происходит то, что обычно называется групповым объятием, и всем нам приходится вытирать слезы, чтобы привести себя в порядок.

– Так, – говорю я, откашлявшись, – нам лучше двигаться. Жаль, что Хлоя не смогла присоединиться. Значит, у нее не получилось?

– Она сказала, что попытается, но ты же знаешь, каким требовательным бывает ее босс, – говорит мама, пока я веду их к дому.

– По крайней мере, она бесплатно получает дизайнерскую одежду, что больше, чем получаю я за сидение с детьми, – замечает Имми.

– Значит, ты хочешь ребенка бесплатно, Им?

– Ой, Фред, заткнись! Ты такой засранец.

– Алекс, так *что* же здесь сегодня происходит? – спрашивает мать.

– Потерпи немножко – и увидишь.

– Ты могла бы сказать мне, Имми. Я одета далеко не для торжественного мероприятия, – мама указывает на джинсы, вьетнамки и белую блузку из марлевки.

– Алекс запретил мне под угрозой мучительной смерти. Мы планировали это, типа, целую вечность.

И я вдруг понимаю, что мы все можем снова использовать такие выражения, не вздрагивая.

– Я так счастлив, мам, правда, – шепчу я ей. – Это самая лучшая новость в моей жизни.

– Ты замечательный, Алекс. Спасибо тебе.

Потом мы снова обнимаемся – только мы двое. И я стараюсь убедить себя, будто то, что сегодня *не* произошло, на самом деле не важно.

– Итак, – объявляю я, когда беру себя в руки и мы добираемся до террасы, с которой доносится громкое «тс-с-с», – мама и папа, это подарок от всех ваших детей. С двадцатой годовщиной свадьбы!

Потом мы поднимаемся на террасу, где все кричат то же самое погречески и начинают смеяться и хлопать в ладоши. Взлетают пробки от шампанского, и я вижу, как родителей душат объятиями и поцелуями, и радость на лице матери, когда она видит Фабио и Сэди.

Конечно, я устроил это для нее. В безрадостные годы после того, как ей поставили диагноз, когда мы понятия не имели, сработает терапия или нет, я много раз об этом думал. Здесь, в Пандоре, живет так много ее воспоминаний, и, хотя некоторые из них далеко не счастливые, по крайней мере, они появились во дни до больничных коек и боли.

И сейчас я не могу уложить в голове, что все и правда закончилось.

Что она будет *жить*.

Так что на сегодня я постараюсь забыть другую страшную боль в сердце – ту, которая не вопрос жизни и смерти, однако, кажется такой. И праздновать – буквально – жизнь моей матери.

* * *

Вечер тянется, и звезды освещают маленький очаг веселящегося человечества. Звук бузуки возвращает меня к той ночи десять лет назад, и я надеюсь, что никакие подобные откровения не испортят сегодняшний праздник. Алексис снова призывает к тишине и предлагает тост. Я пью больше пива, чем следовало бы, в равной мере чтобы отпраздновать выздоровление матери и утопить собственные печали.

– Спасибо, дорогой Алекс, за организацию самого восхитительного и прекрасного сюрприза в моей жизни.

Мать разыскала меня и поднимается на цыпочки, чтобы обнять за плечи и поцеловать.

– Все хорошо, мам.

– Сегодняшний вечер не мог бы быть совершеннее, – говорит она с улыбкой.

– Мама, ты уверена, что абсолютно, на сто процентов здорова? Ты бы не стала лгать мне, правда? – спрашиваю я вновь, все еще с трудом веря в это.

– Ну, я-то могла бы, как ты знаешь, – улыбается она. – Но папа определенно не стал бы. Seriously, Алекс, я чувствую себя чудесно, правда-правда. Наконец я могу снова жить дальше. Мне очень жаль, что последние три года я не была рядом с тобой так, как хотела. Но, кажется, у тебя все получилось и без меня. Я так горжусь тобой, дорогуша, правда.

– Спасибо, мама.

– О, Алекс, – мама оборачивается и машет рукой, – смотри-ка, кто приехал! Пошли поздороваемся.

Я тоже поворачиваюсь – и смотрю в восторге и изумлении на знакомое, любимое лицо, улыбающееся нам обоим, и сердце исполняет один из тех ужасных кувырков, что содержат элементы возбуждения и страха.

Но больше всего – *любви*.

– Хлоя! О господи. Как ты сюда попала? – спрашивает мама, когда мы оба добираемся до нее.

– Не спрашивай, Хелена. Мы прилетели из Парижа, – улыбается Хлоя, обнимая ее. – С юбилеем. Привет, Алекс, – говорит она, целуя меня в обе щеки. – Я же обещала, что не подведу тебя, правда?

– Правда, – отвечаю, не особенно слушая, что она говорит, потому что у нее за спиной стоит объект всех моих грез и кошмаров за последний год. – Прошу прощения.

– Конечно, – Хлоя понимающе подмигивает мне.

Я делаю несколько шагов туда, где она стоит в одиночестве, полускрытая в тени дома.

– Привет, – говорит она застенчиво и смущенно отводит прекрасные голубые глаза.

– Я не думал... я не... – Я нервно сглатываю, чувствуя, как на глаза наворачиваются слезы, и настоятельно приказывая сержант-майору Мозгу немедленно отозвать их.

– Знаю, – она пожимает плечами. – Это было... – она смотрит куда угодно, только не на меня, – трудно.

– Я понимаю.

– Мне Хлоя помогла. Благодаря ей я выкарабкалась из... своего состояния. Она меня по-настоящему поддержала, Алекс, и, думаю, мы оба многим ей обязаны.

– Да?

– Да. Это она уговорила меня приехать сюда с ней. И... я рада, что приехала, – она протягивает мне тонкую бледную руку, и я сжимаю ее в своей. – Я скучала по тебе, Алекс. Очень-очень сильно.

– Я тоже скучал по тебе. Хуже, чем «очень-очень сильно», честно говоря. На самом деле я бы даже сказал «мучительно», или, скорее, «душераздирающе», «жизнеугрожающе»...

– Да уж, – смеется она. – Это больше в твоем стиле. Только ты правда считаешь, что мы можем быть вместе? Ведь в этом нет ничего страшного?

– Ну, это, конечно, отклонение от нормы, но, по крайней мере, у наших детей не будет по шесть пальцев на ногах. Просто я слишком увяз... – я нервно сглатываю, – в семантике. И мне очень жаль, что я не сказал тебе раньше.

– Мне тоже. Но теперь я понимаю почему.

Я обязан задать следующий вопрос до того, как мы вступим на эту ухабистую, опасную дорогу.

– Ты приехала, потому что готова попытаться еще раз? – Инстинктивно моя свободная рука, та, что не держит ее за руку, тянется отвести прядь роскошных тициановских волос от ее лица.

– Ну, я надеюсь на нечто большее, чем просто *попытку*.

– Это «да» на языке Виолы?

– Да. Но ты же понимаешь, почему мне нужно было время, чтобы все обдумать? Я была... – она сглатывает слезы, – опустошена.

– Знаю. И, конечно, понимаю. – Я придвигаюсь ближе к ней, потом обнимаю ее и прижимаю к себе. Она приникает ко мне. Потом я целую ее, и она отвечает на поцелуй, и меня охватывает желание немедленно заняться с ней вещами, совершенно неприемлемыми на празднике в честь двадцатой годовщины свадьбы моих родителей.

– Дамы и господа! – гремит с террасы голос Алексиса.

– Пошли, – я тяну Виолу за руку. – Нам следует быть там во время речи. И кстати, – добавляю я, когда веду ее через море людей, собравшихся вокруг, – моя мать совершенно здорова. Она полностью поправилась.

– О Алекс! Какая чудесная новость!

– Да, – я смотрю на нее. – Сегодня было много чудесных новостей.

ЗАПИСКИ АЛЕКСА

Виола

Все это началось чуть больше года назад, когда мне позвонила мама.

– Алекс, прости, что беспокою тебя посреди экзаменов за последний курс, но тебе пришло письмо от Саши.

– Да?

– Да, он в больнице в Лондоне. Несколько дней назад папе позвонила Виола и сказала, что Саша хочет его видеть. Боюсь, новости не радуют. Очевидно, у него случился серьезный сердечный приступ, и, разумеется, печень не выдержала...

Помню, как голос матери замер и я подумал, что, возможно, через год у меня не останется в живых ни одного из биологических родителей.

– Чего он хочет?

– Он спросил папу, не можешь ли ты прийти повидать его в ближайшее время. И, по-моему, с ударением на «ближайшее». Алекс, право, решать тебе. Я знаю, ты нагулялся по больницам за последние два года.

– Скажи мне адрес больницы, и я подумаю. Ладно?

Она продиктовала адрес, и я попросил ее переслать мне письмо. Оно пришло через два дня, и хотя я знал, что там, скорее всего, будет, и поклялся себе не расстраиваться, разумеется, расстроился. Саша хотел проститься.

В общем, в последнее воскресенье перед началом экзаменов, когда все в Оксфорде засели по домам, лихорадочно повторяя пройденное/оправляясь от похмелья/обдумывая самоубийство, я доехал на поезде до Лондона, потом на метро от Паддингтона до Ватерлоо, а оттуда дошел пешком до больницы Святого Фомы.

Больницы всегда повергают в уныние, но почему-то по воскресеньям там хуже всего. Тоскливая тишина не нарушалась обычной для будних дней суматохой, и в воздухе стоял

отвратительный запах вареной говядины и подгнившей капусты – жалкого подобия жаркого.

Не могу сказать, что Саша выглядел намного хуже, чем в последний раз, когда я видел его шестью годами ранее, – просто старше. Однако он был всего лишь ровесником папы: пятьдесят пять в наше время практически подростковый возраст.

Он лежал в отделении интенсивной терапии, подключенный ко всевозможным пищащим и лязгающим капельницам и мониторам. На лице была огромная кислородная маска с большим насосом в центре, что придавало ему диковинное сходство со слоном. Добрая санитарка объяснила, что он носит маску потому, что легкие заполнены водой после сердечного приступа и сердце не способно прокачать через них достаточно кислорода, чтобы удалить ее.

Он спал, когда я попал туда, так что я тихо сел рядом, глядя, возможно, в последний раз на носителя материального семени, из которого я произошел.

И в этот миг я увидел молодую женщину – или, вернее говоря, ангела во плоти, – идущую по отделению в мою сторону. Высокая и стройная, с безупречной алебастровой кожей и лицом в форме сердца, розовыми как бутон губами и невероятными голубыми глазами. Длинные тициановского цвета волосы падали ниже плеч и сразу же напомнили мне картину Россетти. На секунду я искренне подумал, что это та знаменитая модель, лицо – и тело – которой смотрело на меня с рекламных щитов везде, где только можно.

Но когда она подошла ближе, я понял, что это Виола Чандлер. Милая маленькая Виола, та самая – с кроличьими зубками, веснушками и привычкой обливать меня слезами.

– Офигеть! – пробормотал я себе под нос, когда она остановилась в изножье кровати и недоуменно посмотрела на меня.

– Алекс?

– Да, – выдавил я, уже девять лет тренировавший губы произносить настоящие слова при встрече с прекрасной женщиной. – Это я.

– О господи!

И тут это утонченное существо подошло ко мне и бросилось на шею.

– Как я рада тебя видеть! – сказала она, уткнувшись головой мне в плечо (признаться, прекрасные женщины обычно приветствуют меня иначе). – Что ты тут делаешь? В смысле, – поправилась она, – это очень любезно с твоей стороны и все такое, но?...

Я увидел растерянность в ее глазах и понял, что, вполне возможно, ни Джулз, ни этот человек-слон на кровати так и не сказали ей о моей генетической связи с ее отцом. А если нет, то момент был явно неподходящий. Особенно потому, что, когда она отстранилась, моя рубашка была мокрой от ее слез. И, всмотревшись в прелестное личико вблизи, я увидел темные круги под глазами и горе, бьющее, как лучи лазера, из зрачков.

Возможно, подумал я, упомяну об этом позже, как бы невзначай. За кофе или вроде того.

Мы шепотом поговорили о том, насколько серьезна ситуация... но она сказала, что еще не потеряла надежду.

– Чудеса случаются, правда, Алекс?

Она смотрела на меня в отчаянии, совсем как раньше – взглядом, полным иррациональной веры, что я каким-то образом смогу все исправить, знаю все ответы, – и я кивнул.

– Где есть жизнь, там всегда есть надежда, Виола.

Она сказала мне, что последние двое суток Саша то приходил к себе, то снова терял сознание. Что она позвонила матери (которая отказалась приехать) и Рупсу, который сказал, что, возможно, приедет.

– Но я сомневаюсь, – вздохнула она. – Он так и не простил папочку за то, что тот сделал в тот вечер на Кипре. Поставил маму в такое неловкое положение на празднике, а потом оставил нас фактически без средств. – Мы оставили Сашину больничную койку и спустились по лестнице, чтобы выпить кофе в кафетерии. – Но, конечно, что бы ни случилось в прошлом, сыну следовало бы прийти повидать отца... на смертном одре.

– Да. – Я сглотнул при этих словах, осознав, что она определенно не знает.

– Я так благодарна тебе за то, что ты пришел повидать его, Алекс. Твой папа тоже приходил на прошлой неделе, но в остальном... – она пожала плечами. – Больше никто. Не ахти какой жизненный итог, да?

Потом она рассказала мне, как провела здесь, в больнице, последние две недели, ночуя в комнате для родственников, потому что не желала оставлять Сашу одного.

– Это означает, что я не буду сдавать на следующей неделе экзамены за первый курс в универе, но мне сказали, что, учитывая обстоятельства, они будут готовы поставить мне расчетную оценку, основываясь на результатах успеваемости за год.

– Где ты учишься?

– В Университетском колледже Лондона недалеко отсюда. Английская литература и французский. К счастью, там многое основано на сочинениях, так что я вряд ли завалю год. Знаешь, Алекс, ведь все началось с того, что ты дал мне «Джейн Эйр», – тихо сказала она. И впервые на губах ее мелькнул призрачный улыбки. – Я все время собиралась написать тебе и поблагодарить, но... – она вздохнула. – Жизнь продолжается, правда?

Я согласно кивнул.

– Даже наши семьи отдалились друг от друга за эти годы. Наверное, из-за того, что папа ушел, а всех нас всегда связывала дружба между ним и твоим папой. И, может быть, мама просто хотела начать все заново после развода.

И это тоже, но я мог бы привести и другие причины.

– Как поживает твоя мама? – вежливо спросил я.

– О, все так же.

Некоторое время она болтала обо всем, что произошло за девять лет, а я слушал. И смотрел. И чувствовал, как сердце начинает жутко колотиться, как когда-то с Хлоей.

– Я слышала о твоей маме. Мне так жаль, Алекс. Как она?

– О, знаешь, бывают хорошие дни, бывают плохие. Первый курс терапии не сработал, и метастазы вернулись в другом месте, но они, кажется, очень надеются, что уничтожат их на этот раз, – ответил я, изо всех сил стараясь казаться беззаботным.

– Господи, Алекс, – Виола закусила губу. – Ну и парочка мы с тобой, да?

«О, Виола, я надеюсь... очень на это надеюсь».

Я глубокомысленно кивнул, а потом она сказала, что нам лучше вернуться наверх в отделение интенсивной терапии проведать ее папу.

Мы сидели возле Саши, и я надеялся, что он не очнется, увидит меня и ляпнет что-то вроде: «О боже! Это мой давно пропавший сын пришел повидать меня и проститься». Из-за очевидного утомления и ранимого эмоционального состояния Виолы было очень важно, чтобы этого не случилось. В общем, после бесконечных полутора часов, когда он неподвижно лежал между нами, я наконец встал.

– Прости, Виола, но мне пора. Понимаешь, у меня в Оксфорде неделя последних экзаменов, и...

– Алекс, не надо объяснять. Я провожу тебя до двери.

– Хорошо.

Потом я наклонился над человеком, который формально был моим отцом, и поцеловал его в лоб, стараясь думать все мысли, какие пристало думать в такой исторический момент, потому что инстинктивно понимал, что это прощание.

В голову ничего не лезло, потому что там царила она.

Бросив на него последний взгляд, я вышел из отделения вслед за Виолой.

– Я просто выразить не могу, как я благодарна, что ты пришел, – снова сказала она, когда мы стояли на оживленной улице перед больницей. Она закурила самокрутку подрагивающими руками. – Это так похоже на тебя, Алекс. Я никогда не забывала, как добр ты был со мной в то трудное лето.

– Право, Виола, Лондон не так уж далеко от Оксфорда, – ответил я, чувствуя себя абсолютным ничтожеством из-за того, что она думала, будто я навестил Сашу просто потому, что я хороший человек.

– Я скажу ему, что ты приходил, если он очнется. Он тебя всегда очень любил. Помню, я рассказала ему, что ты поступил в Оксфорд... знаешь ведь, твой папа – мой крестный отец, он всегда посылает мне на Рождество чек и открытку и рассказывает все новости... и папа был так горд! Я буквально думала, что он расплачется. Ладно, тебе лучше идти, чтобы успеть на поезд.

– Да. Ты права.

– Я... ничего, если я попрошу у тебя номер мобильного? Так я смогу написать тебе и сообщить... – Голос замер, когда она рылась в поисках телефона, опустив голову, чтобы скрыть слезы, которые – я знал – стояли в ее прекрасных глазах.

– Конечно.

Мы обменялись телефонами, и я пообещал созвониться.

– Ох, Алекс, я...

И тогда я сделал единственное, что мог, – обнял ее. И прижал к себе. И надеялся – абсурдно, – что это может быть навеки.

– Пока, Алекс, – сказала она в конце концов.

И я ушел, зная, что пропал.

* * *

Я позвонил папе, как только вернулся в Оксфорд, и сказал ему, что видел в больнице Виолу и что Саша толком не приходил в сознание последние пару дней. А потом спросил, говорил ли Саша кому-то из своих детей, что я его сын.

– Сомневаюсь, Алекс, – ответил он. – Рупс и так ненавидит его, а Виола, как ты знаешь, обожает. Не думаю, что Саша хотел бы еще больше испортить отношения с любым из них, особенно с Виолой. Последние годы она была практически всем, что у него осталось.

– Как насчет Джулз? По-твоему, она могла им намекнуть? – спросил я, впервые в жизни надеясь, что она открыла пасть и все рассказала. Потому что это означало бы, что мне не придется.

– Надо будет спросить об этом маму. Это она разговаривала с Джулз после того, как случился весь этот дурдом на Кипре. Опять-таки, я сомневаюсь. У Джулз, может быть, тяжелый характер, но, учитывая, что они только что потеряли дом, деньги и отца, не думаю, что она захотела бы примешивать туда еще и незаконного сводного брата. Господи, Алекс, прости, – сразу же извинился он, осознав, как грубо это прозвучало.

– Ничего страшного, пап. – Я знал, что он всегда называет вещи своими именами.

– Ладно, я спрошу маму. И успехов на экзаменах.

Он спросил мать, которая, соответственно, перезвонила мне и сказала, что Джулз говорила ей, что не станет рассказывать Рупсу и Виоле.

– Если я правильно помню, она сказала: «Сообщать им дурные вести – это его работа, не моя, но я уверена, что он промолчит, потому что трус». Или что-то в этом роде, – добавила она.

– Думаешь, мне следует сказать Виоле, мама?

– Не сейчас, конечно. Судя по всему, у нее и так достаточно проблем. Спешить ведь некуда?

– Точно. Спасибо, мам. До скорого.

В тот вечер я решил, что поеду в Лондон, как только закончатся экзамены, и скажу Виоле правду. В конце концов, все это едва ли моя вина.

Но подлая судьба распорядилась так, что в пять утра в день последнего экзамена я почувствовал вибрацию телефона. Это был пропущенный звонок от Виолы, и голосовая почта принесла новости, которые я ожидал. Я сразу же перезвонил ей и услышал рыдания. Я спросил, кто с ней, и она ответила, что никого.

– Рупс говорит, что слишком занят. И мне надо делать все эти ужасные вещи: получить свидетельство о смерти, найти похоронное бюро и... – раздался странный звук, и я знал, что она вытирает нос рукой, – прочее.

– Послушай, последний экзамен заканчивается в полдень. Потом я приеду в Лондон и помогу тебе.

– Нет, Алекс! Сегодня вечером ты должен праздновать! Пожалуйста, не беспокойся...

– Я напишу тебе, когда буду в поезде, и мы встретимся возле больницы. Просто держись до тех пор, милая. Хорошо?

В общем, вместо того чтобы добрых двенадцать часов шататься по барам и клубам Оксфорда с прочими третьекурсниками, я оказался в Лондоне, занимаясь оформлением мрачных документов о смерти моего отца вместе с его безутешной дочерью.

Которая на самом деле не была его дочерью. И которая не знала, что я на самом деле был его сыном...

И она была так чертовски благодарна и пугающе прекрасна в своем горе. В тот день она смотрела на меня, будто я ее спаситель, ее краеугольный камень и снова и снова благодарила меня, пока меня не затошнило от всего этого обмана.

Хотя, по сути, какой обман, ведь независимо от того, приходился ли Саша мне отцом или нет, я бы был рядом с ней. Все, чего я хотел, это защитить ее – инстинкт, который я ярко помнил еще со времен Пандоры. И, учитывая ее состояние, ни за что на свете я не мог

прислушаться к инстинкту и сказать ей правду. Потому что думал, что это ее сломит.

Вот и не сказал.

В тот вечер мы отправились в грязный паб где-то на вокзале Ватерлоо, и я выпил три пинты, а Виола два бокала белого вина. Измученная, она положила голову мне на плечо, и я попытался сосредоточиться на списке дел на завтра.

– Почему ты так добр? – внезапно спросила она, повернув ко мне прелестное бело-розовое (сейчас опухшее и бледное) лицо.

– Я просто... хотел. – Я пожал плечами, в кои-то веки не находя слов. – Хочешь еще выпить? – спросил я, вставая.

– Спасибо.

Я вернулся к столику, уже заглотив треть новой пинты и успокаивая себя, что сегодня в Оксфорде моей печени пришлось бы куда хуже. Когда я сел, она взяла мою левую руку и обняла себя ею за плечи, чтобы снова прижаться ко мне.

– Мы же вроде как родственники, правда, Алекс?

Я едва не подавился пивом.

– В смысле твой отец – мой крестный и они с папой знали друг друга еще с детства. И мы проводили массу времени в домах друг у друга, когда были моложе, правда? Алекс, можно спросить тебя кое о чем?

«Господи боже».

– Угу.

– В то лето в Пандоре... ты был влюблен в Хлою?

Я посмотрел на нее, сдвинув брови.

– Откуда ты знаешь?

Она захихикала.

– Потому что я ревновала!

– Ревновала?

– Разве не очевидно? Я была без ума от тебя. – Она погрозила мне пальцем, и я понял, что она захмелела, возможно не евши несколько дней.

– Честно говоря, Виола, я понятия не имел.

– Даже после того, как я потратила почти два часа и двадцать минут, разрисовывая тот конверт сердечками и цветами? Уж не говоря о том, как долго я писала тебе стихотворение.

– Я помню его. – Господи, *как же я был рад этому*. – Оно называлось «Друзья».

– Да. Но ты, конечно, прочитал между строк?

– Нет, – я посмотрел на нее сверху вниз. – Тебе тогда было всего десять.

– Вообще-то мне было почти одиннадцать, всего на два года и четыре месяца младше тебя, – чопорно ответила она.

– Ты была маленькой девочкой!

– Совсем как Хлоя, наверное, считала тебя маленьким мальчиком.

– Да, – вздохнул я. – Вероятно.

– Это на самом деле довольно забавно, правда? Ты мечтаешь о Хлое, я мечтаю о тебе?

– Да, наверное, – сказал я, желая убедить ее, что эту часть сюжета надо быстро и полностью вырезать, потому что она больше недействительна.

Тут она выпрямилась и посмотрела на меня.

– Ты все еще любишь ее?

– Нет. – Самый легкий ответ в моей жизни.

– Понятно.

Она смотрела на меня, словно ждала продолжения. Не мог же я сказать ей, что именно она наконец рассеяла те чары всего два дня назад. Тем более учитывая причину, по которой мы вообще сидели в этом баре. В будущем, когда она наконец узнает правду о моем внезапном возвращении в ее жизнь, любой намек на то, что я воспользовался текущей ситуацией, станет приговором моему бедному сердцу.

– Что тут скажешь?

Я вздохнул с облегчением, когда она снова положила голову мне на плечо.

– Это хорошо. В смысле немного странно – увлечься сводной сестрой, да?

– Не знаю, Виола, – ответил я, стараясь, чтобы голос не дрожал, – и, боже, мне надо было дать ей убедительный ответ. – В смысле мы же с Хлоей не родные по крови, да? И согласишься, в былые времена в большинстве общин заключали браки между своими. Не говоря уж о поколениях королевских семей. Кузены часто вступали в брак – это было нормально. Как, уверен, ты знаешь из всех романов Джейн

Остен, которые, наверное, прочитала с тех пор, как я видел тебя в прошлый раз, – добавил я на всякий случай.

– Да, наверное. Вообще-то последнее время я часто видела Хлою, – сказала она вдруг.

– Да?

– Ты, конечно, знаешь, что она стажировалась в лондонском отделении журнала «Вог». И любезно написала мне и пригласила на ланч, когда я только поступила в универ. Думаю, ее твой папа попросил.

– О, – сказал я.

– Ага, и, честно, Алекс, я понимаю, почему ты всегда души в ней не чаял. Она и правда замечательная. И такая милая. Знаешь, она даже спрашивала, хочу ли я прийти в «Вог» и встретиться с заведующим отделом моды! Сказала, что из меня получится фантастическая модель. В смысле я знала, что это просто любезность, потому что кто бы вообще счел меня красавицей? – Сама эта мысль насмешила Виолу.

«Я, Виола, и, в сущности, все мужчины – и женщины, – которые видят тебя на улице».

Но я понимал, почему Виола думает, что Хлоя просто проявила любезность. Гадкий утенок не заметил, как превратился в лебедя.

– Осенью она уезжает в Париж, – продолжала Виола. – Ей предложили работу ассистента дизайнера в новом доме моды с непроизносимым именем. Жан-Поль как-то там, по-моему... – Внезапно ее голос замер, и она нервно сглотнула. – О боже, я только что вспомнила.

– Что такое?

– Прости... В смысле я забыла на время, и это было славно. Но папочка умер сегодня утром, да? О боже, боже... – Она уткнулась лицом мне в подмышку, и я понадеялся, что набрызгал туда достаточно дезодоранта, чтобы заглушить неприятный запах, порожденный последним экзаменом, плюс Она, плюс умерший сегодня «генетический папа».

– Взять тебе что-нибудь поесть? – спросил я, пытаюсь сказать что-то практичное, как сказал бы настоящий папа.

– Нет, спасибо, – донесся шепот из моей подмышки.

– Виола, – продолжал я в той же «папиной» манере. – Я правда думаю, что тебе надо бы поспать. Ты, наверное, утомлена.

Вот тут она вынырнула из моей подмышки, посмотрела на меня, и было видно, как она пытается взять себя в руки.

– Да, надо бы, – ответила она твердо. – А тебе, наверное, надо вернуться в Оксфорд.

– Мне не надо возвращаться в Оксфорд, там все закончилось до сентября. Я сегодня останюсь в квартире родителей. Позвонил им из поезда, чтобы спросить разрешения, – я посмотрел на часы. – Вообще-то мне надо бы двигаться, потому что живущая в подвале сумасшедшая старуха, у которой хранятся ключи, ложится спать в десять и я не смогу попасть в дом.

– Конечно, – сказала она. – Нам пора.

Я смотрел, как она допивает вино, щеки теряли алкогольный румянец, когда она встала, и на лбу снова появилась морщинка. Мы молча вышли из паба.

– Ну что же, Алекс, еще раз спасибо. Спасибо тебе. – Она легко поцеловала меня в щеку. – Спокойной ночи.

– Виола! – сказал я, когда она отстранилась. – Куда ты идешь?

– Домой, – ответила она безнадежно.

– Кто будет с тобой?

На этот раз она молча пожала плечами.

– Послушай, хочешь, поедем ко мне... в смысле чтобы не оставаться сегодня одной?

– Это так любезно с твоей стороны, Алекс, но, право, мне кажется, ты сделал достаточно.

«Виола, я еще ничего не сделал для тебя. Даже не начал „делать“...»

Я вытянул руку и притянул Виолу к себе.

– Не глупи. Ни за что на свете я не оставлю тебя сегодня одну.

И потом уже я обнял ее, и, когда ее губки потянулись к моему лицу, притворился, что не замечаю. Теперь уже я неуклюже прижался губами к нежному ушку, когда обнимал ее.

Когда мы добрались до квартиры в Блумсбери, которая, кстати, была всего в нескольких улицах от общежития Виолы, я сумел попасть туда, выманив старушку к двери ее подвальной квартиры. Она подала мне ключ через узкую щель, какую позволяла куча цепочек с внутренней стороны двери; ее костлявая рука напомнила мне прутик, который Гензель из сказки подсовывал, чтобы обмануть ведьму.

Я показал Виоле туалет, куда ей, по ее словам, было надо. Сам я пошел в спальню и достал джемпер из сумки (в квартире было зябко). Виола вошла следом и упала на кровать.

– Прости, Алекс, но, о боже мой... я та-а-ак устала.

– Знаю.

Она закрыла глаза.

– Ты точно не голодна? – спросил я, глядя на это сказочное существо, лежащее на кровати, как нимфа: волосы рассыпаны по подушке, длинные ноги изящно и фотогенично вытянуты – хотя она буквально упала на нее.

Ответа не было. Виола уснула.

Так что я приготовил себе странный ужин из консервированных фасоли и тунца, которые нашел в кухонном шкафу, и поел в гостиной, глядя новости Би-би-си (с какой стати?). За едой я пытался навести порядок в голове и вытащить из собственной души реакцию на смерть Саши. Но там царил беспорядок из-за Виолы, и каждый раз, когда я думал о «генетическом папе», лежащем в холодильной камере в морге, и своих чувствах по этому поводу, перед глазами вставала она, и мысли улетали в совершенно другом направлении.

Кроме того, помимо печали из-за жизни, оборвавшейся слишком рано, ужасная правда состояла в том, что... я ничего не чувствовал.

Потом через тонкую стену я услышал, что Виола плачет, и пошел к ней.

– Что случилось? – спросил я, сразу же обругав себя за нелепость вопроса.

Она не ответила. Я ощупью нашел в темноте свободное место на матрасе, чтобы не сесть на нее.

– Мне приснилось... что он жив...

– Ох, Виола.

– Я знаю, что его здесь нет. – Я почувствовал, как она провела рукой по глазам и щекам, смахивая слезы, и пожалел, что не мог разделить с ней боль по нашему отцу. От этого мне было еще хуже.

– Не плачь, милая, – тихо сказал я, – его не вернешь. – И в этот миг я проклял Джулз и Рупса. Что бы Наш Отец, иже еси на небеси, ни совершил (или не совершил), он едва ли был Саддамом, Сталиным или Мао. Или даже по-настоящему плохим человеческим существом. Он был просто небезупречным, эгоистичным, слабым и скорее жалким. И,

конечно, матери и брату – приемным или нет – следовало бы быть здесь, чтобы поддержать единственного члена семьи, который любил Сашу достаточно, чтобы горевать о его уходе. – Боюсь, здесь только я.

– О, Алекс, не говори так. – Рука, вытиравшая слезы, нашла в полутьме мою руку и сжала. Очень-очень крепко. – Я не это имела в виду. Я знаю, что папочка умер. Я имела в виду, что тебе не надо извиняться, что это только ты. Никого другого я и не хотела бы видеть сейчас рядом. Это как какой-то невероятный сон. Правда.

Она сжала мою руку еще крепче, словно чтобы еще сильнее подчеркнуть последние слова.

– Алекс?

– Да, Виола?

– Ты... пожалуйста, ты можешь обнять меня?

Господи!

– Конечно. – Я встал, обошел кровать, снова нащупал свободное место и лег рядом с ней. Она прижалась ко мне, словно мы были двумя кусочками головоломки, много лет разделенными в разных коробках, а теперь наконец сложенными вместе. Моя рука обвила тонкую талию, а колени идеально поместились позади ее согнутых колен.

– Спасибо, – сказала она через некоторое время, когда я уже думал, что она, наверное, уснула.

– За что?

– За то, что ты здесь. За то, что ты – это ты.

– Это ничего. – Потом я *правда* думал, что она уснула, потому что тишина стояла ужасно долго. И поверьте мне, я считал секунды.

– Алекс? – пробормотала она сонно.

– Да?

– Я люблю тебя. Это звучит банально, но я всегда любила. И, думаю, всегда буду.

Хуже всего было, что, хотя каждая клеточка мозга и сухожилие во мне отчаянно хотела ответить теми же словами, я чувствовал, что не могу. Потому что снова думал о том, что она может почувствовать, когда узнает правду.

Та ночь была одна из самых мучительных в моей жизни. И не потому, что я только что потерял отца, – скорее потому, что я только что обрел будущее. Всю ночь я не смыкал глаз, пока Виола спала урывками в моих объятиях. Каждый раз, когда она шевелилась, я

поднимал руку, обнимавшую ее за талию, к шелковистым волосам. И когда она плакала, я гладил их, и она снова засыпала.

– Я люблю тебя, – беззвучно шептал я ей на ухо. – Я люблю тебя.

Говоря по справедливости, уверен: ни один мужчина не смог бы пролежать целых шесть часов, обнимая одну из самых прекрасных женщин на свете, не чувствуя запретных плотских побуждений, – даже оставляя в стороне сложность «запретности» моих отношений с Виолой.

Виола... Наверное, у меня в какой-то момент начались галлюцинации, потому что внезапно перед глазами проплыл музыкальный инструмент из блестящего коричневого дерева да еще со струнами в придачу.

Скрипка, виолончель... *труба!* Вероятно, я подремывал в ту ночь, но не очень глубоко, потому что помню, как вдруг подумал, что мы могли бы назвать первенца Харп^[20]. Но потом я вспомнил, что стоит только добавить в конце «ер», и получится то же самое имя, что у ребенка, порожденного знаменитым футболистом и его равно знаменитой женой^[21].

Может, лучше Драм? Или Бесун?

Все-таки я, наверное, уснул по-настоящему, потому что не успел опомниться, как ощутил сильный запах кофе прямо под носом.

– Алекс? – Моя тициановская муза стояла надо мной с влажными после душа волосами. Она протянула кружку. – Проснись.

– Уже! В смысле сейчас.

– Вот, сделала тебе кофе. – Она поставила кружку на тумбочку с моей стороны, потом обошла кровать и села, скрестив ноги, с блокнотом и ручкой на коленях. – Итак. Что, ты говорил, нам надо сделать сегодня?

* * *

Похороны Саши состоялись в часовне колледжа Магдалины, где они когда-то учились с папой. А теперь, разумеется, учился я. Признаться, я задействовал кое-какие связи, когда Виола упомянула, как мило было бы устроить их там. Учитывая, что жизнь Саши едва ли

выделялась на фоне достижений однокашников, я замолвил словечко. (Вот вам и польза от трехлетних занятий философией: они включали кучу невероятно скучных лекций по теологии, прочитанных священником при колледже.)

Все вместе мы сумели собрать как минимум человек тридцать: команда из Пандоры плюс сколько-то старичков, которых папа ухитрился убедить прийти для массовости, пообещав (я уверен) потом серьезную попойку в баре колледжа. Как бы то ни было, они не подвели.

Я как раз подходил к родителям, когда Виола взяла меня за руку и настояла, чтобы я сел с ней в первом ряду. По другую сторону от меня сидел Рупс, а рядом с Виолой – Джулз.

– Алекс – добрейший человек, – сказала она им обоим.

В общем, в результате я сидел в первом ряду и оплакивал отца рядом со сводным братом – который ревел как ребенок – и Виолой, моей... э-э-э... кем же, черт возьми, она мне доводится?

Почти всю службу я разгадывал эту головоломку. И в конечном счете (хотя решил, что надо будет перепроверить в интернете) пришел к выводу, что на самом деле она мне никто. Что означало, подумал я с облегчением, что она вполне может стать *всем* для меня в будущем. И от этого почувствовал себя гораздо лучше.

О чувствах мамы при виде меня в центре сэндвича из Чандлеров на похоронах Саши/Александра можно было лишь догадываться. Она сидела с Уильямом, Хлоей, Имми и Фредом сразу позади нас.

На поминках я держался в тени, чувствуя на себе взгляд Джулз, реальный или воображаемый. Хотя в какой-то момент она поблагодарила меня за то, что я был так добр к Виоле.

Оправившись от слез, Рупс смог спросить меня только, осталось ли, по моему мнению, завещание. Я уверил его, что нет. Виола и я уже проверили: Саша его даже не составлял (слава богу).

У нашего отца не осталось ничего, чтобы кому-то оставить.

Мать подошла ко мне, когда они собрались уходить.

– Виола говорит, ты был очень внимательным.

– Не особенно, мам.

– Ты ей так и не сказал?

Я покачал головой.

– Алекс, – она взяла меня за руки, и я подумал, какой хрупкой она кажется. – Пожалуйста, учись на моих ошибках. Чем скорее, тем лучше...

Потом она поцеловала меня и обняла изо всех сил, какими обладала, что тогда было не слишком много, и простилась.

В тот вечер я сумел обеспечить две комнаты в колледже: одну для меня и одну для Виолы. Было очевидно, что она выпила слишком много и алкоголь и эмоции смешались в смертоносную комбинацию ложной эйфории и отчаяния.

Она болтала о том, как ненавидит – да, ненавидит – маму. По-видимому, однажды Джулз выпила слишком много и сказала, что это Саша хотел ее удочерить.

– Отныне пускай катится куда подальше, – объявила Виола. – Не хочу больше видеть ни ее, ни этого идиота братца, никогда больше!

Я знал, что она на самом деле не всерьез – просто обезумела от горя и усталости, – но понимал ее настроение. А потом она упала на кровать в *моей* комнате, не в своей. И снова жалобно рыдала и просила обнять ее.

И моя решимость сказать ей правду исчезла.

«Не сегодня, – подумал я, – завтра...»

* * *

И правда заключалась в том, что завтра так и не настало. Не. Настало. А потом пару недель спустя я предположил, что ей, возможно, пойдет на пользу уехать и почему бы не съездить вместе в Италию на помпезную вечеринку в доме моего товарища по Оксфорду. Там, должен признаться, решимость покинула меня окончательно. Хозяин дома просто счел, что мы пара. И там, в прекрасной флорентийской спальне, мы впервые занялись любовью.

После этого все было так невероятно идеально, что я просто не мог заставить себя – как до меня моя мать – сообщить ужасную новость. И так оно и пошло и поехало... и чем дальше, тем больше вина копилась и копилась, пока я не стал кем-то, кто снаружи похож на Алекса, но, по сути, олицетворял маленького, уродливого, лживого тролля-обманщика.

Эти несколько месяцев – внешне – были лучшими в моей жизни. В то лето я работал в Лондоне, добившись стажировки в Британской библиотеке в Кингс-Кросс, – описывал и систематизировал бумажные и цифровые издания философских трудов. Мама и папа предоставили мне на это время свою квартирку в Блумсбери.

Днем я занимался шедеврами литературного искусства, а по ночам Виолой, которая была совершеннейшим шедевром физического искусства, какой я только мог вообразить.

Отказавшись возвращаться на лето к матери, поскольку она не разговаривала ни с Джулз, ни с Рупсом, Виола нашла работу в супермаркете неподалеку. Потом она нерешительно спросила, можно ли переехать ко мне, потому что ей негде жить. И я охотно согласился.

Иногда по утрам, уезжая на велосипеде – да, на велосипеде – по Юстон-роуд на работу, я чувствовал себя персонажем романа. Мой мир был идеальным.

За исключением того, что я жил во лжи.

Каждый день я сидел в подвале, окруженный книгами, полными мудрых слов, зная, что все до единой – от Софокла до современных практик самоусовершенствования – скажут мне, что я должен сознаться. И каждый вечер, мчась как сумасшедший домой, к ней, я собирался с духом, клянясь себе, что вот сегодня вечером...

А потом я приезжал, и она встречала меня, приготовив что-то вкусное на ужин из почти просроченных продуктов, которые покупала в супермаркете по сниженным ценам. И выглядела такой прелестной и такой хрупкой, что я просто... не мог.

Со временем в воздухе начал чувствоваться осенний холодок, и Виола перебралась в крольчатник, где должна была жить весь следующий год в универе, а я начал собирать вещи, чтобы вернуться в Оксфорд и заняться магистратурой.

Мы оба чертовски расстроились от мысли, что наше любовное гнездышко разрушено и разорено банальнейшей жизнью. К тому времени мы придумали имена для всех наших детей и договорились, как устроим свадьбу, что на самом деле было не так глупо, учитывая, что нам обоим пошел третий десяток: было весьма возможно, что это *произойдет*. Мы были словно склеены каким-то невидимым клеем, однако ни один из нас никому не рассказывал о новом и чудесном мире, в котором пребывали. Просто чтобы никто его не испортил.

И хотя от Лондона до Оксфорда было меньше часа и мы уже согласовали расписание, по которому по очереди должны были ездить друг к другу на выходные, я помню, что последняя ночь вместе была так мучительна, словно я отплывал в обе Индии на три года... а то и навсегда. Мы забыли, как это – существовать друг без друга.

Осенний триместр пролетел стремительно. Я скучал по ней, и моя, как правило, несокрушимая сосредоточенность улетучилась – на лекциях и семинарах я сидел в мечтательном оцепенении. Утешало, что Виоле приходилось не лучше, и с приближением Рождества я спросил родителей, можно ли ей приехать со мной. Она твердо заявила, что не хочет проводить праздники с Джулз и Рупсом.

– Понимаешь, я всегда уходила к папочке, чтобы составить ему компанию, – объяснила Виола. – Кроме меня, у него никого не было.

Мама, которая, к счастью, кажется, приходила в себя после последнего курса терапии, набросилась на меня, когда мы приехали, и снова сказала, что я должен все рассказать. И снова я пообещал, что расскажу, но... не портить же Рождество. Виола, уютно устроившаяся в кругу нашей любящей и гостеприимной семьи, выглядела такой счастливой и расслабленной, какой я не видел ее со времени смерти Саши.

И я опять промолчал.

* * *

В новом году мы вернулись к учебной рутине. Я уже решил, что сделаю все, что в моих силах, чтобы получить работу в Лондоне, когда окончу магистратуру. Меня не особо волновало, что придется мести улицы, если каждый вечер по возвращении домой, запыленный и потный, я мог прижимать к себе Виолу.

Пришла Пасха, и Виоле надо было уехать на месяц по обмену – что-то связанное с французской литературой. Ночь перед ее отъездом мы провели в квартире в Блумсбери. Она попросила одолжить дорожную сумку, и, пока она собиралась, я пошел купить бутылку вина и индийскую еду навынос.

Вернувшись, я прошел по коридору и нашел Виолу в гостиной: она сидела на полу, скрестив ноги, и держала в руках письмо, которое

Саша написал мне перед смертью.

Сердце провалилось прямо сквозь тело и упало у моих ног трепещущей, перепуганной массой.

– Я... где ты его нашла? – спросил я.

– Оно было в переднем кармане твоей сумки. – Ее посеревшее лицо было залито слезами. – Ты все это время врал, да?

– Нет, Виола, конечно нет!

– Ну, лично мне кажется, что врал, – прошептала она почти про себя. – А я-то думала, что ты настолько хорошо относился к моему отцу, что пришел в тот день в больницу... Господи! Скольким людям я рассказывала, какой ты распрекрасный... а ты был там ради себя! Не меня!

– Ты права, – согласился я. – В тот первый день я пришел, потому что считал, что должен. Но в ту минуту, когда я увидел, как ты идешь ко мне навстречу, все изменилось.

– Пожалуйста, Алекс, перестань уже лгать!

– Виола, я понимаю, что ты в шоке, но эти несколько месяцев, все, что было между нами... как это может быть ложью? Как?

– Потому что ты не такой, каким я тебя считала. «Заботливый, участливый Алекс», который все это время притворялся, что он рядом ради меня... И знаешь, что хуже всего?

Я мог придумать много чего «похуже», но сдержался.

– Нет.

– Я, если честно, завидую тебе. Потому что ты был его родным сыном, а я нет.

– Виола, серьезно, он ничего для меня не значил...

– О, еще лучше!

– Я не это имел в виду! Я был просто в ужасе, когда узнал, что я его сын. В смысле, – поправился я, – в шоке.

– Как я сейчас.

– Да. – Я ухватился за этот спасательный круг и подошел к ней. – Конечно, ты в шоке. Это ужасное открытие, и, Виола, мне очень, очень жаль. Ты себе не представляешь, сколько раз я пытался сказать тебе, но ты была так убита горем, что я не мог заставить себя заговорить. А потом ты... мы были так счастливы. Так счастливы, что я боялся все испортить. Разве ты не понимаешь?

Она потерла нос – до боли очаровательная привычка – и яростно помотала головой.

– В данный момент я ничего не понимаю. Кроме того, что я в каких-то странных отношениях с... родственником!

– Виола, у нас нет ни капли общей крови. Ты прекрасно знаешь.

– А мой отец... как он мог так поступить?! Господи, Алекс, я боготворила его. Неудивительно, что моя бедная мать его ненавидит. – Тут она посмотрела на меня. – А она знает?

– Да.

– Давно?

– Все раскрылось в те последние несколько дней в Пандоре. Очевидно, она всегда знала.

– Господи боже! Вся моя жизнь оказалась ложью!

– Послушай, Виола, я тебя понимаю, но...

– А как насчет твоей матери? – обрушилась она на меня. – Какого черта святая Хелена, как всегда называла ее моя мать, трахалась с моим папой?

– Послушай, это долгая история. Давай я открою бутылку вина и...

– Нет! – Она устремила на меня взгляд, который я могу описать только как полное презрение. – Даже *ты* не можешь это исправить, Алекс. А хуже всего, что я доверяла тебе больше всех на свете, но ты лгал мне вместе со всеми остальными. И притом о самом важном в моей жизни! Я думала, ты любишь меня, Алекс. Как мог ты быть со мной все эти месяцы и знать?

– Я... боже, Виола, мне очень, очень жаль. Пожалуйста, – взмолился я, – попробуй меня понять.

– Мне надо ехать. Я не могу со всем этим справиться. Мне надо собраться с мыслями, подумать.

Я смотрел, как она встала и потянулась за уже, как я с ужасом заметил, сложенной сумкой.

– Пожалуйста, Виола... умоляю тебя! По крайней мере, давай поговорим.

Она прошла прямо мимо меня ко входной двери.

– Я... *не могу*. – Ее прекрасные глаза снова наполнились слезами. – Не только ты жил во лжи, но и я тоже. Я просто больше не знаю, кто я.

– Ты вернешься? – спросил я. – Я люблю тебя, Виола, так люблю!
Поверь мне.

– Не знаю, Алекс. Пока.

С этими словами она вышла, с грохотом захлопнув за собой дверь.

* * *

Если вспомнить, в ту ночь мне помешал напиться до беспамятства, а то и добавить несколько пузырьков таблеток до кучи, совершенно неожиданный мамин звонок. Возможно, она просто что-то почувствовала.

Как обычно, мама инстинктивно была первым человеком, кому я подумал позвонить в ужасной тишине после ухода Виолы.

Но, как знает любой ребенок, у кого болеет кто-то из родителей, нам кажется, что не следует обременять их мелкими проблемами вроде разбитой жизни. В конце концов, моя мать каждый день могла расстаться с жизнью.

Как бы то ни было, я разрыдался – а потом рыдал еще – прямо в телефон. И два часа спустя она, как ангел милосердия, возникла на пороге. Мы много говорили в тот вечер, когда она баюкала в объятиях взрослого сына, о параллелях между ее ситуацией с Уильямом и моей с Виолой. Разумеется, мама взяла на себя полную ответственность за все наши семейные проблемы, что, в общем-то, было правдой. По крайней мере, мои последние сомнения в том, почему она не призналась Уильяму сразу, как увидела Сашу на свадьбе, полностью рассеялись. Теперь я понимал, почему она молчала.

Это называется *страх*.

– Хочешь, я поговорю с ней? – предложила она.

– Нет, мам, я должен сам бороться за себя.

– Даже если твоя нынешняя битва порождена тем, что сделала я?

– Не знаю, – вздохнул я. – Знаю только, что люблю ее и мне невыносимо даже начинать думать о жизни без нее.

– Дай ей время, Алекс. Ей надо подумать об очень серьезных вещах, и помни, что она все еще скорбит об отце. Хорошо, что она уезжает во Францию. Это обеспечит ей время и расстояние. По-видимому, она встретится с Хлоей в Париже.

– Господи, мама, – я покачал головой, – как я разберусь со всем этим?

– У тебя нет другого выхода. Одна из санитарок однажды сказала мне, что людям дается в жизни только то, с чем они могут справиться, – задумчиво сказала она.

– Или не могут и совершают самоубийство, – угрюмо сказал я, положив голову ей на колени, и она гладила меня по волосам, словно я по-прежнему был ребенком.

– Ну, мне кажется, она права. Возьми, например, меня. Да, в моей жизни были боль и горе, но я знаю, что это сделало меня лучше. И, вероятно, всех в семье тоже. И хотя Имми и Фреду было труднее всего, в конечном итоге это почти наверняка сделало их более независимыми и сильными. И разумеется, твой отец был лучше всех.

Я посмотрел на маму и увидел любовь, ярко сияющую в ее глазах, что напомнило о моей потерянной любви и по новой загнало меня в депрессию.

– Я часто думаю о жизни как о путешествии на поезде, – внезапно сказала мама.

– В каком смысле?

– Ну, вот мы двигаемся потихоньку к будущему, а потом случаются эти мгновения, когда поезд останавливается на красивой станции. И нам позволено выйти и заказать чашку чая. Или, в твоём случае, Алекс, пинту пива, – она тихо хмыкнула. – И мы сидим там некоторое время, пьем, любуемся красивым видом и чувствуем покой, мир и гармонию. Думаю, это те мгновения, которые большинство человеческих существ описали бы как «счастье». Но, разумеется, потом приходится вернуться в поезд и продолжить путь. Но ты никогда не забудешь эти мгновения чистого счастья, Алекс. И вот что дает нам всем силы смотреть в будущее: вера, что будут новые остановки. И они, разумеется, будут.

«Ого, – подумал тогда я, – возможно, философские блуждания я унаследовал не только от отца. Для любительницы весьма неплохо».

– Ну, я только что выпил около тысячи «пинт пива» с Виолой за последние несколько месяцев. И мне правда хотелось бы выпить еще сотню тысяч, – пробормотал я с несчастным видом.

– Видишь? – мать улыбнулась мне. – У тебя уже появилась надежда.

Тридцать четыре

Я в одиночестве стою на террасе и с трудом верю, что жизнь дала мне второй шанс, что Виола вернулась. Мне хочется побежать в ближайшую церковь, упасть на колени и возблагодарить какое угодно божество, которое даровало мне это чудо. И поклясться, что я научусь на своих ошибках.

Это все, что мы, люди, можем сделать.

Я также понимаю, что мои личные травмы – как и травмы прочих собравшихся в Пандоре – незначительны по сравнению со страданиями людей в других частях света. Никто из нас не испытал войну, голод или геноцид.

Мой дневник десятилетней давности – просто моментальный снимок маленьких жизней в огромной Вселенной. Но это *наши* жизни, и наши проблемы нам кажутся большими. Иначе человечество прекратило бы свое существование, потому что, как мудро сказала мне мать (и я уверен, Пандора согласилась бы), нас наделили врожденным даром надежды.

Оркестр переходит в режим праздника, и люди начинают танцевать. Я вижу Джулз с Берти и Алексиса с Ангелиной. Потом замечаю человека, во все глаза уставившегося на танцующую с матерью маленькую Пичиз.

Андреас – или Адонис, как мама и Сэди когда-то прозвали его. Ее отец.

Сглатываю, мелькает мысль, что это некий странный кармический опыт, астральное путешествие, и я словно возвращаюсь в тот миг, когда Саша впервые увидел меня на свадьбе мамы с папой много лет назад. Возможно, стоит поговорить с Сэди. Попытаюсь поделиться с ней своим опытом по данному предмету. «Предмету», который был причиной глубочайшей боли для большинства людей (кроме киприотов), собравшихся здесь сегодня. Призрак на этом празднике – тот, кто *не* здесь, – это, разумеется, мой отец. Саша... Александр, если хотите.

Подхожу к краю террасы, наклоняюсь над балюстрадой и смотрю на звезды. Интересно, смотрит ли *он* сверху на всех нас, прикладываясь к бутылке виски и смеясь над переполохом, который устроил далеко внизу.

И впервые я ощущаю в себе... сочувствие. В конце концов, недавно я сам испортил себе жизнь: совершил простую человеческую ошибку и едва не потерял то, что мне всего дороже.

Я знаю, что всю жизнь буду стремиться быть лучше, но точно так же знаю, что удаваться это будет не всегда. Я могу только *стараться* максимально приблизиться к идеалу.

– Алекс! Иди к нам! – мама, папа, Имми и Фред стоят маленьким кружком, держась за руки.

– Доброй ночи, папа, – шепчу я блистательному ночному небу.

Возвращаюсь к ним и беру руку матери с одной стороны и Имми с другой. Мы танцуем в кругу под какой-то странный – бузучный – вариант того, что, полагаю, изначально было мелодией под названием «Помпеи». По крайней мере, так говорит Фред, поскольку нынче именно он в курсе таких вещей.

Потом на террасу выходит Хлоя.

Мама манит ее к нам, и тут я вижу еще одну пару глаз, устремленных на нее. Мишель застыл, словно обращен в камень Медузой из греческих мифов.

Зачарованно наблюдаю, как Хлоя скользит среди людей, потом останавливается, словно чувствуя спиной жар его взгляда. Потом медленно оборачивается и смотрит на него. И оба улыбаются. Она чуть заметно кивает ему, потом берет за руку отца и вливается в наш семейный круг, когда оркестр снова начинает играть.

Я вижу, как позади нее появляется Виола, которая переделалась во что-то белое с оголенным плечом, отчего стала похожа на статую обнаженной бабушки-Афродиты. Джулз идет к ней, и Виола оглядывает мать, потом медленно подходит к ней и целует в обе щеки.

Пусть не объятие, но хотя бы начало. Протянутая оливковая ветвь. Это начало понимания.

И прощения.

Виола поворачивается к нам, таща за собой Джулз, которая в свою очередь затаскивает в круг Рупса. И скоро за ними следуют Алексис с Ангелиной, потом Фабио и Сэди с Пичиз... и в конце концов все

остальные собравшиеся, пока мы не выстраиваемся в одну длинную человеческую цепь, держась за руки под звездами и праздная жизнь.

Музыка умолкает, и все разражаются аплодисментами. Потом начинают кричать, требуя, чтобы Алексис и Хелена снова станцевали зорбу, как десять лет назад.

– Привет, – говорю я Виоле, когда она подходит ко мне. – Ты прекрасна.

– Спасибо.

Она все еще тихо что-то говорит мне на ухо, но меня отвлекает выражение лица папы, когда мама идет к Алексису и берет того за руку. Потом она посылает папе воздушный поцелуй и одними губами произносит: «Я тебя люблю», когда Алексис ведет ее в центр круга. И папа тоже улыбается, кивает и посылает ей воздушный поцелуй.

Я поворачиваюсь к Виоле.

– Прости, что ты сказала?

– Я сказала, – хмыкает она, – что люблю тебя, Алекс. Всегда любила и, думаю, всегда буду. – Она пожимает плечами. – Иначе просто... быть не может.

Я смотрю на нее и понимаю, что она ждет ответа.

Рука Имми хватает меня за плечо и разворачивает нас с Виолой, чтобы завершить кольцо рук и наклоняющихся тел.

– Алекс, сосредоточься! – делает она замечание.

– Прости, Имми, не могу.

С этими словами я тащу Виолу прочь. Мы покидаем террасу, и человеческое кольцо быстро смыкается позади нас. Как воры в ночи, мы бежим к «Старице», ветви которой поддерживают слегка покачивающиеся на легком ветерке фонари, чтобы остаться наедине. Беру ее лицо в ладони, и сияющий лунный свет падает на него.

– Я тоже люблю тебя. Всегда любил и, думаю, всегда буду.

А потом целую ее и чувствую, как она отвечает с таким же пылом. И когда музыка на террасе над нами достигает крещендо, я знаю наверняка, что наш танец жизни только-только начинается.

Иначе. Просто. *Быть. Не может.*

Слова благодарности

Я начала писать эту книгу десять лет назад после семейного отдыха на Кипре. Мы жили на прекрасной старой вилле недалеко от Катикаса, где происходит действие романа. Тогда наши пятеро детей были примерно того же возраста, что и дети в книге, и у нас тоже гостили друзья. И хотя, конечно, по большей части сюжет и персонажи вымышлены, нет сомнений, что здесь я ближе всего подошла к тому, чтобы опираться на свой собственный жизненный опыт матери, мачехи, жены и профессиональной танцовщицы...

Я забросила рукопись, а потом нашла ее в прошлом году, разбирая ящик письменного стола. Разумеется, мои дети теперь на десять лет старше, и было увлекательно читать описания, сделанные, когда они были моложе. В некотором смысле это был мой дневник их детства, и потому я решила его закончить. И да, это было исключение: без «масштабного» исторического фона или столетних промежутков – просто время, проведенное в одном и том же доме, с небольшим количеством персонажей. Я многому научилась, когда писала эту книгу.

И потому, разумеется, первое и самое большое спасибо адресовано моей изумительной семье: Оливии, Гарри, Изабелле, Леоноре, Кит и, конечно, Стивену, моему мужу, – за то, что вдохновили меня.

Также выражаю признательность чудесной группе международных издательств, которые придали мне уверенность, необходимую, чтобы закончить книгу и действительно послать ее им: Джеб Триватан и Кэтрин Ричардс в «Пан Макмиллан», Клаудии Негеле и Георгу Ройхляйну в «Голдман Ферлаг», Кнуту Горвелу и Йорид Матиассен в «Каппелен Дамм» и Донателле Минуто и Аннализе Лоттини в «Джуинти».

Людам из «Тим Лулу»: Оливии Райли, Сьюзан Мосс, Элле Михлер и Жаклин Хеслоп. Моей сестре Джорджии Эдмондс и моей матери Дженет.

И всем моим замечательным читателям по всему свету: спасибо.

---

notes

Примечания

1

Разрядка напряженности (*фр.*). (Здесь и далее – прим. перев.)

2

Жители Страны игрушек, придуманной Энид Блайтон.

3

До пяти (*фр.*).

4

Романтическая комедия 1967 г.

5

Цыпочка (*фр.*).

6

Поросенок (*фр.*).

7

Пер. С. Сухарева.

8

Немедленно (*фр.*).

9

Ситуативно (*лат.*).

10

«French Mistress» – английский фильм 1960 г.

11

Ситком 2000 г.

12

Густав Климт (1862–1918) – австрийский художник-модернист.

Эгон Шиле (1890–1918) – австрийский художник-экспрессионист.

14

Свершившийся факт (*фр.*).

Сэмюэл Пипс (1633–1703) – английский чиновник морского ведомства, автор знаменитого дневника о повседневной жизни Лондона периода стюартовской реставрации.

Фильм 2005 г. «Школьные годы Тома Брауна», основанный на биографии Томаса Арнольда (1795–1842), реформатора английской образовательной системы.

Политик (р. 1951), в детстве был участником педагогического эксперимента по ускоренному обучению талантливых детей.

Персики, Дыня и Крыжовник соответственно.

Доступ (*φρ.*).

20

Violin – скрипка, Harp – арфа, Drum – барабан, Bassoon – фагот.

Харпер Севен – младшая дочь Дэвида и Виктории Бекхэм.

Table of Contents

Люсинда Райли Оливковое дерево

Алекс «Пандора», Кипр

Июль 2006 года Прибытие

ДНЕВНИК АЛЕКСА

α Один

ДНЕВНИК АЛЕКСА

β Два

ДНЕВНИК АЛЕКСА

γ Три

ДНЕВНИК АЛЕКСА

δ Четыре

ДНЕВНИК АЛЕКСА

ε Пять

ДНЕВНИК АЛЕКСА

ς Шесть

ДНЕВНИК АЛЕКСА

ζ Семь

ДНЕВНИК АЛЕКСА

η Восемь

ДНЕВНИК АЛЕКСА

θ Девять

ДНЕВНИК АЛЕКСА

ι Десять

ДНЕВНИК АЛЕКСА

ια' Одиннадцать

ДНЕВНИК АЛЕКСА

ιβ' Двенадцать

ДНЕВНИК АЛЕКСА

ιγ' Тринадцать

ДНЕВНИК АЛЕКСА

ιδ' Четырнадцать

ДНЕВНИК АЛЕКСА

ιε' Пятнадцать

ДНЕВНИК АЛЕКСА

ιζ' Шестнадцать
ДНЕВНИК АЛЕКСА

ιζ' Семнадцать
ДНЕВНИК АЛЕКСА

ιη' Восемнадцать

Август 2006 года Отъезды

ДНЕВНИК АЛЕКСА

ιθ' Девятнадцать
ДНЕВНИК АЛЕКСА

κ' Двадцать
ДНЕВНИК АЛЕКСА

κα Двадцать один
ДНЕВНИК АЛЕКСА

κβ Двадцать два
Хелена Вена Сентябрь 1992 года

κγ Двадцать три
ДНЕВНИК АЛЕКСА

κδ Двадцать четыре
Хелена Вена Декабрь 1992 года

κε Двадцать пять
ДНЕВНИК АЛЕКСА

κς Двадцать шесть
ДНЕВНИК АЛЕКСА

κζ Двадцать семь
ДНЕВНИК АЛЕКСА

κη Двадцать восемь
ДНЕВНИК АЛЕКСА

κθ Двадцать девять
ДНЕВНИК АЛЕКСА

λ Тридцать
ДНЕВНИК АЛЕКСА

λα Тридцать один
ДНЕВНИК АЛЕКСА

Алекс Пандора, Кипр
19 июля 2016 года
ЗАПИСКИ АЛЕКСА Сентябрь 2006 года – июнь 2016 года

λβ Тридцать два
ЗАПИСКИ АЛЕКСА

λγ Тридцать три

ЗАПИСКИ АЛЕКСА
λ6 Тридцать четыре

Слова благодарности

Примечания

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

12

13

14

15

16

17

18

19

20

21

